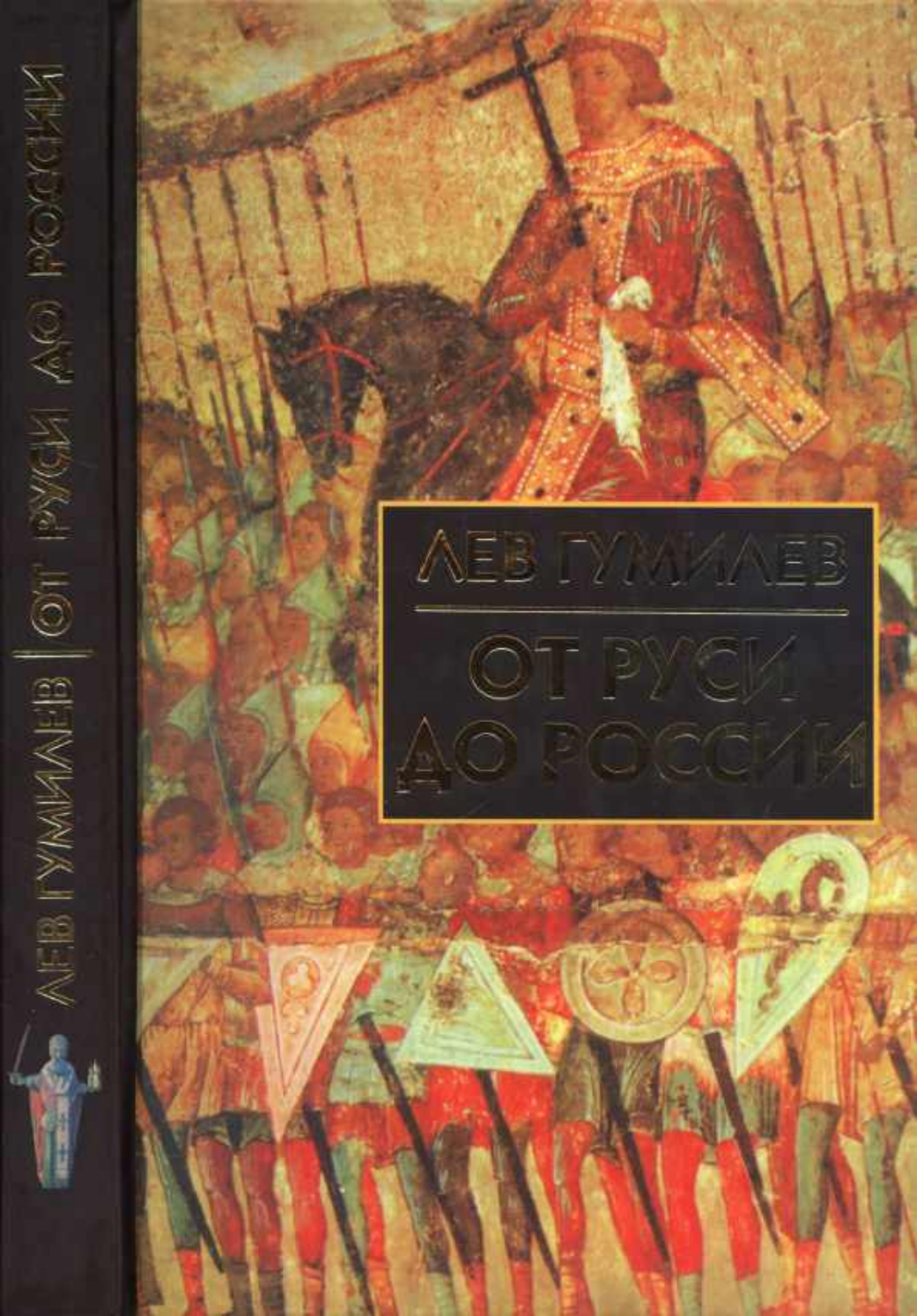
ЛЕВ ГУМИЛЕВ | ОТ РУСИ ДО РОССИИ



ЛЕВ ГУМИЛЕВ

ОТ РУСИ ДО РОССИИ

Априйде оуєсть реіснопороноѫа . ѝтоу
ста єсенлѧмнеповѝмнисочюѧ . ѝкѣпо
ѝньетолѣгомнѡгословѣѡ . ѝнеѣтомѫ
оуже нарицѧшеѧдеѧнісѝи ісѫѣмаман
ноѡпѣтєсоуцихъ єгонарицѧшеѧдели
ѥицѣрѣмаман . ѝгоѓдостьѣѵѣлѣѝѧ .

менѣ сѣ гополісѣ со ѣпо дами со у лавлен
лѣѣпичь . ѡ лдимерьскій нюрьѣескій
по ѣпо дѣ тнимодѣ ѣпалоу ѣпичь . ѡ ѣстро
скій же по ѣпо дѣ ѡ плѣ ѣ родишѡ по писал
шѣ . переслалескій по ѣпо дѣ ѧ прѣѣнсе
рѣ ѣзопѣ . лоуѣсѣмъ ѡ лодимера ѧ ндрѣ
ѣпичѣ ѡ по ѣпо дыданиѡ шѣ ѣлоо уѣ ѣ . ѡ коне
нтинѣ ѣ ѡ по ѣнанопѣ . ѡ ѣ ѣ ѣ ѣ ѣ ѣ ѣ
цѣскій . ѡ ѣ ѣ ѣ ѣ ѣ ѣ ѣ

БИБЛИОТЕКА ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Полное собрание сочинений
Л. Н. Гумилева

...Соответствовать самому себе можно
в любой период истории;
можно жить,
оставаясь самим собой,
обрекая себя на сложную судьбу, и тогда, быть может,
именно вы
прикоснетесь к струне истории,
и она зазвучит от вашей руки...

Гумилев

ЛЕВ ГУМИЛЕВ

ОТ РУСИ ДО РОССИИ

ОЧЕРКИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

МОСКВА

АЙРИС ПРЕСС

2008

УДК 94(47)
ББК 63.51(2)
Г94

В 1995 году Л. Н. Гумилеву присуждена Государственная премия России «Вехи» за книгу «От Руси до России» как произведение, внесшее выдающийся вклад в понимание России, ее истории и ее духа.

Серийное оформление: *А. М. Драгового*
Подбор иллюстраций, составление именного указателя *Е. М. Гончаровой*

В оформлении книги использован фрагмент иконы «Церковь воинствующая» (сер. XVI в.)

Гумилев, Л. Н.

Г94 От Руси до России: очерки этнической истории / Лев Гумилев; [послесл. С. Б. Лаврова]. — М.: Айрис-пресс, 2008. — 320 с.: ил. — (Библиотека истории и культуры.)

ISBN 978-5-8112-3016-7

Книга выдающегося русского историка и географа Л. Н. Гумилева посвящена истории России от времен Рюрика до правления Петра I, причем все события и поступки исторических лиц объяснены с позиций разработанной автором пассионарной теории этногенеза.

Книга написана живым, образным языком, очень увлекательно и доходчиво, поэтому огромный объем фактического материала усваивается без особых усилий со стороны читателя. Именно благодаря этим качествам книга была рекомендована Министерством образования России в качестве учебного пособия для учащихся старших классов средней школы.

Истинные любители русской истории также получат немалое удовольствие от знакомства с этим неординарным произведением.

ББК 63.51(2)
УДК 94(47)

© Новгородова М. И., 2007
© ООО «Издательство «АЙРИС-пресс», оформление, указатели, 2000

ISBN 978-5-8112-3016-7

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Сегодня в нашей стране наблюдается небывалый рост интереса к истории. Чем он вызван, на чем основан? Часто можно слышать, что, запутавшись в проблемах современных, люди обращаются к истории в поисках выхода из тяжелых ситуаций, как говорили в старину, «за поучительными примерами». Пусть так, но в таком случае интерес к истории свидетельствует и о другом: современность и история воспринимаются большинством наших соотечественников как принципиально разные, несовместимые временные стихии. Часто история и современность просто сталкиваются лбами: «Нам интересна только современность и нужно знание только о ней!» Похожие суждения можно услышать и в ученом споре, и в беседе за чаем, и даже в базарной склоке.

Действительно, для противопоставления современности и истории есть некоторые основания. Само слово «история» подразумевает «бывшее раньше», «несегодняшнее», а значит, историческая наука немыслима без учета изменений, отделяющих «вчера» от «сегодня». Количество и масштабы этих изменений могут быть ничтожны, но вне их история не существует. Говоря «современность», мы, напротив, имеем в виду некоторую привычную и кажущуюся нам стабильной систему взаимоотношений внутри страны и вне ее. Вот это-то привычное, знакомое, почти неизменное и понятное и противопоставляется обычно истории – чему-то неочевидному, неосязаемому и потому непонятному. А дальше просто: если мы не можем с современной точки зрения объяснить действия исторических персонажей, это значит, что они не были образованны, обладали многочисленными сословными предрассудками и вообще жили без благ научно-технического прогресса. Тем хуже для них!

И ведь мало кому приходит в голову, что в свое время прошлое тоже было современностью. Значит, видимое постоянство современности – обман, и сама она ничем не отличается от истории. Все хваленое настоящее – лишь момент, тут же становящийся прошлым, а вернуть сегодняшнее утро ничуть не легче, чем эпоху Пунических или наполеоновских войн.

И как это ни парадоксально, именно современность мнима, а история – реальна. Для нее характерна смена эпох, когда внезапно рушится равновесие народов и держав: малые племена совершают великие походы и завоевания, а могучие империи оказываются бессильными; одна культура сменяет другую, а вчерашние боги оказываются никчемными истуканами. Чтобы понять исторические закономерности, работали поколения настоящих ученых, книги которых до сих пор находят своего читателя.

Итак, история – это постоянные изменения, вечная перестройка кажущейся стабильности. Взглянув в каждый отдельный момент на определенную территорию, мы видим как бы фотографический снимок – относительно устойчивую систему из взаимосвязанных объектов: географических (ландшафтов), социально-политических (государств), экономических, этнических. Но как только мы начинаем изучать не одно состояние, а множество их, то есть процесс, картина резко меняется и начинает напоминать, скорее, детский калейдоскоп, а не строгое картографическое изображение с сухими надписями.

Взглянем, к примеру, на Евразию в начале I в. н. э. Западную оконечность великого Евразийского континента занимала Римская империя. Эта держава, выросшая из крошечного городка, основанного племенем латинов за восемь столетий до нашей эры, вобрала в себя множество народов. В состав империи органично влились культурные эллины, остававшиеся в общем лояльными подданными очень долгое время. С германцами же, жившими за Рейном, римляне, напротив, начали воевать. И хотя их победоносные полководцы Германик и будущий император Тиберий доходили во главе легионов до Эльбы, уже к середине I в. н. э. от покорения германцев римляне отказались.

К востоку от германцев обитали славянские племена. Римляне называли их, как и германцев, варварами, но в действительности это был совершенно другой народ, отнюдь не друживший с германцами.

Еще восточнее, в беспредельных степях Причерноморья и Казахстана, мы обнаруживаем в это время народ, мало напоминающий европейский, – сарматов. А на границе с Китаем, на территории нынешней Монголии, кочевал народ хунны.

Восточная окраина Евразии, так же как и западная, была занята огромной державой – империей Хань. Китайцы, подобно

римлянам, считали себя культурным, цивилизованным народом, живущим среди окружающих их варварских племен. Друг с другом римляне и китайцы практически не сталкивались, однако связь между ними все же была. Нитью между двумя империями, невидимой, но прочной, стал Великий шелковый путь. По нему китайский шелк тек в Средиземноморье, оборачиваясь золотом и предметами роскоши.

Но и на Великом шелковом пути китайцы и римляне не встречались, ибо ни те, ни другие не ходили с караванами. С ними ходили согдийцы – обитатели Средней Азии – и евреи, осваивавшие международную торговлю. Под их руководством караваны пересекали огромные пространства континента. А на окраинах его, в римских крепостях и на Великой китайской стене, часовые день и ночь охраняли покой «цивилизованных» империй.

Зададимся простым вопросом: а что помешало этой отлаженной статичной системе отношений дожить до нашего времени? Почему мы сегодня не видим ни римлян, ни Великого шелкового пути? Да потому, что уже в конце I – начале II в. н. э. положение изменилось принципиально: пришли в движение многие народы, дотоле спокойно жившие в привычных им условиях.

Десантом готов – обитателей Скандинавии – в устье Вислы началось Великое переселение народов, ставшее в IV в. причиной гибели единой Римской империи. Тогда же начали свое продвижение и славяне, покидавшие территорию между Вислой и Тисой и распространившиеся впоследствии от Балтики на севере до Адриатики и Балкан на юге, от Эльбы на западе до Днепра на востоке.

Племя даков, занимавшее территорию современной Румынии, начало войну с Римом, и империи потребовалось 20 лет борьбы, чтобы силами всего Средиземноморья, объединенными военным и государственным гением императора Траяна, победить этот народ.

Из возникших в Сирии и Палестине христианских общин к тому времени возник новый этнос – «этнос по Христу». Носители некогда преследовавшегося учения сумели не только сохранить его, но и сделать официальной идеологией в одной из частей распавшейся империи. Так в противовес умирающему Западному Риму – Гесперии – возникла новая, христианская держава – Византия.

В той же Палестине возник очаг сопротивления римскому господству. Небольшой народ – иудеи – после двух восстаний,

жестоко подавленных римлянами, покинул свою историческую родину. Но появление иудейской диаспоры и проповедь христианства обернулись для римлян усилением позиций восточных религий в самом центре империи и в ее провинциях.

Не только Ближний, но и Дальний Восток стал в это время источником бед для Рима. Ветвь хуннов, покинув степи Монголии, в результате беспримерной миграции оказалась в Европе. Уже в IV в. их потомки сокрушили королевство готов и едва не уничтожили саму Римскую империю.

Таким образом, если мы попытаемся представить себе Евразию V–VI вв., то увидим картину, совершенно непохожую на ту, что была в I в. Новые империи располагаются на окраинах континента, совсем другие народы кочуют по просторам Великой степи.

Вся история человечества состоит из череды подобных изменений. Может быть, смена империй и царств, вер и традиций не имеет никакой внутренней закономерности, а представляет собой не поддающийся объяснению хаос? Издавна люди пытливые (а такие есть всегда) стремились найти ответ на этот вопрос, понять и объяснить истоки своей истории. Ответы получались, естественно, разные, ибо история многогранна: она может быть историей социально-экономических формаций или военной историей, то есть описанием походов и сражений; историей техники или культуры; историей литературы или религии. Все это – разные дисциплины, относящиеся к истории. И потому одни – историки юридической школы – изучали человеческие законы и принципы государственного устройства; другие – историки-марксисты – рассматривали историю сквозь призму развития производительных сил; третьи опирались на индивидуальную психологию и т. д.

А можно ли представить человеческую историю как историю народов? Попробуем исходить из того, что в пределах Земли пространство отнюдь не однородно. И именно пространство – это первый параметр, который характеризует исторические события. Еще первобытный человек знал границы территории своего обитания, так называемый кормящий и вмещающий ландшафт, в котором жил он сам, жили его семья и его племя.

Второй параметр – время. Каждое историческое событие происходит не только где-то, но когда-то. Те же первобытные люди вполне сознавали не только «свое место», но и то, что у них есть отцы и деды и будут дети и внуки. Итак, временные

координаты существуют в истории наряду с пространственными.

Но в истории есть еще один, не менее важный параметр. С географической точки зрения все человечество следует рассматривать как антропосферу – одну из оболочек Земли, связанную с бытием вида *Homo sapiens*. Человечество, оставаясь в пределах этого вида, обладает замечательным свойством – оно мозаично, то есть состоит из представителей разных народов, говоря по-современному, этносов. Именно в рамках этносов, контактирующих друг с другом, творится история, ибо каждый исторический факт есть достояние жизни конкретного народа. Присутствие в биосфере Земли этих определенных целостностей – этносов – составляет третий параметр, характеризующий исторический процесс. Этносы, существующие в пространстве и времени, и есть действующие лица в театре истории. В дальнейшем, говоря об этносе, мы будем иметь в виду коллектив людей, который противопоставляет себя всем другим таким же коллективам, исходя не из сознательного расчета, а из чувства комплиментарности – подсознательного ощущения взаимной симпатии и общности людей, определяющего противопоставление «мы – они» и деление на «своих» и «чужих».

Каждый такой коллектив, чтобы жить на Земле, должен приспособиться (адаптироваться) к условиям ландшафта, в пределах которого ему приходится жить. Связи этноса с окружающей природой и рождают пространственные взаимоотношения этносов между собой. Но естественно, что, живя в своем ландшафте, члены этноса могут приспособиться к нему, только изменяя свое поведение, усваивая какие-то специфические правила поведения – стереотипы. Усвоенные стереотипы (историческая традиция) составляют основное отличие членов одного этноса от другого.

Чтобы описать свою историческую традицию, членам этноса становится необходима система отсчета времени. Легче всего учитывать временные циклы. Простые наблюдения показывают, что день и ночь составляют повторяющийся цикл – сутки. Подобно этому, времена года, сменяясь, составляют больший цикл – год. Из-за этой простоты и очевидности первый известный людям счет времени, употребляющийся до сих пор, – это счет циклический. (С представлением о цикличности времени связано само происхождение русского слова «время», однокоренного со словами «вертеть» и «веретено».)

На Востоке, например, была изобретена система отсчета времени, при которой каждый из 12 годов носит название того или иного зверя, изображаемого определенным цветом (белый – металл, черный – земля, красный – огонь, сине-зеленый – растительность). Но поскольку этнос живет очень долго, ни годового, ни даже двенадцатилетнего цикла восточных народов часто было недостаточно, чтобы описать хранящиеся в памяти людей события.

В поисках выхода из этого тупика начали применять линейное измерение времени, при котором отсчет ведется от определенного момента в историческом прошлом. Для древних римлян эта условная дата – основание Рима, для эллинов – год первой Олимпиады. Мусульмане считают годы от Хиджры – бегства пророка Мухаммеда из Мекки в Медину. Христианское летосчисление, которым пользуемся мы, ведет счет от Рождества Христова. О линейном измерении времени можно сказать лишь то, что, в отличие от циклического, оно подчеркивает необратимость времени.

На Востоке существовал еще один способ осознания и отсчета времени. Вот пример такого исчисления. Царевна из южнокитайской династии Чэн, уничтоженной северной династией Суй, попала в плен. Она была отдана в жены тюркскому хану, желавшему породниться с китайской императорской семьей. Царевна скучала в степях и сочиняла стихи. Одно из ее стихотворений звучит так:

Предшествует слава и почесть беде,
Ведь мира законы – круги на воде.
Во времени блеск и величье умрут,
Сравняются, сгладятся башня и пруд.
Хоть ныне богатство и роскошь у нас –
Недолог всегда безмятежности час.
Не век опьяняет нас чаша вина.
Звенит и смолкает на лютне струна.
Я царскою дочерью прежде была,
А ныне в орду кочевую зашла.
Скиталась без крова и ночью одной,
Восторг и отчаянье были со мной.
Превратность царит на земле искони,
Примеры ты встретишь, куда ни взгляни,
И песня, что пелась в былые года,
Изгнанника сердце тревожит всегда.

Здесь течение времени рассматривается как колебательное движение, а определенные временные отрезки выделяются в зависимости от насыщенности событиями. При этом создаются большие дискретные «участки» времени. Китайцы называли все это одним легким словом – «превратность». Каждая «превратность» происходит в тот или иной момент исторического времени и, начавшись, неизбежно кончается, сменяясь другой «превратностью». Такое ощущение дискретности (прерывности) времени помогает фиксировать и понимать ход исторических событий, их взаимосвязь и последовательность.

Но, говоря о прерывистом времени, времени линейном или циклическом, надо помнить, что речь идет лишь о созданных человеком системах отсчета. Единое абсолютное время, исчисляемое нами, остается реальностью, не превращаясь в математическую абстракцию, и отражает историческую (природную) действительность.

Так, прерывистое время равно применимо и к человеческой истории, и к истории природы. Хорошо описанная историческая геология оперирует эрами и периодами, в каждый из которых биосфера Земли имела особый характер. Это или «влажный» карбон с обилием крупных амфибий (земноводных), или «сухой» пермский период с крупными рептилиями (пресмыкающимися), обитавшими вблизи водоемов. В трех периодах мезозойской эры: триасе, юре и меле – каждый раз возникала новая флора и новая фауна. Ледниковый период вновь изменил животный и растительный мир Земли. До этого периода в Африке обитали австралопитеки, отдаленно напоминавшие современного человека. После ледникового периода появились неандертальские люди с огромной головой и сильным коренастым туловищем. При неизвестных нам обстоятельствах неандертальцы исчезли и сменились людьми современного типа – людьми разумными. В Палестине сохранились материальные следы столкновения двух видов людей: разумных и неандертальских. В пещерах Схул и Табун на горе Кармель обнаружены останки помесей двух видов. Трудно представить условия появления этого гибрида, особенно если учитывать, что неандертальцы были каннибалами. В любом случае новый, смешанный вид оказался нежизнеспособным.

Итак, неандертальцы исчезли, и в наше время Земля заселена людьми хотя и пяти разных рас, но принадлежащими к одному биологическому виду. Следовательно, мы вправе

считать, что прямой преемственности между неандертальцами и современными людьми нет. Но точно так же нет ее и между кроманьонскими охотниками на мамонтов и древними кельтами, между римлянами и румынами, между хуннами и мадьярами.

В истории этносов (народов), как и в истории видов, мы сталкиваемся с тем, что время от времени на определенных участках Земли идет абсолютная ломка, когда старые этносы исчезают и появляются новые. Древности принадлежат филистимляне и халдеи, македоняне и этруски. Их сейчас нет, но когда-то не было англичан и французов, шведов и испанцев. Итак, этническая история состоит из «начал» и «концов».

Но откуда же и почему возникают эти новые общности, вдруг начинающие отделять себя от соседей: «Э нет, знаем мы вас: вы – немцы, а мы – французы!»? Понятно, что любой этнос имеет предка, даже не одного, а нескольких. Например, для русских предками были и древние русичи, и выходцы из Литвы и Орды, и местные финно-угорские племена. Однако установление предка не исчерпывает проблемы образования нового этноса. Предки есть всегда, а этносы образуются достаточно редко и во времени, и в пространстве. Казалось бы, на поставленный вопрос нет ответа, но вспомним, что точно так же сто лет назад не было ответа на вопрос о происхождении видов.

В прошлом веке, в эпоху бурного развития теории эволюции, как до, так и после Дарвина, считалось, что отдельные расы и этносы образуются вследствие борьбы за существование. Сегодня эта теория мало кого устраивает, так как множество фактов говорит в пользу иной концепции – теории мутагенеза. В соответствии с ней каждый новый вид возникает как следствие мутации – внезапного изменения генофонда живых существ, наступающего под действием внешних условий в определенном месте и в определенное время. Конечно, наличие мутаций не отменяет внутривидового процесса эволюции: если появившиеся признаки повышают жизнеспособность вида, они воспроизводятся и закрепляются в потомстве на достаточно долгое время. Если это не так – носители их вымирают через несколько поколений.

Теория мутагенеза хорошо согласовывается с известными фактами этнической истории. Вспомним уже упоминавшийся пример миграций в I–II вв. н. э. Мощное движение новых

этносов имело место сравнительно недолго и только в узкой полосе от южной Швеции до Абиссинии. Но ведь именно это движение погубило Рим и изменило этническую карту всего европейского Средиземноморья.

Следовательно, начало этногенеза мы также можем гипотетически связать с механизмом мутации, в результате которой возникает этнический «толчок», ведущий затем к образованию новых этносов. Процесс этногенеза связан с вполне определенным генетическим признаком. Здесь мы вводим в употребление новый параметр этнической истории – пассионарность. Пассионарность – это признак, возникающий вследствие мутации (пассионарного толчка) и образующий внутри популяции некоторое количество людей, обладающих повышенной тягой к действию. Мы назовем таких людей пассионариями.

Пассионарии стремятся изменить окружающее и способны на это. Это они организуют далекие походы, из которых возвращаются немногие. Это они борются за покорение народов, окружающих их собственный этнос, или, наоборот, сражаются против захватчиков. Для такой деятельности требуется повышенная способность к напряжениям, а любые усилия живого организма связаны с затратами некоего вида энергии. Такой вид энергии был открыт и описан нашим великим соотечественником академиком В. И. Вернадским и назван им биохимической энергией живого вещества биосферы.

Механизм связи между пассионарностью и поведением очень прост. Обычно у людей, как у живых организмов, энергии столько, сколько необходимо для поддержания жизни. Если же организм человека способен «вобрать» энергии из окружающей среды больше, чем необходимо, то человек формирует отношения с другими людьми и связи, которые позволяют применить эту энергию в любом из выбранных направлений. Возможно и создание новой религиозной системы или научной теории, и строительство пирамиды или Эйфелевой башни и т. д. При этом пассионарии выступают не только как непосредственные исполнители, но и как организаторы. Вкладывая свою избыточную энергию в организацию и управление соплеменниками на всех уровнях социальной иерархии, они, хотя и с трудом, вырабатывают новые стереотипы поведения, навязывают их всем остальным и создают таким образом новую этническую систему, новый этнос, видимый для истории.

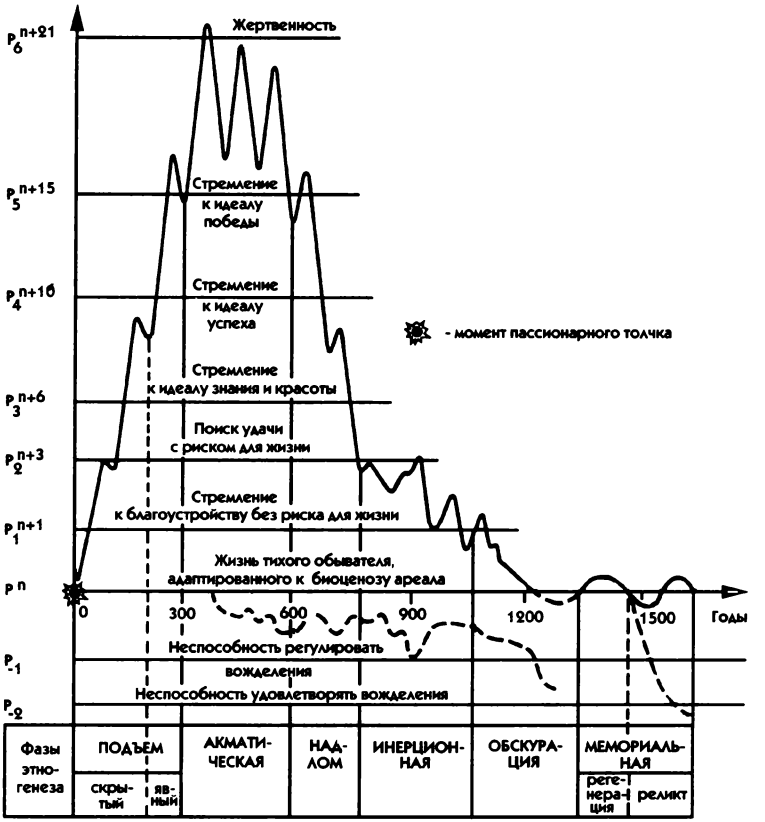
Но уровень пассионарности в этносе не остается неизменным (см. схему). Этнос, возникнув, проходит ряд закономерных фаз развития, которые можно уподобить различным возрастам человека. Первая фаза – фаза пассионарного подъема этноса, вызванная пассионарным толчком. Важно заметить, что старые этносы, на базе которых возникает новый, соединяются как сложная система. Из подчас непохожих субэтнических групп создается спаянная пассионарной энергией целостность, которая, расширяясь, подчиняет территориально близкие народы. Так возникает этнос. Группа этносов в одном регионе создает суперэтнос (так, Византия – суперэтнос, возникший в результате толчка в I в. н. э., состоял из греков, египтян, сирийцев, грузин, армян, славян и просуществовал до XV в.). Продолжительность жизни этноса, как правило, одинакова и составляет от момента толчка до полного разрушения около 1500 лет, за исключением тех случаев, когда агрессия иноплеменников нарушает нормальный ход этногенеза.

Наибольший подъем пассионарности – акматическая фаза этногенеза – вызывает стремление людей не создавать целостности, а, напротив, «быть самими собой»: не подчиняться общим установлениям, считаться лишь с собственной природой. Обычно в истории эта фаза сопровождается таким внутренним соперничеством и резней, что ход этногенеза на время тормозится.

Постепенно вследствие резни пассионарный заряд этноса сокращается; ибо люди физически истребляют друг друга. Начинаются гражданские войны, и такую фазу мы назовем фазой надлома. Как правило, она сопровождается огромным рассеиванием энергии, кристаллизующейся в памятниках культуры и искусства. Но высший расцвет культуры соответствует спаду пассионарности, а не ее подъему. Кончается эта фаза обычно кровопролитием; система выбрасывает из себя излишнюю пассионарность, и в обществе восстанавливается видимое равновесие.

Этнос начинает жить «по инерции», благодаря приобретенным ценностям. Эту фазу мы назовем инерционной. Вновь идет взаимное подчинение людей друг другу, происходит образование больших государств, создание и накопление материальных благ.

Постепенно пассионарность иссякает. Когда энергии в системе становится мало, ведущее положение в обществе занимают субпассионарии – люди с пониженной пассионарностью. Они стремятся уничтожить не только беспокойных



Изменение уровня пассионарного напряжения суперэтнической системы

P_i^k – уровень пассионарного напряжения системы. Качественные характеристики этого уровня («жертвенность» и т. д.) следует рассматривать как некую усредненную «оценку» представителей этноса. Одновременно в составе этноса есть люди, обладающие и другими отмеченными на рисунке характеристиками, но господствует один тип людей;

i – индекс уровня пассионарного напряжения системы, соответствующего определенному императиву поведения; i = – 2, – 1, ... 6; при i = 0 уровень пассионарного напряжения системы соответствует гомеостазу;

k – количество субэтносов, составляющих систему на определенном уровне пассионарного напряжения; k = n + 1, n + 2, ... n + 21, где n – первоначальное количество субэтносов в системе.

Примечание: Данная кривая – обобщение сорока индивидуальных кривых этногенеза, построенных нами для различных этносов. Пунктиром обозначено падение пассионарности ниже уровня гомеостаза, наступающее вследствие этнического смещения (внешней агрессии).

пассионариев, но и трудолюбивых гармоничных людей. Наступает фаза обскурации, при которой процессы распада в этносоциальной системе становятся необратимыми. Везде господствуют люди вялые и эгоистичные, руководствующиеся потребительской психологией. А после того как субпассионарии проедят и пропьют все ценное, сохранившееся от героических времен, наступает последняя фаза этногенеза – мемориальная, когда этнос сохраняет лишь память о своей исторической традиции. Затем исчезает и память: приходит время равновесия с природой (гомеостаза), когда люди живут в гармонии с родным ландшафтом и предпочитают великим замыслам обывательский покой. Пассионарности людей в этой фазе хватает лишь на то, чтобы поддерживать налаженное предками хозяйство.

Новый цикл развития может быть вызван лишь очередным пассионарным толчком, при котором возникает новая пассионарная популяция. Но она отнюдь не реконструирует старый этнос, а создает новый, давая начало очередному витку этногенеза – процесса, благодаря которому Человечество не исчезает с лица Земли.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КИЕВСКАЯ ДЕРЖАВА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ

ДВЕ ЕВРОПЫ

Попробуем посмотреть с точки зрения сказанного выше на этническую историю нашей страны. В те века, когда начиналась история нашей Родины и ее народов, человечество населяло Землю крайне неравномерно. При этом одни народы жили в горах, другие – в степях или глухих лесах, третьи – на берегах морей. И все создавали совершенно особые культуры, непохожие друг на друга, но связанные с теми ландшафтами, которые их кормили. Понятно, что лесовики могли продуктивно заниматься охотой, например добывать меха и, продавая их, получать все то, чего им не хватало. Но этого не могли делать ни обитатели знойного Египта, где пушных животных не было, ни насельники Западной Европы, где горностаи были столь редки, что их мех шел лишь на королевские мантии, ни степняки, занимавшиеся скотоводством. Зато у степняков было в изобилии молоко и мясо, они делали вкусный и питательный непортящийся сыр и могли продавать его. Кому? Да лесовикам, изготавливавшим из дерева телеги, на которых могли ездить степняки. А самое главное, обитатели лесов делали деготь, без которого не вращались колеса степных телег. У жителей Средиземноморского побережья имелись великолепная рыба и оливки, на склонах Апеннин и Пиренеев паслись козы. Итак, у каждого народа был свой способ ведения хозяйства, свой способ поддержания жизни. Следовательно, мы должны начать изучение истории народов с

описания природы и климата территорий, на которых они живут.

Деление на географические районы часто бывает условно и не всегда совпадает с делением на климатические области. Так, Европа разделена воздушной границей, соответствующей изотерме января, которая проходит через Прибалтику, Западную Белоруссию и Украину до Черного моря. К востоку от этой границы средняя температура января – отрицательная, зима холодная, морозная, часто сухая, а западнее преобладают влажные теплые зимы, при которых на земле слякоть, а в воздухе туман. Климат в этих регионах совершенно различный.

Великий ученый, академик А. А. Шахматов, который начал практическое изучение русских летописей, исследуя историю русского языка и его диалекты, пришел к выводу, что древние славяне зародились в верховьях Вислы, на берегах Тисы и на склонах Карпат[1]. Это современные восточная Венгрия и южная Польша. Таким образом, наши предки славяне появились и впервые оставили свой след в истории на границе двух климатических областей (западноевропейской – влажной и восточноевропейской – сухой с континентальным климатом), и эта территория нам особенно интересна.

ГОТЫ

Во времена Великого переселения народов славяне продвинулись к западу, северу и югу до берегов Балтийского, Адриатического и Эгейского морей. С запада их соседями были германские племена. На северо-востоке Европы со славянами соприкасались так называемые балты: литовцы, латыши, пруссы, ятвяги. Это очень древние народы, заселившие прибалтийскую территорию, когда оттуда ушел ледник. Они заняли почти пустые места и распространились довольно широко, примерно от сегодняшней Пензы и до Щецина. Северо-восточнее жили финские племена. Их было много: и суоми, и эсты, и «чудь белоглазая» (так звали одно из этих племен на Руси). Дальше жили зыряне, чудь заволоцкая и много других народов.

---

[1] Существуют и иные версии происхождения славян. Однако вносимые ими коррективы не меняют общей картины нашего исследования. – *Здесь и далее прим. авт.*

Все было, как уже говорилось, достаточно стабильно до II в. н. э., когда в результате пассионарного толчка началось Великое переселение народов. А началось оно так. От берегов южной Швеции, которая называлась тогда Готия, отошли три готские эскадры с храбрыми воинами – остготами, визиготами и гепидами. Они высадились в устье Вислы, поднялись к ее верховьям, дошли до Припяти, миновали приднепровские степи и вышли к Черному морю. Там готы – народ, привычный к мореплаванию, – построили корабли и начали совершать набеги на бывшую Элладу – Грецию. Захватывая города, готы грабили их, а жителей брали в плен. Греция принадлежала в то время Римской империи, и император Деций – страшный гонитель христиан, очень хороший полководец и смелый человек – выступил против готов, которые уже пересекли Дунай и вторглись на территорию Византии. Великолепная римская пехота, хорошо обученная, вооруженная короткими мечами, более удобными в бою, чем длинные, столкнулась с одетыми в шкуры готами, которые были вооружены длинными копьями. Казалось бы, у готов не было шансов на победу, но, к удивлению современников, римская армия была полностью разбита, потому что готы, умело маневрируя, завели ее в болото, где римляне увязли по щиколотку. Легионы лишились маневренности; готы кололи римлян копьями, не давая тем возможности вступить в бой. Погиб и сам император Деций. Это случилось в 251 г.

Готы стали хозяевами устья Дуная (где поселились визиготы) и современной Трансильвании (где поселились гепиды). Восточнее, между Доном и Днестром, воцарились остготы. Их царь Германарих (IV в.), очень воинственный и храбрый человек, подчинил себе почти всю Восточную Европу: земли мордвы и мери, верховья Волги, почти все Поднепровье, степи до Крыма и сам Крым.

Могучее государство готов погибло, как это нередко бывало, из-за измены подданных и жестокости правителя. Германариха покинул один из вождей подвластного готам племени росомонов. Не терпевший измены, страшный в своей ярости старый король приказал разорвать дикими конями жену вождя. «Так страшно убить нашу сестру!» – возмутились братья погибшей, Сар и Аммий. И вот однажды на королевском приеме они подошли к Германариху и, выхватив из-под одежды мечи, пронзили его. Но не убили: стража успела заколоть их раньше. Однако Германарих от

ран не оправился, все время болел и бразды правления потерял. А в это время с востока надвигался страшный враг – гунны.

ХУННЫ И ГУННЫ

Предки гуннов, хунны, были небольшим народом, сложившимся в IV в. до н. э. на территории Монголии. В III в. до н. э. они переживали тяжелые времена, так как с востока на них давили кочевники-сяньби, с запада нажимали согдийцы, которых китайцы называли юечжи. Неудачными оказались и попытки хуннов принять участие в китайских междоусобицах. В Китае тогда шло объединение страны, известное в китайской историографии как «война царств». Из семи царств осталось одно, при этом погибло две трети населения страны. С китайцами, которые пленных не брали, лучше было не связываться. Хунны оказались союзниками побежденных, и получилось так, что первый хуннский шаньюй (правитель) платил дань и восточным, и западным соседям, а южные плодородные степи уступил Китаю. Но тут сказались последствия пассионарного толчка, формирующего этнос.

Хуннский царевич по имени Модэ не был любим своим отцом. Его отец, шаньюй, как все хунны и все кочевники имевший несколько жен, очень любил младшую жену и сына от нее. Он решил послать нелюбимого Модэ к согдийцам, потребовавшим от хуннов заложника. Далее царь замыслил совершить набег на Согдиану, чтобы толкнуть согдийцев на убийство сына. Но тот угадал намерения отца и, когда шаньюй начал набег, царевич убил своего стражника и бежал. Его побег произвел такое впечатление на хуннских воинов, что они сошлись во мнении: Модэ достоин многого. Отцу пришлось поставить нелюбимого сына во главе одного из уделов государства.

Модэ приступил к обучению воинов. Он стал применять свистящую стрелу (в ее наконечнике делались отверстия, и при выстреле она свистела, подавая сигнал). Однажды он приказал воинам наблюдать, куда он пустит стрелу, и стрелять из луков в том же направлении. Приказал и вдруг пустил стрелу в... своего любимого коня. Все ахнули: «Зачем же убивать прекрасное животное?» Но тем, кто не выстрелил, отрубили головы. Потом Модэ выстрелил в своего любимого сокола. Тем, кто не

стрелял в безобидную птицу, также отрубили головы. Потом он выстрелил в свою любимую жену. Нестрелявших – обезглавили. А потом, во время охоты, он встретил шаньюя, своего отца, и... выпустил стрелу в него. Шаньюй мгновенно превратился в подобие ежа – так утыкали его воины Модэ стрелами. Не стрелять не рискнул никто.

Модэ стал царем в 209 г. Он договорился о мире с согдийцами, но от него потребовали дань восточные кочевники, которые назывались дун-ху. Сначала они пожелали получить самых лучших лошадей. «Тысячелийный конь» (ли – китайская мера длины, приблизительно равная 580 м) – так красиво назывался быстроногий жеребец. Некоторые хунны говорили: «Нельзя отдавать скакунов». «Не стоит воевать из-за коней», – не одобрил их Модэ и тем, кто не хотел отдавать коней, отрубил, по своему обыкновению, головы. Затем дун-ху потребовали прекрасных женщин, в том числе и жену царя. Тем, кто заявил: «Как можно отдать наших жен!» – Модэ отрубил головы, сказав: «Жизнь наша и существование государства стоят дороже, чем женщины». Наконец, дун-ху потребовали кусок пустой земли, которая служила границей между ними и хуннами. Это была пустыня на востоке Монголии, и некоторые считали: «Эта земля не нужна, ведь мы на ней не живем». Но Модэ сказал: «Земля – основание государства. Землю нельзя отдавать!» И отрубил им головы. После этого приказал воинам немедленно двинуться в поход на дун-ху. Он победил их, потому что хунны стали подчиняться ему беспрекословно.

Затем Модэ вступил в войну с Китаем. Казалось бы, эта война была не нужна. Кочевники жили в степи, а китайцы обитали южнее, за своей Великой стеной во влажной и теплой муссонной долине. Но у хуннов были причины напасть на Китай.

Войско Модэ окружило передовой отряд китайцев, с которым находился сам император Лю Бан. Хунны все время обстреливали китайский отряд из луков, не давая ему передышки. Китайский император запросил мира. Некоторые из вельмож Модэ предлагали убить врага, но Модэ ответил: «Глупцы, зачем нам убивать этого китайского царя – они выберут себе нового. Пусть он живет. Ведь основные силы китайцев стоят в арьергарде, мы с ними еще не воевали». И Модэ заключил с этим императором, основателем династии Хань, договор «мира и родства» (198). Это означало, что обе стороны будут жить, не покушаясь на земли друг друга. Хунны привыкли кочевать в степи, их не смущал холод. А китайцы любили мягкий

климат долины Хуанхэ и совершенно не собирались выходить в степь.

В это время китайцы уже научились изготовлять шелк – драгоценный товар древности. Была достигнута договоренность, что хунны дают китайцам лошадей, а китайцы платят за коней шелком. Шелк в те времена был крайне нужен и оседлым народам, и кочевникам. Людей мучили насекомые-паразиты, спасением от которых были только шелковые одежды. И если какая-нибудь хуннка получала шелковую рубашку, ей уже не приходилось все время почесываться.

С помощью согдийских купцов китайский шелк покупали и римляне. У них была та же беда. Мыла в ту пору не было, и римляне натирали тело маслом, затем счищали его скребками вместе с грязью, а после распаривались в горячей ванне. Однако мерзкие паразиты через некоторое время появлялись вновь. Красавицы римлянки, соблазнительные и влиятельные, требовали у мужей и поклонников шелковые туники. Эти туники стоили безумно дорого, почти так же дорого, как золото. Римляне тратили на шелк огромные деньги, покупая его у купцов-посредников в Иране и Сирии, дарили своим женам, любовницам и... не имели средств расплатиться со своими солдатами. Из-за неуплаты жалованья солдаты поднимали восстания. Императоры и вельможи гибли в огне мятежей, но эта страшная политика, погубившая Рим, продолжалась еще двести лет (I–III вв.).

Очень неприятная ситуация была и в Китае. Китайцы получали за шелк или лошадей от степняков, или предметы роскоши из Средиземноморья. Кораллы, пурпурная краска, драгоценности доставались знати, а шелк брали у крестьян. Все желали получить как можно больше драгоценного товара, чтобы, продав его, ублажить своих жен и дочерей. Естественно, что у китайцев развилась система, при которой все делалось, как бы сегодня сказали, «по блату». Все жены и наложницы императора (а императору полагался гарем) стали протаскивать своих родственников на должности правителей и начальников. Эти родственники, получив право на управление какой-либо областью, немедленно начинали прижимать крестьян, чтобы добыть деньги на взятки. Их преступления, естественно, не могли оставаться секретом для правительства: китайцы все время писали друг на друга доносы, благо среди них было много грамотных. Наместников время от времени казнили. Но те, предвидя горькую судьбу, закапывали в землю клады, сообщая места своим детям. И потому правительство, хорошо зная

нравы соотечественников, стало казнить не только преступника, но и всю его семью.

Итак, торговля шелком оказалась губительной для обеих империй: Римской и Китайской.

Между тем противостояние Хунну и Китая продолжалось. И хотя в Китае было 50 миллионов населения, а всех хуннов – около трехсот тысяч, борьба, вызванная потребностью кочевников в шелке, муке и железных предметах, шла на равных. Кони китайцев были намного хуже, чем скакуны степняков. Экспедиции в хуннские степи обычно заканчивались гибелью конных китайских отрядов. Когда китайцам удалось узнать, что в Средней Азии есть «небесные жеребцы» – породистые кони, похожие на лошадей арабской породы, – они отправили туда военную экспедицию. Осадив город Гуйшан (район современной Ферганы), китайцы потребовали выдачи лучших жеребцов. Осажденные уступили, и китайцы, вернувшись с добычей, приступили к разведению новой породы. Преуспев в этом деле, они стали совершать удачные набеги на хуннов. Мало того, они уговорили соседей-кочевников с востока, севера и запада выступить против хуннов.

В 93 г. хуннский шаньюй проиграл решающую битву, бежал на запад и пропал без вести. Держава хуннов развалилась на части. Одни племена рассеялись в южносибирских степях, другие ушли в Китай, ибо в это время в Великой степи наступила засуха. Стала расширяться пустыня Гоби на севере Китая, и хунны смогли передвинуться на засохшие китайские поля, где образовались милые их сердцу сухие степи. Часть же хуннов направилась в Среднюю Азию и дошла до Семиречья (район современной Алма-Аты). Здесь и осели «малосильные» хунны. Самые отчаянные двинулись на запад. Они прошли через весь Казахстан и в 50-х годах II в. вышли к берегам Волги, потеряв при этом большую часть своих женщин. Те физически не смогли вынести такой переход, да и из мужчин выжили лишь самые крепкие.

Хунны быстро освоились в новых, удобных для скотоводства местах, где их никто не трогал. Женщинами они обзавелись, сделав набег на аланов, а объединившись и породнившись с народом вогулов (манси), хунны создали новый этнос – западных гуннов, так же мало похожих на старых азиатских хуннов, как техасские ковбои на английских фермеров. Эти западные гунны (для простоты мы их будем называть гуннами) начали войну с готами.

Сначала гунны завершили разгром аланов, истощив их

силы бесконечной войной. Государство гуннов расширилось и заняло просторы между реками Урал (Яик) и Дон. Готы пытались удержаться на рубеже Дона, но они были обессилены изнурительной борьбой со славянами. Поэтому, когда гунны через Керченский пролив, Крым и Перекоп вышли готам в тыл, те побежали. Остготы покорились гуннам, визиготы, переправившись через Дунай, оказались в Римской империи. Гибель державы готов обеспечила свободу действий славянам. Но память о былом господстве в южнорусских степях готов, некогда захвативших славянского вождя Божа и распявших 70 славянских старейшин, сохранилась.

Вернемся к готам, укрывшимся в Византии. Они исповедовали христианство по арианскому обряду[1], а в Восточной Римской империи восторжествовало никейское православие. Союза и дружбы не получилось. Римляне потребовали, чтобы переходящие Дунай готы сдавали оружие, и те согласились. Но когда императорские чиновники стали обирать готов, требовать с них взятки, отнимать жен, детей и имущество, оказалось, что готы сохранили достаточно оружия, чтобы поднять восстание. В 378 г. при Адрианополе восставшие сразились с римлянами, разбили их, убили императора Валента и подошли к стенам Константинополя. Хотя город был хорошо укреплен, у готов были все шансы его взять. Однако римлянам помог странный случай.

В римской армии был отряд конных арабов. Всадники кружили вокруг пеших готов. Один из готов отстал, и арабский всадник нагнал его и, ударив копьем, сбил с ног. Затем, спрыгнув с коня, перерезал врагу горло, напился крови, закинул голову и... завыл. Испуганные готы решили, что это оборотень. Они отступили от Константинополя и отправились грабить Македонию и Грецию. Усмирить их оказалось нелегко даже Феодосию Великому. Но мы оставим готов сводить счеты с Римской империей и вернемся в Восточную Европу к славянам и русам[2].

Славяне участвовали в готско-гуннской войне и, естественно, на стороне гуннов. К несчастью для гуннов и славян,

---

[1] *Арианство* – учение александрийского священника Ария (256–336), по которому Бог Сын (Христос) не равен Богу Отцу, а лишь подобен ему. Это учение было осуждено на соборе в Никее в 325 г.

[2] Существуют различные гипотезы о происхождении русов, которых на разных языках называли по-разному: рутены, росы, руги. Автор склонен видеть в них племя древних германцев.

великий вождь и завоеватель Аттила в 453 г. заболел и умер. После него осталось 70 детей и молодая вдова, даже не потерявшая невинность. Возник вопрос о наследнике: все сыновья Аттилы претендовали на престол отца, а покоренные племена поддерживали разных царевичей. Большинство гуннов встало на сторону вождя Эллака, но против него выступили гепиды и остготы. В битве при Недао (славянское название этой реки – Недава) гунны были разбиты, и Эллак погиб (454). Попытки гуннов бороться с византийцами привели их к поражению на Нижнем Дунае. На востоке, в Поволжье, гуннов разбили (463) и подчинили себе сарагуры. Часть уцелевших гуннов ушла на Алтай, другие – на Волгу, где, смешавшись с аборигенами, они образовали народ чувашей. Место действия осталось пустым.

РОЖДЕНИЕ КИЕВСКОЙ ДЕРЖАВЫ

В VI–VIII вв. славяне – народ сильный и энергичный – имели большие успехи. Население множилось не столько за счет моногамных браков, сколько благодаря пленным наложницам. Славяне распространились на север, где их звали *венеды* (это слово поныне сохранилось в эстонском языке). На юге их звали *склавины*, на востоке – *анты*. Украинским историком М. Ю. Брайчевским установлено, что греческое слово «анты» значит то же, что славянское «поляне». Сохранилось слово женского рода «поляница» в значении «богатырша». Но слово «поляне» в аналогичном значении сегодня не используется, так как тюркское слово «богатырь» вытеснило его из употребления.

К VI в. славяне заняли Волынь (волыняне) и южные степи вплоть до Черного моря (тиверцы и уличи). Заняли славяне также и бассейн Припяти, где поселились древляне, и южную Белоруссию, где осели дреговичи («дрягва» – болото). В северной части Белоруссии расселились западные славяне – венеды. Кроме того, уже в VII или VIII в. два других западнославянских племени – радимичи и вятичи – распространились на юг и восток до Сожа, притока Днепра, и до Оки, притока Волги, поселившись среди местных угро-финских племен.

Для славян было бедствием соседство с древними русами, которые сделали своим промыслом набеги на соседей. В свое

время русы, побежденные готами, бежали частично на восток, частично на юг в низовья Дуная, откуда они пришли в Австрию, где попали в зависимость от герулов Одоакра (дальнейшая судьба этой ветви нам неинтересна). Часть русов, ушедшая на восток, заняла три города, которые стали опорными базами для их дальнейших походов. Это были Куяба (Киев), Арзания (Белоозеро?) и Старая Руса. Русы грабили своих соседей, убивали их мужчин, а захваченных в плен детей и женщин продавали купцам-работорговцам.

Славяне селились небольшими группами в деревнях; обороняться от русов, оказавшихся жуткими разбойниками, им было трудно. Добычей русов становилось все ценное. А ценным тогда были меха, мед, воск и дети. Неравная борьба длилась долго и закончилась в пользу русов, когда к власти у них пришел Рюрик.

Биография Рюрика непроста. По «профессии» он был варяг, то есть наемный воин. По своему происхождению – рус. Кажется, у него были связи с южной Прибалтикой. Он якобы ездил в Данию, где встречался с франкским королем Карлом Лысым. После, в 862 г., он вернулся в Новгород, где захватил власть при помощи некоего старейшины Гостомысла. (Мы не знаем точно, означает ли слово «Гостомысл» собственное имя человека или нарицательное обозначение того, кто «мыслит», то есть сочувствует, «гостям» – пришельцам.) Вскоре в Новгороде вспыхнуло восстание против Рюрика, которое возглавил Вадим Храбрый. Но Рюрик убил Вадима и вновь подчинил себе Новгород и прилегающие области: Ладогу, Белоозеро и Изборск.

Существует легенда о двух братьях Рюрика, Синеусе и Труворе, возникшая в результате непонимания слов летописи: «Рюрик, его родственники (*sine hus*) и дружинники (*thru voring*)». Дружинников Рюрик посадил в Изборске, родственников отправил дальше, на Белоозеро, сам, опираясь на Ладогу, где был варяжский поселок, сел в Новгороде. Так, путем подчинения окрестных славян, финно-угров и балтов, он создал свою державу.

Согласно летописи, Рюрик умер в 879 г., оставив сына, которого звали Игорь, по-скандинавски Ингвар, то есть «младший». Поскольку Игорь, по словам летописца, был «детескъ вельми» («очень мал»), по словам летописца, власть принял воевода по имени Хельги, то есть Олег. «Хельги» – это было даже не имя, а титул скандинавских вождей, означавший одновременно «колдун» и «военный вождь». Олег с воинами двинулся

по великому пути из «варяг в греки»: из Новгорода к югу по речке Ловать, где была переволока, и дальше по Днепру, попутно заняв Смоленск. Варяги Олега и малолетнего Игоря подошли к Киеву. Тогда там жили славяне и стояла небольшая русская дружина Аскольда. Олег выманил Аскольда и вождя славян Дира на берег Днепра и там предательски убил их. После этого киевляне без всякого сопротивления подчинились новым властителям. Это произошло в 882 г.

Олег занял Псков и в 883 г. обручил малолетнего Игоря с псковитянкой Ольгой. Ольга – это женский род имени Олег. Здесь мы, скорее всего, вновь сталкиваемся с титулом, не зная настоящего имени исторического лица. Вероятно, Ольга, как и Игорь, во время обручения была ребенком.

К IX в. раскол славянского единства привел к созданию новых, ранее не существовавших народов. В результате смешения славян с иллирийцами появились сербы и хорваты, а во Фракии смешение с пришлыми кочевниками положило начало болгарскому этносу. Какие-то славянские племена проникли в Грецию и Македонию, дойдя до Пелопоннеса, который они назвали Мореей (от слова «море»). Растущая пассионарность славян разбросала их по всей Европе.

ГЛАВА ВТОРАЯ

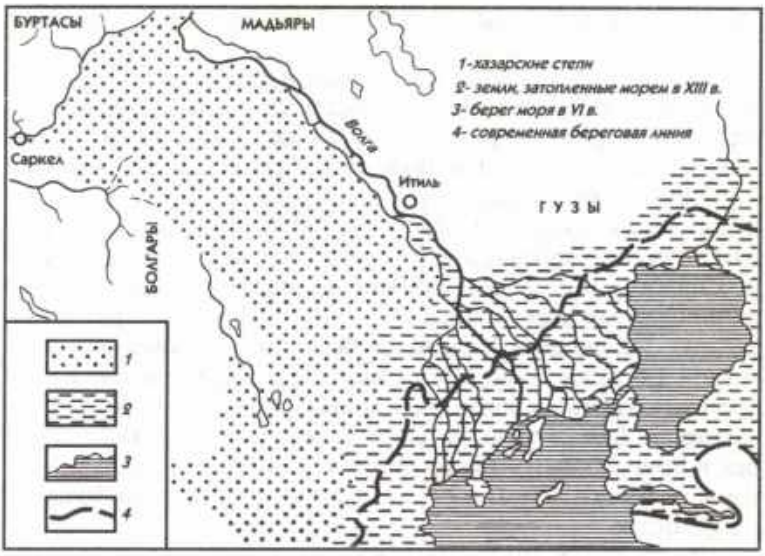
СЛАВЯНЕ И ИХ ВРАГИ

В НИЗОВЬЯХ ВОЛГИ

По соседству с Киевской державой в Восточной Европе зарождалось могучее государство – Хазарский каганат. История его заслуживает внимания. Сами хазары были одним из замечательных народов той эпохи. Первоначально их поселения сосредоточивались в низовьях Терека и по берегам Каспия. В то время уровень воды в Каспийском море находился на отметке –36, иными словами, на 8 м ниже, чем сейчас. Оттого очень большой была территория волжской дельты, доходившей до полуострова Бузачи – продолжения Мангышлака. Это были настоящие каспийские Нидерланды, изобиловавшие рыбой.

Хазары – кавказское племя, жившее на территории современного Дагестана. Автору этих строк доводилось находить в низовьях Волги их скелеты; казалось, они принадлежат подросткам. Длина скелета составляет около 1,6 м, сами кости мелки и хрупки. Подобный антропологический тип сохранился у терских казаков. Следы обитания хазар у Каспия сейчас скрыты наступившим морем, и лишь дагестанский виноград, принесенный хазарами с Кавказа в дельту Волги, остался свидетельством их миграции.

Врагами прикаспийских хазар были степняки-буртасы и булгары. И тех и других в VI в. подчинили себе тюрки. В начавшейся у победителей династической распре одни тюрки оперлись на булгар, другие на хазар. Победили хазары и их союзники. Степные булгары бежали на Среднюю Волгу, где основали город Великий Булгар. Другая часть булгарской



Волжская Хазария в VI–XII вв.

орды во главе с ханом Аспарухом ушла на Дунай, где, смешавшись с южнославянскими племенами, положила начало новому народу – болгарам. Но нам сейчас интересны хазары.

У хазар не было государственной власти. Сейчас от языка этого племени сохранилось одно слово, служившее названием крепости, – Саркел, что значит «белый дом». Тюркские, финно-угорские и славянские языки не знают ничего похожего на это имя.

В VII–VIII вв. хазары подверглись натиску наступавших через Кавказ арабов. В этой войне им помогли тюрки – народ очень храбрый и воинственный. Именно они первыми в Центральной Азии освоили мощное оружие конника – саблю. И было для чего. Тюрки вели частые войны с Китаем, где правила династия Тан.

Династия Тан (618–907) управляла Китаем талантливо и успешно. Рис при танских правителях стоил дешевле, чем когда бы то ни было. Китайцы активно общались со своим «Западом»: тюрками, согдийцами, тибетцами и даже арабами. Представители династии Тан мечтали о создании обширной азиатской империи, которая включала бы не только Срединную равнину (нынешний Китай), но и степи Монголии, леса Маньчжурии и оазисы Согдианы. Борьба Тан за имперскую

власть над Азией началась победой над тюрками в середине VII в.

Представитель разбитой тюркской династии убежал к хазарам. Хазары приняли его и... сделали своим ханом. Хан-тюрк их очень устраивал. Он кочевал со своей ставкой в низовьях Волги, между нынешними Волгоградом и Астраханью, весной откочевывал на Терек, лето проводил между Тереком, Кубанью и Доном, а с приходом холодов возвращался на Волгу. Хазарам не приходилось содержать своего хана. Он не требовал с них налогов, кормясь собственным кочевым хозяйством. Хан и пришедшая с ним военная знать, удовлетворяясь дарами подданных, не вводили системы поборов и не занимались торговлей. Тюркские ханы и беки, возглавив хазар, ставших к тому времени совсем невоинственными, организовали их защиту от арабов. Те наступали из Азербайджана через Дербент на Терек и Волгу. Тюрки – народ воинов – защищали хазар от врагов и совместно с ними образовали в Прикаспии небольшое государство.

И вот это тюркско-хазарское государство испытало внедрение иного народа с иными традициями и культурой.

ПРИШЕЛЬЦЫ С ЮГА

Изучая историю различных народов, мы постоянно сталкиваемся с повторяющимися явлениями огромного значения – миграциями населения. Миграции сильно разнятся. Случается, что народ переселяется на чужую территорию и хорошо к ней приспосабливается. Именно так распространялись славяне с верховьев Вислы до берегов Балтийского, Адриатического и Эгейского морей. Они сумели обосноваться везде: это был молодой, сильный и очень активный народ. Другие народы, переселившиеся в районы с непривычными для них климатом и природными условиями, исчезли. Они или вымерли, или смешались с местным населением. Так в Южной Франции, в Испании, Северной Африке закончились исторические судьбы вандалов, свевов, готов.

Была и еще одна форма миграции: группа купцов или отряд завоевателей создавали свою колонию на чужой территории. Так англичане колонизировали Индию. Они зарабатывали там деньги, отнюдь не становясь индусами, а потом возвращались в Англию. И французы в своих африканских колониях

не превращались в негров. Поработав и послужив в Африке, они возвращались в Париж.

Для хазар колонизаторами стали представители персидской и византийской ветвей еврейского народа.

В Иране евреи появились во II в., после поражения, нанесенного им римлянами в иудейских войнах. Персы охотно приняли евреев как врагов Рима и расселили их по ряду городов. Так образовались еврейские колонии в городах Исфахане и Ширазе, а также в Армении и Азербайджане.

Но в V в. в Персии произошли события драматические и для персов, и для пришлых народов. При шахе Каваде его визирь Маздак возглавил движение, которое по его имени называется маздакитским. Маздак был находчивый политик и во время очередного голода в стране выдвинул простую программу борьбы с кризисом. Суть ее состояла в следующем. В мире существует добро и зло. Добро – это Разум, а зло – неразумие, инстинкты. Представляется неразумным существование богатых и бедных, когда одни имеют гаремы, много хороших лошадей и дорогого оружия, проводят время в пирах и на охоте, а другие голодают. Поэтому будет справедливо казнить тех, у кого много имущества, а их добро и гаремы раздать бедным.

Маздак начал осуществлять эту программу, но бедных было много, и всем добра богатых не досталось. Досталось только сторонникам Маздака – маздакитам. Персы согласились бы отдать за собственную жизнь и земли, и оружие, и коней, но им было жаль своих жен. Они выражали недовольство – в ответ следовали казни. Сам шах был арестован маздакитами. Но он бежал к степнякам-эфталитам и вернулся с их войском. Его сын, энергичный Хосров, мобилизовал степняков-саков. Поднялись все, недовольные маздакитами, поднялись многочисленные дети казненных. В 529 г. Хосров взял власть в свои руки, повесил Маздака и расправился с его сторонниками. Их живьем закапывали в землю вертикально и при этом вниз головой.

Казалось бы, какое это имеет отношение к евреям? А самое прямое. Евреи принимали активное участие в этих событиях. Одни были сторонниками шаха Хосрова, другие – маздакитами. После победы Хосрова уцелевшие маздакиты, персы и евреи, бежали в Азербайджан. Спасшиеся евреи поселились к северу от Дербента на широкой равнине между Тереком и Судаком. Тем временем в Византии освоились евреи, бывшие противниками маздакитов и бежавшие из Ирана в

период торжества Маздака. Они были приняты греками, хотя и без всякого энтузиазма. Так создались две ветви евреев, о которых мы уже упомянули.

Евреи, оказавшиеся на Кавказе, начисто забыли и свою древнюю грамоту, и традиции иудаизма, и его обряды. Забыв все, они сохранили память лишь о запрете на работу в субботний день. Они пасли скот, возделывали землю и дружили с хазарами – своими северными соседями. Восстановил иудаизм среди своих соплеменников один из вождей по имени Булан (по-тюркски «лось»). В 730 г. он принял имя Сабриэль и пригласил иудеев – учителей религиозного закона.

Между тем Византия вела отчаянную борьбу с арабами. Евреи, нашедшие в Византии спасение, должны были бы помогать византийцам. Но помогали они довольно странно. Договариваясь тайно с арабами, евреи открывали по ночам ворота городов и впускали арабских воинов. Те вырезали мужчин, а женщин и детей продавали в рабство. Евреи же, дешево скупая невольников, перепродавали их с немалой выгодой для себя. Это не могло нравиться грекам. Но, решив не приобретать себе новых врагов, они ограничились тем, что предложили евреям уехать. Так в землях хазар появилась и вторая группа евреев – византийская.

Страна к северу от Терека понравилась переселенцам. Луга, покрытые зеленой травой, были прекрасными пастбищами. В притоках Волги водились осетры и стерлядь. Здесь проходили торговые пути. Соседние племена были беззлобны и неагрессивны. Используя свою грамотность, евреи стали осваивать и развивать занятия, не свойственные местному населению: в их руках оказались дипломатия, торговля, образование.

В начале IX в. еврейское население Хазарии к своему экономическому и интеллектуальному могуществу добавило и политическое. Мудрый Обадия, про которого древние документы говорят, что «он боялся Бога и любил закон», совершил государственный переворот и захватил власть. Он выгнал из страны тюрок, составлявших военное сословие Хазарии. При этом Обадия опирался на отряды наемников – печенегов и гузов. Хазарские тюрки долго воевали с захватчиками, но были разбиты и частью погибли, частью отступили в Венгрию.

Казалось бы, должно было произойти смешение хазар с евреями. Но не тут-то было. Согласно старой еврейской мудрости, «никто не может обнаружить след птицы в воздухе, змеи на камне и мужчины в женщине», поэтому евреями считались

все дети евреек, независимо от того, кто был их отец. У хазар же, как у всех евразийских народов, родство определялось по отцу. Эти разные традиции не давали смешаться двум народам (этносам), и отличие двух народов закреплялось тем, что дети евреек и дети хазарок обучались по-разному. Учитель-раввин не принимал в школу ребенка, если тот не был евреем, то есть если его мать была хазарка или печенежка. И отец учил такого ребенка сам, но, конечно, хуже, чем учили в хедере (школе). Так закреплялись два разных стереотипа (образа) поведения. Это различие и определило различные судьбы двух народов: евреев и хазар.

ВЛАСТЬ И ДЕНЬГИ

Евреи, в отличие от хазар, к IX в. активно включились в тогдашнюю систему международной торговли. Караваны, ходившие из Китая на Запад, принадлежали в основном евреям. А торговля с Китаем в VIII–IX вв. была самым выгодным занятием. Династия Тан, стремясь пополнить пустеющую из-за содержания большой армии казну, разрешила вывозить из страны шелк. За шелком и шли еврейские караваны в Китай. Путь проходил через степи уйгуров и дальше через Семиречье, мимо озера Балхаш, к Аралу, к городу Ургенч. Очень трудным был переход через плато Устюрт. Затем караваны пересекали реку Яик и выходили к Волге. Здесь усталых путников ждал отдых, обильная пища и развлечения. Прекрасная волжская рыба и фрукты, молоко и вино, музыканты и красавицы услаждали караванщиков. И у заправлявших экономикой Поволжья еврейских торговцев скапливались сокровища, шелка, рабы. Потом караваны уходили дальше, попадая в Западную Европу: Баварию, Лангедок, Прованс, и, перевалив через Пиренеи, оканчивали долгий путь у мусульманских султанов Кордовы и Андалузии.

Снаряжавшие караваны купцы – не только еврейские, но и согдийские – основывали в Китае свои колонии – сеттльменты. Один такой сеттльмент был на северо-западе Китая в городе Чанъань, другой – на юго-востоке в городе Кантон.

Вся тяжесть экономической политики императорского Китая ложилась на плечи крестьян, ибо шелк правительственные чиновники собирали именно с них. В результате возникло крестьянское восстание под руководством Хуан Чао (874–901).

Он использовал и всеобщее недовольство, и то, что правительство империи ослабло от очередных военных неудач. Восстание было направлено против засилья иностранцев. Правительство Тан обвинялось в том, что оно разрешило и поддерживало торговлю с иноземцами. Восставшие взяли Кантон, где все пришлое население было вырезано. Затем они прошли всю страну до Чанъаня и даже заняли этот город со смешанным населением. Но горожане, защищая жен и детей, сумели выгнать повстанцев. Тем временем правительство Тан призвало на помощь два племени: тибетцев и тюрок-шато. Вождь шато, Одноглазый Дракон, с четырьмя тысячами своих всадников и таким же отрядом тибетцев изрубил двухсоттысячное войско повстанцев. Хуан Чао погиб, спаслись только успевшие бежать: шато пленных не брали. Правительство победило, но хозяйство Китая было подорвано восстанием. Множество крестьян было убито. Вывозить стало нечего, ибо некому было вырабатывать шелк и ухаживать за тутовыми деревьями. Китай выбыл из мировой торговли.

Катастрофа, постигшая караванный путь из Китая в Испанию – «шелковую дорогу», конечно же отразилась и на Хазарии. Но энергичные хазарские купцы во главе с правителем, титул которого был «бек», или «малик», нашли выход. Их отряды двинулись на север. Поднявшись по Волге, воины Хазарии разгромили и подчинили Камскую (Волжскую) Булгарию. Еще севернее простирались бескрайние земли, которые в норвежских сагах назывались Биармия, а в русских летописях – Великая Пермь. Вот тут-то купцы-рахдониты (в переводе «знающие путь») и организовали свои торговые поселения – фактории.

Леса Биармии давали драгоценный мех соболей, куниц, горностаев. Мало того, рахдониты организовали торговлю детьми. И снова потянулись караваны с мехами для арабской знати, с рабами и рабынями для гаремов мусульманских владык. Султаны и эмиры Багдадского халифата больше ценили воинов-рабов («сакалиба»), чем наемные отряды из независимых кочевников.

Эта деятельность Хазарии компенсировала ей сокращение торгового оборота с Китаем. Но произошла очередная неприятность. В IX в. стал разваливаться Багдадский халифат. Его центр, Багдад, как паук, сосал соки из огромных подвластных ему областей, ничего не давая взамен. И вот откололась Испания, затем Марокко, Алжир, Тунис. Отделились Египет, Средняя Азия и Восточный Иран. Наконец, обособилась область Дейлем, о которой надо рассказать подробней.

Между южным побережьем Каспийского моря и Иранским нагорьем высится хребет Эльбурс – высокие, труднопроходимые горы. На узкой прибрежной полосе обитали три очень древних народа. Их земли звались Дейлем (на юго-западе), Табаристан (на юге), на востоке располагался Гурган – «волчья страна» (от персидского слова «гург» – волк). Жители этих мест были крайне воинственны. Но они не исповедовали ислам, и это мешало им покорить соседей-мусульман, которые отчаянно сопротивлялись «неверным». Тогда правитель Дейлема со своим народом принял ислам в форме шиизма[1]. Это ни к чему не обязывало вождя дейлемитов, который не вникал в религиозные оттенки, но зато считал себя наследником древних персидских царей и даже присвоил себе титул шахиншаха – царя царей. После этого воины Дейлема захватили на севере часть Азербайджана до Дербента, а на юге – западную Персию. В 945 г. они покорили Багдад. Таким образом, удобный и легкий путь с Волги в Багдад по берегу Каспия был пересечен: дейлемиты не пропускали никого.

Еврейское правительство Хазарии, свергшее тюркскую военную знать, пользовалось услугами войск из Гургана. Мы уже говорили, что гурганцы были воинственны и очень храбры. Кроме того, они сражались в интересах купцов Хазарии за очень высокую плату. Отслужив, а точнее, провоевав положенный срок, оставшиеся в живых возвращались домой богатыми. Хазарские правители были истыми купцами: они покупали победы, и только победы. Если воины терпели поражение, что иногда случалось, их казнили. Бесстрашные гурганцы одержали для хазарских евреев победы над гузами на реке Яик, над булгарами на Каме, над буртасами на реке Сакмаре, над савирами (сабирами) на Донце. Но эти победоносные гурганцы отказались воевать против единоверцев – мусульман-дейлемитов. И тогда хазарские евреи, народ находчивый, пригласили для войны с мусульманами древних русов.

Русов наняли на тех же условиях, что и гурганцев: высокая плата и обязательные победы. Русы освоили корабельное дело и мореплавание еще на Балтике. Наемное войско русов шло по Волге, строило корабли на Каспии и затем совершало морские набеги на территорию Персии. В первом походе они совершенно разграбили остров Абескун. С дейлемитами русы

---

[1] *Шиизм* – одно из двух основных направлений ислама. Шииты – приверженцы зятя пророка Мухаммеда – Али – и его прямых потомков – Алидов.

столкнулись во время второго похода в 913 г. Дейлемиты отбили атаку, и русы, чтобы не возвращаться с пустыми руками, напали на мусульманский город Гянджу в южном Азербайджане. Тогда хазарский правитель разрешил своей гвардии – гурганцам – отомстить за единоверцев. Несколько дней сопротивлялось усталое войско русов, но было разбито мусульманами. Немногие спасшиеся бегством были истреблены на Волге кочевниками-буртасами. Так – гибелью – закончился для русской дружины поход 913 г.

Два последующих десятилетия истории Хазарии были наполнены мелкими конфликтами со славянами и уже возникшим Киевским княжеством. Опорой хазар на западе была построенная еще в 834 г. на берегу Волги крепость Саркел.

В 939 г. произошло событие чрезвычайной важности. Русский вождь – князь Игорь – захватил принадлежавший Хазарии город Самкерц (ныне Тамань), расположенный на берегу Керченского пролива. Хазарский правитель ответил на удар ударом: на русов двинулась мусульманская гвардия под командованием еврея, «достопочтенного Песаха». Песах освободил Самкерц, переправился через Керченский пролив и прошел маршем по южному берегу Крыма (940), истребляя христианское население. Спаслись лишь укрывшиеся в неприступном Херсонесе. Перейдя Перекоп, Песах дошел до Киева и обложил русское княжество данью. Тогда же русы выдали хазарам свои мечи, о чем и рассказывается в «Повести временных лет».

«Сказание о хазарской дани» подчеркивает разницу в вооружении русов, славян и азиатских народов. Тяжелый меч – привычное оружие скандинавских и славянских богатырей. Азиаты издавна предпочитали легкую саблю. С шестилетнего возраста они учились рубить «с оттяжкой на себя», и в руках взрослого сабля оказывалась страшнее меча.

Но вернемся к русам и хазарам. В 943 г. хазары вновь послали войско русов – уже своих данников – на Каспий, для войны с дейлемитами. Русы захватили в низовьях Куры крепость Бердаа. Страшнее сабель и стрел дейлемитов оказалась вспыхнувшая в лагере русов дизентерия. Они пробились к своим ладьям и отплыли. Но, видимо, на Русь не вернулся никто, так как в русских летописях нет ни слова об этом походе.

Итак, благодаря обширной торговле рабами, мехами и шелком Хазарский каганат, население которого состояло из аборигенов и пришлых евреев, в IX–X вв. превратился в одну из самых богатых стран Евразии того времени.

СЛАВЯНО-РУСЫ И ВИЗАНТИЯ

Образовавшееся русско-славянское государство с центром в Киеве быстро усилилось и сразу же начало расширяться к берегам Черного моря. В этом движении славяно-русы столкнулись с таким грозным противником, каким была в конце IX – начале X в. Византия.

Говоря об отношениях Киева и Византии в X в., необходимо сразу отметить следующие обстоятельства.

Во-первых, в X в. весьма изменились ландшафтно-климатические условия жизни народов Евразии, и в частности обитателей Северного Причерноморья. Наступила очередная вековая засуха, вследствие которой часть печенегов откочевала из Средней Азии в низовья Днепра. Печенеги в поисках союзников вступили в контакт с Византией и стали для нее надежными друзьями, а враги печенегов и Византии – мадьяры – выступили союзниками славян и русов и как могли поддерживали их.

Во-вторых, события войн славяно-русов с Византией переданы в византийских хрониках и русских летописях с очень сильными искажениями. Вместо правдивого изложения событий мы имеем легенды, которые сочинялись летописцами в угоду «начальству», в зависимости от политической ситуации.

Особенно характерна «историческая мифология» для русского летописания – знаменитой «Повести временных лет» Нестора. Инок Нестор жил и трудился в Киево-Печерской лавре – культурном центре Киева, где в XI–XII вв. были сильны антигреческие настроения. Отражением этих настроений служит, например, факт переноса Нестором даты похода русов под руководством Аскольда на Царьград на 47 лет (с 860 г. на 907 г.) и вообще приписание похода Олегу. Так подвиги древнего руса в войне с Византией оказались совершенными варяжским конунгом. Более того, если внимательно прочесть повествование Нестора, можно заметить, что с 882 по 885 г. Олег одерживает победы над всеми славянскими племенами, в том числе и над платившими дань хазарам. Однако ни о реакции хазар на победы Олега, ни о самих хазарах Нестор не пишет ни слова, причем летописная пауза в рассказе о хазарских делах занимает ни много ни мало 80 лет. Очевидно, летописец вполне сознательно умалчивает о каких-то событиях, но о каких именно – мы можем только догадываться.

Попробуем для начала исходить из твердо установленных фактов. А знаем мы следующее. Византия вынуждена была бороться с коалицией мадьяр и славяно-русов. Первыми, кто воспользовался скованностью сил греков, были арабские пираты. Больше всего острота ситуации сказалась на владениях Византии в Восточном Средиземноморье. Арабо-берберские пираты из Испании захватили остров Крит и вырезали там все христианское население. Сирийские и египетские арабы захватили острова Эгейского моря: Лемнос, Родос, Наксос и другие. Наконец, в 904 г. великий арабский корсар Лев Триполитанский сумел напасть на Фесалоники и разграбил окрестности второго по величине города империи. Этот пират покушался даже на Константинополь, но, не имея достаточных сил, обратился за помощью к не меньшим разбойникам – русам-дромитам.

Прозвище «дромиты» (от греч. *дромос* – бег) свидетельствовало о стремительности набегов этой днепровской вольницы. Первый набег русов на Константинополь состоялся еще в 860 г. Тогда греки встретили врага иконой Богоматери Одигитрии; стены города оказались неприступными. Русы отошли от столицы и предпочли заключить выгодный для них мир. Так было положено начало войнам славяно-русов с Византией, длившимся до конца X в.

И вот по зову Льва Триполитанского с низовьев Днепра, Днестра и Южного Буга вновь потянулись ладьи дромитов. Их флот собрался у берегов Босфора, где русов встретила греческая эскадра наварха Иоанна Радина. Большая часть русских кораблей была сожжена «греческим огнем». (Мы и сейчас не знаем химического состава этого страшного оружия византийцев. Можно только догадываться, что его основу составляла нефть.) Спасся лишь один отряд, уведенный его вождем Хельги и скрывшийся в устье Днепра. После такого успеха греки легко отразили атаку арабов Льва Триполитанского.

Попробуем представить, что можно было сделать на месте русов-дромитов. Поход на Константинополь окончился жутким разгромом, большая часть соратников погибла в пламени «греческого огня». Высадившиеся на берег попали в плен и были превращены в невольников, ни о какой добыче не было и речи. Острая вражда между русами и Византией усугубилась. Было очевидно, что воевать с мощным противником без поддержки нельзя, и русы стали искать союзников. Ими оказались хазары.

Иудейское правительство Хазарии было враждебно христианской Византии. Хазары, как мы уже знаем, использовали

русские войска в каспийских походах и, конечно, в войнах против греков. Большой поход против ромеев был совершен в 941 г. И снова византийский флот сжег «греческим огнем» ладьи славян и русов. Но хазарское правительство устраивал и такой исход: ведь силы Византии на Черном море были скованы этой борьбой. А поскольку в Малой Азии грекам приходилось бороться с мусульманами, то Хазарский каганат оказался гегемоном в Восточной Европе. Хазария смогла обложить данью славян, мордву, мерю и камских булгар. Эти последние рассчитывали на помощь мусульман, и часть булгар приняла ислам (922). Но распадавшийся халифат – оплот магометан – не мог помочь даже себе, а тем более далеким единоверцам.

ТРИУМФ СВЯТОСЛАВА

Неудачно сопротивлялся Хазарии в начале X в. и Киев. Мы помним, что попытка русов захватить Самкерц и утвердиться на берегах Азовского моря вызвала ответный поход полководца Песаха и поставила Киев в положение данника итильских купцов-рахдонитов. При сборе дани для хазар в Древлянской земле был убит Игорь, князь киевский и муж Ольги (944). Сопротивление хазарам, а не война с Византией, становилось главной проблемой для Киева. И потому княгиня киевская Ольга, правившая при малолетнем сыне Святославе, постаралась приобрести в лице греков сильного союзника: она отправилась в Константинополь, где приняла крещение, избрав своим крестным отцом императора Константина Багрянородного.

Здесь мы вновь сталкиваемся с явной хронологической путаницей Нестора и других летописцев. Согласно Новгородской I летописи, Ольга родилась в 893 г., в Константинополе побывала в 955-м. Ей должно было быть в то время уже 62 года, а Нестор уверяет нас, что Константин был столь очарован Ольгой, что хотел на ней жениться. По нашему мнению, поездка Ольги в Византию и крещение ее состоялись примерно на 10 лет раньше – в 946 г.

Возвращаясь на твердую почву установленных фактов, мы убеждаемся в реальности похода Святослава против хазар. Молодой князь, оказавшийся энергичным полководцем, начал его летом 964 г. Святослав не решился идти от Киева к Волге напрямую через степи. Это было очень опасно, ибо племя северян, обитавшее на этом пути между Черниговом и Курском,

Балтийское море
Ладога
Белоозеро
Псков
Новгород
Изборск
Ростов
Полоцк
Смоленск
Муром
Булгар
Волжские Булгары
Берестье
Туров
Чернигов
Киев
Переяславль
Вышгород
Белгород
Самкерц (Тмутаракань)
Саркел (Белая Вежа)
Итиль
Херсонес
Суроженская область
Каспийское море
Константинополь
Синоп
Кутаиси
Дербент
Тбилиси
Шеки
Шемахан
Трапезунд
Ани
Берда'а
Муш
Ван
Тебриз
Атталия
Иконий
Антиохия
Средиземное море
Дунай
Днепр
Волга
Дон
Ока
Западная Двина
Ингул
Ингулец
Сев. Донец
Оскол
Ворскла
Десна
Сула
Ветлуга
Кама
Вятка
Печора
Урал
Хопер
Терек
Кура
Аракс
Куба
Дербент
Шемаха
Абескун
Табаристан
Хазарский каганат
Византийская империя
Эмират Багдадского халифата
Армянские княжества
Грузинские гос.
Алванские гос.
Сев. Двина
Оз. Ван
Оз. Ильмень
Оз. Селигер
Оз. Неро
Оз. Плещеево
Оз. Онежское
Оз. Чудское
Оз. Псковское
Чудь Заволоцкая
Пермь
Югра
Печера
Сев. Двина
Оз. Белое
Оз. Сухое
Оз. Вычегда
Оз. Ветлуга
Оз. Кама
Оз. Вятка
Оз. Ока
Оз. Дон
Оз. Волга
Оз. Урал
Оз. Хопер
Оз. Терек
Оз. Кура
Оз. Аракс
Оз. Куба
Оз. Дербент
Оз. Шемаха
Оз. Абескун
Оз. Табаристан
Оз. Ван
Оз. Тебриз
Оз. Муш
Оз. Берда'а
Оз. Ани
Оз. Трапезунд
Оз. Синоп
Оз. Константинополь
Оз. Иконий
Оз. Атталия
Оз. Антиохия
Оз. Средиземное море
Оз. Каспийское море
Оз. Черное море
Оз. Балтийское море
Оз. Ладога
Оз. Белоозеро
Оз. Псков
Оз. Новгород
Оз. Изборск
Оз. Ростов
Оз. Полоцк
Оз. Смоленск
Оз. Муром
Оз. Булгар
Оз. Берестье
Оз. Туров
Оз. Чернигов
Оз. Киев
Оз. Переяславль
Оз. Вышгород
Оз. Белгород
Оз. Самкерц (Тмутаракань)
Оз. Саркел (Белая Вежа)
Оз. Итиль
Оз. Херсонес
Оз. Суроженская область
Оз. Каспийское море
Оз. Константинополь
Оз. Синоп
Оз. Кутаиси
Оз. Дербент
Оз. Тбилиси
Оз. Шеки
Оз. Шемахан
Оз. Трапезунд
Оз. Ани
Оз. Берда'а
Оз. Муш
Оз. Ван
Оз. Тебриз
Оз. Атталия
Оз. Иконий
Оз. Антиохия
Оз. Средиземное

было сторонником хазар. Русы поднялись по Днепру до его верховьев и перетащили ладьи в Оку. По Оке и Волге Святослав и дошел до столицы Хазарии – Итиля.

Союзниками Святослава в походе 964–965 гг. выступили печенеги и гузы. Печенеги, сторонники Византии и естественные враги хазар, пришли на помощь Святославу с запада. Их путь, скорее всего, пролег у нынешней станицы Калачинской, где Дон близко подходит к Волге. Гузы пришли от реки Яик, пересекши покрытые барханами просторы Прикаспия. Союзники благополучно встретились у Итиля.

Столица Хазарии располагалась на огромном острове (18 км в ширину), который образовывали две волжские протоки: собственно Волга (с запада) и Ахтуба (с востока). Ахтуба в те времена была такой же полноводной рекой, как и сама Волга. В городе стояли каменная синагога и дворец царя, богатые деревянные дома рахдонитов. Была и каменная мечеть, ведь с мусульманами там обращались вежливо.

Воины Святослава отрезали все пути из Итиля. Но его жители наверняка знали о приближении русских, и большая часть хазар-аборигенов убежала в дельту Волги. Волжская дельта была естественной крепостью: в лабиринте протоков мог разобраться только местный житель. Летом невероятные тучи комаров, появлявшихся с закатом солнца, победили бы любое войско. Зимой же Волгу сковывал лед, и дельта становилась недоступной ладьям. Острова дельты были покрыты бэровскими буграми – огромными холмами высотой с четырехэтажный дом. Эти бугры и дали убежище настоящим хазарам.

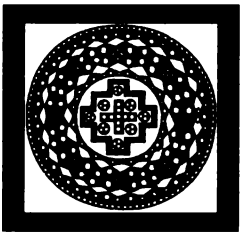
В ином положении оказалось еврейское население. Изучать волжские протоки еврейским купцам и их родственникам смысла не было: они для того и создавали свою монополию внешней торговли и ростовщичества, чтобы жить в комфорте искусственного ландшафта – города. Евреи были чужды коренному населению – хазарам, которых они эксплуатировали. Естественно, что хазары своих правителей, мягко говоря, недолюбливали и спасать их не собирались.

В осажденном городе евреям бежать было некуда, потому они вышли сражаться со Святославом и были разбиты наголову. Уцелевшие бежали «черными» землями к Тереку и спрятались в Дагестане. («Черными» земли к северу от Терека назывались потому, что из-за малоснежной зимы в этом районе сильные ветры легко поднимали со снегом пыль, и возникали «черные» вьюги.)

Святослав пришел и на Терек. Там стоял второй большой

город хазарских евреев – Семендер. В городе и окрестностях было четыре тысячи виноградников. (Ныне это пространство между станицами Червленной и Гребенской; оно описано Л. Н. Толстым в повести «Казаки».) Семендер имел четырехугольную цитадель, но она не спасла город. Святослав разгромил Семендер и, забрав у населения лошадей, волов, телеги, двинулся через Дон на Русь. Уже по дороге домой он взял еще одну хазарскую крепость – Саркел, находившуюся около нынешней станицы Цимлянской. Саркел был построен византийцами в период их короткой дружбы с Хазарией, и создал его грек – архитектор Петрона. В Саркеле Святослав встретил гарнизон, состоявший из наемных кочевников. Князь одержал победу, разрушил крепость, а город переименовал в Белую Вежу. Там в дальнейшем поселились выходцы из Черниговской земли. Взятием Саркела завершился победоносный поход Святослава на Хазарию.

В результате похода 964–965 гг. Святослав исключил из сферы влияния еврейской общины Волгу, среднее течение Терека и часть Среднего Дона. Но не все военно-политические задачи были решены. На Кубани, в северном Крыму, в Тьмутаракани еврейское население под именем хазар по-прежнему удерживало свои главенствующие позиции и сохраняло финансовое влияние. Однако основным достижением похода, бесспорно, явилось то, что Киевская Русь вернула себе независимость.



ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КРЕЩЕНИЕ РУСИ

СВЯТОСЛАВ И КАЛОКИР

Результаты похода 964–965 гг. не могли не поднять авторитет Руси в глазах византийского союзника, который старался всеми силами привлечь Святослава к решению внешнеполитических проблем империи. Византийскому правительству требовался человек для переговоров со Святославом. Выбор пал на византийского дипломата, сына стратига херсонесской фемы (области), Калокира. Калокир был человек столь же энергичный, сколь и честолюбивый. Язык славян и их нравы он знал хорошо, ибо встречался с ними в Херсонесе, а будучи византийским офицером, плечом к плечу со славяно-русами сражался в Сирии против мусульман.

В Киеве Калокир заключил выгодный для Византии договор, по которому русы обязались принудить к покорности Болгарское царство. Но честолюбивый посол втайне мечтал об императорской короне. Он решил опереться на войско русов и, свергнув старого императора Никифора II Фоку, захватить власть в Константинополе.

Выполняя договор, русы высадились в устье Дуная, разбили болгарского царя Петра и овладели Болгарией. Петр вскоре умер, а пленные царевичи были отправлены в Византию, где их заточили, предварительно одного оскопив (изуродованный таким образом человек лишался права на престол). Планы Калокира стали сбываться: князь славяно-русов Святослав стал ему другом; в коротком переходе от Константинополя стояли русские дружины; подошли к нему и союзники – печенеги.

И в самом Константинополе сложилась ситуация, благоприятная для Калокира. Престарелый Никифор II Фока – прекрасный полководец и администратор – был крайне непопулярен в собственной столице. Фока поддержал монахов с горы Афон, выступив за бедное духовенство против богатых монастырей и епископов. Император сильно урезал доходы церкви. Так он приобрел средства на военные расходы и... вражду церковных иерархов. Кроме того, базилевс (титул императора Византии) увеличил налоги на ремесленников и рыбаков, а с налогами выросли цены. Городское население роптало. Фоку поддерживали только пограничные воины – акриты, но они оказались слишком далеко от столицы в решительный момент. В довершение своих бед Фока был стар и некрасив. Его жена, императрица Феофано, отдала свое сердце красавцу Иоанну Цимисхию. Созрел заговор. Заговорщики с помощью императрицы проникли во дворец и безжалостно убили старого императора (969). Однако, став императором, Цимисхий сослал Феофано и непосредственных убийц, сделав исключение для себя, на острова Эгейского моря.

К несчастью Калокира, замысел которого открылся еще при Фоке, Цимисхий оказался способным и деятельным полководцем. Новый базилевс бросил на Святослава и Калокира созданные его предшественником отличные войска. Кроме того, еще Фока успел распорядиться, чтобы союзники Византии – левобережные печенеги – напали на Киев. Поэтому Святославу пришлось оставить Болгарию и устремиться на Русь спасать собственную столицу, свою старую мать и детей. Но когда он подоспел к Киеву, война уже завершилась, не начавшись. Пришедшие с севера войска воеводы Претича остановили печенегов. Их хан обменялся с Претичем оружием и, заключив мир, ушел в приднепровские степи.

Святослав, бросивший все в Болгарии, обнаружил, что в Киеве он совсем не ко двору. Там крепла христианская община, и ее не устраивал князь-язычник. Сам Святослав не жаловал христиан, да и вообще ему было «не любо сидеть в Киеве». Надо сказать, что появившаяся у Святослава идея устроить новую столицу на окраине своей земли была не так уж нелепа. То же самое сделал Петр Великий, создавший Петербург, в котором сосредоточилась шумная жизнь нового общества. И точно так же, как шведы не хотели иметь рядом с собой столицу Петра, греки не желали близкого соседства с воинственным Святославом.

Ольга просила сына не покидать ее. Но старая княгиня

скоро умерла, и Святослав поспешил вернуться в Болгарию, где ситуация также изменилась не в его пользу.

Византийцы вышли на равнину Северной Болгарии и захватили город Преславу (Преслав). Болгары быстро перешли на сторону греков: русы уже разочаровали их насилиями и жестокостью. Успевший покинуть Преславу отряд русов вместе с Калокиром ушел на Дунай в город Переяславец. Дальнейшая судьба Калокира нам неизвестна. Печенеги тоже оставили Святослава. Покинутый союзниками, он с небольшой дружиной противостоял теперь и византийским войскам, и восставшей Болгарии.

СВЯТОСЛАВ И ЦИМИСХИЙ

Весной 971 г. Цимисхий, прервав притворные переговоры со Святославом, подошел к Переяславцу с лучшими войсками империи. Одновременно в Дунай вошла греческая эскадра из 300 кораблей. Переяславец пал после трехдневного штурма, и наступил последний акт трагедии. Русы не могли воевать «в чистом поле» из-за отсутствия конницы и заперлись в городе Доростол. Греки обложили эту небольшую крепость со всех сторон. Русы приняли бой, они сражались героически: в пешем строю атаковали византийцев, и только удар латной конницы спас Цимисхия от поражения. Всю ночь после этой битвы, когда в русской дружине не осталось ни одного нераненого воина, в крепости горели костры. Русы на берегу Дуная приносили в жертву младенцев и петухов, моля своих богов о победе.

Большие потери с обеих сторон и голод в русском стане подтолкнули противников к переговорам. Посреди Дуная встретились роскошная ладья императора ромеев и простой челнок, в котором одним из гребцов был князь Святослав. Русский вождь в белой рубахе до колен ничем по виду не отличался от простого воина. Бритая голова, длинный чуб, опущенные вниз усы и серьга в ухе делали его облик совсем восточным.

Грекам не нужна была жизнь Святослава и его дружины. Они согласились дать русам уйти. Святослав за это обещал отступиться от Болгарии. Пропущенные греческой эскадрой русские ладьи спустились по Дунаю в Черное море и добрались до острова Березань (в древности – остров Буян) в Днестровском лимане.

Дальнейшие события кажутся довольно странными. Святослав не пошел к столице, а расположил обессиленное ранами, лишениями и переходом войско на Березани. Скоро обнаружился недостаток продовольствия. Казалось бы, нужно было двигаться по речным долинам к Киеву. Так и поступил один из воевод князя – Свенельд. Он покинул Святослава, с частью воинов поднялся по Южному Бугу и вышел к Киеву. Что же заставило Святослава остаться на острове Березань и провести там мучительную, голодную зиму 971/972 г.? Вряд ли это была боязнь столкновения с печенегами. Ведь прошел же Свенельд, а главное – печенеги были единственными, кто продавал русам провизию, следовательно, какие-то отношения с кочевниками у Святослава были.

Скорее, дело было в том, что на Березани в войске Святослава произошел раскол. Русы-язычники обвинили в поражении русов-христиан, входивших в дружину. Неудачу похода язычники объяснили гневом своих богов – Перуна и Волоса, и остров увидел страшные сцены. Были замучены и убиты все дружинники-христиане, среди погибших оказался и родственник Святослава Улеб. В Киеве не могли не знать о кровавых событиях на Березани. Киевские христиане, составлявшие большую и влиятельную общину, поняли, что их ждет, когда Святослав с ожесточенной дружиной войдет в собственную столицу.

Как же развивались события дальше? Все летописи сообщают, что весной 972 г. русы с Березани двинулись к Киеву. Почему-то для возвращения они избрали не узкий и тихий Южный Буг, а порожистый Днепр, где у злополучных днепровских порогов русов ожидали левобережные печенеги. В короткой битве дружина Святослава была полностью истреблена, и печенежский хан Куря обзавелся чашей, сделанной из черепа князя.

Возникает вопрос: кто предупредил кочевников о том, что Святослав с измученным голодом и болезнями войском идет по Днепру? Это мог сделать тот, у кого было достаточно времени, кто поддерживал связь с Березанью, знал условия жизни на острове, а главное, очень не хотел, чтобы эта дружина пришла в Киев.

Историки прошлого века считали, что печенегов на Святослава направили византийцы, но для этого им нужно было проплыть все Черное море, уведомить синклит (совет) императора, с решением синклита вновь через Черное море добраться до левобережья Днепра, найти в необъятной степи

печенегов и, вручив полагающиеся по такому случаю дары, уговорить степняков. Мы можем допустить, что у Цимисхия чудом хватило времени получить информацию о дружине Святослава, а затем снестись с печенегами. Но если базилевс хотел истребить русов, он мог сделать это проще – сжечь «греческим огнем» беззащитные ладьи русов еще на Дунае.

Кто действительно был заинтересован в гибели князя и его войска, так это киевские христиане, во главе которых стоял старший сын Святослава Ярополк. Он-то знал, что происходит на Березани, и он мог сговориться с печенегами. Вспомним: еще в 969 г. воевода Претич братался с печенежским ханом. Следовательно, можно считать, что вина за смерть Святослава и гибель его дружины лежит не на христианах Константинополя, а на христианах Киева.

ПРОЩАНИЕ С РУСАМИ

Итак, с гибелью князя-язычника Киевская Русь стала превращаться в тихую и спокойную державу, где христианское учение приобретало все больше сторонников.

Подумаем: пошло это во вред или на пользу Руси? Если бы Святослав восторжествовал, он превратил бы Киев в базу разбойничьих набегов, в нечто подобное тому, чем был балтийский остров Руга (современный Рюген). Там гнездились славянские пираты, молившиеся богу Святовиту и наводившие ужас на немецких и датских купцов. Пираты воевали со всеми вокруг и в конце концов были уничтожены. Такая же судьба ждала державу Святослава, который враждовал бы с племенами, обкладываемыми данью, и с христианами, обычно казнимыми им. В итоге у киевского князя не осталось бы друзей.

Со смертью Святослава военно-языческая партия в Киеве ослабла. Сила и влияние стали переходить к христианам, и это вызвало эмиграцию части русов из Киевской державы. Покинуть Восточную Европу для них не составляло особого труда, так как еще в IX в. подвижные и агрессивные русы действовали за ее пределами. Так, в 844 г. русы – «да проклянет их Аллах», как писал арабский автор, – высадились в Андалузии и попытались пробиться к Севилье. Мусульманские войска отразили удар и сбросили врагов в море. Ясно, что русы великолепно знали дорогу на Запад. Туда они и направились, как только их вынудила к этому ситуация; путь их лежал в «Рум и Андалус». «Руму», то

есть Византии, были очень нужны воины для борьбы с мусульманами. Русов-наемников ждали сражения с войсками халифата на восточных границах Византийской империи.

Направившиеся в «Андалус» – Испанию – были хорошо знакомы с саблями и стрелами берберов и предпочли напасть на христианскую Галисию (область в Испании). Их первыми «подвигами» стали разорение побережья, сожжение монастырей и убийства священников. Три года они свирепствовали в этой земле. Край пришел в запустение. Наконец герцогу Гонсало Санчесу удалось собрать войска и разбить захватчиков. Русы погрузились на корабли, уплыли, и... больше о них не известно ничего.

Поскольку мы знаем географию лучше, чем люди в X в., то можем предположить, куда направились русы. Поход на юг маловероятен, ибо мусульманские владыки умели отражать набеги, и русы знали об этом очень хорошо. На север путь лежал через Бискайский залив, один из самых бурных районов Атлантики, где опасно ходить даже в наши дни. Наиболее вероятной поэтому остается дорога на запад, видимо, та самая, по которой викинги достигали Америки. Но нам не известны следы русов на этом континенте. Скорее всего, остатки этого буйного племени покоятся на дне Атлантического океана. С гибелью этого отряда русов была окончательно перевернута страница истории, повествовавшая о взаимоотношениях древних славян с русами.

Напомним, что в IX–X вв. эти два народа иногда враждовали друг с другом, а иногда вступали в тесный контакт. Контакт между славянами и русами более всего был характерен для Киева, где господствовали «русы-славянофилы». Там-то и сложилась славяно-русская этническая общность. Сближение русов и славян было настолько тесным, что русы передали славянам и свое имя, и своих князей. Земля полян стала называться Русью. Но древний конфликт славян и русов сменился другим, не менее кровавым и тяжелым.

БРАТ НА БРАТА

Возглавивший после смерти княгини Ольги Киев и киевскую христианскую общину Ярополк Святославич был связан договорами с Константинополем и печенегами. На севере, в Новгороде, христианству противостоял балто-скандинавский

культ Перуна (по-литовски Перкунаса), бога обновленной языческой религии. И хотя Киев оставался языческим городом, культ Перуна, принесенный с берегов Балтийского моря, киевлянам вовсе не был симпатичен. Академик Б. А. Рыбаков справедливо считал, что Перун не является исконно славянским божеством. Славяне верили в Хорса – Солнце (персидский Хуршид), почитали женское божество Мокошь, небесного Дажьбога, скотьего бога Волоса. Как всякие уважающие себя боги, славянские тоже требовали почитания, но не человеческих жертв. Совсем другим был культ Перуна, бога войны и громовержца, с приходом которого земля обагрилась кровью жертв. Ненависть киевлян к культу и поклонникам Перуна обострилась. Случаи человеческих жертв только подталкивали многих к крещению – ведь никому не хотелось быть принесенным в жертву, а это угрожало каждому. Жрецы, выбрав жертву, убивали ее, оставшиеся же в живых должны были ликовать.

В столь острой ситуации столкновение полярных мировоззрений (а вернее, мироощущений) было неизбежным. Началась долгая и упорная борьба Ярополка со сторонниками Перуна, которых возглавлял сводный брат Ярополка Владимир, сын наложницы Святослава – ключницы Малуши.

Летописец описывает все последующие события как деяния князей. Но мы знаем, что в действительности князья были очень молоды. Владимиру и третьему сыну Святослава – Олегу было около 15 лет, Ярополк был чуть старше. Эти юноши вряд ли могли проводить самостоятельную политику. За ними стояли опытные и влиятельные мужи, опиравшиеся на население определенных земель. Именно поэтому последующая политическая борьба столь интересна и существенна для нашей темы.

Итак, победа печенегов над Святославом, принесшая Ярополку власть, на какой-то период объединила Древнюю Русь. Почти все славяно-русские земли по Днепру и Новгород на севере подчинились Ярополку. Короткий набег на Овруч избавил его от младшего брата Олега – князя древлян (977) – и подчинил его земли Киеву. Владимир же со своим дядей Добрыней был послан в Новгород еще Святославом. После гибели Олега, боясь старшего брата, Владимир Святославич бежал в Швецию. Казалось, было достигнуто желанное единство страны. Но оно оказалось хрупким, ибо славяно-русские пассионарии того времени были полны стремления бороться за близкие им мировоззрения и желанные цели.

Владимир вернулся в Новгород как приверженец «злых»

балтийских богов. Возглавив войско из варягов и новгородцев, он сначала напал на Полоцк, убил его князя Рогволода и присоединил Полоцкую землю к Новгороду. Затем последовал захват Смоленска. И вот в 980 г. великим путем «из варяг в греки» Владимир подошел к Киеву.

В окружении Ярополка оказались изменники. Очевидно, он не всех устраивал. Воевода Блуд ложными советами поставил князя в очень трудное положение: Владимир блокировал его в крепости Родне. Среди осажденных начался голод. Тот же Блуд посоветовал Ярополку выйти из крепости и договориться с братом о мире. Встрече порешили быть в шатре между крепостным рвом и палатками осаждавших. Когда Ярополк вошел в шатер, два прятавшихся там варяга пронзили его мечами. Так языческая партия одержала полную победу.

Однако Владимир, человек неглупый, хотя жестокий и беспринципный, увидел, что культ Перуна непопулярен на юге. Пассионарная (наиболее энергичная) часть киевлян уже крестилась. Владимир, естественно, следил за общественными настроениями в столице, так как не мог с ними не считаться, особенно после того, как расстался со своей варяжской дружиной, не желая платить варягам заработанные ими в походе деньги. Не без помощи киевлян варягов собрали на берегу Днепра якобы для того, чтобы выплатить жалованье. Потом посадили в лодки без весел, оттолкнули от берега и сказали: «Плывите по реке вниз, в Царьград, там заработаете много денег, а к нам не возвращайтесь». Но одновременно Владимир послал гонцов в Константинополь. Они предупредили греков, чтобы те не доверяли варягам, ибо их бог Перун не только «злой», но и лживый. Владимир посоветовал грекам принять варягов, но разделить их и разослать по нескольку человек в разные гарнизоны, чтобы в окружении местных воинов варяги были безопасны.

ПОСЛЕДСТВИЯ ЛЖИ

Во внешнеполитической деятельности Владимира в 80-х годах X в. сочетались успехи и неудачи.

На северо-востоке с Русью соседствовало сильное Булгарское царство, принявшее одну из мировых религий – ислам. Волжская Булгария непосредственно граничила с двумя городами-княжествами: Муромом и Суздалем. В непрекращающихся

пограничных конфликтах брали верх то булгары, захватывая Муром, то славяне, занимая булгарские становища. В результате постоянной борьбы на границах население Волжской Булгарии (являющееся одним из предков современных казанских татар) было смешанным. Нападавшие на русские селения булгары убивали мужчин и захватывали в плен женщин и детей. Детей мусульмане продавали в рабство, а женщин делали своими наложницами. От смешанных браков рождались Мурады и Фатьмы. Но потом на булгарские селения нападали суздальцы и муромцы. Захваченных детей они делали своими работниками, а пленных булгарок брали в жены. На свет появлялись Всеславы да Любавы. Таким образом, различие между двумя этносами было не антропологическим, не расовым и даже не экономическим, ибо хозяйственные системы в Волжской Булгарии и Северо-Восточной Руси были очень похожи. Эти отличия были религиозными. Но религиозный мусульманский фанатизм в Волжской Булгарии еще не восторжествовал, и вера служила лишь индикатором отличий волжских булгар от славян.

Попытка Киева присоединить Великий Булгар, стоявший на берегу Волги (недалеко от нынешней Казани), была безуспешной. Отмечая неудачный поход Владимира и Добрыни (985), летописец скупо заметил, что с тех, кто носит сапоги, дани не получить, а надобно искать лапотников. Итак, на этом направлении деятельность Владимира успеха не имела.

Зато ему удалась другая операция. Лишь в сочинении Иоанна Мниха есть упоминание о захвате Тьмутаракани, где еще находились остатки иудео-хазар. Но и в этом сочинении только одна фраза говорит о походе, во время которого русские войска совершенно свободно прошли из Киева через Северный Кавказ вдоль Терека до Каспийского моря (986). Тьмутаракань стала одним из русских городов и досталась в удел сыну Владимира Мстиславу.

Мстислав был посажен на княжеский стол Тьмутаракани шести лет от роду. Таким образом, здесь, как и в случае с Ярополком, Владимиром и Олегом, княжеское имя использовалось летописцами не как имя реального вершителя судеб, а лишь как вывеска, символ, обозначавший существование группировки политических сил.

Любопытно, что то же самое в отношении франкских королей отмечает французский историк Огюстен Тьерри в своих очерках о раннем средневековье. Когда западная часть распадавшейся империи Карла Великого (то есть нынешняя

Франция) вышла сражаться за Карла Лысого, французы понятия не имели о том, кто это такой. Но они сражались, и очень храбро, за те принципы, которые формулировались под общим лозунгом служения Карлу Лысому. Точно так же немцы, сражавшиеся за собственные интересы, считали, что бьются за Людовика Немецкого.

Но вернемся к Владимиру, а именно к его корсунской операции, имевшей серьезные последствия.

В конце X в. Болгария, наполовину захваченная Византией, испытывала могучий интеллектуальный подъем. Причем, не меняя официально православного вероисповедания, принятого в 865 г., болгары сильно отошли от Византии по мировоззрению. Нашелся поп Богумил, который изложил Священную историю следующим образом. Одновременно с Богом существовал падший ангел Сатанаил. Он пребывал у Мирового океана и горько плакал. Творец пожалел его и создал по желанию Сатанаила сушу. А Сатанаил сделал людей, но не смог их одухотворить. Он снова обратился к Богу и, обещая полное послушание, попросил оживить его творения. Тогда Бог вдохнул в людей душу. Но Сатанаил обманул Бога, ибо создал Каина, устроил первое убийство и начал всячески пакостить Всевышнему. Причем свирепствовал он, используя людей, одухотворенных Богом, но сбитых с пути им, Сатанаилом. Бог послал против Сатанаила ангелов, которые скрутили того и отняли у его имени суффикс «ил», в котором была заключена мистическая сила. Лишенного силы, уже сатану, а не Сатанаила, ангелы загнали под землю.

Все духовное Богумил считал божественным и добрым, а все материальное – сатанинским и злым. Служить Богу нужно было, отрицая все злое, то есть материальное. А означало это на деле – отрицать города, храмы, живопись (иконы), отрицать весь христианский обряд. Ведь в христианстве считается, что мир создан Богом и потому – благ.

Богумилы были не уникальны в своем мироощущении, назвать которое религиозным неверно. Таких учений в IX–XII вв. появилось много; они были крайне разнообразны и распространены от Тибета на востоке до Аквитании на западе. При всем их разнообразии объединяло эти учения то, что они считали злом материальный мир и потому относились к нему враждебно. Раз нет реальной жизни, то нет лжи и правды, и не надо никого жалеть – ведь страдания призрачны. Люди, войдя в мир фантастических представлений и заклинаний, были искренне убеждены, что становились хозяевами этого призрачного мира.

Мы назовем эти враждебные материальному миру системы мировоззрения негативными. К негативному мировоззрению толкали людей и ужасные условия действительности, и просто обывательская затхлость жизни, тягостная для энергичного (пассионарного) человека. Но, независимо от истоков учения и от способов осуждения реального мира, негативные системы мировоззрения логически оправдывали убийства и злодеяния.

Учение богумилов, названное так по имени основателя, было типичной негативной системой, так же как и учения французских альбигойцев, македонских манихеев, павликиан Византии, карматов и исмаилитов мусульманского мира. Как видим, негативные системы захлестнули и католическую Европу, и мусульманский мир, и Византию. При этом только греки сумели справиться со сторонниками метафизического зла. После разгрома твердыни павликиан – крепости Тефрика – византийцы в IX в. стали контролировать и манихеев Македонии. Но в X в. болгарские богумилы сделали из своего учения довольно неожиданный практический вывод: «Бей византийцев!» Для достижения поставленной цели они использовали все средства. Так, под видом православных священников богумилы шли на Русь, тяготевшую к христианству. Видимо, не без их влияния и предпринял Владимир совершенно нелепый поход на Корсунь.

Корсунь (по-гречески Херсонес), находившийся недалеко от современного Севастополя, имел прекрасные укрепления, спасшие немало христиан еще во время похода Песаха. Взять этот город Владимиру помогло предательство корсунского попа Анастата (по другим источникам – варяга Жидьберна). Изменник послал в стан русов записку на стреле. В послании сообщалось, где проходят трубы, по которым в осажденный город поступает питьевая вода. Владимир разрушил водопровод, и жажда заставила корсунцев сдаться. Но удержаться в Крыму Владимиру не удалось. Он принял в жены греческую принцессу, вернул Корсунь византийцам и отступил.

НОВЫЙ ПУТЬ

Итак, Владимир запятнал себя убийством Рогволода и его сыновей, которые были ни в чем не виноваты и даже не воевали с ним. Он изнасиловал дочь Рогволода Рогнеду. Та даже хотела убить Владимира, мстя за смерть отца и братьев. Владимир

вероломно умертвил собственного брата. Предал он и своих боевых товарищей – варягов. У этого князя, и тому свидетельство летопись, грехов было достаточно. На его репутацию воителя тяжким грузом легла корсунская авантюра. Так что же, светлая память о нем, сохраненная потомками до наших дней, может быть названа незаслуженной?

Нет! Историческая память связывает образ Владимира не с его личными качествами и политическими успехами, а с деянием более существенным – выбором веры, одухотворившей жизнь народа. В самом деле, распространив свою власть практически на все славяно-русские земли, Владимир неизбежно должен был придерживаться какой-то, как сказали бы сегодня, «общенациональной» политической программы, которая, по условиям того времени, выражалась в религиозной форме.

К религиям (теистическим системам мировоззрения), оказывавшим существенное влияние на ситуацию в Восточной Европе в X в., следует отнести: православие, католичество и ислам. Русские «искатели веры» должны были представлять и вполне представляли себе различия этих основных религий. Последнее неудивительно: киевские купцы и воины постоянно бывали в Константинополе, сражались на Крите и в Малой Азии, торговали с египтянами и сирийцами, ездили в Волжскую Булгарию и Хорезм. Принятие определенной веры автоматически приводило и к ориентации на вполне определенные группировки внутри страны. Поэтому предстоявший князю Владимиру «выбор веры» легким не назовешь. А ведь у этой проблемы был и международный аспект, обусловленный постоянными суперэтническими контактами.

Во время, предшествовавшее крещению Руси, нарастали грозные признаки грядущего раскола в дотоле едином христианском мире. И здесь в основе идеологических споров также лежали природные, объективные процессы этногенеза. Находившаяся в фазе пассионарного подъема западноевропейская суперэтническая целостность ощущала свое отличие от других суперэтносов очень остро и облекала его в ризы церковного превосходства, именуя христианским миром только себя. Борьба между православием и католичеством начинала переходить из сферы теологических разногласий в область политики.

Германский император Оттон II на имперском сейме 983 г. в Вероне добился решения о войне против «греков и сарацин». Такое уравнивание православных христиан с мусульманами уже не позволяло говорить о единстве церкви Христа, делало

вполне реальной угрозу католического натиска на Восток, в том числе и на Русь. На Руси это понимали слишком хорошо, так как еще до веронского сейма польский король-католик Мешко I воевал с киевским князем из-за Червленой Руси (Галиции), а уже упоминавшийся Оттон II – с западными славянами на реке Эльбе (Лабе).

Сами обстоятельства «выбора веры» Владимиром широко известны и изложены в «Повести временных лет». В соответствии с версией Нестора, князь, желая понять разные исповедания, отправил своих посланцев в соседние земли и затем принял представителей всех тогдашних учений. Насколько реальны эти подробности, нам не столь важно, ибо куда большее значение имеет приведенная Владимиром мотивировка своего решения креститься по греческому обряду.

Говоря о мотивах, учтем, что, кроме догматов, в любой религии существуют обычаи, традиционно передаваемые из поколения в поколение. Такие обычаи для новообращенных порой значат больше, чем священные книги, особенно если эти книги написаны на непонятном языке. Так, главная книга ислама – Коран – написана на арабском языке, славянам непонятном. Обычаи мусульман, например не пить вино, не есть свинину, просты, но для славян были неприемлемы. И вот почему. По русскому обычаю, князь делил трапезу с дружиной. Этот обязательный ритуал скреплял дружбу князя с воинами, а что могло быть для князя важнее? Менее значимым, но довольно существенным было еще одно обстоятельство. Славяне и русы привыкли к хмельным напиткам, так как вино и пиво снимали усталость походов, но строгий ритуал пиров не допускал «буйства во хмелю». Конечно, и арабы, приняв ислам, не перестали пить вино, но делали это в узком кругу родных и друзей, в публичные места являясь трезвыми. У них не было ритуалов пиров и соответствующих им стереотипов поведения. В итоге мусульманским муллам Владимир отказал известными словами: «Руси есть веселие пити...»

Сложнее причины отказа Владимира немцам-католикам. Его слова неясны: «Идите, откуда пришли, ибо и отцы наши не приняли этого». Попробуем разобраться, что именно «не приняли отцы». В середине X в. на Русь прибыл епископ Адальберт с миссией крещения княгини Ольги и киевлян. Адальберт потерпел неудачу, но «не по своей нерадивости».

Известно, что в середине века на святой престол иногда всходили очень грешные папы. В 955 г. на папский престол

воссел шестнадцатилетний юноша, нареченный папой Иоанном XII. Ватиканский двор стал вертепом продажных женщин. Если бы папа был только охотником, игроком, волокитой и пьяницей, то это было бы еще полбеды. Но римский первосвященник давал пиры с возлияниями в честь древних языческих богов и пил за здоровье Сатаны. Конечно, вести о таких «подвигах» достигали Руси. Хронологическое совпадение бесчинств в Риме и изгнания Адальберта из Киева случайностью быть не может. Поэтому традиция отвержения латинской веры и сознательного выбора греческой действительно восходит к предкам Владимира на княжеском столе: княгине Ольге и ее внуку Ярополку.

А вот рассказ о приходе к Владимиру хазарских евреев – пример явного литературного творчества Нестора. Евреи якобы признаются Владимиру: «Предана бысть земля наша хрестеяномь». На самом деле в X в. Палестина была в руках мусульман. Летописец сместил даты. Примечательно, что, по летописи, Владимир не обращался к иудеям, а только принял их, чтобы прогнать. Следовательно, летопись Нестора фиксирует последнюю попытку хазарских иудеев прибрать к рукам киевского князя, сделанную тогда, когда Хазарский каганат уже не существовал. Исход попытки известен: Владимир был проницателен.

Военно-политические следствия выбора веры были очень велики. Сделанный выбор не только дал Владимиру сильного союзника – Византию, но и примирил его с населением собственной столицы. Некоторое сопротивление крещению оказали на первых порах, предпочитая язычество, Новгород и Чернигов. Но язычники Новгорода были сломлены военной силой, а через некоторое время Чернигов вместе со Смоленском также приняли христианство. Теперь перед киевским князем оставались лишь внешнеполитические проблемы.

В степях между Русью и Черным морем царили печенеги. Именно печенеги, богатевшие на торговле с Корсунью и Византией, выступили против князя Владимира. Нам известен только результат столкновения, которое, предположительно, вылилось в немалую войну; Владимиру пришлось огородить свои земли частоколом, поставить «сторожи», а также отказаться от гегемонии в южнорусских степях и от выхода к Черному морю.

Враги русских и Византии – печенеги – в X в. были язычниками. В XI в. это племя приняло ислам. Обращение в магометанство сопровождалось междоусобной войной. Часть кочевников крестилась, но большинство, обратившись в ислам, стало враждовать с греками. Переход в ислам, войны с

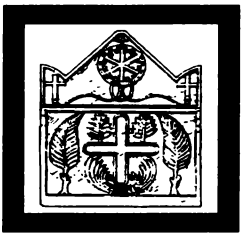
Византией и внутренние смуты сковали силы кочевников и к концу первой трети XI в. избавили Русь от печенежской угрозы.

Что же происходило на Руси? Мы видим, как православная церковь постепенно распространяла свое благотворное влияние, строила храмы и монастыри, учила людей грамоте и живописи. Только в Ростове (в Мерянской земле) долгое время сохранялись две городские общины: христианская и языческая. В одном конце города стояла православная церковь, в другом находилось капище бога мерян Керемета. При этом христиане и язычники сосуществовали довольно мирно, а после того, как меряне убили двух особенно назойливых миссионеров, их и вовсе оставили в покое.

Итак, Владимир пошел по пути, который наметила «мудрейшая из людей» княгиня Ольга, избравшая православие. Ступив на этот путь, сбросив гнет купеческого капитала раxдонитов, Русь пришла к крещению 988 г. Сила проповеди православия была и в политической умеренности Византийской империи, и в искренности константинопольских патриархов, и в очаровании греческой литургии (церковной службы).

Византия хотела от Руси дружбы и прекращения бессмысленных набегов на побережье Черного моря. Греческие богословы не сдабривали проповедь православия лукавыми политическими хитросплетениями. Важным оказалось и то, что православие не проповедовало идеи предопределения. И потому ответственность за грехи, творимые по собственной воле, ложилась на грешника. Это было понятно и приемлемо для язычников. Принятие христианских норм морали не было психологическим насилием для новообращенных, которые привыкли к элементарному противопоставлению добра и зла.

Добро и мудрость христианства в 988 г. сразились с Перуном и стремлением к наживе – действительным божеством раxдонитов. Крещение дало нашим предкам высшую свободу – свободу выбора между Добром и Злом, а победа православия подарила Руси тысячелетнюю историю.



ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРИХОТИ СУДЬБЫ

СЫНОВЬЯ ВЛАДИМИРА

Накануне своей смерти, в 1015 г., Владимир столкнулся с острой проблемой управления завоеванными землями. Его собственных военных сил было достаточно для того, чтобы одерживать отдельные победы, но их явно не хватало для того, чтобы держать в покорности все земли Киевской державы. Новгород, Полоцк, Червленая Русь и даже Северо-Восточная Русь все время пытались отложиться от Киева. Посылать всякий раз на их усмирение воевод было способом рискованным и ненадежным. Воевода мог оказаться претендентом на местный княжеский стол и отколоться вместе с теми подданными, которые ему сочувствовали. Поэтому при Владимире создалась, а позже, при Ярославе, окрепла система раздачи уделов ближайшим родственникам, как правило сыновьям.

У великого киевского князя Владимира было двенадцать сыновей. Мы отметим лишь тех, которые приняли участие в последующих событиях. Сын Владимира и Рогнеды Ярослав княжил в Новгороде, его брат Мстислав – в Тьмутаракани. Естественно, что первый зависел от новгородцев, а второй – от тьмутараканцев. Любимыми детьми Владимира были его сыновья от болгарки: Борис и маленький Глеб. Своего старшего сына и законного наследника Святополка Владимир ненавидел. Святополка звали «сыном двух отцов», ибо Владимир захватил в плен и взял в жены его мать-гречанку, бывшую беременной от им же убитого князя Ярополка.

Святополк активно налаживал контакты и с печенегами, и с поляками. Пожалуй, это был первый русский «западник».

В качестве духовного отца Святополк избрал епископа Колобережского – немца Рейнберна, что очень скверно кончилось для обоих. Владимир посадил и немца, и княжича в темницу, из которой епископ уже не вышел.

В настроениях киевлян не было единства. Среди жителей города были сторонники и Святополка, и Ярослава, и Мстислава, причем горячие сторонники одного княжича были злейшими врагами остальных.

Когда Владимир умер, его любимый сын Борис, отправленный отцом против печенегов, был брошен своими соратниками. Дружина оставила его и ушла в Киев. Борис с немногими друзьями оказался беспомощен и беззащитен. В это же время, по смерти князя, толпа освободила из заточения Святополка и провозгласила его великим князем. Что касается Новгорода, то незадолго до смерти Владимир собирал войска для усмирения новгородцев и своего сына Ярослава.

Итак, мы видим полный развал державы, который мог кончиться только войной. И война началась.

Надо сказать, что Новгород был городом богатым, а новгородцы – людьми достаточно воинственными. Однако Ярослав, не доверяя им, пригласил наемников – варяжскую дружину. Варяги задирали новгородцев и приставали к женщинам. В завязавшейся однажды драке новгородцы убили нескольких скандинавов. Боясь княжеского гнева, горожане послали к Ярославу в детинец парламентеров и предложили виру (выкуп) за убитых, но князь приказал варягам убить послов. В ответ город восстал. И в этот момент по Волхову со стороны озера Ильмень прибыл гонец из Киева с вестью о том, что Владимир умер и власть захватил Святополк. Новый князь убил беззащитного Бориса, умертвил мальчика Глеба. Посланные Святополком люди настигли и убили Святослава Древлянского – сына Владимира от «чехини», который пытался бежать на родину матери.

Ярослав понял, что и его судьба предрешена. Потеряв отца и братьев, князь оказался под угрозой смерти от рук святополчьих убийц. К тому же он находился в острейшей ситуации, поссорившись с новгородцами. Ярослав решил бежать в Швецию. И тут обнаружилось, что новгородцы не только воинственны, но практичны и решительны. Они вновь отправили к князю послов, и те сказали: «Князь! Мертвых нам не кресити (не воскресить). Пойдем добывать стола киевского!» Новгородцы в данном случае проявили не столько благородство, сколько расчетливость. Ведь Новгороду приходилось ежегодно отправлять в Киев большую подать. Поэтому естественным

было стремление новгородцев хотя бы сократить этот обременительный налог.

Новгородское войско во главе с Ярославом стало спускаться по Днепру к Киеву. Святополк выступил навстречу с дружиной киевлян и вспомогательными отрядами печенегов. Когда противники встретились у городка Любеч (1016), была поздняя осень. Полное отсутствие военных способностей у Святополка выразилось в том, что он поставил отряды киевлян и

Киевская Русь в IX – середине XI вв.

печенегов по разные стороны от уже замерзавшего озера. Ярослав атаковал именно киевскую дружину и опрокинул ее. Печенеги, отделенные от киевлян ледяной водой, попросту не смогли вступить в бой. Победа досталась Ярославу, а Святополк бежал в Польшу.

Победители-новгородцы вошли в Киев, «и погоре церкви», – пишет летописец. Мы заключаем из этого, что идейная основа действий Ярослава, его программа сводилась к восстановлению язычества. Но христианизация Киева была уже слишком сильной. Никто не хотел возвращения культа Перуна. От этого Ярослав чувствовал себя в столице крайне неуверенно.

В 1018 г. разногласия между партиями язычников и христиан обострились. Этим воспользовались польский король Болеслав Храбрый и беглец Святополк. Польское войско двинулось на Киев, чтобы, по утверждению поляков, освободить христиан от власти злых язычников.

Болеслав и Ярослав встретились на Буге. Войска врагов разделяла река. По обычаю тех времен поляки и русские кричали друг другу через реку оскорбления. И когда остряк-новгородец прокричал, что проткнет «колом брюхо толстое» Болеславу, польский король, действительно мужчина упитанный, оскорбился несказанно. Самолюбивый поляк бросился на коне в воду. Вслед за своим королем польские рыцари форсировали реку и... полностью разгромили новгородцев. Рать Ярослава бежала, разгоряченные польские всадники рубили спасавшихся бегством. Сам Ярослав с четырьмя спутниками ускакал в Киев. Но надежды на киевлян не было, а поляки и сторонники Святополка подступали все ближе. Ярослав перебрался в Новгород и снова принялся строить ладьи для бегства в Швецию. И опять князя остановили новгородцы. Они «порубили» ладьи, пообещав собрать деньги и войско для нового похода.

Тем временем поляки заняли Киев: на «золотой стол киевский» воссел Святополк. Воины-иноземцы были размещены по домам киевлян и окрестным деревням. И немедленно начались конфликты с местным населением. Буквально за несколько ночей было вырезано множество поляков. Оказалось, что народ может сделать гораздо больше, чем князь и дружина. Сила народная была велика. Это прекрасно понял Болеслав и увел своих воинов в Польшу, оставив в Киеве Святополка.

Ярослав с новгородцами, а точнее, новгородцы с Ярославом вновь двинулись на Киев. Они столкнулись со Святополком, который, мало рассчитывая на киевлян после истории с поляками, вновь призвал на помощь печенегов. Печенеги не

помогли, и Святополк, прозванный Окаянным, бежал на запад и вскоре умер, якобы от угрызений совести за невинно убитых братьев Бориса и Глеба. Ярослав стал главой почти всей Руси, за исключением левобережья Днепра и далекой юго-восточной окраины – Тьмутаракани.

В этих событиях наше внимание привлекают два обстоятельства. Во-первых, в настоящее время славяне – поляки и русские – практически не понимают друг друга, особенно если говорят быстро. А тогда языки были настолько близки, что брань, перелетавшая через реку, была понятна обеим сторонам. Идея славянского единства уже была утрачена, но, как след былой славянской общности VI–VIII вв., еще сохранялась языковая близость.

Второе важное обстоятельство мы видим в том, что Киев решительно высказал свое негативное отношение к западничеству и тесным контактам с Западной Европой. Дело в том, что хотя и существовали этнические различия населения Новгорода и Полоцка, Ростова и Смоленска, Галича и Чернигова, но в целом Древняя Русь по отношению к другим таким же большим группам этносов (суперэтносам) была единой общностью. Такими группами были, к примеру, жители католической Западной Европы или население мусульманских стран.

В XI в. Польша сблизилась с католическим Западом. Граница двух различных культур пролегла по славянским народам. Сей факт важен для нас потому, что на протяжении всей дальнейшей истории в Древней Руси, а впоследствии и в России постоянно шла борьба двух политических течений: «западнического» (проевропейского) и «почвеннического», выражавшегося в стремлении держаться своих традиций. Проявлениями такого стремления были и сопротивление киевлян оккупационным войскам Болеслава, и отрицательная реакция Киева на западничество Святополка.

МУДРОСТЬ КОМПРОМИССА

А что происходило в Тьмутаракани, где мы оставили шестилетнего Мстислава Владимировича? Как и всякий ребенок, он играл на морском берегу цветными камешками, встретил ровесников и подружился с ними. Друзьями детства и юности Мстислава были евреи, осевшие в Тьмутаракани после гибели Хазарии и ставшие называться хазарами. Иудео-хазары крепко

держали в своих руках всю торговлю в северо-восточном Причерноморье.

Главным противником иудео-хазарской общины Тьмутаракани было черкесское племя касогов. В 1022 г. военные силы тьмутараканского князя и вождя касогов Редеди встретились. Предводители дружин мудро решили избежать большого кровопролития и определить победителя в личном поединке. Мстислав, ставший к тому времени могучим воином, одолел Редедю и зарезал его на глазах касожской дружины. Он был милостив с побежденными: отпустил взятых в плен и выдал свою дочь за сына убитого им вождя касогов. Так у Мстислава установились хорошие контакты с черкесами. После совершенно мирным путем он поладил со степными осетинами – ясами. В результате дружина князя пополнилась касожскими и ясскими удальцами.

Будучи правителем далекого от Киева южного города, Мстислав никогда не забывал, что он сын великого русского князя Владимира. Мстислав собрал степняков, ясов и касогов, призвал к себе племя северян, живших в Северской земле к востоку от Чернигова, и в 1023 г., соединив эти силы с иудео-хазарским войском Тьмутаракани, отправился искать «золотого стола киевского».

Момент был избран удобный. Ярослав находился на севере своей державы: сначала ему пришлось отбивать нападение полоцкого князя Брячислава на Новгород, а после усмирять движение волхвов, возобновивших языческие жертвоприношения людей.

Летопись утверждает, что Мстислав подошел к Киеву, но киевляне наотрез отказались впустить в город тьмутараканскую дружину: еще была жива память о «подвигах» полководца Песаха и о дани, собиравшейся с Руси иудео-хазарами.

Войска Мстислава столкнулись с варягами вернувшегося с севера Ярослава в битве при Листвене (1024). Летописец рассказывает о грозе, бывшей в ночь битвы. Воины сражались при свете молний. Варягам противостояло ополчение северян – союзников Мстислава. В решающий момент, когда обе стороны уже были измучены боем, Мстислав бросил на варяжское войско свою конницу, состоявшую из ясов и касогов. Варяги смешались и бежали – победа осталась за тьмутараканским князем.

Обходя утром поле сражения, Мстислав предельно откровенно выразил свои чувства. Его фраза попала в летопись: «Кто тому не рад? (Как не радоваться?) Вот лежит северянин, вот

варяг, а дружина своя цела». Понятно, что союзные Мстиславу северяне, ясы и касоги были оскорблены. В результате князь-победитель остался с малой дружиной иудео-хазар и просил побежденного Ярослава о мире. Итак, в Киеве снова воссел Ярослав, а за Мстиславом остались далекие Тьмутаракань и Северская земля (Чернигов). Братья стали княжить на Руси в мире и согласии.

Возникает вопрос: почему евреям удалось подчинить себе Хазарию и ее тюркскую династию ханов Ашина и почему безуспешными оказались их попытки в отношении Руси и князей Рюриковичей? Нам известна набожность Мстислава: очевидно, князь не мог иметь некрещеную жену, и, таким образом, его потомство не могло перейти в иудаизм.

После заключения мира с братом Мстислав жил преимущественно в своих черниговских владениях. Скончался князь в 1036 г. Он не оставил наследника, и Ярослав принял власть над всей Русью. Единство державы было достигнуто на основе соглашения между Новгородом – самостоятельной славянской «республикой», Киевом, с его влиятельной христианской общиной, и Черниговом – богатым городом с воинственным населением. Кроме того, к Киевской Руси уже был присоединен мерянский город Ростов. Именно это соглашение – компромисс, основанный на признании отдельными областями Руси верховной власти великого киевского князя, – принесло стране долгожданный покой. Это было самое великое достижение Ярослава, прозванного Мудрым.

ПЕРЕМЕНЫ

К сожалению, всякий компромисс годен для определенного момента, и надежное будущее державы он обеспечить не может. Это будущее во многом зависит от верного выбора друзей. Ярослав поддерживал отношения с варягами и был готов к дружбе с Польшей, но, к сожалению, ни он, ни его окружение не испытывали симпатий к Византии. Ухудшение отношений между Киевом и Константинополем в 30–40-е годы XI в. происходило на фоне резкого обострения противоречий между православным Востоком и католическим Западом. Римский папа требовал признания себя главою христианской церкви, константинопольский же патриарх Михаил Кируларий стоял на том, что греческая церковь ничем не уступает римско-католической.

Папа опирался на поддержку Западной Европы: Германии, Франции, испанских королевств, города-республики Генуи. А Царьград искал помощи у завоеванной им Болгарии и добровольно присоединившейся к Византии Сербии. Религиозное противостояние Рима и Константинополя завершилось окончательным расколом христианской церкви на западную (римско-католическую) и восточную (греко-православную) в 1054 г.

Князь и оруженосец *(с фрески Софийского собора)*

Тем временем антигреческие настроения Ярослава и его окружения, во многом вызванные стремлением освободить киевскую митрополию от опеки константинопольского патриарха, вылились в военный конфликт.

В 1043 г. русский флот во главе с сыном Ярослава Владимиром и воеводой Вышатой двинулся на Константинополь. Летописец сообщает, что «буря велика» разбила корабли русских. Но, вероятно, причиной гибели русского флота вновь стал «греческий огонь». Во всяком случае, спасавшихся на берегу русских избивала и брала в плен латная конница византийцев. Владимиру с частью дружины удалось вернуться на Русь, а воевода Вышата был пленен и выпущен греками лишь спустя три года. Множество русских пленных византийцы ослепили. Эта неудача заставила Ярослава прекратить активную внешнюю политику, направленную против греков.

При дворе Ярослава по-прежнему сохранялись три партии: одна – западническая, другая – исключительно национальной ориентации, считавшая, что Русь может соперничать с любыми

коалициями западных держав, и третья, стремившаяся к миру и дружбе с Византией. Западников возглавлял Изяслав Ярославич (в крещении Дмитрий, старший сын великого князя), национальную партию – Святослав Ярославич (сидевший в Чернигове), провизантийскую партию – Всеволод (княживший в Переяславле, третий сын Ярослава). После смерти Ярослава Мудрого в 1054 г. в Киеве воцарился Изяслав.

В то время немалые перемены произошли не только в Западной Европе и Византии, но и в Великой степи. Проникавшая с IX в. в печенежские кочевья мусульманская пропаганда делала свое дело. Правда, ей противодействовала пропаганда христиан, но сторонники христианства потерпели поражение у печенегов, большинство которых высказалось за принятие ислама. В результате печенеги сделались злейшими врагами всех христианских стран. В 1036 г. в отсутствие Ярослава они совершили набег на Киев. Подоспевший с варягами и новгородцами Ярослав, пополнив войско киевлянами, дал бой печенегам на месте нынешней Святой Софии. Битва была жестокая и упорная. Ярослав «едва одоле к вечеру». Зато разгром печенегов был полный, и это племя больше не тревожило Русь. «Остаток их бегает где-то и до сего дня», – сообщил летописец.

Византия в это время терпела тяжелые неудачи в борьбе с родственным печенегам народом – туркменами-сельджуками. И печенеги, и сельджуки принадлежали к одной ветви тюркских народов – огузам. Сознание родства и единоверие двух племен (сельджуки также исповедовали ислам) сделало их грозными противниками греков. Малоазийские области империи захватывали сельджуки, доходя порой до города Никеи и пролива Босфор, а на Балканском полуострове греков теснили печенеги. Со второй половины XI в. полное завоевание туркменами-сельджуками всей Малой Азии стало реальной угрозой для Византийской империи.

В тот же период на историческую сцену Восточной Европы вышли куманы. К середине XI в. они захватили почти всю территорию современного Казахстана, пересекли нижнее течение Волги и появились в южнорусских степях. Голубоглазых, светловолосых куманов на Руси стали называть половцами (от слова «полова», которое означает рубленую солому, имеющую матово-желтый цвет). У половцев был давний заклятый враг – печенеги. «Степная вендетта», длившаяся века, в XI в. особенно ожесточилась из-за вероисповеданий. Как мы знаем, печенеги приняли ислам, половцы же сохраняли языческие верования своих предков.

После смерти Ярослава Мудрого князь Всеволод пытался установить контакты с половцами, но безуспешно. Постоянные стычки русских и половцев завершились тем, что в сентябре 1068 г. половцы двинулись в большой поход на Русскую землю. Трое Ярославичей: Изяслав, Святослав и Всеволод – встретили кочевников на реке Альте. Кавалерийский бой оказался для русских неудачным. Как сказал поэт:

С рассветом на половцев князь Изяслав
Там выехал, грозен и злобен.
Свой меч двоеручный высоко подъяв,
Святому Георгтю подобен;
Но к ночи, руками за гриву держась,
Конем увлекаемый с бою,
Уж по полю мчался израненный князь,
С закинутой навзничь главою.

Ярославичи потерпели поражение. Изяслав бежал в Киев, где киевляне потребовали у него оружие и коней, чтобы вновь сразиться с половцами. Но князь не решился дать народу оружие: западник Изяслав хорошо знал свою непопулярность. Киев возмутился, и великий князь, забрав сына Мстислава, бежал в Польшу. Его дальнейшие странствия сами по себе очень интересны, но сейчас для нас важны исход половецкого нашествия и события в Киеве.

1 ноября того же 1068 г. черниговский князь Святослав Ярославич, имея всего 3 тысячи русских ратников, наголову разбил 12 тысяч половцев в битве на реке Снови. Оказалось, что половцы удачливы в коротких набегах и стычках конных отрядов, но борьба с русскими городами и русской пехотой им была не под силу. Поэтому опасности для существования Руси половцы не представляли.

По странной иронии судьбы, половцы оказались спасителями Византии, так как она, теснимая печенегами и в Европе, и в Азии, призвала куманов-половцев на помощь. Ханы Боняк и Шарукан привели на Балканский полуостров конные рати куманов. К 1091 г. с печенегами на Балканах было покончено. Прижатые половцами и византийцами к морю у мыса Лебурн, печенеги были частью уничтожены, частью захвачены в плен. Союзники по-разному распорядились судьбой пленников. Греки своих перебили, а половцы присоединили к собственному войску. Из остатков печенегов сложился доныне существующий народ – гагаузы.

ВСЕСЛАВ ПОЛОЦКИЙ И ЯРОСЛАВИЧИ

В годы, полные войн с половцами и княжеских усобиц, проявил себя Всеслав, князь Полоцкий, внук Изяслава Владимировича, сына Владимира Крестителя. Судьба и деятельность Всеслава Полоцкого необычайно интересны.

Полоцк сохранил память о разгроме города Владимиром в 980 г., когда будущий великий князь убил князя Рогволода и его сыновей и надругался над дочерью Рогволода Рогнедой. По расправе с княжеской семьей можно представить, как вели себя новгородцы и наемные варяги в захваченном городе. Когда же на княжеском столе Полоцка оказался потомок Рогнеды Всеслав, полочане активно поддержали своего князя в войне с Псковом, а затем и с Новгородом.

Всеслав захватил и ограбил в 1067 г. Новгород, но вскоре был разбит Ярославичами в бою на реке Немиге. Полагаясь на «крестное целование», князь встретился с победителями и... был схвачен и посажен в Киеве в поруб – уходящий в землю сруб без окон и дверей, куда узника опускали сверху на веревках и таким же образом подавали ему пищу; заключение в порубе считалось очень суровым. Но просидел Всеслав в порубе недолго. Как только выяснилось, что Изяслав, проиграв битву с половцами на Альте, отказывает киевлянам в оружии и конях, город, как мы уже знаем, восстал. Горожане разнесли поруб и провозгласили освобожденного Всеслава князем Киева, на что правнук Владимира имел, по их мнению, все права.

Тем временем Изяслав с сыном Мстиславом получили поддержку польского короля. В 1069 г. польское войско с Мстиславом Изяславичем во главе двинулось к Киеву. Всеслав, не имевший большой дружины, даже не пытался бороться с регулярными войсками поляков. Он бросил Киев и бежал в родной Полоцк. В Киев вошел Мстислав и учинил жестокую расправу с населением города. Казни и пытки вынудили киевлян обратиться к двум другим Ярославичам с просьбой о защите.

Святослав и Всеволод потребовали от Мстислава прекратить кровопролитие в Киеве. Казни прекратились, а от польского войска киевляне избавились средством, испытанным еще при Святополке Окаянном: массовыми убийствами размещенных на постой польских ратников. Поляки вернулись на родину, а в Киеве вокняжился Изяслав. Но в 1073 г. непопулярный князь был вновь изгнан киевлянами, выступившими на сей раз в союзе с братьями

Изяслава Святославом и Всеволодом. Изяслав опять бежал на Запад. В Польше князя-беглеца ограбили, и только заступничество папы вернуло ему княжеские драгоценности.

Между тем в Киеве воссел на престол второй сын Ярослава Мудрого – князь черниговский Святослав, которого полностью поддерживал третий Ярославич – Всеволод. Святослав, человек умный и волевой, был прекрасным полководцем. При этом он стремился к контактам с обосновавшимися в южнорусских степях половцами и совсем не тяготел к Западу. Его позицию можно назвать «националистической». К сожалению, узкие националисты всегда рискуют остаться без поддержки со стороны. Так и Святославу не удалось ни установить настоящего мира с половцами, ни восстановить отношения с Византией.

Тем временем внутри страны часть населения вернулась к язычеству. Славяне, как и их соседи тюрки и угро-финны, верили в существование упырей, то есть духов покойников, и духов природы: лесных, водяных, а также домовых. Такие взгляды религией называть неправильно. Это, скорее, «природоведение», соответствовавшее уровню знаний того времени. Вместе взятые, суеверия представляли собой какое-то подобие мировоззрения, но считать их настоящим религиозным культом нельзя, как нельзя отождествлять домового с Богом Создателем. Интересно, что эти языческие верования прекрасно уживались и продолжают уживаться и с христианством, и с исламом, а в наше время – и с «научным» атеизмом. Сначала это явление называли двоеверием, затем стали говорить о суеверии, но название не меняет сути.

Вспышка языческого фанатизма отмечена летописью в 1071 г. В Ростовской земле объявились волхвы, которые в пору неурожая успешно находили «виновных» в голоде. Жертвами волхвов обычно становились женщины, очевидно, зажиточные крестьянки. Доставая у несчастных из-за спины зерно, волхвы убеждали волнующийся народ, что «бабы прячут жито». Женщины погибали, а движение волхвов, фанатиков-изуверов, захватывало все новые области.

На Белоозере воинствующие язычники столкнулись с Яном, воеводой Святослава. Ян, сын воеводы Вышаты, так неудачно ходившего на Царьград в 1043 г., был человек бесстрашный и, на беду волхвов, беспощадный. Разогнав с немногими воинами мятежную толпу, он заставил белоозерцев выдать ему волхвов-зачинщиков. Летопись передает разговор Яна и волхвов. Те упорствовали в своих верованиях и лишь после «внушения» горестно признались Яну: «Так нам боги молвят: не быть нам живым от

тебя». Ян, немедленно согласившись с ними, отдал волхвов-убийц родным погибших. Повешенных на дереве волхвов ночью изгрыз медведь, зверь для язычников очень почтенный.

Некий волхв появился и в Новгородской земле. Он объявил себя прорицателем, подбил людей на мятеж против церкви и обещал невиданное чудо. Белоозерских язычников обуздал сын Святослава князь Глеб. Укрыв под плащом топор, он обратился к кудеснику с вопросом, знает ли тот будущее. «Знаю все», – был ответ. Князь спросил: «Знаешь ли, что будет с тобою сегодня?» «Чудеса великие сотворю», – пророчествовал волхв. Глеб вынул топор и зарубил волхва, доказав тем самым, что пророком тот был никудышным. «Люди разошлись», – сообщает летописец. Так энергичными действиями власти было подавлено возрождение язычества на севере Руси.

В декабре 1076 г. князь Святослав умер. Эта внезапная, «от желвака» смерть князя, которому еще не было пятидесяти лет, нарушила сложившееся на Руси равновесие.

ОЛЕГ СВЯТОСЛАВИЧ

По ряду (закону) Ярослава Мудрого после смерти великого князя наследником становился не сын его, а следующий по старшинству рождения брат. Если прекращалось поколение братьев, престол наследовал сын старшего брата, после его смерти – сын следующего брата, и так далее. Когда умер Святослав Ярославич, оставивший пятерых сыновей, возник вопрос: считать его законным великим князем киевским или узурпатором, захватившим киевский стол при жизни старшего брата Изяслава?

От решения этого вопроса зависели и судьбы сыновей Святослава, потому что в Древней Руси существовал очень жестокий обычай. Людей, в чем-либо провинившихся, «изгоняли из жизни», то есть лишали их права заниматься кормившим их семью делом. Существовало три категории таких людей: попов сын, что грамоте не выучился, купец задолжавший и смерд (крестьянин), от верви (общины) отклонившийся. В какой-то степени это было справедливо. Попов сын мог наследовать приход отца, но для посвящения в сан нужно было знать грамоту и уметь служить литургию. Если из-за лени попович грамоту не разумел, его из прихода изгоняли. Сам виноват, скажем мы, надо было учиться. Виновным считался и не отдавший долг купец: «взял в долг – верни». Был ли ограблен караван, потопила ли

буря ладьи с товаром или купец попросту промотал чужие деньги – все это считалось вопросом праздным. Точно так же смерда, отколовшегося от своей верви, где его знали родственники и соседи, не принимали жить и работать другие общины, не интересуясь причинами изгнания.

Но была на Руси и четвертая категория изгоев, никак в своей беде не повинных. «А четвертый изгой: аще (если) князь осиротеет». В соответствии с этим принципом князь, осиротевший раньше, чем его отец смог занять великий стол, навечно лишался всех прав владения наследством предков. Следовательно, для сыновей Святослава в сложившейся ситуации выбор был очень жесток: они либо получали право занять в свою очередь великое киевское княжение, либо превращались в князей-изгоев. Таким изгоем после смерти своего отца Вячеслава стал внук Ярослава Мудрого Борис, сидевший при жизни отца в Смоленске. То же случилось с Давыдом Игоревичем, сыном самого младшего сына Ярослава Мудрого – Игоря, также не дожившего до своей очереди занять киевский стол.

Естественно, что князья-изгои стремились закрепиться на каком-то из русских столов. Единственно возможным местом была далекая Тьмутаракань. Там и началась непрерывная борьба между изгоями, которых приглашали тьмутараканские иудео-хазары, и Святославичами, потерявшими отцовский Чернигов и использовавшими контакты с ясами, касогами и половцами. Святославичи стремились вернуть черниговский стол отца, на котором закрепились сначала Всеволод, а затем его сын Владимир Мономах.

И вот в 1078 г. Олег и Роман Святославичи вместе с Борисом Вячеславичем двинулись на Русь из Тьмутаракани, чтобы мечом добыть свои удельные города. Против них выступили старшие князья – Изяслав и Всеволод. В страшной битве на Нежатиной Ниве около Чернигова погиб князь Изяслав – старик, проживший жизнь, полную взлетов и падений. Погиб и бросившийся в сечу за удел отца юноша Борис Вячеславич. Победу одержали старшие князья. Великим князем стал Всеволод, торжественно отпевший брата Изяслава. Таким образом, Святослава на великом столе сменил Всеволод.

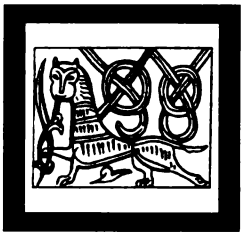
Судьба уцелевших Святославичей была печальной: Роман Святославич в 1079 г. был убит в половецких кочевьях, а Олег, добравшийся до Тьмутаракани, был схвачен хазарами. Судьба Олега поражает нас своей исключительностью. Хазары передали Олега грекам. Князь жил в Константинополе, очевидно, как почетный пленник. Бездеятельная жизнь, к тому же лишенная

какой-либо перспективы, не могла не тяготить молодого, энергичного Олега. И тут ему повезло. Все изменило происшествие в императорском дворце, когда русские наемники, крепко напившись вина, решили произвести переворот и напали на императорскую спальню. Эта пьяная попытка успеха не имела. Греческие воины отбили нападение и загнали наемников в одно из дворцовых помещений. Проспавшись, буяны стали просить прощения и были прощены. Разумеется, их отправили из столицы в пограничные войска, где больше воевали с сельджуками, чем употребляли хмельные напитки. Русская гвардия при дворе базилевса была ликвидирована и заменена воинами из англосаксов[1].

После нелепого бунта пьяных варягов Олега Святославича, как русского, перевели на остров Родос. Там он женился на греческой патрицианке Феофании Музалон и через два года получил разрешение вернуться в Тьмутаракань, где укрепились поддержанные хазарами изгои Давыд Игоревич и Володарь.

В 1083 г. к причалу Тьмутаракани подошла византийская галера с «архонтом Русии» (греческий сан русского князя) Олегом и его молодой женой. Олег сошел на берег, и... в Тьмутаракани учинилась резня. Были истреблены иудео-хазары, давние враги Олега, и изгнаны князья Давыд и Володарь. Ясно, что собственными силами Олег не смог бы расправиться с еврейской общиной Тьмутаракани. Кто мог поддержать нового князя и произвести эту жестокую экзекуцию? Очевидно, лишь коренные жители: ясы и касоги, и, возможно, половцы. Некоторые время Олег держался в Тьмутаракани, сохраняя отношения с Византией, а в 1094 г., отдав город василевсу Алексею Комнину, ушел с дружиной на Русь. Он взял в союзники половцев, выгнал из Чернигова своего двоюродного брата Владимира Всеволодича Мономаха и вокняжился в городе своего отца.

[1] Как известно, в 1066 г. герцог Нормандии Вильгельм Завоеватель разбил короля Англии Харальда. В битве при Гастингсе Харальд погиб, Англия была захвачена норманнами, а англосаксы подверглись столь жестокому угнетению завоевателей, что стали покидать родину, охотно нанимаясь на военную службу в Византию.



ГЛАВА ПЯТАЯ

МИГ ЕДИНСТВА

В ПОИСКАХ СОЮЗНИКОВ

Всеволод, ставший великим князем, на короткое время объединил под своей властью большую часть Руси, посадив сыновей в удельных городах. Византийские симпатии Всеволода угасали, и это неудивительно. Во второй половине XI в. Византия почти потеряла Малую Азию, хозяйство империи было разрушено бездарным правлением императрицы Зои и внутренней смутой, устроенной Романом Диогеном в 1068–1071 гг. Относительный порядок в Византии начал устанавливаться лишь после 1081 г., когда василевсом стал Алексей Комнин; а до того киевский князь просто не мог рассчитывать на поддержку слабеющей византийской державы.

В поисках союзника Всеволод, как и его старший брат, начал обращать взоры на Запад, но Западная Европа тогда являла собой неутешительную картину. «Христианский мир» переживал пассионарную депрессию акматической фазы. Пассионарность западноевропейцев активно смещалась к границам суперэтнического ареала. Германские феодалы начали захватывать пограничные славянские земли и превращать славян в бесправных «сервов» – крепостных. Западные славяне, жившие по Эльбе, сопротивлялись немецкому давлению всеми силами, но силы были неравны.

Ужас положения славян состоял в том, что, не принадлежа к христианскому миру, они были для немцев не просто «чужими»: людей другого суперэтноса завоеватели рассматривали лишь как часть природы покоренной страны (со всеми вытекающими отсюда последствиями). Разумеется, и собственных крестьян

немецкие бароны притесняли достаточно сильно. Но характер этого притеснения был иной. Когда, к примеру, саксонский герцог, став императором Священной Римской империи, наказывал «своих» саксов, то в них он видел людей, от которых просто требовал некоторой повинности. С бургундами, франконцами, баварцами герцог обходился уже гораздо более жестоко, а со славянами (или арабами, или венграми) поступал абсолютно бесчеловечно.

Кроме того, все феодалы средневековой Европы делились на две основные партии. Одну партию возглавляла церковь, сама претендовавшая на десятину и на верховный авторитет в делах управления. Сторонники этой партии в XII–XIII вв. получили итальянское название гвельфы, по имени Вельфов – герцогов Саксонии и Баварии, боровшихся против императорской династии Гогенштауфенов. Приверженцы же императоров звались гибеллинами.

Формально и те и другие считали себя католиками, а фактическое отношение к религии никого не волновало. Различие гвельфов и гибеллинов заключалось не в религиозных воззрениях – различались их программы устройства жизни. Гвельфы, естественно, опирались на авторитет римской курии и священников; гибеллины формировали свой «интеллектуальный фонд» из юристов (прежде всего Болонского университета), которые обосновывали тезис о превосходстве власти императора над властью папы.

Разным было также мироощущение гвельфов и гибеллинов, выражавшееся в их отношении к природе. Дело в том, что ряды гвельфов пополнялись людьми, жившими на своих природных землях и приспособившимися к вмещающему ландшафту. Поэтому к родной природе они относились вполне благожелательно. Большинство же гибеллинов состояло из весьма пассионарных феодалов, искавших славы, побед, завоеваний в далеких землях, где они жили за счет покоренного населения. И люди и природа оставались для них «чужими», а «своим» становилось стремление получить возможно больший доход. И потому в восприятии гибеллинами окружающего преобладало мироотрицание. Негативное мироощущение гибеллинов не замедлило проявиться в экстремальной ситуации.

Борьба пап и императоров достигла своего апогея в конце 70-х годов XI в. при противостоянии папы Григория VII и императора Генриха IV из Франконской династии. Поскольку папа оставался главой церкви, среди феодалов начали широко распространяться антисистемные культы, противоположные

церковному, например поклонение Сатане. Не представлял исключения и сам император, состоявший в секте николаитов[1]. Хотя отправляемый культ считался тайным, о служении «черных месс» знали многие, причем шока это у западноевропейцев не вызывало.

Именно с императором Генрихом IV заключил союз киевский князь Всеволод, примкнув таким образом к европейской партии гибеллинов. Союз был дополнен династическим браком императора с дочерью великого князя – Евпраксией Всеволодовной. Так русская княжна стала немецкой императрицей Адельгейдой.

Генрих был человеком без предрассудков и привлек к участию в «черных мессах» свою жену, дабы на ее голом теле служить кощунственные обедни. Однако то, что немкам, бургундкам или итальянкам казалось очень лестным, у русской женщины вызвало отвращение – жена бежала от мужа к его противнице, графине Матильде. Матильда переправила ее в Рим, папа принял Евпраксию и, дав ей отпущение вынужденного греха, отправил несчастную обратно на Русь. Княжна, вернувшись в дом отца и имея все возможности устроить свою жизнь, пошла в монастырь около Чернигова, где и закончила свои дни. Вероятно, ее впечатления оказались настолько омерзительны, что жизнь потеряла смысл. Вот вам пример разницы между поведением западноевропейцев и русских.

Итак, попытка сближения с Западом оказалась для Всеволода неудачной.

Борьба прогреческих и прозападных настроений распространилась и на русскую церковь. К грекам, к Византии тяготели иерархи церкви, группировавшиеся вокруг митрополита, которым обычно был грек. Им противостояли русские клирики, опиравшиеся на монашество Киево-Печерской лавры.

Не было единства на Руси и в отношении к степным соседям. С Киевской державой граничили два кочевых народа: торки (гузы) и половцы, смертельно враждовавшие между собой. Избиравшие себе союзниками торков, как это делали в XII в. волынские и киевские князья, сразу становились противниками половцев. Соответственно те, кто опирался на половцев, как впоследствии черниговские Ольговичи, становились врагами торков.

Ситуация была сверхсложная. Всеволод, не видя возможности навести порядок в удельных землях, передал инициативу

---

[1] *Николаиты* – одна из многочисленных антисистемных сект средневековья, следовавшая сатанинскому культу.

и фактическую власть своему сыну, княжившему в Чернигове, – Владимиру Мономаху. Сам же великий князь, испытав на склоне лет «печали большие», скончался в 1093 г.

БЕСПРИНЦИПНОСТЬ

После смерти великого князя Всеволода, согласно лествичному порядку престолонаследия, на киевское великое княжение взошел Святополк II Изяславич, сын старшего из Ярославичей, княживший до того в небольшом городе Турове. Сын же покойного Всеволода – Владимир Мономах, изгнанный из Чернигова Олегом, сел в Переяславле.

Положение великого князя Святополка оказалось нелегким. Политическая линия его отца была малопопулярна и в Киеве, и во всей Руси. Переговоры Изяслава Ярославича с папой римским были неприятны и неприемлемы для большинства православных русских второй половины XI в. Став великим князем, Святополк не повторял подобных попыток и постарался сменить свое окружение.

Как когда-то Всеволод «отверг дружину свою старшую», Святополк также приблизил к себе совершенно новых людей. Летописец зовет их «уными», то есть юными, но обозначает так не возрастное, а поведенческое отличие. Вместо «старшей дружины», то есть соратников и друзей Ярославичей, у киевского престола собрались новые люди. Они были надежными помощниками великого князя, но при условии, что их служба хорошо оплачивалась. Сподвижниками Святополка становились уже не бескорыстные радетели Русской земли, но хитрые, алчные и часто совершенно бессовестные придворные. Чтобы уверенно опираться на них, великому князю требовались немалые деньги.

И Святополк пошел на нехитрую операцию: он пригласил из Германии евреев-ростовщиков. Ростовщики получили право жительства в Киеве, возможность построить синагогу и свободу в финансовых операциях. Прибывшие с Запада в Киев евреи благодаря своему опыту и сплоченности быстро отняли у непривычных к ростовщичеству киевлян большую часть клиентуры. Однако ростовщики-евреи не ограничились этой деятельностью. Ссужая великому князю деньги, они требовали для себя возможностей максимальной наживы. Наиболее выгодным коммерческим предприятием в то время была торговля рабами.

Естественно, что кредиторы подталкивали Святополка к военным походам, целью которых был захват пленников, служивших платой великого князя ростовщикам.

Противостоять зависимой политике князя могли бы Святославичи, но ведь они сидели в Чернигове, и, поскольку киевляне «не хотели» черниговцев, шансов у Святославичей не было никаких. Сын Всеволода – Владимир Мономах – сидел у себя в Переяславле и не мог покуситься на права старшего брата, а должен был исполнять его волю, поскольку заключил с ним политический союз. Святополк решил развязать войну. А воевать ради невольников киевский князь мог только с половцами.

Надо сказать, что половцы были лишены той маневренности, которую традиционно приписывают кочевникам. Как и все степняки, они занимались скотоводством. Но для зим южнорусских степей характерны обильные снегопады, когда толщина снегового покрова порой превышает 0,4 м. В таких условиях скот не может питаться подножным кормом. И в снежную пору половцы поневоле оказывались прикованными к местам зимовок, а летом – к сенокосам. Даже при хорошо подготовленных зимовках половецкий скот сильно тощал. Особенно страдали ездовые кони, а значит, и военная мощь этого племенного союза.

После нескольких неудачных сражений Святополк II, а с ним Владимир Мономах и старший брат уже известного нам Олега Святославича – Давыд начали нападать на становища половцев, стремясь перенести тяжесть военных действий в половецкую степь. Половцам пришлось защищать зимовья, где находились их женщины и дети. Воловьи упряжки с семьями и утварью кочевников, двигавшиеся со скоростью около 4 км/ч, не могли уйти от русской конницы; половцы поневоле принимали навязываемые им сражения.

Очевидно, что отнюдь не степняки представляли на рубеже XI–XII вв. основную опасность для Киевской Руси. В это время обозначило себя явление более грозное – падение нравов, отказ от традиционной русской этики и морали. В 1097 г. в Любече состоялся княжеский съезд, положивший начало новой политической форме существования страны. Там было решено, что «каждый да держит отчину свою». Таким образом, Русь начала превращаться в конфедерацию независимых государств. Князья поклялись нерушимо соблюдать провозглашенное и в том целовали крест.

Но только съезд окончился, один из князей – Давыд Игоревич – схватил с разрешения Святополка II на киевской земле

князя Василька Теребовльского и велел его ослепить. Ни о чем подобном до тех пор на Руси не слыхивали. Инцидент возмутил всех, но тем не менее Святополк остался великим князем, а Давыда лишь в 1100 г. «сослали» княжить в Бужск. А что же православная церковь? Она, разумеется, осудила эту акцию с христианских позиций, но не более того. Ведь и в церкви единства не было. Как мы помним, «византийцы» – митрополичье окружение – враждовали с монашеской общиной Киево-Печерской лавры.

Вот пример, иллюстрирующий сложность отношений церковных партий, великого князя и его западных друзей. В Киево-Печерском патерике есть рассказ о печерском иноке Евстратии, проданном в Крыму торговцу-иудею. Тот требовал от инока отречения от Христа, мучил его и, не сломив голодом привыкшего к постам Евстратия, распял монаха. Монах погиб. Слух о случившемся прошел по всему Крыму и достиг Константинополя. Император Византии Алексей Комнин преступлений не прощал, шутить не любил и уничтожил еврейскую общину в Крыму.

Лаврская братия, несомненно, не пребывала в неведении относительно обращения еврейского торговца с монахом их собственного монастыря. И тем не менее это не мешало братии иметь с еврейскими ростовщиками одного покровителя – князя Святополка II. Не случайно в «Повести временных лет», созданной Нестором в лавре, многие недостойные качества Святополка оказались старательно затушеваны летописцем в угоду покровителю монастыря. Свои претензии к Святополку первый историк земли Русской выразил крайне сдержанно, указав лишь, что Святополк отнял у монахов соляные промыслы – одно из выгодных предприятий для XI–XII вв., хотя монахи не раз страдали из-за политики Святополка. Тот же Нестор сообщает, что в мае 1096 г. половецкий хан Боняк, союзник черниговских князей и противник Святополка, совершил набег на Киев. Половцы захватили Киево-Печерскую лавру, грабили и убивали монахов. Взятый на Руси полон степняки, как обычно, отвели в Крым и продали местным купцам-работорговцам.

Легко понять, что политика, проводимая Святополком II, была далека от стратегических, политических, экономических и культурных интересов Руси. Война с половцами велась из-за стремления захватить как можно больше пленников и продать их на невольничьих рынках. Естественно, что киевляне были крайне недовольны политикой Святополка, но у него была

достаточно сильная дружина, и в ней командовали «уные». Восставать в таких условиях горожанам было слишком рискованно. Но все люди смертны. В 1113 г. Святополк умер, и тогда прорвались народные страсти. Были разграблены дома многих бояр, двор тысяцкого Путяты и лавки евреев-ростовщиков. Так произошел первый в Киеве еврейский погром. Киевляне расправлялись с еврейскими купцами и их сторонниками, действуя с истинно народным размахом. Не все в городе одобряли стихийно начавшиеся действия киевлян. Богатые бояре понимали, что аппетит приходит во время еды, а значит, это безобразие может коснуться и их. Поэтому они послали депутацию во главе с митрополитом к Владимиру Мономаху, правителю сильному и достаточно популярному в народе.

ОТЕЦ И СЫН

Владимир явился с небольшим отрядом, киевляне не оказали ему никакого сопротивления, а, наоборот, признали великим киевским князем. Мономах потребовал прекратить истребление евреев, обещав киевлянам, что князья решат вопрос о еврейской общине. И на княжеском съезде в Выдобиче этот вопрос был решен. Владимир Мономах заявил, что конфисковывать еврейское имущество, хотя и нажитое неправедным путем, он не будет. Евреи сохранили право на все, приобретенное ими на Руси. Но им отказали в праве на жительство, а тайно приезжавшие лишались покровительства закона. Всем евреям предлагалось немедленно выехать туда, откуда они явились, для чего им был выделен необходимый конвой. После событий 1113 г. западничество на Руси исчезло до XIII в., и в дальнейшем боролись лишь две партии: провизантийская и русская.

Не менее эффективно решил Мономах и половецкую проблему. Русские рати, проигрывая отдельные стычки, легко выиграли войну со столь немобильным противником. Решающий поход в 1111 г. был общерусским. На Донце кочевники были разбиты, а в 1116 г. сын Владимира Мономаха – Ярополк разгромил половецкие вежи и на Дону. В 1120 г. тот же Ярополк уже не нашел половцев на Дону: кочевники ушли в глубь степей.

В итоге этих походов западные кочевья между Доном и Карпатами были приведены к покорности. Половцы, жившие на этой территории, вошли в состав Руси на началах автономии и, будучи некрещеными, стали называться «свои поганые»

(от лат. *paganus* – «язычник»). В противоположность им половцы, жившие за Доном – на Волге и Кубани, – именовались «дикими». «Дикие» половцы обыкновенно выступали союзниками ростово-суздальских князей, тогда как их степные враги, жившие на южной границе Волыни, – торки – поддерживали князей волынских и киевских.

Итак, Владимир Мономах за годы своего великого княжения (1113–1125) решил обе проблемы: половецкую и еврейскую, установив на Руси относительный порядок. Он оставил в наследство своему сыну – Мстиславу Великому, вступившему после него на престол, только проблему Полоцкого княжества. И Мстислав, будучи, подобно своему отцу, талантливым человеком, захватил Полоцк, полоцких князей выслал в Византию, а территорию княжества присоединил к Русской земле. Это был период, когда вся Русь (то есть все восточное славянство) была объединена.

Мстислав Великий, хотя и княживший очень недолго (1125–1132), пользовался таким уважением, что был канонизирован Русской православной церковью.

НАЧАЛО КОНЦА

После смерти Мстислава Киевская держава стала быстро, спонтанно распадаться. Первым отпал Полоцк, куда в год смерти Мстислава Великого прибыли из Византии полоцкие князья. Они были приняты согражданами, и Полоцк вернулся к самостоятельности. Затем, в 1135 г., отделился Новгород. Новгородская «республика» перестала посылать деньги в Киев.

В Киеве некоторое время (до 1139 г.) правил брат Мстислава Ярополк. Он умер, оставив престол брату Вячеславу. И тут в судьбу киевского великокняжеского стола вмешался Чернигов. Сын Олега Всеволод напал на Киев, выгнал Вячеслава и сел на киевский престол, объявив себя великим князем. Против него выступила ветвь Мономашичей, которых поддерживала Волынь. Изяслав, племянник Вячеслава, пытался вернуть Киев потомству Мономаха, но Всеволод – князь крутой, умный и жестокий – держался на великом княжении вплоть до своей смерти (1146).

Менее удачлив оказался его брат Игорь – человек на редкость неталантливый. Меньше чем за месяц своего правления он сумел настроить против себя киевлян, и, когда Изяслав

Мстиславич, внук Мономаха, явился с Волыни с отрядом торков, киевское ополчение покинуло князя Игоря. Потерпев поражение под стенами столицы, он пытался бежать, но его конь увяз в болоте около речки Лыбедь. Игоря схватили и заточили в поруб, где он сидел до тех пор, пока третий брат – Святослав Ольгович – не собрал в Чернигове силы для освобождения свергнутого Игоря, постригшегося в заключении в монахи. Но ненависть киевлян, видевших в Игоре своего врага, была опасна и монаху. Изяслав послал дружину вывести Игоря из поруба и отвести в храм Святой Софии, где бы святость места охраняла его (собор пользовался правом убежища). Но киевляне на соборной площади отбили его у стражников и растоптали ногами, а труп бросили здесь же без погребения (1147).

Началась упорная война между Черниговским и Киевским княжествами. В это время отделилась и стала фактически самостоятельной Ростово-Суздальская земля, где правил сын Мономаха – Юрий Долгорукий, законный глава старшей линии Мономашичей. Изяслав же, любезный киевлянам, относился к младшей линии Мономашичей. Перечислять все бесконечные столкновения, пожалуй, не имеет смысла. Достаточно отметить то, что Долгорукий умер от яда (1157). Его сын Андрей Юрьевич Боголюбский (живший в селе Боголюбове, откуда и прозвище) унаследовал Ростово-Суздальское княжество отца.

Как видим, дети Мономаха схлестнулись с его внуками не на жизнь, а на смерть. Борьба ростово-суздальских князей Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского с волынскими князьями: Изяславом Мстиславичем, Мстиславом и Романом за киевский стол, конечно, была борьбой дядьев с племянниками, но рассматривать ее как семейную ссору – неправильно. Действительно, в соответствии с этикетом того времени, летописцы писали: «князь пошел», «князь решил», «князь свершил» – независимо от того, было ли князю шесть лет, тридцать три года или шел восьмой десяток. Очевидно, что так быть не могло. Как уже говорилось, боролись между собой стоявшие за князьями военно-политические группировки, выражавшие интересы тех или иных земель распадавшегося Русского государства. Процесс этот, начало которому исподволь положили решения Любечского съезда князей (1097), через 70 лет стал необратимым, и Киевская держава к началу XIII в. разделилась на несколько независимых государств.

Окончательно обособились Северо-Восточная Русь и юго-западные земли (Волынь, Киевщина и Галиция). Самостоятельным государством стало Черниговское княжество, где правили

Ольговичи и Давыдовичи. Выделились и Смоленск, и Турово-Пинская земля. Обрел полную независимость Новгород. А половцам, завоеванным и подчиненным, даже не пришлось нарушать своих обязательств: они сохраняли автономию, на которую русские князья и не думали покушаться.

Государственный распад Руси отражал происходивший распад этнической системы: хотя во всех княжествах жили по-прежнему русские и все они оставались православными, чувство этнического единства между ними разрушалось.

Ярким примером утраты этнической комплиментарности стал поступок князя Андрея Боголюбского. В 1169 г., захватив Киев, Андрей отдал город на трехдневное разграбление своим ратникам. До того момента на Руси было принято поступать подобным образом лишь с чужеземными городами. На русские города ни при каких междоусобицах подобная практика никогда не распространялась.

Приказ Андрея Боголюбского показывает, что для него и его дружины в 1169 г. Киев был столь же чужим, как какой-нибудь немецкий или польский замок. Следовательно, в конце XII в. Древняя Русь вступила в новую фазу этногенеза – обскурацию. Пассионарность Руси неуклонно снижалась, и потому разнообразие ландшафтов, традиций и вариаций поведения вело к торжеству центробежных тенденций. В силу этого обстоятельства и оказалась Русь разорванной на отдельные княжества и уделы, которым в этническом смысле соответствовали различные этносы и субэтносы. Последние были крайне разнообразны. Так, в Смоленской земле имелось около десятка уделов, то же самое наблюдалось на территории Ростово-Суздальского и Черниговского княжеств. В Галицкой земле даже сохранилась область, в которой правили не Рюриковичи, а потомки древних славянских вождей – болоховские князья.

Языческие балтские и угро-финские племена: ятвяги, литва, жмудь, эсты, мордва, черемисы, зыряне, заволоцкая чудь – по-прежнему оставались за пределами Руси. Такой она и вступила в тринадцатое столетие – век своей трагической гибели.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В СОЮЗЕ С ОРДОЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РОЖДЕНИЕ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

ВЕЛИКАЯ СТЕПЬ

Тринадцатый век, без сомнения, является наиболее сложным столетием русской истории. Ни одна другая эпоха не породила исторических мифов больше, нежели последний век существования Киевской Руси. Тому имеются веские причины: этногенез Руси, как мы уже говорили, в XIII в. вступил в фазу обскурации. Если бы дело ограничилось ненарушенным развитием этнической системы, то мы в данном случае фиксировали бы лишь грозное нарастание разрушительных тенденций, которые начали проявлять себя уже во второй половине XII в. Однако этногенез Киевской Руси оказался усложнен этническими контактами с представителями совершенно иных суперэтносов: Монгольского улуса и христианского мира.

История Западной Европы XIII в. описана даже слишком подробно, чего не скажешь об истории Монгольского улуса. Однако без экскурса в историю монголов нам неминуемо останутся непонятными русские коллизии не только XIII, но и последующих веков. Потому, оставив на время Европу, перенесемся далеко на восток и познакомимся с народом, сыгравшим решающую роль в истории Евразии XIII–XV вв.

Посреди Евразийского континента тянется Великая степь, ограниченная с севера сибирской тайгой, а с юга – горными системами. Она четко делится Алтаем, Сауром, Тарбагатаем и западным Тянь-Шанем на две непохожие друг на друга части.

Восточная часть Великой степи называется Внутренней Азией, в ней расположены Монголия, Джунгария и Восточный Туркестан. От Сибири Внутреннюю Азию отделяют Саяны и хребты Хамар-Дабан и Яблоновый, от Тибета – Куньлунь и Наньшань, от Китая – Великая китайская стена, точно соответствующая границе между сухой степью и субтропиками на севере страны. Западная часть Великой степи включает не только нынешний Казахстан, но и степи Причерноморья. В отдельные периоды Великая степь охватывала даже часть территории Венгрии – так называемую пушту.

С точки зрения географии вся Великая степь представляет собой единый, четко очерченный регион, хотя климатические различия двух ее частей весьма заметны. Атмосферные токи, несущие дождевые или снежные тучи, имеют свои законы движения. Циклоны с Атлантики доносят влагу только до горного барьера, отделяющего восточную степь от западной. А над Монголией постоянно стоит огромный антициклон. Его воздух сух и прозрачен, через него легко проходят солнечные лучи, нагревающие поверхность земли. Зимой здесь выпадает мало снега, и травоядные животные могут, разгребая его, добывать корм – сухую траву. Весной раскаленная почва разогревает нижние слои воздуха, и те поднимаются вверх. В освободившееся приземное пространство на севере вторгается сухой воздух из Сибири, а на юге – влажный с Тихого океана. Этой влаги достаточно, чтобы степь зазеленела и обеспечила копытных животных кормом на весь год. А там, где сыт скот, процветают и люди. Вот почему именно на востоке Великой степи сложились благоприятные условия для создания могучих кочевых держав хуннов, тюрок и монголов.

На западе же степи толщина снежного покрова превышает 30 см. Более того, во время оттепелей снег часто образует очень прочный наст, и тогда скот гибнет от бескормицы. В связи с этим скотоводы вынуждены летом гонять скот на горные пастбища – джейляу, а на зиму – заготавливать сено. Вспомним, что обитавшие в Причерноморье половцы имели постоянные зимовья и потому находились в зависимости от древнерусских князей, ибо, скованные в передвижении, они не могли уклониться от ударов регулярных войск. Поэтому в западной части Великой степи сложились иной быт людей и иные условия для обретения степняками независимости, нежели в восточной.

Но в мире нет ничего постоянного. Циклоны и муссоны

иногда изменяют направления своего движения и проходят не над степью, а над тайгой или даже тундрой. Тогда недостаток влаги расширяет пустыни Гоби и Бетпак-Дала, оттесняет растения и животных на север, к Сибири, и на юг, к Китаю. Вслед за травой, необходимой для скота, и животными, на которых охотятся, уходят и люди – обитатели Великой степи. Именно в такие эпохи усыхания Великой степи становились неизбежными контакты кочевников и оседлого населения Китая.

Китайские хронисты, описывая народы, обитавшие к северу от Китая, в Великой степи, называли всех степняков одним именем – «татары», подобно тому как мы, говоря «европейцы», называем этим словом и шведов, и испанцев. Однако на самом деле этноним «татары» был названием лишь одного из многочисленных степных племен.

Монгольские кочевники *(китайский рисунок)*

Сами татары делились на три ветви: «белые», «черные» и «дикие». «Белые» татары – онгуты – жили вдоль границы Великой степи и подчинялись маньчжурской империи Кинь; они охраняли страну, получая за это плату. Поэтому у них были шелковые одежды для жен, фарфоровая посуда и другая иноземная утварь. «Черные» татары занимали открытую степь к северу от пустыни Гоби и подчинялись своим ханам, презирая «белых» татар, которые продали свою свободу и независимость за тряпки и чашечки. Сами они пасли скот, который кормил их и одевал, так как ходили они в одеждах из шкур, ныне называемых дубленками.

Однако «черные» татары вызывали не меньшее презрение у «диких», занимавших территории еще севернее. У «диких» татар отсутствовали даже зачатки государственности, поскольку подчинялись они лишь старшим в роду, а если подчинение становилось в тягость, младшие всегда могли отделиться. Хозяйство «диких» татар основывалось на охоте и рыболовстве, так как больше всего на свете они ценили свою волю. Для девушки из числа «диких» татар выйти замуж за «черного» татарина, который будет заставлять ее доить коров или пасти овец, считалось унизительным наказанием.

Как мы видим, у степняков различных племен стереотипы поведения были разные. Отношение к власти, к родству, к природе – все различало «белых», «черных» и «диких» татар между собой.

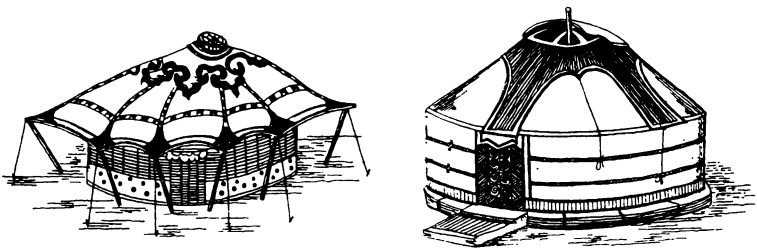
Одним из небольших народов Великой степи были монголы, обитавшие в пограничье «черных» и «диких» татар, в восточном Забайкалье. Своими прародителями монголы считали Борте-Чино (Серого Волка) и Алан-Гоа (Пятнистую Лань). К XI–XII вв. в лесостепных урочищах к северу от реки Онон обитали несколько монгольских родов, в состав которых вошли окрестные аборигены.

По рекам Селенге и Толе в центральной части Монголии кочевал народ кераиты. Кераиты управлялись ханами – уважаемыми людьми, которые получали соответствующие должности в зависимости от своей популярности в народе. Жили кераиты не семейными общинами из двух-трех юрт – аилами, а куренями, когда множество юрт ставилось вместе, окружалось телегами и охранялось воинами, ибо кераиты боялись нападения. Они, в отличие от соседних народов, в 1009 г. приняли христианство несторианского толка и с тех пор стали очень набожным народом.

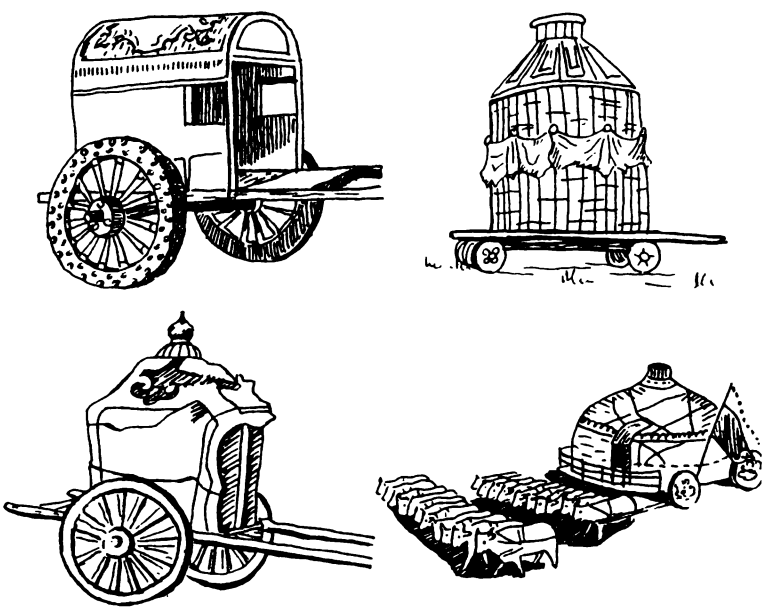
К западу от кочевий кераитов, в предгорьях Алтая, обитал народ найманы (монгольское слово «найма» значит «восемь» – именно столько родов имелось в их племени). Найманы были потомками киданей, вытесненных чжурчженями (маньчжурами) с прежних становищ. Берега Байкала, к востоку от нынешних Иркутска и Верхнеудинска, занимало храброе и воинственное племя меркитов, а в Саяно-Алтае расселились племена ойратов. Все племена Великой степи часто враждовали между собой, но конфликты носили характер пограничных стычек.

Жизнь кочевников была обеспеченной, но трудной, а главное – бесперспективной. Все высшие должности можно было

занять только по праву рождения, которое определялось очень сложно, и случалось так, что двухлетний ребенок получал право стать ханом и иметь звание нойона (князя), а мудрый старец или могучий богатырь такой возможности не имел. Но так бы и жили степняки привычной жизнью, проводя ее среди родной природы в повседневных трудах и стычках с соседями, если бы прошедший по широте Байкала пассионарный толчок XI в. не вызвал вспышку этногенеза двух враждовавших народов – монголов и чжурчженей.



Традиционные юрты монголов-кочевников



Передвижные жилища монголов

Среди степняков уже к концу XI в. стало заметно появление людей с нетрадиционным поведением. Храбрые молодые люди, способные к активной деятельности и стремившиеся получить награду за свои подвиги в походах и войнах, оказывались обделены теми, кто был выше по происхождению, но значительно уступал им по способностям. И вот эти люди с новыми взглядами уходили из своих куреней в леса и горы. Жили они или охотой, или кражей овец и лошадей у своих соседей. Соседи, конечно, устраивали облавы и истребляли нарушителей традиций, но число людей, покидавших свои становища, все увеличивалось, и назывались они – «люди длинной воли».

Параллельно монгольскому шел и чжурчженьский пассионарный подъем, приведший к покорению маньчжурами царства киданей в Северном Китае.

Надо сказать, что монголы и маньчжуры традиционно враждовали, что проявлялось в форме набегов, открытых столкновений и т. д. Но с ростом энергетических потенциалов этих народов характер противостояния изменился. Известно следующее легендарное обоснование ужесточения монголо-маньчжурской вражды: якобы какой-то гадатель предсказал чжурчженьскому Богдо-хану, императору Северного Китая, что его народ погубят именно кочевники-монголы. Император решил предупредить усиление монголов и стал ежегодно посылать на их становища военные отряды, которые истребляли мужчин, хватали женщин и детей, приводили их в Китай и продавали в рабство. Китайцы покупали пленников для работы на плантациях. Некоторым монголам удавалось бежать. Естественно, что они помнили нанесенные им обиды, и «мщение проникло в их мозг и кровь».

Когда постоянные набеги маньчжуров приняли устрашающий характер, монголы осознали необходимость объединения. Их племена организовались и избрали хана. Первый монгольский хан, проявивший себя как значительный государь, носил имя Хабул. Хабул-хан правил в 30–40-х годах XII в. и сумел остановить натиск маньчжуров. В то время, когда китайцы, потерпев сокрушительное поражение от чжурчженей, были вынуждены уступить им большие территории, монголы разбили чжурчженей и заставили их оттянуть войска от монгольских рубежей. Однако вскоре после смерти Хабул-хана (1149) племенной союз монголов распался, так как обыватели, составлявшие большинство, не мыслили себя подчиненными «людям длинной воли» и оказывали им очень слабую поддержку. Обыватели предпочитали по-прежнему кочевать:

аилами на севере, где было безопасно, и куренями на юге, где им угрожали татары и чжурчжени.

Маньчжурская империя, напротив, чрезвычайно усилилась в тот период. Чжурчжени в борьбе со степняками пользовались хитрым и очень жестоким способом борьбы – они выкрадывали талантливых монгольских вождей и предавали мучительной смерти: приколачивали гвоздями к деревянному ослу и выставляли под южное солнце. Человек умирал довольно быстро, но в ужасных мучениях.

В эти же годы в племени кераитов продолжались разногласия. Законный наследник по имени Тогрул был выдан врагами его отца меркитам. Отец высвободил его, но Тогрула схватили татары. Он убежал от татар и взял принадлежавшую ему власть, но оппозиция в орде кераитов была очень сильна, потому что могущественные родственники молодого хана, опираясь на свои курени, всячески мешали объединению. Тогрулу приходилось то и дело убегать из своей страны. При этом найманы, жившие на самом западе Монголии, вступили в союз с кераитской оппозицией и с маньчжурами.

Казалось, народы Великой степи никогда не смогут объединить свои силы для защиты от врага. Будущее степняков представлялось самым мрачным.

ЮНОСТЬ ЧИНГИСА

В середине XII в. после гибели нескольких монгольских ханов оборону монголов от чжурчженей и их союзников – татар – возглавил потомок Хабул-хана Есугей-багатур («багатур» значит «богатырь»). Человек храбрый и решительный, Есугей-багатур был не ханом, а главой рода Борджигинов, который обитал в районе к северу от современной российско-монгольской границы, там, где сейчас расположен город Нерчинск.

Когда-то Есугей, будучи еще совсем молодым человеком, охотился в степи с соколом и вдруг увидел, как какой-то меркит везет в телеге, запряженной очень хорошей лошадью, девушку исключительной красоты. Есугей позвал своих братьев, и монголы бросились в погоню за добычей. Увидев преследователей, девушка горько заплакала и сказала меркиту, своему жениху: «Ты видишь этих людей – они тебя убьют, брось меня, уезжай, я буду вечно тебя помнить». Потом сняла с себя рубашку и отдала ему на память. Монголы уже приближались – меркит

быстро выпряг коня, ожег его плетью и ушел от погони. А братья запрягли своих лошадей в телегу и, привезя плачущую девушку домой, сказали: «Забудь о своем женихе, наш Есугей живет без женщины» – и выдали ее за Есугея. Жену Есугея, имя которой осталось в истории, звали Оэлун.

Брак оказался счастливым. В 1162 г. Оэлун родила первенца – Тэмуджина, а впоследствии еще трех сыновей: Хасара, Хачиун-беки, Тэмугэ – и дочь Тэмулун. От второй жены (монголы многоженство разрешали и поощряли) – Сочихэл – у Есугея родилось еще двое сыновей: Бектер и Бельгутей.

Когда Тэмуджин подрос и ему исполнилось 9 лет, то по монгольскому обычаю он должен был быть помолвлен. Отец договорился о помолвке Тэмуджина с родителями красивой десятилетней девочки по имени Бортэ из соседнего племени хонкират и повез сына в становище будущего тестя. Оставив Тэмуджина у хонкиратов, чтобы он привык к своей невесте и будущим родственникам, Есугей отправился в обратный путь. По дороге он увидел нескольких человек, сидевших у огня, которые, как и положено в степи, пригласили его разделить трапезу. Есугей подъехал ближе и лишь тут понял, что это были татары. Бежать было бесполезно, потому что татары погнались бы за ним, а конь Есугея устал. Гостя же у походного костра по степной традиции тронуть не мог никто.

У Есугея не оставалось выбора – он принял приглашение и, поев, благополучно уехал. Но по дороге Есугей почувствовал себя плохо и решил, что его отравили. На четвертый день, добравшись домой, он умер, завещав родне отомстить татарам. Трудно сказать, насколько прав был Есугей в своих подозрениях, но важно другое: он допускал, что татары могли его отравить, то есть совершить неслыханное дотоле нарушение обычаев степняков.

Сподвижники отца съездили за Тэмуджином и привезли мальчика домой. Как старший сын, он стал главой рода, и тут выяснилось, что вся сила племени заключалась в воле и энергии Есугея. Своим авторитетом он заставлял людей ходить в походы, защищаться от врага, забывать местнические счеты ради общего дела. Но поскольку Есугей не был ханом, его влияние кончилось с его смертью. Соплеменники не имели никаких обязательств перед семьей Есугея и покинули Борджигинов, отогнав весь их скот, по существу обрекая семью Есугея на голодную смерть: ведь старшему, Тэмуджину, было только 9 лет, а остальным – и того меньше.

Инициаторами такой жестокости стали тайджиуты –

племя, которое было враждебно настроено по отношению к Есугею. Тогда Оэлун схватила знамя Есугея, поскакала за отъезжавшими и пристыдила их: «Как вам не стыдно бросать семью вашего вождя!» Некоторые вернулись, но потом опять ушли, и все трудности воспитания детей и добычи пищи для семьи легли на плечи двух женщин: Оэлун и Сочихэл – старшей и младшей жен Есугея. Они ловили сурков, чтобы получить хоть какое-нибудь мясо, и собирали дикий чеснок – черемшу. Тэмуджин ходил к реке и пытался подстрелить тайменей. Как все монголы, он умел стрелять сквозь воду, несмотря на то что вода преломляет свет, искажая изображение, и попасть в цель очень трудно. Даже летом семья жила впроголодь, делая запасы на зиму.

Между тем соплеменники, оскорбившие и бросившие семью Есугея, продолжали следить за ней, так как опасались заслуженной мести. По-видимому, им удалось сделать соглядатаем старшего сына Сочихэл – Бектера. Бектер, почувствовав за собой силу, начал вести себя пренебрежительно по отношению к детям Оэлун. Тэмуджин и Хасар не выдержали издевательств сводного брата и застрелили его из лука.

К этому времени уже вполне сложились характеры и определились наклонности детей Есугея. Хасар был храбрый и сильный парень, отличный стрелок. Тэмугэ стал нежным и послушным сыном, он заботился о матери и мачехе. Хачиун-Беки не обладал никакими достоинствами. В Тэмуджине же и друзья и враги отмечали выдержку, волю, упорное стремление к цели. Конечно, все эти качества пугали врагов Борджигинов, и потому тайджуиты напали на юрту семьи Есугея. Тэмуджин успел убежать в таежную чащу, где, как гласит монгольский источник, не было даже тропинок, по которым «сытый змей мог бы проползти».

Через девять дней, мучимый голодом, Тэмуджин был вынужден сдаться. Он вышел в степь, где его схватили и привели в свое становище. За что же на него охотились? Да, очевидно, за убийство Бектера, тайджиутского шпиона. Тайджиуты не убили Тэмуджина. Таргутай-Кирилтух – друг Есугея – смог спасти юношу от смерти, но не от наказания. На Тэмуджина надели колодку – две деревянные доски с отверстием для шеи, которые стягивались между собой. Колодка была мучительным наказанием: человек не имел возможности сам ни поесть, ни попить, ни даже согнать муху, севшую ему на лицо. К тому же доски приходилось все время держать руками, чтобы они не сдавливали шею.

Тэмуджин внешне сносил все совершенно безропотно.

Но однажды, во время праздника полнолуния, тайджиуты устроили большую попойку и напились, оставив пленника под охраной какого-то слабого парня, которому архи (молочной водки) не дали. Тэмуджин улучил момент, ударил парня колодкой по голове и убежал, придерживая доски руками. Но так далеко не убежишь – Тэмуджин добрался до берега Онона и лег в воду. Сторож, придя в себя, закричал: «Упустил я колодника!» – и вся пьяная толпа тайджиутов бросилась искать беглеца. Луна ярко светила, все было видно как днем. Вдруг Тэмуджин понял, что над ним стоит человек и смотрит ему в глаза. Это был Сорган-Шира из племени сулдус, который жил в становище тайджиутов и занимался своим ремеслом – делал кумыс. Он сказал Тэмуджину: «Вот за то тебя и не любят, что ты так сметлив. Лежи, не бойся, я тебя не выдам».

Сорган-Шира вернулся к преследователям и предложил еще раз все обыскать. Легко понять, что пленник обнаружен не был. Пьяные тайджиуты хотели спать и, решив, что человек в колодке далеко не уйдет, прекратили поиски. Тогда Тэмуджин выбрался из воды и пошел к своему спасителю. Сорган-Шира, увидев, что колодник вползает к нему в юрту, испугался и уже хотел было прогнать Тэмуджина, но тут запротестовали дети Сорган-Шира: «Нет, что ты, отец. Когда хищник загонит пташку в чащу, то ведь и чаща ее спасает. Мы не можем его выгнать, раз он гость». Они сняли с Тэмуджина колодку, изрубили ее и бросили в огонь. У Сорган-Ширы оставался только один выход – спасти Тэмуджина, и потому он дал ему лошадь, лук, две стрелы, но не дал кремня и огнива. Ведь лошади паслись в степи, лук хранился на верхнем карнизе двери юрты, и их легко было украсть, а кремень и огниво каждый степняк носил с собой. Если бы Тэмуджина схватили и нашли у него огниво или кремень Сорган-Ширы, семье спасителя и ему самому пришлось бы плохо.

Тэмуджин ускакал и через некоторое время нашел свою семью. Борджигины сразу же перекочевали на другое место, и тайджиуты больше не смогли их обнаружить. Вот это обстоятельство и показывает, что Бектер действительно был доносчиком: после его смерти некому стало сообщать врагам о местах кочевий Борджигинов. Затем Тэмуджин женился на своей нареченной Бортэ. Ее отец сдержал свое слово – свадьба состоялась. Приданым Бортэ стала роскошная соболья шуба. Тэмуджин привез Бортэ домой... и драгоценную шубу у нее немедленно «изъял». Он понимал, что без поддержки ему не устоять против многочисленных врагов, и потому вскоре направился

к самому могущественному из тогдашних степных вождей – Ван-хану из племени кераитов. Ван-хан был когда-то другом отца Тэмуджина, и ему удалось заручиться поддержкой Ванхана, напомнив об этой дружбе и поднеся роскошный подарок – соболью шубу Бортэ.

Но не успел счастливый от достигнутого успеха Тэмуджин вернуться домой, как становище Борджигинов подверглось новому нападению. На этот раз напали меркиты, вынудившие семью скрыться на горе Бурхан-халдун. При этом не обошлось без потерь: в плен была захвачена Бортэ и вторая жена Есугея – Сочихэл. Тэмуджин, потеряв любимую жену, был в отчаянии, но не в растерянности. Гонцы Борджигинов поскакали к его побратиму Джамухе-Сэчену из племени джаджират и кераитскому Ван-хану. Объединенное войско возглавил Джамуха, бывший талантливым полководцем.

Поздней осенью 1180 г., когда уже выпал первый снежок, воины Джамухи и Тэмуджина внезапно обрушились на кочевье меркитов, находившееся к востоку от Байкала. Враги, захваченные врасплох, бежали. Тэмуджин же хотел найти свою Бортэ и звал ее по имени. Бортэ услышала и, выбежав из толпы женщин, ухватилась за стремя мужниного коня. А Сочихэл ушла с похитителями. Похоже, она стала выполнять ту же шпионскую обязанность, что и ее сын Бектер: ведь кроме нее некому было сообщить меркитам, где находится кочевье Борджигинов и как можно организовать нападение. Сочихэл не вернулась, и напрасно ее сын – добродушный Бельгутей, который очень любил свою мать, требовал от меркитов, чтобы ему ее возвратили.

Надо сказать, что, хотя Бельгутей был сыном предательницы и братом предателя, Тэмуджин, зная, что сам Бельгутей человек чистосердечный, ценил его, любил и всегда видел в нем своего ближайшего родственника. Это, конечно, совсем не плохо характеризует человека, из которого историки пытались сделать чудовище! Читая написанное современниками о Тэмуджине, необходимо помнить, что писали о нем люди, крайне дурно к нему настроенные. А ведь даже Дьявол (Иблис) в мусульманской поэзии говорит: «Меня рисуют в банях таким безобразным, потому что кисть – в ладони моего врага».

Поход на меркитов сильно повысил авторитет и известность Тэмуджина, но не среди всех обитателей степи, а среди их пассионарной части – «людей длинной воли». Одинокие богатыри увидели, что имеет смысл поддержать инициативного

сына Есугея, даже рискуя жизнью. И начался процесс, который, сами того не подозревая, спровоцировали кераитский хан и джаджиратский вождь: вокруг Тэмуджина стали собираться степные удальцы. Они-то в 1182 г. и избрали его ханом с титулом Чингис.

Само слово «Чингис» непонятно. Д. Банзаров, бурятский исследователь, считает, что это имя одного из шаманских духов. Другие полагают, что титул произошел от слова «чингиху» – «обнимать», следовательно, Чингис – титул человека, имевшего всю полноту власти. Как бы там ни было, у монголов установилась новая система правления. Назвать ее принцип монархическим довольно трудно, потому что хан был отнюдь не самодержавен, а, напротив, не мог не считаться с нойонами – главами примкнувших к нему племен – и со своими богатырями. Таким образом войско надежно ограничивало волю хана.

Государственным устройством не предусматривалось и право наследования, хотя впоследствии каждый новый хан избирался только из потомков Чингиса. Но это было не законом, а выражением воли самих монголов. Уважая Чингисхана, его заслуги перед народом, они не видели оснований отказывать в наследовании престола его потомкам. Кроме того, монголы верили во врожденный характер человеческих достоинств и недостатков. Так, склонность к предательству считалась столь же неотторжимым атрибутом наследственности, как цвет глаз или волос, и потому предателей истребляли беспощадно вместе с их родственниками.

Избрание ханом стало неожиданностью для Тэмуджина: все другие претенденты на престол из числа потомков Хабул-хана просто отказались от этой обременительной должности. Весть об избрании Тэмуджина ханом по-разному была встречена в степи. Ван-хан был очень доволен таким оборотом дела, а вождь джаджиратов Джамуха воспринял весть о возвышении своего побратима с раздражением. Как на грех, при попытке отогнать из владений Чингиса табун оказался убитым брат Джамухи – Тайчар. Под предлогом мести Джамуха с тридцатитысячным войском двинулся на Чингиса. Не достигнув решающего успеха в разгроме врага, вождь джаджиратов ограничился жестокой расправой с пленными и отступил.

Проявление непривычной для степняков жестокости лишило Джамуху популярности. Два наиболее крупных и боеспособных племени – уруты и мангуты – откочевали к Чингису. На пиру в честь избавления от Джамухи брат Чингисхана

Бельгутей поймал вора, укравшего узду и поводок с коновязи. Богатырь Бури-Боко из племени чжурки (юрки) вступился за вора. Произошла драка, закончившаяся для чжурки плачевно. Когда Чингис выступил в очередной поход против татар, чжурки, памятуя о ссоре, не пришли на помощь своим, а двинулись на беззащитные монгольские юрты, ограбили и убили десяток немощных стариков. Вернувшийся из похода Чингис решил наказать племя чжурки и разгромил их кочевья. Вожди племени были казнены, а уцелевшие воины включены в войско монгольского хана.

Детали происшедшего в дальнейшем (1185–1197) точно не известны, но лакуна в исторических знаниях вполне может быть заполнена при помощи сведений содержательной книги «Мэн-да Бэй-лу» («Тайная история монголов»). «Мэн-да Бэй-лу» сообщает, что Тэмуджин был захвачен в плен маньчжурами и 11 лет провел в темнице. Потом он каким-то образом спасся и вернулся в степь.

Теперь Чингису пришлось все начинать заново. Из 13 тысяч всадников осталось менее 3 тысяч, монголы не только потеряли все те преимущества, которые приобрели за время правления Чингисхана, но и перессорились друг с другом. Даже Хасар бросил своего брата и пошел служить хану кераитов.

Но уже в 1198 г. Тэмуджин опять стоял во главе мощной орды. Что позволило ему так быстро вернуть утраченное? Вероятно, снова сказалось увеличение пассионарности монголов. Число «людей длинной воли» росло; росло и их желание устроить жизнь по-своему. Следовательно, им по-прежнему был необходим вождь, который приказывал бы им делать то, что они хотели выполнять. Ведь соперники Чингиса – родовитые нойоны Алтан, Хучар, Сэчэ-бики – мечтали о старом порядке, основанном на произволе, праве на безобразия, отсутствии верности обязательствам; сторонники же Чингиса желали твердого порядка, гарантий взаимовыручки и уважения своих прав. Прекрасно поняв чаяния своих последователей, Чингисхан сформулировал новый свод законов – Великую Ясу. Яса отнюдь не являлась модификацией обычного права, а основывалась на обязательности взаимопомощи, единой для всех дисциплине и осуждении предательства без каких-либо компромиссов.

Таким образом, Яса Чингисхана, по сути дела, явилась регламентацией тех новых стереотипов поведения, которые отстаивали «люди длинной воли». Ничего подобного не знала монгольская практика. Так, по Великой Ясе, каждого предателя,

то есть человека, обманувшего доверившегося ему, предавали смертной казни. Простым людям отрубали голову, а людям высокого происхождения ломали позвоночник так, чтобы кровь оставалась в теле убитого. В этом случае, по монгольскому поверью, убитый мог возродиться к новой жизни. Если же кровь вытекала на землю, человек терял не только жизнь, но и душу.

Точно так же смертная казнь полагалась и за неоказание помощи боевому товарищу. Например, встретив любого соплеменника в пустыне, каждый монгол был обязан (!) предложить ему попить и поесть. Ведь путник, который не имел возможности подкрепить силы, мог умереть, и тогда на нарушившего закон падало обвинение в убийстве. Если кто-то из воинов терял лук или колчан со стрелами, то ехавший сзади должен был поднять и вернуть ему оружие. Нарушение этого правила также приравнивалось к неоказанию помощи и влекло за собой смертную казнь.

Кара смертью была воздаянием и за убийство, блуд мужчины, неверность жены, кражу, грабеж, скупку краденого, сокрытие беглого раба, чародейство, направленное во вред ближнему, троекратное невозвращение долга. За менее тяжкие преступления полагалась ссылка в Сибирь или наказание штрафом.

Яса – неслыханное нарушение племенных обычаев – ознаменовала конец скрытого («инкубационного») периода монгольского этногенеза и переход к явному периоду фазы подъема с новым императивом: «Будь тем, кем ты должен быть!» Законодательно закрепленный принцип взаимовыручки дал пассионарному субэтносу сторонников Чингиса возможность координировать свои усилия. Однако большая часть монголов упорно предпочитала привычные формы родового быта, а не жизнь военной орды.

Врагами монголов Чингиса по-прежнему были и меркиты, и найманы, и татары, и чжурчжени, и ойраты, а единственный союзник – кераиты во главе с Ван-ханом – надежностью не отличался. «Люди длинной воли», как и раньше, должны были защищаться, чтобы жить. Но теперь возросшая пассионарность диктовала им стремление к победам, ибо в те времена только победа над врагами была способна избавить народ от постоянной угрозы. И войны за победу начались. Выход монголов на арену мировой военно-политической истории стал переломным моментом в существовании всего Евразийского континента.

ЗА ПРАВО НА ЖИЗНЬ

В самом начале XIII в., в 1202–1203 гг., которые были переломными для всей ситуации в степи, монголы разбили сначала меркитов, а затем кераитов. Дело в том, что кераиты разделились на сторонников Чингисхана и его противников. Противников Чингисхана возглавил сын Ван-хана, законный наследник престола – Нилха (у кераитов, христиан несторианского толка, это имя соответствовало имени Илья). У Нилхи были основания ненавидеть Чингисхана: еще в то время, когда Ван-хан был союзником Чингиса, вождь кераитов, видя неоспоримые таланты последнего, хотел передать ему кераитский престол, минуя собственного сына. Столкновение этой части кераитов с монголами произошло еще при жизни Ван-хана. И хотя кераиты имели численное превосходство, монголы разбили их, благодаря тому что проявили исключительную мобильность и захватили противника врасплох.

Чингисхан
(китайская миниатюра)

В столкновении с кераитами в полной мере проявился характер Чингисхана. Когда Ван-хан и его сын Нилха бежали с поля боя, один из их нойонов с небольшим отрядом задерживал монголов, спасая своих вождей от плена. Этого нойона схватили, привели пред очи Чингиса, и тот спросил: «Зачем же ты, нойон, видя положение своих войск, сам не ушел? У тебя же были и время и возможность». Тот ответил: «Я служил своему хану и дал возможность ему убежать, а моя голова – для тебя, о победитель». Чингисхан сказал: «Надо, чтобы все подражали этому человеку. Смотрите, как он смел, верен, доблестен. Я не могу тебя убить, нойон, я предлагаю тебе место в своем войске». Нойон стал тысячником и, конечно, верно служил Чингисхану, потому что кераитская орда распалась. Сам Ван-хан нелепо погиб при

попытке бежать к найманам. Их стражники на границе, увидев кераита, недолго думая, убили его, а отрубленную голову старика поднесли своему хану.

В 1204 г. произошло неизбежное столкновение монголов Чингисхана и могущественного найманского ханства – орды со смешанным населением, состоявшим из монголов-найманов и примкнувших к ним тюрок. И вновь одержали победу монголы Чингиса. Хан найманов погиб, а его сын Кучлук (Гушлук) убежал к своим соплеменникам – кара-китаям. Побежденные, как обычно, были включены в состав орды Чингиса.

В восточной степи больше не нашлось племен, способных активно сопротивляться новому порядку, и в 1206 г. на великом курултае Чингис был вновь избран ханом, но уже всей Монголии. Так родилось общемонгольское государство. Единственным враждебным ему племенем оставались старинные враги Борджигинов – меркиты, но и те к 1208 г. оказались вытесненными в долину реки Иргиз.

Растущая пассионарность орды Чингисхана позволила ей довольно легко и плодотворно ассимилировать разные племена и народы. Ибо, в соответствии с монгольскими стереотипами поведения, хан мог и должен был требовать покорности, повиновения приказу, выполнения обязанностей, но требовать от человека отказа от его веры или обычаев считалось делом не только глупым, но и аморальным – за индивидом оставалось право на собственный выбор. Подобное устроение привлекало многих. В 1209 г. независимое государство уйгуров прислало к Чингисхану послов с просьбой принять их в состав его улуса. Просьбу, естественно, удовлетворили, и Чингисхан дал уйгурам огромные торговые привилегии. Через Уйгурию шел караванный путь, и уйгуры, оказавшись в составе монгольского государства, разбогатели за счет того, что по высоким ценам продавали воду, фрукты, мясо и «удовольствия» изголодавшимся караванщикам.

Добровольное соединение Уйгурии с Монголией оказалось полезным и для монголов. Во-первых, степняки, не имея собственной письменности, заимствовали уйгурскую. (Интересно, что первым грамотеем в улусе стал татарин по происхождению, мальчик-сирота Шихи-Хутуху, воспитанный матерью хана – Оэлун.) Во-вторых, с присоединением Уйгурии монголы вышли за границы своего этнического ареала и соприкоснулись с иными народами Ойкумены.

В 1210 г. грянула тяжелая война с чжурчженями. Монгольское войско возглавляли Чингисхан, его сыновья Джучи, Чагатай,

Угэдэй и полководец Джэбэ. Чжурчженьские полководцы талантами не уступали монгольским, но не имели войск, подобных войскам Чингисхана. Чжурчжени терпели поражения, но боролись упорно – война продолжалась очень долго и закончилась только в 1234 г., уже после смерти Чингисхана, взятием последних твердынь империи Кинь – Кайфына и Цайчжоу.

В Кайфыне отчаянно сопротивлявшиеся чжурчжени просто умирали от голода. Они настолько ослабели, что не могли держать в руках оружие. Когда же им предложили сдаться, то воины сказали: «Пока в крепости есть мыши, мы их ловим и едим, а если их не будет, то у нас есть жены и дети, мы будем есть их, но не сдадимся». Такова была чжурчженьская пассионарность, ничем не уступавшая монгольской.

В 1216 г. на реке Иргиз монголы наголову разбили остатки меркитов, но сами подверглись нападению хорезмийцев.

О Хорезме необходимо сказать подробнее. Хорезм оказался самым мощным из государств, возникших в XII в., при ослаблении державы Сельджукидов[1]. Властители Хорезма из наместников правителя Ургенча превратились в независимых государей и приняли титул «хорезмшахов». Они оказались энергичными, предприимчивыми и воинственными правителями. Это позволило хорезмшахам завоевать большую часть Средней Азии. Они покорили даже южный Афганистан, соединив тем самым под своей властью Иран и Мавераннахр[2]. Хорезмшахи создали огромное государство, в котором основную военную силу составляли тюрки из прилегавших степей: канглы (печенеги) и карлуки.

Но это государство оказалось непрочным, несмотря на обилие материальных богатств, храбрых воинов и опытных улемов, служивших дипломатами. Режим военной диктатуры опирался на чуждые местному населению племена, имевшие иной язык, другие нравы и обычаи. Нельзя сказать, что различны были и религии, так как представление о религии у солдат-тюрок было крайне аморфное. Но безобразничать наемники умели! Они вызвали недовольство жителей Самарканда, Бухары, Мерва – словом, целого ряда среднеазиатских городов, где население не смогло вынести произвола гулямов. Восстание в

---

[1] Держава Сельджукидов – государство, созданное туркменами-сельджуками в XI в. на территории Хорасана, Персии, Курдистана, Армении, Малой Азии.

[2] *Мавераннахр* – арабское название междуречья Амударьи и Сырдарьи. – *Прим. ред.*

Самарканде, например, привело к тому, что тюркский гарнизон был уничтожен, причем тюрок местные жители рвали на части. Естественно, за этим последовала карательная операция хорезмийцев, которые подавили восстание и жесточайшим образом расправились с населением Самарканда. Так же пострадали другие крупные и богатые города Средней Азии.

В этой обстановке хорезмшах Мухаммед решил подтвердить свой титул «гази» – «победитель неверных» – и прославиться очередной победой над ними. Случай представился ему в том самом 1216 г., когда монголы, воюя с меркитами, дошли до Иргиза. Узнав о приходе монголов, Мухаммед послал против них войско только из-за того, что степняки не верили в Аллаха.

Хорезмийское войско обрушилось на монголов, но они в арьергардном бою сами перешли в наступление и сильно потрепали хорезмийцев. Только атака левого крыла, которым командовал сын хорезмшаха талантливый полководец Джеляль-ад-Дин, выправила положение. После этого хорезмийцы отошли, а монголы вернулись домой: воевать с Хорезмом они не собирались, напротив, Чингисхан всеми силами хотел наладить отношения с хорезмшахом. Ведь через Среднюю Азию шел Великий караванный путь, и все владетели земель, по которым он пролегал, богатели за счет пошлин, выплачиваемых купцами. Купцы охотно платили любые пошлины, потому что расходы они неизменно перекладывали на потребителей, сами при этом ничего не теряя. Желая сохранить все преимущества, связанные с караванным путем, монголы стремились к покою и миру на своих рубежах. Разность вер, по их мнению, повода к войне не давала и оправдать кровопролития не могла. Вероятно, и сам хорезмшах понимал эпизодичность столкновения на Иргизе. В 1218 г. Мухаммед направил в Монголию торговый караван. Мир был восстановлен, тем более что монголам было не до Хорезма.

Чуть раньше найманский царевич Кучлук начал новую войну с монголами, опираясь на силу своих соплеменников – кара-китаев. Кучлук потерпел поражение, однако погубила царевича не военная слабость. Его сил было достаточно, чтобы бороться против немногочисленного корпуса, посланного Чингисханом, но Кучлук принял новую веру, подробностей о которой в источниках нет. Во всяком случае, это верование не относилось ни к исламу, ни к христианству, ни к буддизму, а представляло собой некий неизвестный культ. Точно известно другое: все население отказало Кучлуку в повиновении. Он

бежал, героически защищаясь, отступил до самого Памира, там был настигнут монголами и убит. А население Кара-китайского ханства целиком и с охотой подчинилось Чингисхану.

Вторично монголо-хорезмийские отношения были нарушены тюркскими сардарами (офицерами) и самим хорезмшахом, одобрившим их самоуправство. В 1219 г. к городу Отрару, владению хорезмшаха, подошел богатый караван, следовавший из земель Чингисхана. Караван остановился на берегу Сырдарьи, а купцы пошли в город купить на базаре припасов и вымыться в бане. Торговцам встретились двое знакомых, и один из встреченных донес правителю города, что купцы эти – шпионы. Тот сразу сообразил, что есть прекрасный повод ограбить путников. Купцов перебили, имущество конфисковали. Половину награбленного правитель Отрара отослал в Хорезм, и Мухаммед принял добычу, а значит – разделил ответственность за содеянное.

Чингисхан направил послов, чтобы выяснить, из-за чего произошел такой странный инцидент. Мухаммед разгневался, увидя неверных, и велел часть послов убить, а часть, раздев донага, выгнать на верную смерть в степь. Двое или трое монголов все-таки добрались домой и рассказали о случившемся. Гнев Чингисхана не имел пределов. С точки зрения монгола, произошли самые страшные преступления: обман доверившихся и убийство гостей. Согласно Великой Ясе, Чингисхан не мог оставить неотомщенными ни тех купцов, которых убили в Отраре, ни тех послов, которых оскорбил и убил хорезмшах. Хан должен был воевать, иначе соплеменники просто отказали бы ему в доверии.

В Средней Азии хорезмшах имел в своем распоряжении четырехсоттысячное регулярное войско. А у монголов, как установил наш знаменитый востоковед В. В. Бартольд, было всего 200 тысяч ополченцев. Чингисхан потребовал военной помощи от всех союзников. Пришли воины от тюрков и кара-китаев, уйгуры прислали отряд в 5 тысяч человек, только тангутский посол дерзко ответил: «Если у тебя не хватает войска – не воюй». Чингисхан счел ответ оскорблением и сказал: «Только мертвым я смог бы снести такую обиду».

Итак, Чингисхан бросил на Хорезм собранные монгольские, уйгурские, тюркские и кара-китайские войска. Хорезмшах же, поссорившись со своей матерью Туркан-хатун, не доверял военачальникам, связанным с нею родством. Он боялся собрать их в кулак для того, чтобы отразить натиск монголов, и рассеял армию по гарнизонам. Лучшими полководцами шаха

были его собственный нелюбимый сын Джеляль-ад-Дин и комендант крепости Ходжент – Тимур-Мелик. Монголы брали крепости одну за другой, а в Ходженте, даже взяв крепость, они не смогли пленить гарнизон. Тимур-Мелик посадил своих воинов на плоты и по широкой Сырдарье ушел от преследования. Разрозненные гарнизоны не могли сдержать наступления войск Чингисхана. Вскоре все крупные города султаната – Самарканд, Бухара, Мерв, Герат – были захвачены монголами.

По поводу взятия монголами среднеазиатских городов существует вполне устоявшаяся версия: «Дикие кочевники разрушили культурные оазисы земледельческих народов». Эта версия построена на легендах, создававшихся придворными мусульманскими историографами. Например, о падении Герата исламские историки сообщали как о бедствии, при котором в городе было истреблено все население, кроме нескольких мужчин, сумевших спастись в мечети. Они прятались там, боясь выйти на улицы, заваленные трупами. Лишь дикие звери бродили по городу и терзали мертвецов. Отсидевшись некоторое время и придя в себя, эти «герои» отправились в дальние края грабить караваны, чтобы вернуть себе утраченное богатство.

Это характерный образчик мифотворчества. Ведь если бы все население большого города было истреблено и лежало трупами на улицах, то внутри города, в частности в мечети, воздух был бы заражен трупным ядом, и спрятавшиеся там просто умерли бы. Никакие хищники, кроме шакалов, возле города не обитают, а в город и они проникают очень редко. Измученным людям двинуться грабить караваны за несколько сот километров от Герата было просто невозможно, потому что им пришлось бы идти пешком, неся на себе тяжести – воду и провизию. Такой «разбойник», встретив караван, не смог бы его ограбить, поскольку сил хватило бы лишь на то, чтобы попросить воды.

Еще забавнее сведения, сообщаемые историками о Мерве. Монголы взяли его в 1219 г. и тоже якобы истребили там всех жителей до последнего человека. Но уже в 1220 г. Мерв восстал, и монголам пришлось взять город снова. И наконец, еще через два года Мерв выставил для борьбы с монголами отряд в 10 тысяч человек.

Плоды пылкой фантазии, воспринимаемые буквально, породили злую, «черную» легенду о монгольских зверствах. Если же учитывать степень достоверности источников и задаваться простыми, но необходимыми вопросами, легко отделить историческую правду от литературных вымыслов.

Монголы заняли Персию почти без боев, вытеснив сына хорезмшаха Джеляль-ад-Дина в северную Индию. Сам Мухаммед II Гази, надломленный борьбой и постоянными поражениями, умер в колонии прокаженных на острове в Каспийском море (1221). Монголы же заключили мир с шиитским населением Ирана, которое постоянно обижали стоявшие у власти сунниты[1], в частности багдадский халиф и сам Джеляль-ад-Дин. В результате шиитское население Персии пострадало значительно меньше, чем сунниты Средней Азии. Как бы то ни было, в 1221 г. с химерным образованием – государством хорезмшахов – было покончено. При одном правителе – Мухаммеде II Гази – это государство и достигло наивысшего могущества, и погибло. В результате к империи монголов оказались присоединены Хорезм, Северный Иран, Хорасан.

В 1226 г. пробил час Тангутского государства, которое в решительный момент войны с Хорезмом отказало Чингису в помощи. Монголы обоснованно рассматривали этот шаг как предательство, которое, в соответствии с Ясой, требовало отмщения. Ныне территория Тангутского государства, а это степи и плоскогорья, примыкающие к излучине реки Хуанхэ и хребту Наньшань, – самая настоящая пустыня. Но в XIII в. на этой земле существовала богатая страна с большими городами, золотыми рудниками, регулярной армией и оригинальной культурой. Столицей Тангута был город Чжунсин. Его и осадил в 1227 г. Чингисхан, разбив в предшествовавших сражениях тангутские войска.

Во время осады Чжунсина Чингисхан умер, но монгольские нойоны по приказу своего вождя скрыли его смерть. Крепость была взята, а население «злого» города, на которое пала коллективная вина за предательство, подверглось экзекуции. Государство тангутов исчезло, оставив после себя лишь письменные свидетельства былой высокой культуры, но город уцелел и жил до 1405 г., когда был разрушен китайцами династии Мин.

От столицы тангутов монголы повезли тело своего великого хана в родные степи. Обряд похорон был таков: в вырытую могилу опустили останки Чингисхана вместе с множеством ценных вещей и перебили всех рабов, выполнявших

---

[1] *Сунниты* – приверженцы суннизма (одного из двух основных направлений ислама) – признают, кроме Корана, и Сунну – книгу преданий о жизни пророка Мухаммеда. Сунниты считают законной династию Омейядов в Дамаске.

погребальные работы. По обычаю, ровно через год требовалось справить поминки. Дабы безошибочно найти место погребения, монголы сделали следующее. На могиле принесли в жертву только что взятого от матери маленького верблюжонка. И через год верблюдица сама нашла в безбрежной степи место, где был убит ее детеныш. Заколов эту верблюдицу, монголы совершили положенный обряд поминок и затем покинули могилу навсегда. И до сих пор никому не известно, где погребен Чингисхан.

НАСЛЕДНИКИ ЧИНГИСХАНА

В последние годы своей жизни Чингисхан был крайне озабочен судьбой своей державы. У хана было четыре сына от любимой жены Бортэ и множество детей от других жен, которые хотя и считались законными детьми, но не имели никаких прав на занятие места отца. Сыновья от Бортэ весьма различались между собой по склонностям и по характеру. Старший сын, Джучи, родился вскоре после меркитского плена Бортэ, и потому не только «злые языки», но и младший брат Чагатай называли его «меркитским выродком». Хотя Бортэ неизменно защищала Джучи, а сам Чингисхан всегда признавал сына своим, тень меркитского плена матери легла на Джучи бременем подозрений в незаконнорожденности. Однажды в присутствии отца Чагатай открыто обозвал Джучи, и дело чуть не закончилось дракой братьев.

В поведении Джучи имелись некоторые устойчивые стереотипы, сильно отличавшие его от Чингиса. Если для Чингисхана не существовало самого понятия пощады к врагам (он оставлял жизнь лишь маленьким детям, которых усыновляла его мать Оэлун, и доблестным багатурам, принимавшим монгольскую службу), то Джучи отличался гуманностью и добротой. Так, во время осады Гурганджа совершенно измученные войной хорезмийцы просили принять капитуляцию, то есть, проще говоря, пощадить их. Джучи высказался за проявление милости, но Чингисхан категорически отверг просьбу о пощаде, и в результате гарнизон Гурганджа был частично вырезан, а сам город затоплен водами Амударьи. К сожалению, непонимание между отцом и старшим сыном, постоянно подогреваемое интригами и наговорами родственников, со временем углубилось и перешло в недоверие государя своему наследнику.

Чингисхан заподозрил, что Джучи хочет приобрести популярность среди завоеванных народов и отделиться от Монголии. Вряд ли это было так, но факт остается фактом: в начале 1227 г. охотившегося в степи Джучи нашли мертвым, со сломанным позвоночником. Страшные подробности происшедшего неизвестны, но, без сомнения, отец был единственным человеком, заинтересованным в смерти Джучи и способным оборвать жизнь ханского сына.

В противоположность Джучи, второй сын Чингисхана, Чагатай, был человеком строгим, исполнительным и даже жестоким. Потому он получил должность «хранителя Ясы» (нечто вроде генерального прокурора или верховного судьи). Чагатай соблюдал закон совершенно неукоснительно и без всякой пощады относился к нарушителям.

Третий сын великого хана, Угэдэй, подобно Джучи, отличался добротой и терпимостью к людям. Но самой характерной чертой Угэдэя была страсть к степной охоте и выпивке в компании друзей. Разницу в поведении Угэдэя и Чагатая лучше всего иллюстрирует следующий случай: однажды в совместной поездке братья увидели у воды мывшегося мусульманина. По мусульманскому обычаю, каждый правоверный обязан был несколько раз в день совершать намаз и ритуальное омовение. Монгольская традиция, напротив, запрещала человеку мыться где-либо в течение всего лета. Монголы полагали, будто мытье в реке или озере вызывает грозу, а гроза в степи очень опасна для путников, и потому «вызов» грозы рассматривался как покушение на жизнь других людей. Нухуры (дружинники) безжалостного законника Чагатая схватили мусульманина. Предвидя кровавую развязку – несчастному грозило отсечение головы, – Угэдэй послал своего человека, чтобы тот велел мусульманину отвечать, что он уронил в воду золотой и всего лишь искал его там. Мусульманин так и сказал Чагатаю. Тот велел искать монету, а за это время дружинник Угэдэя подбросил золотой в воду. Найденную монету вернули «законному» владельцу. На прощание Угэдэй, вынув из кармана горсть монет, протянул их спасенному им человеку и сказал: «Когда ты в следующий раз уронишь в воду золотой, не лезь за ним, не нарушай закон».

Самый младший сын Чингисхана, Тулуй, родился, как указывает китайская хроника, в 1193 г. Как мы знаем из «Мэн-да Бэй-лу», Чингисхан находился в чжурчженьском плену до 1197 г. На сей раз неверность Бортэ была вполне очевидна, но Чингисхан и Тулуя признал своим законным сыном, хотя внешне Тулуй не напоминал Борджигина. Всех Борджигинов

отличали зеленые или синеватые глаза, китайские историки называли их «стеклянными», и светлые с рыжиной волосы, а Тулуй имел вполне обычную монгольскую внешность – черные волосы и темные глаза.

Из четырех сыновей Чингисхана младший обладал наибольшими талантами и проявлял наибольшее нравственное достоинство. Хороший полководец и незаурядный администратор, Тулуй оставался любящим мужем и отличался благородством. Женился он на дочке погибшего главы кераитов Ван-хана, которая была набожной христианкой. Сам Тулуй не имел права принимать христианскую веру: как Чингизид, он должен был исповедовать религию предков – бон[1]. Но своей жене сын хана разрешил не только отправлять все христианские обряды в роскошной «церковной» юрте, но и иметь при себе священников и принимать монахов. Смерть Тулуя можно без всякого преувеличения назвать героической. Когда Угэдэй заболел, Тулуй добровольно принял сильное шаманское зелье, стремясь «привлечь» болезнь к себе, и умер, спасая своего брата.

Все четыре сына имели право наследовать Чингисхану. После устранения Джучи наследников осталось трое, и, когда Чингиса не стало, а новый хан еще не был избран, улусом правил Тулуй. На курултае 1229 г. великим ханом выбрали, в соответствии с волей Чингиса, мягкого и терпимого Угэдэя. Угэдэй, как мы уже упоминали, обладал доброй душой, но доброта государя часто бывает не на пользу государству и подданным. Управление улусом при нем очень ослабло и осуществлялось в основном благодаря строгости Чагатая да дипломатическому и административному умению Тулуя. Сам великий хан предпочитал государственным заботам кочевки с охотами и пирами в Западной Монголии.

Внукам Чингисхана были выделены различные области улуса или высокие должности. Старший сын Джучи, Орда-Ичэн, получил Белую Орду, находившуюся между Иртышом и хребтом Тарбагатай (район нынешнего Семипалатинска). Второй сын, Батый, стал владеть Золотой (большой) Ордой на Волге. Третьему сыну, Шейбани, отошла Синяя Орда, кочевавшая от Тюмени до Арала. При этом трем братьям – правителям улусов – было выделено всего по одной-две тысячи монгольских воинов, тогда как общая численность армии монголов достигала 130 тысяч человек.

Дети Чагатая тоже получили по тысяче воинов, а потомки

---

[1] *Бон* – древняя тибетская религия, ответвление митраизма.

Тулуя, находясь при дворе, владели всем дедовским и отцовским улусом. Так у монголов установилась система наследования, называемая минорат, при которой младший сын получал в наследие все права отца, а старшие братья – лишь долю в общем наследстве.

У великого хана Угэдэя тоже был сын – Гуюк, претендовавший на наследство. Увеличение клана еще при жизни детей Чингиса вызвало раздел наследства и огромные трудности в управлении улусом, раскинувшимся на территории от Черного до Желтого моря. В этих трудностях и семейных счетах таились зерна будущих распрей, погубивших созданное Чингисханом и его соратниками великое государство.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЛИЦОМ НА ВОСТОК

КАЛКА

Бросив самый общий взгляд на историю создания огромного Монгольского улуса, мы вправе теперь вернуться на Русь. Но, прежде чем приступить к рассказу о тогдашних русско-монгольских отношениях, напомним читателю о самой Руси начала XIII в.

Как уже говорилось, в отличие от «молодых» монголов, Древняя Русь переходила тогда из инерционной фазы в фазу обскурации. Снижение пассионарности в конечном счете всегда ведет к разрушению этноса как единой системы. Внешне это выражается в событиях и деяниях, несовместимых ни с моралью, ни с интересами народа, но вполне объяснимых внутренней логикой этногенеза. Так было и на Руси.

Игорь Святославич, потомок князя Олега, герой «Слова о полку Игореве», ставший в 1198 г. князем черниговским, поставил себе целью расправиться с Киевом – городом, где постоянно укреплялись соперники его династии. Он договорился со смоленским князем Рюриком Ростиславичем и призвал на помощь половцев. В защиту Киева – «матери городов русских» – выступил князь Роман Волынский, опиравшийся на союзные ему войска торков.

План черниговского князя был реализован уже после его смерти (1202). Рюрик, князь смоленский, и Ольговичи с половцами в январе 1203 г. в бою, который шел главным образом между половцами и торками Романа Волынского, взяли верх. Захватив Киев, Рюрик Ростиславич подверг город страшному разгрому. Были разрушены Десятинная церковь и Киево-

Печерская лавра, а сам город сожжен. «Сотворили великое зло, которого не было от крещения в Русской земле», – оставил сообщение летописец.

После рокового 1203 г. Киев уже не оправился. Что помешало восстановить столицу? Имелись в городе и талантливые строители, и оборотистые купцы, и грамотные монахи. Киевляне торговали через Новгород и Вятку, возводили крепости и храмы, уцелевшие до сего дня, писали летописи. Но, увы, не смогли вернуть городу его прежнего значения в Русской земле. Слишком мало осталось на Руси людей, обладавших качеством, которое мы назвали пассионарностью. И потому не было инициативы, не пробуждалось способности жертвовать личными интересами ради интересов своего народа и государства. В таких условиях столкновение с сильным противником не могло не стать для страны трагичным.

Между тем неукротимые монгольские тумены приближались к русским границам. Западный фронт монголов проходил по территории современного Казахстана между реками Иргиз и Яик и охватывал южную оконечность Уральского хребта. В тот период главным врагом монголов на западе были половцы.

Их вражда началась в 1216 г., когда половцы приняли кровных врагов Чингиса – меркитов. Антимонгольскую политику половцы проводили крайне активно, постоянно поддерживая враждебные монголам финно-угорские племена. При этом степняки-половцы были столь же мобильными и маневренными, как и сами монголы. А то, что путь от Онона до Дона равен пути от Дона до Онона, Чингисхан понимал прекрасно. Видя бесперспективность кавалерийских сшибок с половцами, монголы применили традиционный для кочевников военный прием: они послали экспедиционный корпус в тыл врагу.

Талантливый полководец Субэдэй и знаменитый стрелок Джэбэ повели корпус из трех туменов через Кавказ (1222). Грузинский царь Георгий Лаша попытался атаковать их и был уничтожен со всем своим войском. Монголам удалось захватить проводников, которые указали путь через Дарьяльское ущелье (современная Военно-Грузинская дорога). Так они вышли в верховья Кубани, в тыл половцам. Здесь монголы столкнулись с аланами. К XIII в. аланы уже потеряли свою пассионарность: у них не осталось ни воли к сопротивлению, ни стремления к единству. Народ фактически распался на отдельные семьи. Измученные переходом монголы отнимали у аланов пищу, угоняли лошадей и другой скот. Аланы в ужасе

бежали куда попало. Половцы же, обнаружив врага у себя в тылу, отступили к западу, подошли к русской границе и попросили помощи у русских князей.

Чуть раньше, говоря о событиях XI–XII вв., мы убедились, что отношения Руси и половцев никак не укладываются в примитивную схему противостояния «оседлый – кочевник». То же самое справедливо и для начала XIII в. В 1223 г. русские князья выступили союзниками куманов. Три сильнейших князя Руси: Мстислав Удалой из Галича, Мстислав Киевский и Мстислав Черниговский, – собрав рати, попытались защитить куманов.

Важно то, что монголы отнюдь не стремились к войне с Русью. Прибывшие к русским князьям монгольские послы привезли предложение о разрыве русско-половецкого союза и заключении мира. Верные своим союзническим обязательствам, русские князья отвергли монгольские мирные предложения. Но, к несчастью, князья совершили ошибку, имевшую роковые последствия. Все монгольские послы были убиты, а поскольку по Ясе обман доверившегося являлся непрощаемым преступлением, то войны и мщения после этого было не избежать.

Однако ничего этого русские князья не знали и фактически вынудили монголов принять бой. На реке Калке произошло сражение: восьмидесятитысячная русско-половецкая армия обрушилась на двадцатитысячный отряд монголов (1223). Эту битву русская армия проиграла из-за полной неспособности к самой минимальной организации. Мстислав Удалой и «младший» князь Даниил бежали за Днепр, они первыми оказались у берега и успели вскочить в ладьи. При этом остальные ладьи князья порубили, боясь, что и монголы смогут переправиться вслед за ними. Тем самым они обрекли на гибель своих соратников, у которых лошади были хуже княжеских. Разумеется, монголы убили всех, кого настигли.

Мстислав Черниговский со своим войском начал отступать по степи, не оставив арьергардного заслона. Монгольские всадники гнались за черниговцами, легко настигали их и рубили.

Мстислав Киевский расположил своих воинов на большом холме, забыв, что нужно обеспечить отход к воде. Монголы, конечно, легко блокировали отряд. Окруженный Мстислав сдался, поддавшись на уговоры Плоскини – вождя бродников, которые были союзниками монголов. Плоскиня убедил князя, что русских пощадят и не прольют их крови. Монголы, согласно своему обычаю, данное слово сдержали. Они положили связанных пленников на землю, прикрыли настилом из досок и сели пировать на их телах. Но ни капли русской

крови действительно пролито не было. А последнее, как мы уже знаем, по монгольским воззрениям считалось крайне важным.

Вот пример того, как различно воспринимают народы нормы права и понятие честности. Русские считали, что монголы, убив Мстислава и других пленников, нарушили клятву. Но, с точки зрения монголов, клятву они сдержали, а казнь явилась высшей необходимостью и высшей справедливостью, ибо князья совершили страшный грех убийства доверившегося. Заметим, что и по нормам современного права насилие над парламентером строго осуждается и карается. Каждый, однако, волен в данном случае принять позицию, наиболее близкую его моральному императиву.

После битвы на Калке монголы обратили своих коней на восток, стремясь вернуться на родину и доложить о выполнении поставленной задачи – о победе над половцами. Но на берегах Волги войско угодило в засаду, устроенную волжскими булгарами. Мусульмане, ненавидевшие монголов как язычников, неожиданно напали на них во время переправы. Здесь победители при Калке потерпели серьезное поражение и потеряли множество людей. Те, кто сумел переправиться через Волгу, ушли степями на восток и соединились с главными силами Чингисхана. Так закончилась первая встреча монголов и русичей.

ВЕЛИКИЙ ЗАПАДНЫЙ ПОХОД

Победа при Калке не означала окончательного разгрома половцев. А поскольку военная политика монголов формировалась в соответствии с принципом, сформулированным Чингисханом: «Война кончается с разгромом врага», борьбу с половцами следовало продолжать. Однако лишних сил у монголов не было, ибо параллельно с борьбой на западе монголы сражались с чжурчженьской империей Кинь и тангутским государством Си-Ся. Только после взятия Пекина (1215), тангутской столицы Чжунси (1227), крепостей Кайфына и Цайчжоу (1234) у монголов появилась возможность завершить войну с куманами. Курултай монгольских нойонов, собравшийся в 1235 г. на берегу Онона, в районе современного Нерчинска, решил довести борьбу с половцами до конца. Начался Великий западный поход.

Великим его называли не зря. Войскам предстояло пройти всю Монголию и через проходы в горах выйти в казахские степи. Нужно было пересечь их и дойти до Арала, а ведь основная часть этого пути проходит по пустыне Бетпак-Дала, где растет только карагач. Монголы пересекли пустынные степи зимой, когда люди и лошади могли использовать снег вместо воды. На пути от Арала через плато Устюрт к Волге кое-где встречались караван-сараи и выкопанные источники, но и этот переход был тяжел. А в конце пути, в низовьях Волги, монголов ждали военные действия. Поскольку в среднем тумены проходили 25 километров в день, то весь поход протяженностью в 5 тысяч километров, задуманный и начатый в 1235 г., окончился только осенью 1236 г.

Силы монголов, стянутые для западного похода, оказались невелики. Из имевшихся у них 130 тысяч воинов 60 тысяч приходилось направлять на постоянную службу в Китай, еще 40 тысяч ушло в Персию для подавления мусульман, а 10 тысяч воинов постоянно находились при ставке. Таким образом, для похода оставался двадцатитысячный корпус. Понимая его недостаточность, монголы провели экстренную мобилизацию. Из каждой семьи взяли на службу старшего сына.

Однако общая численность войска, пошедшего на запад, вряд ли превышала 30–40 тысяч человек. Ведь при переходе в несколько тысяч километров одной лошадью не обойдешься. Каждый воин должен был иметь, кроме ездовой, еще и вьючную лошадь. А для атаки был необходим боевой конь, ибо сражаться на усталой или необученной лошади равносильно самоубийству. Требовались отряды и кони для перевозки осадных орудий. Следовательно, на одного всадника приходилось как минимум 3–4 лошади, а значит, тридцатитысячный отряд должен был иметь не менее 100 тысяч лошадей. Прокормить такое поголовье при переходе через степи очень непросто. Везти же провиант для людей и фураж для большого количества животных с собой было невозможно. Именно поэтому цифра в 30–40 тысяч представляется наиболее реальной оценкой монгольских сил во время западного похода. Она, кстати говоря, совпадает с известной оценкой Н. И. Веселовского.

Первыми подверглись нападению монголов волжские булгары, которые в 1223 г. разгромили отряд Субэдэя и Джэбэ. Город Булгар был взят и разрушен. Одновременно были покорены другие поволжские народы, выступившие против монголов, – буртасы и башкиры. После форсирования Волги монгольское войско разделилось. Основные силы, которыми

руководил волевой и умный Мункэ-хан, сын Тулуя, начали преследовать главу половцев – хана Котяна, оттесняя его к границам Венгрии. Другая часть войска, возглавляемая ханом Батыем (Бату), подошла к границам Рязанского княжества.

Рязанские князья, равно как и суздальские и владимирские, не участвовали в битве на Калке, и поэтому Батый не собирался с ними воевать. Однако дальнейшее движение войска требовало постоянной смены лошадей, постоянного получения продуктов. И Батый послал в Рязань парламентеров, стремясь получить от рязанцев пищу и лошадей. Рязанские князья, не удосужившись узнать, с кем имеют дело, сказали: «Убьете нас – все будет ваше». Так и случилось.

Два войска сошлись недалеко от Рязани. Когда монголы развернулись лавой – рязанцы дрогнули и побежали. Покинув поле боя, они затворились в Рязани. Город был лишь недавно отстроен, после того как в 1208 г. его разрушил суздальский князь Всеволод Большое Гнездо, и потому был плохо подготовлен к осаде. Рязань была взята, княжеская семья погибла, все имущество стало достоянием монголов, но войска у рязанцев еще оставались. Монголы же, взяв требовавшееся им продовольствие и лошадей, покинули Рязань. Деятельный рязанский боярин Евпатий Коловрат со своей дружиной нагнал уходивших монголов, ударил им в тыл и остановил их продвижение. Батый принужден был поворачивать фронт, чтобы разгромить Евпатия Коловрата. С обеих сторон воины сражались героически, но исход боя предугадать было нетрудно: соратники Евпатия и он сам погибли, хотя и нанесли значительный урон врагу.

Столкновение с отрядом Евпатия Коловрата подтверждает нашу оценку численности монгольского войска. В дружине Евпатия имелось около двух тысяч воинов. Если бы в рядах монголов действительно насчитывались сотни тысяч человек, то никаким героизмом Коловрат не смог бы задержать движение монгольской армии. Скорее всего, его отряд просто не был бы замечен. Но у Батыя наверняка имелось не более половины монгольских сил, то есть 15–20 тысяч воинов, и потому нападение Коловрата на монгольский тыл оказалось столь чувствительным.

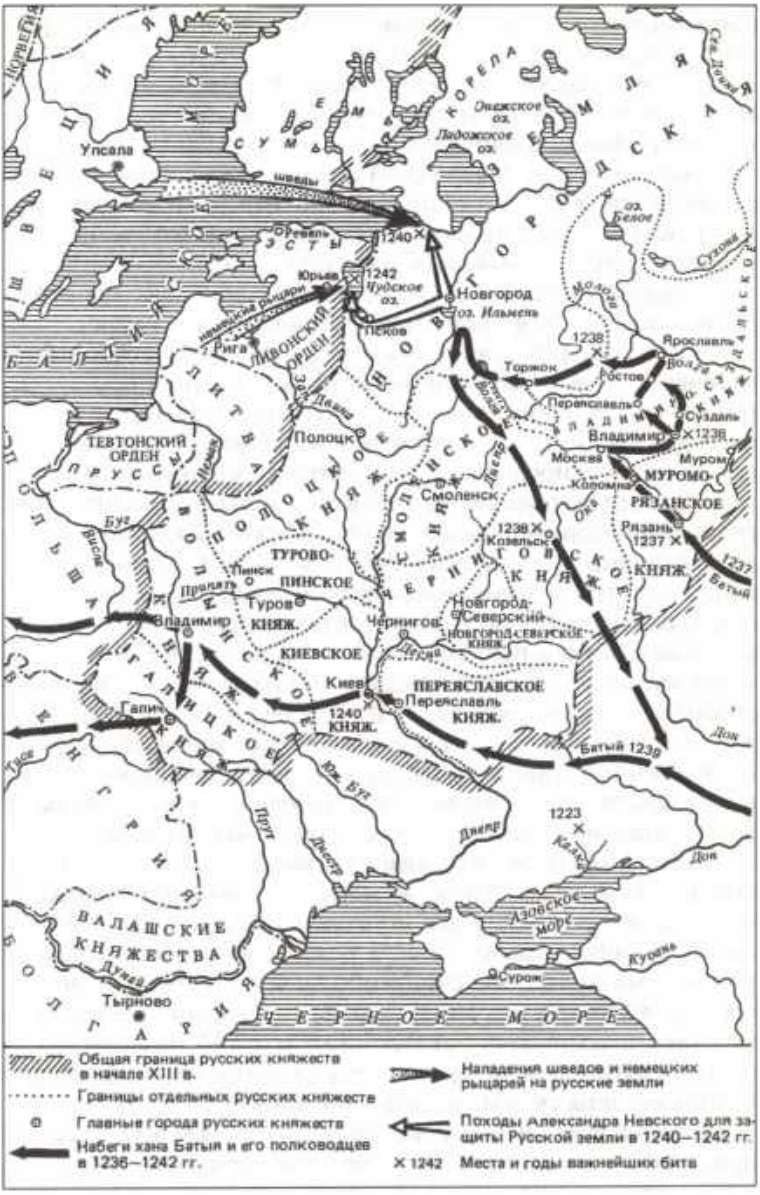
От побежденной Рязани Батый повел войска к Владимирскому княжеству. К несчастью, владимирский князь Юрий Всеволодович был недалеким политиком и скверным полководцем. Еще в 1210-х годах он истощил силы своего княжества в распрях с собственным дядей, поддержанным новгородцами. В битве на Липице, завершившей эту усобицу, бессмысленно

погибло девять с лишним тысяч русских людей, большей частью владимирцев и суздальцев, проигравших сражение. Поэтому что мог сделать Юрий зимой 1237/38 г., когда, взяв Рязань и рассеяв наспех собравшихся на реке Коломне русских, Батый двинул войска на Владимир? Князю оставалось или попытаться договориться с монголами, или, оставив владимирские города и земли, отойти на север и укрепиться в труднопроходимых лесах.

Юрий выбрал третий вариант – самый неудачный. Он приказал оборонять Владимир, не обеспечив его гарнизоном, причем оставил в городе свою собственную семью. Сам же князь под предлогом собирания войска ушел на берега Мологи и остановился в месте впадения в нее маленькой речки Сити. Разумеется, Владимир был монголами взят. Но так как город, в соответствии с приказом Юрия, не сдался сразу, то пострадал он довольно сильно. Сам Юрий на Сити был случайно застигнут отрядом монгольского тысячника Бурундая. Монголы наткнулись на незащищенный и неохраняемый стан русских, поскольку князь не выставил дозора и не выслал разъезды. Как видим, Юрий не сделал ничего из того, что должен был бы сделать полководец, ведущий войну с умелым и сильным врагом. Конечно же весь отряд, захваченный врасплох, погиб вместе со своим князем.

К лету 1238 г. монголы вернулись на Нижнюю Волгу, где и перезимовали. Новое движение на запад, захватившее и южную Русь, началось весной 1239 г. В Новгородской земле монголам отказался подчиниться город Торжок, потому что Новгород обещал оказать ему помощь. Однако новгородцы собирались слишком долго и не успели к сражению. Торжок был монголами взят, а его население вырезано.

Затем монголы пошли на юг. На их пути лежал город Козельск, под стены которого их вела память о Калке. Ведь 15 лет назад князь черниговский и козельский Мстислав был участником убийства монгольских послов. И хотя Мстислав к тому времени уже умер, монголы, руководствуясь понятием коллективной ответственности, стремились отомстить «злому» городу за поступок его князя. Конечно, с точки зрения современных людей, поведение степняков может казаться неоправданно жестоким. Но не будем забывать, что они точно так же следовали своим представлениям, как мы следуем своим. По мнению монголов, все подданные князя разделяли с ним равную ответственность за злодеяние уже потому, что соглашались иметь его своим князем. Вероятно, причины жестокой



Монголы и Русь

расправы с Козельском были хорошо понятны современникам: монголы осаждали Козельск семь недель, и никто из русских не пришел на помощь этому городу.

Но не все города постигла участь Владимира, Торжка и Козельска. Жители богатого торгового Углича, например, довольно быстро нашли общий язык с монголами. Выдав лошадей и провиант, угличане спасли свой город; позже подобным образом поступили почти все поволжские города. Более того, находились русские, пополнявшие ряды монгольских войск. Венгерский хронист называл их «наихудшими христианами».

Батый взял Чернигов, после был взят не оправившийся от внутренних усобиц Киев. Покинутый князем и защищаемый тысяцким Дмитром, город не располагал силами для борьбы – защищать стены Киева было некому. Затем Батый прошел через Волынь. Мнения волынян разделились: некоторые противостояли монголам, но жившие на южной окраине Волыни болховские князья предпочли договориться с монгольским ханом.

Преследуя отошедших в Венгрию половцев, монголы через Галицию двинулись дальше, стремясь установить нерушимую западную границу своей державы. Сначала их послы посетили Польшу, но были убиты поляками. В начавшейся войне монголы взяли Краков, а после – в битве при Лигнице в Силезии – разгромили польско-немецкое войско. Гибель постигла монгольских послов и в Венгрии. Монголы ответным ударом разбили войска венгерского короля в битве на реке Шайо, сожгли большую часть венгерских крепостей и городов. Вероятно, наученные горьким опытом, к чехам монголы послов уже не посылали. Монгольский отряд и чешское войско встретились в битве при Оломоуце, и чехи одолели степняков.

К 1242 г. Великий западный поход был окончен: войска Батыя вышли к Адриатическому морю. Итоги похода оказались очень благоприятными для монголов, и дальнейшая война не имела для них никакого смысла. Безопасность своей западной границы монголы обеспечили, ибо ни чехи, ни поляки, ни венгры не могли достичь Монголии: для этого у них не было ни желания, ни возможностей. Исконные враги Монгольского улуса – половцы – тоже не могли ему угрожать: они были загнаны в Венгрию, и их судьба оказалась печальной.

Половецкий хан Котян подчинился венгерскому королю, но приход половцев вызвал неудовольствие венгерских магнатов, которые убили хана и стали обращаться с половцами пренебрежительно и жестоко. Тогда часть кочевников ушла через Балканы в Византию и поселилась около города Никеи в Малой Азии.

Другая часть половцев задержалась в Трансильвании. Позже они приняли католичество и в значительной мере пополнили ряды мелкого венгерского дворянства.

Великий западный поход Батыя правильнее было бы называть великим кавалерийским рейдом, а поход на Русь у нас есть все основания называть набегом. Ни о каком монгольском завоевании Руси не было и речи. Гарнизонов монголы не оставили, своей постоянной власти и не думали устанавливать. С окончанием похода Батый ушел на Волгу, где основал свою ставку – город Сарай. Фактически хан ограничился разрушением тех городов, которые, находясь на пути войска, отказались замириться с монголами и начали вооруженное сопротивление. Исключением можно считать лишь Козельск, но с ним, как мы помним, монголы расправились, мстя за убийство своих послов.

По своим последствиям западный поход также был типичным набегом кочевников, хотя и грандиозного масштаба. Надо полагать, современники великолепно понимали характер и цели похода. И с этой точки зрения не стоит осуждать русских людей XIII в. за столь слабое сопротивление монголам. Никакого смысла не имело вести лишние военные действия, когда без них можно было обойтись. Ведь в течение 20 лет после Батыя с северных русских княжеств никакой дани, податей, налогов монголы вообще не взимали. Правда, с южных княжеств (Чернигова, Киева) налоги брали, но население нашло выход. Русские стали активно переезжать на север: в Тверь, Коломну, Москву, Серпухов, Муром и другие города Залесской Руси. Так все русские традиции вместе с людьми переместились с окраин лесостепи и степи в лесную полосу. Этот географический фактор – смена ландшафта в результате миграции – оказался крайне значимым для дальнейшего хода этногенеза нашей страны.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР И ХАН БАТЫЙ

В XIII в. Западная Европа являла собой постоянно растущую угрозу для Руси. В предыдущие десятилетия избыточная пассионарность западноевропейцев «сгорала» в первых попытках колониальной экспансии – крестовых походах в Палестину. Теперь же император Фридрих II решил направить немецких крестоносцев из Палестины в Прибалтику. Решение было вполне разумное: немецкие рыцари постоянно конфликтовали с

французами и итальянцами, ведя себя высокомерно и заносчиво. Поэтому император, послав немцев на Балтику и поручив им покорять местные языческие племена, действовал в интересах и рыцарей, и империи в целом. В 1237 г. рыцари-монахи двух орденов – Тевтонского и Меченосцев, объединившись, создали мощный Ливонский орден. Фактически образовалось «военно-духовное» государство, целью существования которого стал захват Прибалтики, продвижение на Русь и насильственное окатоличивание покоряемого населения.

Начавшееся завоевание шло трудно. Прибалтику тогда населяли древние балтские народы: эсты, литва, жмудь, ятвяги и пруссы. Все они находились в состоянии гомеостаза (равновесия с природной средой), и сил этих народов хватало только на выживание в родном ландшафте. Потому в борьбе с немцами прибалты ограничивались обороной. Но поскольку оборонялись они до последнего, в плен сдавались только мертвыми, первоначально особых успехов немцы не имели. Помогло рыцарям то, что их поддерживало очень воинственное племя – ливы. Кроме того, рыцари нашли ценного союзника – шведов, подчинивших себе финские племена сумь и емь.

Постепенно немцы обратили в крепостное состояние леттов, но эсты отказались покориться им, имея значительные связи с русскими. Существование этих связей подтверждает такой факт: города, которые ныне называются Таллинн и Тарту (до революции соответственно: Ревель и Дерпт), имеют вполне русские исторические имена Колывань и Юрьев (по христианскому имени основателя этого города Ярослава Мудрого).

К русским немцы и шведы относились еще более жестоко, нежели к прибалтам. Если, к примеру, захваченных эстов обращали в крепостное состояние, то русских просто убивали, не делая исключения даже для грудных младенцев. Угроза немецко-шведской агрессии стала для Руси очевидной, ее опасность нарастала день ото дня.

В 1240 г. шведский флот вошел в устье Невы, подошел к месту впадения в нее речки Ижоры и высадил десант, готовый начать наступление на Новгород. В Новгороде, как и во всех славянских городах, не столько готовились к защите, сколько спорили между собой о том, с кем лучше связать свою судьбу – с суздальским князем Ярославом или со шведским королем. Пока новгородцы спорили, сторонники Владимиро-Суздальской Руси призвали на помощь молодого князя Александра Ярославича, известного благодарным потомкам под именем Александра Невского. Тогда ему шел лишь двадцать

второй год, но это был умный, энергичный и храбрый человек, а главное, настоящий патриот своей Родины.

Больших сил Александру собрать не удалось. Со своим маленьким суздальским отрядом и с немногими новгородскими добровольцами Александр форсированным маршем достиг Невы и атаковал шведский лагерь. В этом бою новгородцы и суздальцы покрыли себя вечной славой. Так, один новгородец по имени Гаврила Олексич верхом ворвался на шведскую ладью, дрался со шведами на их корабле, был сброшен в воду, остался жив и снова вступил в бой. Героически погиб слуга Александра – Ратмир, пешим бившийся сразу со многими противниками. Не ожидавшие нападения шведы были разбиты наголову и ночью бежали на кораблях с места разгрома.

Жертвенностью и доблестью соратников Александра был спасен Новгород, но угроза для Руси осталась. Тевтонские рыцари в 1240–1241 гг. усилили натиск на Изборск, стремясь к завоеванию Пскова. А в Пскове среди бояр обнаружилась сильная прогерманская партия. Опираясь на ее помощь, немцы к 1242 г. захватили этот город, а также Ям и Копорье, и снова начали угрожать Новгороду.

Зимой 1242 г. Александр Невский со своими суздальскими, или, как тогда говорили, «низовскими», дружинами при поддержке новгородцев и псковичей напал на стоявший в Пскове немецкий отряд. Освободив Псков, он двинулся на главные силы ливонцев, которые отступали, минуя Чудское озеро. На западном берегу озера, у Вороньего камня, немцам пришлось принять бой.

Количество собственно рыцарей было небольшим – всего несколько десятков, но каждый рыцарь был грозным бойцом. Кроме того, рыцарей поддерживали пешие наемники, вооруженные копьями, и союзники ордена – ливы. Рыцари построились «свиньей»: самый мощный воин впереди, за ним – двое других, за теми – четверо, и так далее. Натиск такого клина был неотразим для легковооруженных русских, и Александр даже не пытался остановить удар немецкого войска. Напротив, он ослабил свой центр и дал возможность рыцарям прорвать его. Тем временем усиленные фланги русских атаковали оба крыла немецкого войска. Ливы побежали, немцы сопротивлялись отчаянно, но, так как время было весеннее, лед треснул и тяжеловооруженные рыцари стали проваливаться в воду Чудского озера. Новгородцы же не давали врагу вырваться из гибельной западни. Поражение немцев на Чудском озере 5 апреля 1242 г. отсрочило их наступление на Восток – *Drang nach*

Osten, – которое было лейтмотивом немецкой политики с 1202 по 1941 год.

Надо сказать, что, выиграв это сражение, Александр не решил политических задач. Победа не ликвидировала возможности немецкого наступления, ведь сил у рыцарей было гораздо больше, чем у новгородцев. Города-крепости Рига, Кёнигсберг, Ревель служили удобными плацдармами для наступающего с Запада европейского рыцарства. При этом немцы могли постоянно пополнять свои войска, так как в XIII в. в Европе было огромное количество добровольцев, мечтавших найти применение своим силами. Натиск западного суперэтноса на Русь был по-прежнему угрожающе реален.

Новое поколение русских людей, ровесников князя Александра, быстро осознало масштабы опасности, грозящей стране с Запада, и потребность в сильном союзнике. Обрести этого союзника Руси помогли логика событий и гений Александра Невского.

В 1242 г. умер великий хан Угэдэй. Его смерть коренным образом изменила положение в Орде победителя народов – хана Батыя. Еще во время похода 1238–1239 гг. Батый поссорился со своим двоюродным братом – сыном Угэдэя Гуюком. Гуюк оскорбил Батыя, назвав его старой бабой и пригрозив оттаскать за волосы. Не лучше поступил и их кузен Бури – сын хана Чагатая, бывшего, как мы помним, верховным судьей всего Монгольского улуса. Бури собрался «поленом бить Батыя по груди и по животу». Батый, как верховный главнокомандующий похода, выслал обоих зарвавшихся царевичей из армии к их отцам. Угэдэй и Чагатай сурово наказали своих сыновей: за нарушение воинской дисциплины их выгнали из ханской ставки и лишили всех чинов.

Понятно, что после смерти Угэдэя Гуюк и Бури дали волю своей ненависти и начали совместную борьбу против Батыя. Теперь, когда на месте великого хана мог оказаться Гуюк, положение Батыя стало сложным, если не сказать – гибельным. Его собственные силы ограничивались четырьмя тысячами воинов, а в распоряжении Гуюка, стань он великим ханом, оказалось бы не менее 100 тысяч человек. Батыю стал жизненно необходим союзник, и дальнейшие события лишь подтвердили это.

В 1246 г. собравшийся великий курултай избрал Гуюка великим ханом. Казалось, судьба Батыя была предрешена. Понимая безвыходность положения, Батый попытался обрести поддержку на Руси. Действительно, политических поводов для продолжения войны между русскими и монголами не было

никаких. Но, что еще важнее, уже исчезли, по-видимому, и эмоциональные мотивы противоборства. Так, русские называли Батыя «добрым ханом». И монголы смотрели на войну с Русью вполне трезво, несмотря на то что под Коломной погиб Кюлькан – любимый сын Чингиса от красавицы Хулан. Ведь в отношении к любой смерти на войне монголы руководствовались принципом: «За удаль в бою не судят». Итак, союз между Русью и Батыем стал возможен.

Препятствовало этому союзу лишь одно обстоятельство. Великий князь владимирский Ярослав, отец Александра Невского, присутствовавший на торжествах по случаю избрания нового хана, умер от яда. Яд этот, по версии папского агента Плано Карпини, был дан Ярославу матерью Гуюка – ханшей Туракиной. Причиной столь серьезного поступка явился донос боярина Федора Яруновича, который оговорил князя, сообщив, будто Ярослав вступил в союз с папой римским Иннокентием IV.

Однако и после смерти Ярослава Северо-Восточная Русь не стала зависимой от Орды. Это видно даже из того, что в 1248 г. Батыем был утвержден новый великий князь владимирский Святослав Всеволодич, брат погибшего Ярослава. Однако, прокняжив меньше года, он был свергнут Михаилом Ярославичем Тверским. Дни свои Святослав закончил в Орде, тщетно добиваясь справедливости. Но в его судьбе был виноват не Батый, а центральное правительство в Каракоруме, где после смерти в том же 1248 г. Гуюка правила его вдова – найманка Огуль-Гаймыш. Она отдала власть на Руси детям отравленного Ярослава: Александру – великое княжение и разрушенный Киев, а Андрею – богатое Владимирское княжество.

Александру предстоял тяжелый выбор союзника. Ведь выбирать приходилось между Ордой, в которой погиб его отец, и Западом, с представителями которого новгородский князь был хорошо знаком еще со времен Ледового побоища. Нужно отдать должное Александру Ярославичу: он великолепно разобрался в этнополитической обстановке и сумел встать выше своих личных эмоций ради спасения Родины.

В 1251 г. Александр приехал в Орду Батыя, подружился, а потом побратался с его сыном Сартаком, вследствие чего стал приемным сыном хана. Союз Орды и Руси осуществился благодаря патриотизму и самоотверженности князя Александра. В соборном мнении потомков выбор Александра Ярославича получил высшее одобрение. За беспримерные подвиги во имя родной земли Русская православная церковь признала князя святым.

ЗА ДРУГИ СВОЯ

К сожалению, среди современников, безвозвратно терявших пассионарность, политический курс Александра Ярославича популярностью не пользовался. Никто не думал благодарить князя за его героические усилия по спасению Русской земли. Большинство новгородцев твердо придерживались прозападной ориентации. Как следствие этого, после Невской битвы Александру «указали путь» из Новгорода. Но когда немцы захватили Псков, новгородцы тут же пригласили князя обратно. Он выгнал немцев из Пскова, одержал победу на Чудском озере – его удалили снова! Попытки наиболее здравомыслящих новгородцев возражать против самоубийственного поведения субпассионариев успеха не имели. В самом Новгороде сторонников князя-воина грабили и отстраняли от дел. Между двумя партиями – «молодших» и «лутчих» людей – дело дошло чуть ли не до войны. «Лутчие» (сторонники князя) все же победили, хотя и с огромным трудом, и настояли на окончательном вокняжении Александра в Новгороде.

Как видим, жизнь князя легкой не назовешь. Каждый раз он приходил «по зову новгородскому», оказывал Новгородской земле огромные услуги: сражался на Неве, на Чудском озере, усмирял воевавшее против Новгорода племя водь – и за это... отстранялся от руководства сторонниками Запада при помощи «демократической» процедуры – вечевого голосования.

Даже среди близких родственников не находил князь Александр понимания. Его родной брат Андрей сам был западником и объявил, что он заключает союз со шведами, ливонцами и поляками с целью избавиться от монголов. Монголам стало известно об этом союзе, вероятно, благодаря самому Александру Невскому. Батый, выполняя союзнические обязательства, послал на Русь полководца Неврюя (1252), который разбил войска князя Андрея, и тот был вынужден эмигрировать в Швецию. При этом «Неврюева рать» нанесла Руси ущерб больший, нежели поход Батыя.

Активно выступал против татар и князь Даниил Галицкий. Сразу после ухода Батыя на Волгу он напал на союзных монголам болоховских князей, перебил всю аристократию, а население княжества разогнал. Политический курс Даниила состоял в том, чтобы выделить Галицко-Волынское княжество в

самостоятельное феодальное государство, ориентированное на Запад.

Но вспомним, что в средние века и Запад не отличался единством. Гибеллины, сторонники германских императоров, боролись с гвельфами, поддерживавшими папский престол. В середине XIII в., в частности, это были сторонники императора Фридриха II и сторонники папы Иннокентия IV. Интересно, что Фридриха II воспитали паписты, а он, став германским императором (1212–1250), сделался злейшим врагом папского престола. Точно так же сам Фридрих II воспитал будущего первосвященника, возвел его на папский престол и получил в его лице смертельного врага.

Вот лишнее доказательство того, что любой человек не столько может приказывать, сколько должен поневоле выполнять полувысказываемые желания своего окружения. Если кардиналы и епископы, окружавшие папу, были довольны его распоряжениями, то папа сидел на троне как самостоятельный государь. Когда же он поступал вопреки их желаниям, у него обычно начинались какие-то болезни, а затем наступала «внезапная» смерть. Несколько увереннее чувствовал себя император, у которого были верные войска. Но ведь вассалы императора в большинстве своем ненавидели иерархов католической церкви. Мог ли император с этим не считаться? Конечно, нет! Вот и завел Фридрих II переписку с Батыем и Гуюком в то самое время, когда папа требовал войны с монголами.

Отец князя Даниила – Роман – был гибеллином и пытался оказывать помощь своим немецким союзникам. Даниил, казалось бы, должен был следовать политике отца, но папа пообещал ему королевский титул и полную самостоятельность. Ни монголы, ни Фридрих II ничего не обещали галицкому князю, и его симпатии явно склонились на сторону римского первосвященника. Даниил стал сторонником папы и получил из его рук обещанную золотую корону.

Надо сказать, что прозападная партия на Руси, ненавидевшая монголов за их набеги и связанная с Западной Европой торговыми, карьерными, культурными связями, была достаточно многочисленна, чтобы отстаивать свою политическую линию. Программа западников заключалась в следующем: опираясь на помощь рыцарей, объединить силы всех русских князей и изгнать монголов. К сожалению, будучи крайне привлекательной теоретически, эта программа никак не могла быть выполнена практически. Во-первых, рыцари Ордена, купцы

Ганзы, папа и император вовсе не собирались тратить свои силы на объединение чужого им государства. Они ставили перед собой другую задачу – использовать русских ратников в борьбе с монголами, обескровить Русь и покорить ее, подобно Прибалтике.

Во-вторых, к середине XIII в. идея объединения Руси уже стала полностью иллюзорной. Это хорошо понимал Александр Невский и совершенно не понимал Даниил. Русь окончательно распалась на Юго-Западную, Северо-Восточную и Новгородскую земли. В первых двух правили две линии Мономашичей: старшая – на северо-востоке, младшая – на юге. Между этими двумя ветвями шли жестокие войны. Вмешательство черниговских Ольговичей в общерусскую борьбу обычно было безрезультатно и неудачно для них самих и для Руси в целом. Полоцкие князья превратили свои владения в самостоятельное княжество. Отрицание власти Владимирского княжества было характерно и для Рязани – рязанцы много воевали против Владимира, Суздаля, Киева. И винить в этом одних князей нельзя, так как не столько они господствовали над своими городами и окрестными землями, сколько городское население, многочисленное и активное, указывало своим князьям ту или иную линию поведения. Например, когда в очередную новгородско-владимирскую войну суздальцы (так называли войска владимирского князя) подошли к Торжку, город был готов сдаться и просил князя Всеволода «взять мир», «снизойти в милость». Горожане обещали подчиниться, принять все условия, уплатить дань. Великий князь Всеволод Большое Гнездо хотел уже принять предложение Торжка, но его воины категорически отказались, сказав: «Мы не целовать их пришли». Торжок был взят и разграблен вопреки воле князя.

Требовали от своих князей проведения политики сепаратизма и жители Минска, Гродно и других городов северо-запада Русской земли. Стремление к самостоятельности стало всеобщим, распад был неминуем. К нему вело снижение пассионарности населения Руси. Ведь достаточно мощной силы, которая связала бы многочисленные княжества, подчинила их Киеву, уже не было. Киев растерял свою пассионарность, а на окраинах ареала она еще сохранилась. Наступившая фаза обскурации обрекала на неудачу попытки воссоздания единой Руси в XIII в.

Понятно, что в этих условиях усилия западников по консолидации русских были обречены на провал. Деятельность самого Даниила Галицкого кончилась для него плохо. После

нескольких удачных операций против небольших монгольских отрядов во главе с военачальником Куремсой (1254) Даниил столкнулся с опытным тысячником Бурундаем. Бурундай довольно легко разбил галицкого князя и заставил его срыть все крепости, чтобы Галиция и Волынь не имели возможности отделиться.

Каковы же были реальные результаты союза с монголами, заключенного Александром Невским? Русские князья сохранили большую свободу действий. Когда Мункэ-хан послал на Русь несколько мусульман («бесермен») с целью переписать население для сбора налога – «дани», все переписчики и сборщики были перебиты населением. По предположению такого знатока проблемы, как А. Н. Насонов, побоище было инспирировано самим князем Александром. Мотивы предполагаемых действий князя вполне понятны: отправка русских денег в Монголию была не в его интересах. Александра интересовала перспектива получения от монголов военной помощи для противостояния натиску Запада и внутренней оппозиции. Именно за эту помощь Александр Ярославич готов был платить, и платить дорого.

Но вскоре Александру Невскому пришлось испытать невероятное потрясение: под угрозой оказалась вся его политическая линия. В 1256 г. умер его союзник Батый, и в том же году из-за симпатий к христианству был отравлен сын Батыя Сартак. И кем? Братом Батыя Берке-ханом, который опирался на ордынских мусульман. Берке принял ислам, вырезал несториан в Самарканде, отравил своего племянника, казнил свою родственницу Боракчин и установил мусульманскую диктатуру, хотя и без дальнейших религиозных гонений.

Верный своему принципу борьбы за интересы Отечества, Александр Ярославич и на этот раз «положил душу за други своя». Он отправился к Берке и договорился об уплате дани монголам в обмен на военную помощь против литовцев и немцев. Но когда в Новгород вместе с князем пришли монгольские переписчики, чтобы определить сумму налога, новгородцы устроили бунт, во главе которого оказался Василий Александрович – старший сын великого князя, дурак и пьяница.

Александр вывел «татарских» послов из города под своей личной охраной, не дав их убить. Тем самым он спас Новгород от гибели – ведь мы знаем, как поступали монголы с населением городов, где совершалось убийство послов монгольского хана. С вожаками смуты Александр Ярославич поступил жестоко: им «вынимали очи», считая, что глаза человеку все

равно не нужны, если он не видит, что вокруг делается. Только такой ценой удалось Александру подчинить новгородцев, утерявших вместе с пассионарностью здравый смысл и не понимавших, что тот, кто не имеет сил защищаться сам, вынужден платить за защиту от врагов. Конечно, отдавать свои деньги всегда неприятно, но, наверное, лучше уж расстаться с деньгами, чем с независимостью и жизнью.

КОНЕЦ И ВНОВЬ НАЧАЛО

Итак, союзный договор с Ордой стал реальностью. Русские первыми оказали военную помощь татарам, приняв участие в походе на аланов. Союз с татарами оказался благом для Руси с точки зрения установления порядка внутри страны.

В 1261 г. в Сарае усилиями Александра Невского и монгольских ханов Берке и Мэнгу-Тимура было открыто подворье православного епископа. Он не подвергался никаким гонениям; считалось, что епископ Сарский является представителем интересов Руси и всех русских людей при дворе великого хана. Если на Руси начиналась княжеская усобица, хан присылал сарского епископа с татарским беком (обязательно христианином), и они решали спорные вопросы на княжеских съездах. Если кто-то не считался с принятым решением и пытался продолжать удельную войну, его принуждали к миру с помощью татарской конницы.

Опираясь на союз с Берке, Александр решил не только остановить движение немцев на Русь, но и подорвать самую его возможность. Он заключил с литовским князем Миндовгом, своим ровесником, союз, направленный против крестоносцев. Как правителя Миндовга отличали хитрость и изворотливость. В 1250 г. он принял католичество, но «крещение его льстиво бысть», – говорит летописец. Через 10 лет Миндовг отказался от насильно навязанной ему религии и стал злейшим врагом крестоносцев и католиков.

Александр Ярославич находился на пороге своей второй, не менее значительной, чем в случае с Ордой, дипломатической победы. Но в 1263 г., в разгар подготовки совместного похода против Ливонского ордена, возвращаясь из очередной поездки в Орду, князь скончался. Можно предположить, что Александр Ярославич умер, выражаясь современным языком, от стресса. Действительно, столь сложные дипломатические акции,

блестящие победы, борьба с соотечественниками требовали слишком большого нервного напряжения, которое не каждому по силам. Однако кажется странным то, что вскоре умер и Миндовг. Невольно напрашивается мысль, что причиной смерти князя Александра был не стресс; скорее, в смерти Александра и Миндовга следует видеть усилия немецких сторонников, действовавших на Руси и в Литве.

В условиях, когда среди русских западников находились люди, которых можно было купить и использовать в борьбе против Отечества, надежный союзник на Волге был вдвойне необходим русским княжествам. В 1268 г., через шесть лет после смерти Александра, новгородцы пошли на принадлежавшую датчанам крепость Раковор (современный город Раквере недалеко от Таллинна). По дороге на новгородские полки напали немцы, и произошла жуткая сеча – Раковорская битва. Новгородцы одолели союзные войска немцев и датчан. Те, недолго думая, призвали большое количество воинов и рыцарей из Западной Европы, для того чтобы, перейдя реку Нарову, захватить Новгород. Но тут в Новгород, согласно договору с Ордой, явился татарский отряд в 500 всадников. Немцы, даже не зная точно размеров этого отряда, тотчас же «замиришася по всей воле новгородской, зело бо бояхуся имени татарского». Новгород и Псков уцелели.

Как видим, положительные стороны союза с Ордой проявлялись и после смерти Александра Ярославича. Там, где вступали в дело татарские войска, крестоносный натиск быстро останавливался. Таким образом, за налог, который Александр Невский обязался выплачивать в Сарай – столицу нового государства на Волге, – Русь получила надежную и крепкую армию, отстоявшую не только Новгород с Псковом. Ведь точно так же благодаря татарам в 70-е годы XIII в. сохранил независимость Смоленск, находившийся под угрозой захвата литовцами. Смоляне в 1274 г. предложили своему князю добровольно подчиниться Орде, и, поскольку Смоленск стал находиться под защитой татар, литовцы не рискнули его штурмовать. Так союз с Ордой во второй половине XIII в. принес Северо-Восточной Руси вожделенный покой и твердый порядок.

Более того, русские княжества, принявшие союз с Ордой, полностью сохранили свою идеологическую независимость и политическую самостоятельность. Например, после победы в Орде мусульманской партии в лице Берке никто не требовал от русских обращения в ислам. Одно это показывает, что Русь была не провинцией Монгольского улуса, а страной, союзной

великому хану, выплачивавшей некоторый налог на содержание войска, которое ей самой было нужно.

Какова же этническая интерпретация этих грандиозных событий XIII в.? Мы уже упоминали, что в XI – начале XIII в. Русская земля представляла собой единый суперэтнос. Но с падением пассионарности в XIII в. единство оказалось утраченным. Отдельные подсистемы ослабевшего суперэтноса вошли в состав более молодых этнических миров. Так, Северо-Восточная Русь вошла в монгольский суперэтнос. Именно поэтому преемники Батыя – ханы-немусульмане, а потом и ханы-мусульмане, типа Берке, – заняли место византийских императоров в иерархии русских геополитических представлений. Ранее на Руси считалось, что существует лишь один царь – василевс в Константинополе. В Русской земле правили князья – самостоятельные властители, но вторые лица в иерархии государственности. После взятия крестоносцами Константинополя (1204) и крушения власти византийских императоров титулом «царь» на Руси стали величать ханов Золотой Орды. Их так и называли: «добрый царь» Джанибек или «суровый царь» Узбек.

Те русские княжества, которые отказались от союза с татарами, были захвачены частично Литвой, частично Польшей, и судьба их была очень печальной. В рамках западноевропейского суперэтноса русичей ждала участь людей второго сорта.

Таким образом, вошедшая в фазу обскурации Русская земля была разорвана надвое могучими силами пассионарности Запада и Востока. При этом с точки зрения этнической истории, крайне важен ответ на вопрос: какую Русь представлял Александр Ярославич Невский? Был ли он последним крупным удельным князем Древней Руси или же первым князем будущей Великороссии? Можно ли его поставить в один ряд с Владимиром Мономахом или следует сравнить с Дмитрием Донским?

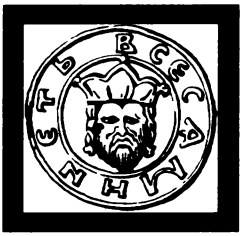
Полагаю, что князь Александр, так же как его соратники, принадлежал к поколению новых людей, поднявших Русь на недосягаемую высоту. Для такого вывода есть весомые основания. Жертвенное поведение Александра Ярославича и его соратников слишком разительно отличается от нравов древнерусских удельных князей. Сформулированная Александром доминанта поведения – альтруистический патриотизм – на несколько столетий вперед определила принципы устроения Руси. Заложенные князем традиции союза с народами Азии, основанные на национальной и религиозной терпимости, вплоть до XIX столетия привлекали к России народы, жившие на

сопредельных территориях. И наконец, именно потомками Александра Ярославича Невского строилась в XIV в. на развалинах древней Киевской Руси новая Русь. Сначала она называлась Московской, а с конца XV в. стала называться Россией.

Все вышесказанное дает нам возможность достаточно уверенно говорить о том, что в начале XIII в. на территории Руси имел место пассионарный толчок. Мы даже можем с учетом нашего допущения довольно точно определить дату этого толчка. «Новые» люди начали рождаться около 1200 г., а исторической силой они стали в конце XIV в. – около 1380 г. Следовательно, инкубационный период фазы пассионарного подъема продолжался около 180 лет, что практически не противоречит данным по другим известным нам примерам этногенеза.

Утверждение о пассионарном толчке на Руси в XIII в. легко проверить. Дело в том, что пассионарный толчок, если он происходит, никогда не затрагивает одну страну, один этнос. Как глобальное, планетарное явление взрыв этногенеза охватывает протяженные узкие полосы на земной поверхности, проходящие через разные регионы, населенные разными народами. На этих простирающихся на тысячи километров полосах и начинаются одновременно этногенезы разных народов. Так было и в XIII в.

Данный толчок прослеживается в Прибалтике: на берегах Немана в результате смешения литовских племен со славянским населением возник новый литовский этнос. В зоне толчка оказались долина Припяти и Приднепровье: отсюда началась миграция смешанного русско-польского населения, которое впоследствии составило этнос, называемый украинским. Одновременно с процессами в Северо-Восточной Руси и Литве начался этногенез в западной части Малой Азии. Уже в конце XIII в. там создался новый, османский, этнос. Турки-османы были совершенно отличны от турок-сельджуков (туркменов), населявших восточную часть Малой Азии. Вероятно, с действием толчка XIII в. было связано и возникновение этноса крымских татар, позднее присоединившихся к османам.



ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПОЯВЛЕНИЕ РОССИИ

СЫНОВЬЯ И СЫНОВЦЫ

Часто говорят, что на детях великих людей природа отдыхает. У Александра Ярославича Невского было несколько сыновей, но всем им было далеко до своего великого отца. Старший, Василий, посаженный Александром в Новгороде, сначала не поладил с горожанами и был выгнан, затем попытался, как мы помним, поднять Новгород на татарских послов, организовав восстание против своего отца. Александр проявил великодушие: Василию дали тихо и спокойно умереть от пьянства. Более деятельными князьями были Дмитрий и Андрей Александровичи. Дмитрий придерживался западнического направления, Андрей поддерживал ханов Золотой Орды.

В Орде к концу XIII в. явственно обозначились признаки новой фазы монгольского этногенеза – акматической. Количество энергичных, алчных, готовых на все ради славы, почестей и добычи людей сильно выросло, и, как следствие, между ними постоянно возникали трения. Темник Ногай, правитель западных областей Орды (причерноморских степей и северного Крыма), попытался сбросить власть золотоордынских ханов и стал фактически независимым государем. Опирался Ногай на половцев, аборигенов причерноморских степей. К тому же, нуждаясь в поддержке на Руси, он договорился о союзе с Дмитрием Александровичем. В итоге честолюбивый темник достиг больших успехов, контролируя ханов Орды и проводя политику по собственному усмотрению. Так продолжалось до тех пор, пока хан Тохта, оказавшийся человеком энергичным, не договорился, в свою очередь, о союзе с князем

Андреем Александровичем, войска которого пришли ему на помощь.

В 1299 г. в решающей битве где-то между Днепром и Днестром (место битвы точно не установлено) волжские татары, поддержанные русским войском, а также сибирскими и среднеазиатскими татарами Синей и Белой Орды, одержали верх. Сам Ногай попал в плен. Пленил грозного темника русский ратник, который не отвел его к хану, а отрезал пленнику голову, которую и принес Тохте. Поступок был, с точки зрения военной монгольской этики, неприличным: Ногая полагалось казнить как преступника по ханскому приговору, а вовсе не убивать самосудом как пленника. И Тохта велел отрубить голову русскому ратнику. В дальнейшем Тохта, ставший после усмирения бунта Ногая вполне самостоятельным владыкой, показал себя решительным сторонником Руси и поддерживал русских князей, которым давал «ярлыки». В частности, князь Андрей с его помощью вскоре победил своего брата Дмитрия.

Младший сын Александра Невского, Даниил, получил «во княжение» крохотный городок в глуши – Москву. Даниил, в отличие от других князей, воевал мало. Московский князь занимался хозяйством: отстраивал свой город, развивал земледелие, заводил ремесла. Единственным его завоеванием стала Коломна, принадлежавшая рязанским князьям. Благодаря своей мирной политике Даниил приобрел большой авторитет и к началу XIV в. стал одним из влиятельных князей на Руси.

После смерти Андрея Александровича (1304), жившего в Городце, великим князем при поддержке Тохты стал Михаил Ярославич Тверской, племянник Александра Невского. Михаил Ярославич был по своему складу похож на былинного богатыря: храбр, силен физически, верен слову, благороден. Такие качества импонировали хану, и Михаил Тверской пользовался его полным доверием. С переходом «великого стола» к Михаилу Тверскому реальная власть ушла из рук сыновей Александра Ярославича.

Итак, уже в начале XIV в. прежняя Киевская Русь канула в небытие. Ни политического, ни этнического единства русских больше не существовало. Люди остались, но сама система власти и организации отношений между людьми оказалась разрушенной окончательно. Вместо старых городов Поднепровья появились новые центры. Наиболее важными из них были: Тверь – прекрасный богатый город на Волге, имевший выгодное географическое положение; Смоленск – западный щит Руси; Рязань – служившая защитой от беспорядочных набегов

степных грабителей; отвоеванный у мордвы Нижний Новгород – торговый город и колонизационный центр на границе с волжскими булгарами; маленькая, затерянная в лесах Москва.

Но и эта небольшая часть Руси, принявшая благодаря политике Александра Невского татарскую ориентацию, не представляла из себя целостного государственного образования. Сразу после смерти Михаила Тверского Тверь сделалась противницей Москвы. Суздаль и Нижний Новгород хотя и признавали власть великого князя, но тяготели к самостоятельности. Рязанцы, привыкшие к войне, столь же охотно «ратились» с москвичами, как и с татарами. Республиканский Новгород временами вообще переставал считать себя частью Русской земли, имея все шансы превратиться в особый славянский этнос. Новгородцы, обладая более высокой пассионарностью и сохранив традицию вечевого правления, противопоставляли себя всей остальной Руси – «низовским землям». Устойчиво сохранял Новгород и свои западнические симпатии. Например, некоторые новгородские попы принимали западных вольнодумцев и часто выступали против канонического византийского православия. Не случайно, как мы увидим в дальнейшем, Новгород в XIV–XV вв. не однажды становился источником церковных ересей на Руси.

Когда князь становился «великим князем Владимирским», получив ярлык от «царя», то есть золотоордынского хана, он фактически приобретал в качестве подданных только население своего удела – москвичей, тверичей или суздальцев. И если им не нравился этот князь или установленный им порядок, они могли совершенно свободно перейти за несколько десятков верст в любое соседнее княжество и там чувствовать себя вполне независимо.

Единственной связующей нитью для всех русских людей XIV в. оставалась православная вера. Всякий, кто исповедовал православие и признавал духовную власть русского митрополита, был своим, русским. И хотя «низовцы», считая новгородцев православными, ни на минуту не сомневались, что их надо бить, теологическая основа единства сохранялась. И потому только православная церковь противостояла тогда распаду Руси. Дальнейшие события подтвердили безусловный рост авторитета духовной власти среди народа.

Во время княжения Михаила Тверского произошло событие, на первый взгляд достаточно незначительное, но в действительности сыгравшее решающую роль в образовании будущего Московского государства. В 1305 г. митрополитом

владимирским (митрополичий престол с 1299 г. находился именно во Владимире) был избран собором набожный волынский монах Петр. Новый митрополит, поселившийся во Владимире, посещал приходы и монастыри, занимался своим любимым делом – писанием икон. Словом, шло его архипастырское служение хорошо и гладко. К несчастью, епископы, фавориты князя Михаила Тверского, начали интриговать против митрополита Петра и обвинили его в грехе симонии, попросту говоря, во взяточничестве. Продажа церковных должностей считалась серьезным преступлением, грозившим иерарху лишением сана, но для того, чтобы низложить митрополита, требовалось решение собора.

Далее случилось непредвиденное: на собор пришло множество мирян из Владимира, Ярославля, Москвы, Костромы, Рязани и других городов. И когда епископы начали заседание, то народ, приняв участие в «прениях», заставил князя и собор оправдать Петра. Естественно, после этого Петр старался не навещать Тверь, но стал часто ездить в Москву, где его очень хорошо принимали, относясь к владыке с должным уважением. Последствия ссоры с митрополитом, сделавшей главу русской церкви сторонником Москвы, сказались не сразу, но для князя Михаила и всего Тверского княжества они стали роковыми.

У московского князя Даниила было двое сыновей. Старший – Юрий, человек неукротимый, беспринципный и недалекий, был полной противоположностью младшему – тихому, богобоязненному и хозяйственному Ивану. Сближало Юрия с Иваном лишь одно: оба они лишились великого княжения и оба были готовы на все, чтобы его вернуть. Унаследовавший Московское княжество Юрий Данилович ненавидел владевшего великокняжеским ярлыком Михаила Тверского. И судьба улыбнулась московскому князю: сменился хан в Золотой Орде.

Покровитель Михаила – Тохта, направляясь на летнее кочевье, умер при невыясненных обстоятельствах, и власть захватил царевич Узбек (1312). Поддерживали Узбека многочисленные ордынские мусульмане, которые исстари селились в поволжских городах, и таким образом в Сарае пришла к власти новая партия – исламская.

Наследник традиций хана Берке – Узбек – проявил себя как крайне жестокий правитель. Приняв ислам, он под страхом смертной казни потребовал того же от всех своих подданных. Дотоле репрессии по религиозным мотивам в Орде никогда не применялись, поэтому не было ничего удивительного в том, что многие отказались принять «веру арабов». Ведь,

по Ясе Чингисхана, хан не мог вмешиваться в вопросы веры, а свобода совести всегда понималась монголами как личная свобода человека. Узбек без колебаний отверг этот принцип – все, отказавшиеся обратиться в мусульманство, в том числе 70 царевичей Чингизидов, были казнены. Но большому количеству татар (христиан и язычников), отказавшихся принять ислам, удалось уехать на Русь и при Узбеке, и впоследствии.

Сменой власти в Орде и решил воспользоваться Юрий Данилович Московский в своей борьбе с Михаилом Тверским. Тверь была богаче и воинственнее, чем Москва, но военные столкновения Москвы и Твери не принесли решительного перевеса ни одной из сторон, поэтому без помощи нового золотоордынского хана Юрию Даниловичу обойтись было трудно. Юрий много раз ездил в Орду и сумел не только заручиться поддержкой Узбека, но и стать ханским родственником, женившись на сестре хана – Кончаке. Получив татарскую помощь под тем предлогом, что тверичи «тянут» к врагам татар – литовцам, и заключив союз с Новгородом, Юрий двинулся на Тверь.

Однако полководец из московского князя вышел никудышный. Михаил разбил войско Юрия и захватил в плен его жену, в крещении названную Агафьей. Увы, этот успех погубил тверского князя. Агафья, прожив некоторое время в плену, умерла при очень странных обстоятельствах. Юрий не замедлил воспользоваться этим в своих интересах: прибыв в Орду, он обвинил Михаила в преднамеренном убийстве Кончаки – Агафьи, и судьба великого князя была решена.

Юрий получил «великий стол», отнятый у Михаила Тверского, а тверской князь был вызван в Орду. Не желая подвергать разгрому родной город, Михаил поехал к Узбеку и был казнен по приказанию хана. Привели приговор в исполнение люди Юрия Московского и его соратника, татарина Кавгадыя. Великого князя, посаженного в колодку, долго мучили: плохо кормили, издевались над пленником и наконец зарезали.

Убийство невинного не пошло на пользу инициаторам расправы. Кавгадыя вскоре уличили в преступлениях и тоже казнили. Юрия же встретил в Орде сын Михаила, Дмитрий Грозные Очи, и молодой тверич зарубил московского интригана. Так как право суда и казни в Орде принадлежало исключительно хану, Дмитрия Михайловича казнили за самосуд. Наследник тверского князя погиб, и смерть его имела исключительные последствия. Младший сын Михаила, Александр, узнав о смерти брата, отказался от традиционного союза с Ордой и сделал ставку на Литву.

ДЕЛА ЛИТОВСКИЕ

Положение Литвы по сравнению с Владимирским княжеством было весьма выигрышным. Литву, как мы знаем, тоже задел пассионарный толчок XIII в., возродивший к жизни несколько литовских племен. Судя по топонимике, литовские племена в древности занимали территорию чуть ли не до нынешнего Тамбова, но к интересующему нас периоду на юге Русской (Восточно-Европейской) равнины они уже исчезли, слившись с местным угро-финским и славянским населением. Древнелитовские племена сохранились только в Прибалтике и Белоруссии, но и там они уже много веков находились в состоянии гомеостаза. Центральную часть литовского ареала занимало собственно племя литва, или литовцы; к западу от него жила жмудь, еще дальше на запад – пруссы. На востоке современной Белоруссии располагались ятвяги, а племя голядь обитало в районе Коломны.

Властителем, создавшим из этих разрозненных осколков единую Литву, стал уже упоминавшийся нами ровесник Александра Ярославича Невского – литовский князь Миндовг (Миндаугас). После трагической смерти Миндовга произошло то, что всегда происходит в начале фазы пассионарного подъема: литовские князья весь XII! в. боролись между собой за власть. И только в начале XIV в. один из них – Гедимин – окончательно победил соперников и начал проводить завоевательную политику.

Первым его завоеванием стала Черная Русь – местность около города Гродно, самая западная часть Руси. Затем Гедимин подчинил города, ныне относящиеся к Белоруссии: Полоцк, Минск, Витебск. После этого литовцы стали постепенно проникать на Волынь и в Галицию, где правили потомки «короля Малой Руси» Даниила Романовича Галицкого – Лев и Андрей. Сил у галицких князей было настолько мало, что они не могли сопротивляться должным образом ни татарам, ни литовцам, ни полякам, ни венграм. Правда, татары в то время подавляли мятеж Ногая и им было не до Волыни, но литовцы активно пытались овладеть этим регионом.

Однако Гедимину не удалось подчинить Галицию. В результате череды мелких войн, перечислять которые не имеет смысла, Галицию заняли поляки, Закарпатскую Русь – венгры, а литовцам досталась лишь восточная Волынь. На очереди был

Киев. Киевский князь Станислав решил защищать свой город, на котором еще лежали отблески славы великого прошлого. Станислав пригласил на помощь других русских князей, в том числе северского. У реки Ирпень в 1321 г. он столкнулся с войсками Гедимина. Литовцы победили и затем осадили Киев. Поскольку никакой надежды на помощь не было, киевляне подчинились великому князю Гедимину на основе вассалитета: все «имения» были оставлены за ними, а князь киевский стал просто «подручником» литовского князя Гедимина.

После взятия Киева экспансия литовцев продолжилась. Под натиском неудержимой литовской конницы пали все русские города до Курска и Чернигова. Так при Гедимине и его сыне Ольгерде создалось могучее Великое княжество Литовское. Надо сказать, что характерной чертой Литвы XIII в. было сохранение древней языческой веры в воинственного бога Перуна и весьма плохое отношение к христианам как к западным, так и к восточным. Однако Гедимин, человек волевой и умный, сам будучи язычником, умел считаться с христианским русским населением.

Политику Гедимина продолжили его сыновья Ольгерд и Кейстут. Русские летописи много сообщают о первом и почти совсем не упоминают о втором, а хроники крестоносцев, напротив, часто рассказывают о Кейстуте и почти не замечают Ольгерда. Это связано с тем, что братья разделили сферы влияния. Кейстут сидел в Жмуди и боролся с немцами, а Ольгерд, стараясь захватить как можно больше русских земель, воевал с Москвой и татарами. При этом Ольгерд и его племянник Витовт приняли, хотя и формально, православие. Литовские князья женились на русских княжнах и объединяли вокруг себя уцелевших Рюриковичей из Турово-Пинской земли. Так, исподволь, свершалось включение древнерусских земель в состав Великого княжества Литовского.

Ольгерду удалось подчинить себе огромную территорию с границами почти у Черного моря и Дона. В 1363 г. в решающей битве с татарами у Синих Вод (ныне река Синюха, приток Южного Буга) Ольгерд разбил степняков и, овладев таким образом западной частью Великой степи между Днепром и устьем Дуная, вышел к Черному морю.

Но Литва оставалась зажатой между православной Русью и массивом католической Европы. Литовцы активно воевали с немцами – антипапистскими Ливонским и Тевтонским орденами, – и потому их объективными союзниками могли стать сторонники партии гвельфов, прежде всего католики Польши.

Вероятно, в связи с этим Гедимин разрешил своим подданным принимать католическую веру. К тому же он, наверное, учитывал, что, кроме идеологического единства, у литовцев была еще одна основа союза с поляками. Литовцы постоянно совершали набеги на Польшу, и прежде всего на Мазовию, откуда привозили польских девушек. Так начался мощный процесс польско-литовской интеграции.

Вспомним чудесную балладу А. Мицкевича, переведенную А. С. Пушкиным: «Три у Будрыса сына, как и он, три литвина...» Старик литвин посылает сыновей на войну: одного – грабить русских в богатом Новгороде, другого – на Балтику против крестоносцев, «проклятых крыжаков», а третьего сына шлет в Польшу:

В Польше мало богатства и блеску,
Сабель взять там не худо, но уж верно оттуда
Привезет он мне на дом невестку.

Нет на свете царицы краше польской девицы.
Весела, что котенок у печки,
И как роза румяна, а бела, что сметана;
Очи светятся, будто две свечки!

Был я, дети, моложе, в Польшу съездил я тоже
И оттуда привез себе женку;
Вот и век доживаю, и всегда вспоминаю
Про нее, как гляжу в ту сторонку.

Конец баллады таков: все трое сыновей отправились в Польшу и привезли оттуда по невесте.

Предпосылки для развития польско-литовского контакта были. Польша, не задетая пассионарным толчком, находилась в состоянии глубокого кризиса. Мазовия граничила с владениями Ордена, захватившего Пруссию; Малая Польша (историческая область с центром в Кракове) с трудом избавилась от господства чехов, которых выгнал талантливый польский король из династии Пястов – Владислав Локетек.

После прекращения династии Пястов (1370) власть в стране перешла к французу Людовику Анжуйскому, а он в свою очередь передал польскую корону своей дочери Ядвиге. Но когда Ядвига захотела выйти замуж за любимого ею Вильгельма, сына Леопольда Австрийского, вмешались польские магнаты и предложили королеве ради государственных интересов сочетаться

с литовским князем Ягайлой, дабы таким образом объединить силы Польши и Литвы и остановить экспансию немцев. В итоге Вильгельм был отправлен назад в Австрию, а Ядвиге пришлось пойти к алтарю с наскоро окрещенным литвином.

Женившись на Ядвиге, Ягайло стал полноправным властителем объединенной Польши и Литвы и как таковой приказал всем нехристианам Литвы принять католичество. Так состоялась Кревская уния (1386). Однако далеко не все встретили такое решение с восторгом. Те литовцы, которые уже связали себя с русскими – потомки Гедимина и соратники Витовта, не хотели принимать католичество. Сам Витовт был сторонником религиозного компромисса, но значительное число ревностных православных в Литве отнюдь не помогало его достижению. Таким образом, литовская пассионарность вследствие пограничного положения Литвы между Польшей и Владимирской Русью оказалась «оттянутой» соседями. Часть литвинов приняла католичество, а другая сочла более приемлемым православие. Таково было следствие пассионарного взрыва.

ЦЕРКОВЬ И МОСКВА

Усиление влияния католицизма в Литве и ориентация на Литву князя Александра Тверского имели огромные последствия для Москвы. Поскольку Александр заручился поддержкой язычника, литовского князя Гедимина, это сделало его врагом татар, шедших с христианами на компромисс. И потому Русская православная церковь высказалась в поддержку Москвы.

Преемник митрополита Петра – грек Феогност – предпочел иметь дело с Москвой, которая показала себя опорой митрополичьего престола, а не с Тверью, ставшей союзницей католиков. Тем временем московское княжение перешло к Ивану Даниловичу Калите, брату погибшего Юрия (1325). Основой политики Калиты стало стремление использовать в интересах Москвы союз с татарами. Кроме того, князь Иван старался покупать у обедневших удельных князей их владения, а тем ничего не оставалось, как продавать свои вотчины: мелкие княжества не могли соперничать с богатой Москвой, которую создал Даниил и унаследовал Иван Калита. За годы своего княжения Иван Калита довольно существенно расширил пределы княжества, в частности приобрел большой старинный город Ростов.

Но основная заслуга Ивана Калиты, до сих пор, как кажется, не оцененная традиционной историографией, состоит в другом. При Иване Калите получил свое окончательное воплощение новый принцип строительства государства – принцип этнической терпимости. В отличие от Литвы, где предпочтение отдавалось католикам, в отличие от Орды, где после переворота Узбека стали преобладать мусульмане, в Москве подбор служилых людей осуществлялся исключительно по деловым качествам. Калита и его наследники принимали на службу и татар (христиан и язычников, бежавших из Орды после победы ислама и не желавших поступаться религиозными убеждениями), и православных литовцев, покидавших Литву из-за нестерпимого католического давления, и простых русских людей, все богатство которых заключалось в коне да сабле. Никаких владений у этих людей не было, и потому они искали службы, то есть государственных военных обязанностей, за выполнение коих от князя московского следовало вознаграждение в виде «корма» с небольшой деревеньки. Силой, связующей всех «новонаходников», в Москве стала православная вера. Ведь обязательным условием поступления на московскую службу было добровольное крещение. Креститься необходимо было и для заключения брака. Множество татар – ордынских выходцев – женились на русских красавицах, а татарки выходили замуж за русских.

Так, исподволь, во всей Северо-Восточной земле восторжествовало православие, хотя при этом сохранились и некоторые языческие обычаи.

Усиление христианских традиций в Северо-Восточной Руси XIV в. коснулось прежде всего служилых людей. Как в Киевской Руси после крещения, так и на Руси XIV в. человек мог стать дружинником, гриднем у князя или ближним у боярина, лишь будучи христианином. Поскольку это условие соблюдалось совершенно неукоснительно, для принципиальных противников христианства (пассионариев-язычников) и для принципиальных противников каких-либо принципов (лентяев-субпассионариев) не было возможности делать на Руси карьеру. И тут на помощь русским язычникам пришли татары. Ведь монгольские ханы брали на службу всех, кого угодно. Русские язычники в составе ханских войск шли сначала на Волгу, а затем и на Дальний Восток, в Китай. Так около Пекина возникли русские слободы, жители которых составляли в монгольских войсках отдельные дивизии, ходившие в Индокитай, в Бирму, где сражались и одерживали победы для монгольского

хана. Русские поселения в Китае просуществовали до конца XIV в., пока в ходе антимонгольских восстаний не были уничтожены китайцами вместе с их обитателями.

Таким образом, активная антихристианская часть населения Руси просто исчезла в результате миграции, а количество активных христиан в Москве, наоборот, увеличилось из-за притока пассионариев Орды, Литвы и окраинных русских княжеств. Русские православные люди на Москве (общность, сложившаяся из различных субстратов) считали своим главой духовного владыку Руси – митрополита, и потому лейтмотивом, поведенческой доминантой у возникавшей новой этнической целостности стало действенное православие. Сей факт отразился и в названии новой общности. Именно в это время, в XIV столетии, Русь получила название «Святая». Характерный эпитет указывал, что на месте старой Киевской Руси возник совершенно новый этнос – великорусский, со своей этносоциальной системой – Московской Русью.

Поскольку русские владыки и их паства считали своим идеалом соблюдение канона византийского православия, отношения Руси с Константинополем претерпели существенные изменения. Палеологи, захватившие трон василевсов в 1261 г., оказались императорами без империи, владетелями полуразрушенного города, окруженного со всех сторон врагами. Василевсы, не имевшие ни сил, ни средств, должны были искать союзников, самыми сильными из которых могли быть на Востоке – турки-османы, на Западе – крестоносцы. Поскольку турки наступали на Византию, а крестоносцы покинули Константинополь, то Палеологи попытались заключить договор с папским престолом и получить от Запада необходимую помощь, чтобы оттеснить турок и не дать мусульманам захватить Малую Азию. Но папский престол непременным условием помощи грекам поставил заключение религиозной унии. Это означало, что православная церковь должна подчиниться Риму и принять католический «символ веры», хотя и сохранив основные формы восточных церковных обрядов. В этническом смысле уния означала бы вхождение Византии в западноевропейский суперэтнос со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Отметим и еще одно обстоятельство. Обещая грекам помощь в борьбе против турок, Рим был фактически не в состоянии эту помощь оказать. Войны с германскими императорами, особенно с Фридрихом II, альбигойцами, неудачи в Святой земле лишали престол возможности серьезно и действенно

заниматься греческими делами. Да и положение самого папского престола было довольно шатко. Анжуйцы выгоняли из Неаполя папу Николая III Орсини. Французы схватили и посадили в тюрьму папу Бонифация VIII, причем один из его врагов, граф Колонна, даже ударил римского первосвященника по лицу. И кроме того, латиняне не особенно стремились помогать грекам: что им было беспокоиться о «схизматиках»?

Тем не менее переговоры греческих императоров с папами начались, и, естественно, среди искренних православных греков возникла устойчивая оппозиция идее унии. Одним из центров оппозиции стало войско. Греческие полководцы хорошо понимали, что реальной помощи от Рима получить невозможно, а значит, защищаться все равно придется самим. Вторым оплотом оппозиции стали православные интеллектуалы – священники и монахи, отвергавшие унию принципиально, по теологическим соображениям. Поскольку в столице противников унии не жаловали, поборникам православия приходилось покидать Константинополь, и они начали уходить в монастыри на горе Афон.

Так как Афон тоже подчинялся центральному правительству, то и пребывание там особых возможностей для религиозной пропаганды не давало. Тогда православные монахи Афона создали новую форму религиозной жизни – исихазм (от греч. *hesychia* – покой, безмолвие). Исихасты, приняв обет молчания, говорили только в редких случаях, когда это было необходимо. Понятно, что против монахов-молчальников правительство оказалось бессильно. Так и сложились в Византии два религиозных центра: стремившийся к унии Константинополь и Афон, не только продолжавший православные традиции, но и развивавший их. Родилась новая религиозная система, которая в том же XIV в. была перенесена на Русь.

На Руси люди были прекрасно осведомлены о подоплеке религиозных споров в Византии. Русичи признавали духовную власть константинопольского патриарха, но не могли не понимать, что поскольку патриарха ставил император, склонный к унии, то практически подчиняться ему означало действовать во вред себе. К тому времени русские вполне успели оценить последствия союза с Западом. Ведь Палеологи, нуждаясь в помощи, открыли Босфор и Дарданеллы для итальянских кораблей. Так как Венеция была против нищей Византии, то предпочтение отдали генуэзцам. Генуэзцы построили крепости в Крыму и развернули бойкую торговлю сначала в Поволжье среди татар, а потом и на Руси, распространив свое влияние вплоть

до Великого Устюга. Ничего хорошего для местного населения из этого не вышло: недаром Данте в своей «Божественной комедии» писал, что самые нижние круги ада заняты генуэзцами, которые сплошь – мерзавец на мерзавце.

А вот учение афонских монахов вполне соответствовало устремлениям Москвы, поэтому исихазм и киновии (монашеские общежития) получили в XIV в. на Руси заметное распространение. Основателем первой киновии с самым строгим монастырским уставом был великий русский подвижник Сергий Радонежский. Говорил Сергий мало: выполняя свое послушание, он в основном носил воду в монастырь да стоял церковные службы. Но зато, когда Сергий что-нибудь говорил, его слушали, ибо он говорил дело. Эта система поведения нашла много последователей. Вокруг обители Сергия создался ореол святости и уважения, а ученики подвижника стали сами, по его благословению, основывать общежительные монастыри.

Эффективность такого рода духовной экспансии была огромной. Каждый монастырь играл роль не только церкви, но и больницы, и школы, и библиотеки. Конечно, врачей среди монахов было меньше, чем в современной поликлинике, а книг – меньше, чем в библиотеке Академии наук, но врачи лечили, а книги читались. Влияние игуменов и иноков-подвижников росло. Люди, приходившие в монастырь, начинали верить, что православная Русь может жить, помогая сама себе, не опираясь на силы татар или литовцев. И это крепнущее убеждение принципиально отличало русских от византийцев, у которых без помощи турок или итальянцев ни одна партия не достигала успеха. Растущая пассионарность русских людей оказалась направлена ортодоксальным православием к единой цели строительства Святой Руси. В этих условиях Москва смогла перехватить инициативу во внутренней и во внешней политике.

Вопрос о том, почему именно Москва оказалась в наиболее выигрышном положении, ставился на протяжении по крайней мере полутораста лет. Многие видели причину в географическом положении Москвы: она-де находилась в центре Русской земли, на перекрестке дорог. Но ведь и Тверь была в «центре», а Углич или Кострома находились в гораздо более выгодном положении по отношению к торговым путям, однако столицами новой Руси – России – эти города не стали.

С точки зрения пассионарной теории этногенеза, причина возвышения Москвы состоит в том, что именно Московское княжество привлекло множество пассионарных людей: татар,

литовцев, русичей, половцев – всех, кто хотел иметь и уверенность в завтрашнем дне, и общественное положение, сообразное своим заслугам. Всех этих пришельцев Москва сумела использовать, применяясь к их наклонностям, и объединить единой православной верой. При этом на Москву большей частью шли люди энергичные и принципиальные. Так, татары-золотоордынцы, бежавшие после переворота Узбека в Москву, составили костяк русского конного войска, которое впоследствии и обеспечило победу на Куликовом поле.

Совершившийся на московской земле этнический синтез в фазе пассионарного подъема оказался решающим фактором. Пассионарный потенциал Москвы «возобладал» над богатствами Новгорода, удалью Твери и династическими претензиями Суздаля. Еще в первой половине XIV в. Иван Калита, опираясь на поддержку вначале хана Узбека, а затем его сына Джанибека, взял на себя функцию выплаты дани за всю Русь. Теперь Москва собирала дань как налог со всех русских княжеств и выплачивала в Орду то, что называлось «выход». И если, например, тверичи призывали против Москвы литовцев, то татарские отряды, приходившие с Волги, защищали источник доходов хана. Москва стала практически неуязвимой с запада, в то время как Смоленск был захвачен Витовтом, Тверь ослабла, а Новгород погряз во внутренних конфликтах. Падение пассионарности в древних русских центрах являло собой разительный контраст по сравнению с ростом ее в Москве. Те же новгородцы, которые еще в XII–XIII вв. считались настолько буйным народом, что князья отказывались к ним ехать, ибо с ними нельзя было совладать, к XIV в. превратились в тихих обитателей спокойного «мещанского» города.

В то время когда Новгород терял свои позиции, московские князья усилились и начали реально претендовать на новгородские владения: уже в XIV в. к Москве был присоединен Великий Устюг, что резко усилило ее вражду с Новгородом. Новгородцы традиционно стремились эксплуатировать огромную территорию севера вплоть до Каменного пояса, то есть до Уральского хребта. Устюжане тоже претендовали на роль колонизаторов севера и были для новгородцев естественными конкурентами. Отряды новгородских ушкуйников, пытавшиеся объясачить заволоцкую чудь – потерявший пассионарность реликтовый этнос, обитавший в бассейне Северной Двины и Сухоны, – встречали сопротивление не только самой заволоцкой чуди, но и устюжан. Всех без исключения пойманных новгородцев устюжане убивали. Естественно, и новгородцы

совершали карательные экспедиции в Великий Устюг, также истребляя пленных.

Как видим, война была фактически трехсторонней, а северные территории до Белого и Баренцева морей и до Урала, которые на всех исторических картах показываются новгородскими, являлись лишь зоной новгородского влияния, но не более. И поэтому Новгород усиливал торговлю с Западной Европой. Хотя сами новгородцы не ходили по Балтийскому морю, так как балтийский путь целиком контролировался немцами, западноевропейские купцы приезжали в Новгород и совершали там выгодные торговые сделки. Казалось бы, этого было достаточно для того, чтобы этот древний город мог существовать самостоятельно. Но на самом деле на пути к его полной независимости лежали естественные преграды.

В XIV в. зона увлажнения Евразийского континента сместилась к северу. На северо-западе Евразии часто шли дожди, а значит, постоянно имели место неурожаи. В Новгороде при всем его богатстве хронически не хватало своего хлеба. Поскольку везти зерно из Европы в то время было невозможно, новгородцы получали хлеб «с низу». Следовательно, тот, кто владел областью между Окой и Волгой, всегда мог, остановив караваны с хлебом, принудить Новгород к капитуляции.

Владевшие волго-окским междуречьем сначала суздальские, а потом и московские князья широко пользовались сложившейся ситуацией. Исключение московские князья делали лишь тогда, когда Новгород заключал с ними союз против Твери, ибо Тверь была объявлена Москвой княжеством с изменническими, пролитовскими устремлениями. Отчасти так оно и было, но для нашей темы существенно другое: сложившаяся на московской земле новая этническая общность – московиты – уже при Иване Калите начала противопоставлять себя населению других городов и княжеств, претендовать на роль третейского судьи в общерусских спорах.

В тот же период москвичи столкнулись с претендовавшей на самостоятельность Рязанью. Назвать рязанцев изменниками православию оказалось трудновато: Рязань, лежавшая в степном пограничье, боролась против татарских набегов, так что обвинить рязанских князей в предательстве было неудобно, но москвичи и с этой задачей справились, выдумав, будто рязанский князь Олег тоже имеет контакты с Литвой. Конечно, никакой дружбы с Литвой Олег не вел, но цель была достигнута: Рязань оказалась в изоляции.

Такая политика, выражавшая стремление Москвы к лидерству

и утверждению православия, неуклонно продолжалась и после смерти Ивана Калиты (1340). Заметим, что дети Ивана – Симеон Гордый и Иван Иванович Красный – особыми талантами не обладали. Но при общем пассионарном подъеме этноса иметь на престоле государя, не блиставшего яркой индивидуальностью, было скорее благом, чем злом. Такой князь с удовольствием отдавал инициативу своим ближним боярам, среди которых было много и талантливых воевод, и изворотливых дипломатов, и толковых хозяйственников. Князья Симеон и Иван не мешали таким людям «делать» внутреннюю и внешнюю политику Москвы по своему разумению и ограничивали свой вклад соблюдением придворного этикета, раздачей наград и наложением наказаний.

Фактическим главой государства после смерти Ивана Калиты стал его крестник митрополит Алексей, сменивший на архипастырском служении Феогноста. Алексей происходил из знатного боярского рода Плещеевых и был человеком огромного ума, большого такта, широкого политического кругозора. Он имел поддержку среди большинства православных людей, живших в Московском княжестве, что по тем временам имело решающее значение. В качестве верховного главы русской церкви Алексей обладал вполне реальной властью над всеми русскими князьями без исключения.

Оппонентами Москвы при Алексее стали, помимо тверских, и суздальские князья. У них была собственная система политической ориентации, достаточно гибкая и имевшая глубокую основу. По существу, суздальские князья стояли за Древнюю Русь с ее удельными порядками, хотя в XIV в., как мы помним, большинство исконных земель Киевской Руси было почти без сопротивления отдано литовцам, а удержались лишь те из них, которые находились под властью татар. Традиция близости с татарами у суздальских князей тоже была и, как отмечал А. Н. Насонов, тянулась еще со времен Батыя. Суздальцы поддерживали политику Александра Невского, но категорически не хотели никаких перемен. Близость с татарами, спокойными и веротерпимыми, требовавшими минимального «выхода», обеспечивала им беспечальное существование: ведь в состав Суздальского государства входили богатые поволжские города, главным из которых был Нижний Новгород. Богатство, приносимое торговлей, позволяло без труда выплачивать татарам налог на содержание войска, и потому все усилия суздальских князей были направлены на развитие торговли в своем княжестве, а отнюдь не на объединение страны, как это

имело место в Москве. Потому и дружили суздальцы с татарами вовсе не так, как москвичи.

Если на Москве татары принимали православие, женились на русских женщинах и в следующем поколении интегрировались в общую массу московитов, сохраняя (или даже не сохраняя) лишь память о своем происхождении, то в Суздальском княжестве никакого слияния не происходило. Суздальские князья не крестили татар, принимая их на службу; они просто избрали своим политическим союзником татар-мусульман, продолжавших жить на Волге. Это и понятно: суздальские ревнители седой старины стремились к самостоятельности своих городов, к получению доходов от торговли и вовсе не желали ими делиться.

Поскольку Москва, в лице митрополита Алексея, провозгласила иную доминанту, став, по существу, объединяющей теократической монархией, то для суздальских князей Алексей был врагом номер один. Попытка Суздаля перехватить инициативу вылилась в войну двух Дмитриев: Дмитрия Константиновича Нижегородского и Дмитрия Ивановича Московского. Конфликт закончился примирением и браком Дмитрия Ивановича и суздальской княжны (1366). Митрополит Алексей и на этот раз добился желанного, хотя пока и не прочного, мира на Руси.

Прочным этот мир быть не мог, ибо далеко не все разделяли стремление Москвы к единству. Новгород, Тверь, Рязань, тот же Суздаль по-прежнему мечтали сбросить укреплявшуюся власть московского князя, отнять у московитов великое княжение. Оппозиция Москве четко зафиксирована и в литературных памятниках. Так, В. Л. Комарович, рассматривая Китежскую легенду, показал, что слово «татары» использовалось в ней в качестве цензурной зашифровки. Под «татарами» в легенде подразумевалась... Москва, которая, захватывая город за городом, устанавливала в них новые порядки, очень неприятные для ревнителей старины[1].

Столь опытный политик, как митрополит Алексей, не мог не понимать той угрозы московской власти, которую представляла собой оппозиция. Ведь ярлык на великое княжение по-прежнему выдавали ордынские ханы, и, следовательно, потеря

---

[1] Необходимость зашифровки вполне понятна. Неодобрительно писать про Москву и московскую митрополию даже в те времена было слишком опасно, и поэтому вместо Москвы книжники называли татар. В. Л. Комарович нашел и рукопись, в которой действительно говорится о Москве, но это, скорее, исключение из общего правила.

ярлыка москвичами могла свести на нет все многолетние усилия московских князей по собиранию русских земель. У Алексея оставался единственный выход – отказаться от древней системы передачи власти на Руси и попытаться сделать великое княжение частью неотторжимого владения московских государей. Эту огромную по значимости задачу Алексей, опираясь на поддержку всей Москвы, выполнил с честью. Но чтобы понять, почему это стало возможным, необходимо обратиться к рассмотрению ситуации того времени в Орде.

ДЕЛА ОРДЫНСКИЕ

В XIV столетии в Орде произошли колоссальные перемены. Мы уже упоминали, что Золотая (Большая) Орда, как и весь некогда единый Монгольский улус, к началу XIV в. стала переходить в новую фазу этногенеза – акматическую. В момент фазового перехода этнос всегда ослабевает из-за потери сил, затрачиваемых на структурную перестройку. Не стали исключением и монголы. Затраты сил были столь велики, что этнос утерял свою прежнюю доминанту, сменив ее на новую – исповедание ислама (1312). Переворот Узбека в Орде стал знамением времени.

Первое время после переворота традиционные взаимоотношения Орды и Руси еще сохранялись. Наследовавший Узбеку его сын, хан Джанибек, будучи уже мусульманином, все еще старался поддерживать отношения, установившиеся при домусульманских ханах Золотой Орды. Ориентируясь на союз с Симеоном Гордым, Джанибек, человек добрый, честный и дельный, противостоял проникновению в Поволжье и в Причерноморье католиков-генуэзцев – союзников константинопольских императоров.

Противостояние вылилось в открытую войну после того, как татарские кочевья постиг джуд (гололедица). Скот падал, люди голодали, и, спасаясь от голода, татары продавали сыновей и дочерей генуэзцам. Генуэзцы с удовольствием скупали девочек и мальчиков в чаянии высоких барышей. Узнав об этом, Джанибек страшно возмутился: по татарским понятиям, можно и нужно было стремиться к получению военной добычи, но наживаться на несчастье соседа считалось аморальным. Войска Джанибека осадили сильную генуэзскую крепость Кафу (современная Феодосия). Поскольку генуэзцы имели флот, а

татары – нет, крепость была для них практически неприступна. И тогда Джанибек приказал забросить катапультой в крепость труп умершего от чумы человека. Труп перелетел через стену и разбился. Естественно, в Кафе началась чума. Генуэзцы вынуждены были оставить Кафу, и уцелевшая часть гарнизона отправилась домой.

По дороге покинувшие Кафу остановились в Константинополе – чума пошла гулять по Константинополю и пришла в Европу. В это же время происходила миграция с востока на запад азиатской землеройщей крысы-пасюка. Поскольку крысы – это переносчик чумы, «черная смерть» поползла по всей Западной Европе. Тогда вымерла большая часть Южной Италии, три четверти населения Германии, около 60% населения Англии; через Германию и Швецию «черная смерть» попала в Новгород, через Новгород и Псков – в Москву, где от нее умер и князь Симеон Гордый (1354).

Несмотря на огромные людские потери во время эпидемии, Московское княжество быстро восстановило не только количественный, но, и это главное, – «качественный» состав своего населения. Да это и неудивительно: пережить смерть своих боевых товарищей, друзей и близких, сохранив волю к жизни и деятельности, гораздо лучше удалось людям энергичным, активным, способным бороться в сложной обстановке, то есть пассионариям. После эпидемии для них сложились самые благоприятные условия, ибо все – князь, бояре, митрополит – в час разорения нуждались не в лодырях и слюнтяях, а в людях толковых и духом не падавших. И потому, несмотря на чуму, период царствования Джанибека был крайне благоприятным временем для Москвы.

В немалой степени этому способствовало и то обстоятельство, что сам митрополит Алексей сумел установить доверительные отношения с Джанибеком и его старшей женой – Тайдулой. Тайдула, «первая дама» ханского двора, была женщина редкой красоты и выдающегося ума. Однако ее постигло несчастье – тяжелая глазная болезнь (по всей видимости, трахома). У ложа царицы побывали знаменитые персидские и арабские врачи, степные шаманы, но тщетно: болезнь прогрессировала. И лишь Алексей, посетивший Тайдулу в Орде, смог помочь жене хана. Тайдула, женщина благородная, не забыла услуги и всегда оставалась верным другом московской митрополии, а тем самым и Московского княжества.

Финал царствования «доброго царя» Джанибека был трагичен. Один из его многочисленных детей – Бердибек – стал

отцеубийцей, захватил трон и казнил всех своих братьев, дабы упрочить свои права на престол. Но изверга-отцеубийцу никто не собирался поддерживать, и вскоре Бердибек был убит. После этого объявился целый ряд самозванцев. Кульпа, Навруз и другие называли себя уцелевшими детьми Джанибека. Все они претендовали на престол, а их истинным происхождением никто не интересовался. В результате стабильность в Орде была утрачена – за десять лет сменилось несколько десятков ханов, большинство из которых были чисто номинальными политическими фигурами. Русские летописцы очень точно назвали происходившее в Орде «Великой замятней».

«Замятней» и воспользовался митрополит Алексей. Используя нужду очередного хана в русском серебре, он сумел в обмен на финансовую поддержку получить ханскую грамоту, удостоверяющую, что великое княжение является наследственным правом московских князей из династии Ивана Калиты. Таким образом, политическая традиция Киевской Руси была отменена окончательно. Ей на смену пришел абсолютно новый принцип наследственной, династической монархии.

Итоги «Великой замятни» оказались для Золотой Орды плачевными. Хан Синей Орды Хызр привел свои сибирские полки и захватил все Поволжье. Хызра наши летописцы тоже называли добрым, кротким и человеколюбивым. За свое короткое правление он сумел провести только одно мероприятие – поручить русским князьям переловить новгородских ушкуйников, которые свирепствовали на Волге и Каме, и казнить их, что князья с удовольствием и проделали, ведь разбойники-ушкуйники ни в ком не вызывали ни малейшей симпатии.

Ханы Синей Орды были слабо связаны с Сараем. Если Белая Орда, граничившая с Джагатайским улусом и мусульманской частью Средней Азии, без воодушевления, но все же перешла в ислам, то Синяя Орда, находившаяся, как мы помним, в Западной Сибири, по-видимому, об исламе вообще не имела никакого представления. Вельможи, окружавшие ханов, назывались там не «эмиры», а «тояба» (слово это переводу не поддается, понятно лишь, что имеется в виду военная аристократия, командный состав армии, не подвергшийся никаким культурным воздействиям – ни христианизации, ни исламизации). И потому вскоре территориальная целостность Золотой Орды была утеряна: отделились камские булгары, мордва и гузы, которые жили на Яике, а оставшаяся территория распалась на две части.

Восточной частью стали владеть потомки Хызра (их было

много, и они часто сменялись на престоле), а в Причерноморье пришел к власти темник Мамай. Мамай первоначально командовал тьмой – десятью тысячами воинов. Он не принадлежал к роду Чингизидов, но был талантливым полководцем и умным политиком. Вероятно, именно поэтому он оперся на бывших врагов монголов – придонских половцев, которые к тому времени тоже стали называться татарами.

Отношение этих двух частей бывшей Золотой Орды к Руси было различным. Наследники ханов Синей Орды – прежде всего Тохтамыш – придерживались традиционной политики союза с Русью, проводимой со времен Батыя. Мамай же опирался на союз с Западом, главным образом с генуэзскими колониями в Крыму. Это различие оказалось решающим в дальнейшем ходе событий.

СИНЯЯ ОРДА

Утрата единства Золотой Орды позволяла литовцам добиться значительных успехов на территории, потерявшей покровительство татар. Киев все в большей степени становился литовским городом, а Чернигов и Северская земля постоянно переходили из рук в руки – от Москвы к Литве и обратно. Литовский князь Ольгерд, не симпатизировавший православию, несколько раз устраивал в Полоцке и Витебске гонения на христиан. Это, конечно, не прибавляло ему популярности на Руси, и Москва была категорически против литовской политики. К тому же Ольгерду приходилось считаться с тем, что большинство населения разбухшей от завоеваний Литвы составляли православные русские. Поэтому, чтобы обеспечить их если не преданность, то лояльность и ослабить влияние московского митрополита, Ольгерд попытался установить в Киеве особую митрополию, которой подчинялись бы православные русские.

Митрополит Алексей вполне оценил опасность, таящуюся в плане Ольгерда для власти Москвы и для судьбы Руси. К счастью, вопрос об учреждении новой митрополии мог быть решен только в Константинополе. В Константинополе же Палеологов сменил Иоанн Кантакузин – полководец, ставший императором. Кантакузин, видя гибель ромейской державы, использовал помощь османского султана Урхана, одержал победу над Палеологами и занял Константинополь. Поскольку идейную поддержку Кантакузину оказали афонские монахи – противники

западников – Палеологов, – с его приходом к власти было восстановлено каноническое православие и пресечены все попытки заключения унии с Римом.

Естественно, что политика Кантакузина, опиравшегося на дружбу с турками и отказавшегося от услуг рыцарей из Франции, Италии и Сицилии, квалифицировалась западноевропейцами и их греческими друзьями как государственная измена. Такая точка зрения из французских и немецких сочинений перекочевала и в русскую либеральную историографию XIX в., хотя, по справедливости, эта точка зрения должна быть признана, по крайней мере, однобокой. Ведь в действительности Кантакузин оказал огромную услугу митрополиту Алексею в сохранении церковного единства Руси. Император и поставленный им патриарх Филофей Коккин выступили против разделения русской митрополии на восточную и западную. Опираясь на поддержку императора и патриарха, митрополит Алексей сумел, будучи в Константинополе, добиться от патриархии отказа Ольгерду. Через некоторое время Кантакузин, покинутый своими сторонниками, отрекся от престола и ушел на Афон, где окончил свои дни монахом и духовным писателем. Палеологи вернулись к власти, но русская митрополия осталась единой.

Однако далеко не все на Руси поддерживали антилитовскую, а значит, и антизападническую политику Москвы. За Ольгерда стояли противники Москвы – суздальские князья; имелась мощная партия сторонников Литвы и в Новгороде. Точно так же две партии, как мы помним, сложились и в двух частях бывшей Золотой Орды: западническую возглавлял темник Мамай, а партию сторонников Московской Руси – хан Тохтамыш.

Тохтамыш был сыном эмира Мангышлака, убитого правителем Белой Орды Урус-ханом. Но эмиры и беки Белой Орды не захотели подчиняться наследникам Урус-хана, людям ничтожным, глупым, пьющим и ленивым. Недолго думая они призвали Тохтамыша, сына жертвы Урус-хана. Началась внутренняя усобица, вылившаяся в военные действия. Тохтамыш проиграл решающий бой, спасаясь, бросился в Сырдарью, под градом стрел, раненный, переплыл реку и выбрался на другой берег. Там его подобрали люди Железного Хромца – Тимура. Тохтамыша накормили, перевязали рану, одели, а потом представили самому Тимуру. Тимур сказал: «Ты, видимо, мужественный человек; иди, возвращай себе свое ханство, и ты будешь моим другом и союзником». Тохтамыш вернулся с войсками Тимура и овладел Белой Ордой, а Синюю получил по праву

наследования. После этого он двинулся на запад, чтобы изгнать из Причерноморья узурпатора Мамая.

Мамай прекрасно понимал грозящую ему опасность. Для того чтобы собрать достаточное количество людей (волжские татары неохотно служили Мамаю, и в его войске их было немного), Мамай привлек ясов, касогов, крымских караимов. На содержание такого войска нужны были деньги, и немалые. У самого Мамая денег не было, а получить финансовую помощь Мамай мог лишь от своих друзей – генуэзцев. Те обещали помочь, но потребовали взамен концессии для добычи мехов и торговли на севере Руси, в районе Великого Устюга. Мамай попытался договориться с князем Дмитрием Московским и некоторыми русскими боярами о том, что за предоставление концессий он поможет устройству их личных дел, а молодому князю Дмитрию даст ярлык на великое княжение.

Если бы Дмитрий согласился на эту сделку, Московская Русь в очень короткое время превратилась бы в торговую колонию генуэзцев. И хотя многим в Москве предложение показалось выгодным, свое слово сказала церковь. Преподобный Сергий Радонежский заявил, что с латинянами никаких дел быть не может: на Святую Русскую землю допускать иноземных купцов нельзя, ибо это грех. Авторитет Сергия был настолько высок, что с ним нельзя было не считаться, к тому же его поддержал митрополит Алексей. Москва отвергла предложение генуэзцев и тем самым продемонстрировала верность союзу с законным наследником ханов Золотой Орды – Тохтамышем, стоявшим во главе волжских и сибирских татар.

Мамай, рассерженный на неуступчивого московского князя, решил подавить Москву, взыскать с Дмитрия повышенную дань и таким образом угодить своим друзьям генуэзцам. Для этого он вступил в союз с Ягайлой, сыном Ольгерда, который, как и его отец, мечтал о захвате части Руси. Мамая и Ягайлу свела вместе идея раздела Руси, при котором часть ее территории досталась бы литовцам, а часть Мамай подчинил бы себе и создал бы на ее основе свое новое государство.

На Руси не было общего мнения о том, какую политику проводить по отношению к Мамаю. Одни говорили, что надо договориться с ним, договориться с Палеологами, генуэзцами и сохранить мир: в подчинении, мол, ничего страшного нет. Другие – их оппоненты – хорошо понимали, что за мусульманином Мамаем стоят католики, а католики для Руси – враги.

В канун решающих событий умер старый московский митрополит Алексей, и сторонники союза с Западом попытались

воспользоваться удобной ситуацией. Надо сказать, что молодой князь Дмитрий очень тяготился опекой митрополита Алексея и влиянием преподобного Сергия, которому Алексей хотел передать митрополичий престол. Дмитрий желал иметь митрополитом своего духовника Митяя. Поскольку Сергий отказался надеть митрополичий клобук, дело устраивалось для западников наилучшим образом: Митяй был фигурой лояльной. По приказу князя этого человека быстро постригли в монахи, дав имя Михаил, произвели в высокий сан и послали в Константинополь для получения сана митрополита. Но не все люди одинаково патриотичны, бескорыстны и честны. Среди посланных с Митяем оказался некто Пимен, беспринципный честолюбец, вынашивавший далеко идущие планы, оказавшиеся для Митяя роковыми.

Мамай, считая, что Дмитрий и новый митрополит помогут ему удовлетворить претензии генуэзцев, пропустил корабль Митяя, плывший по Дону. Посольство благополучно добралось до побережья Черного моря, и там Митяй, совершенно здоровый человек, умер при невыясненных обстоятельствах. Как показали дальнейшие события, выгодно это было прежде всего тому самому Пимену. Приехав в Константинополь, он предстал перед лицом патриарха, получил от него благословение и вернулся в Москву уже как митрополит. Но москвичи тоже были не глупы. Князь Дмитрий, хоть и не читал детективов, выводы делать умел. С Пимена сорвали белый клобук, все митрополичьи регалии и отправили в ссылку в Чухлому.

Следует отметить, что последователи покойного Алексея и преподобного Сергия проявили себя не только в разоблачении этой подлой интриги. Горячим сторонником войны с татарами был приверженец Сергия суздальский епископ Дионисий. Так как Суздаль был маленьким городом, по существу крепостью, епископ Дионисий жил в богатом Нижнем Новгороде, принадлежавшем суздальским князьям. И когда Мамай прислал туда посольство, чтобы договориться о мире и союзе, епископ Дионисий возбудил народ против татар. Нижегородская чернь накинулась на посольство. Сам посол, мужественно защищаясь, выстрелил в епископа, но Дионисия спасло широкое облачение – стрела просто пробила платье. Все татары были умерщвлены самым жестоким образом: их, раздев донага, выпускали на лед Волги и травили собаками.

Мамай, придя от этого в негодование, послал на город ушедшего с волжского левобережья царевича Арапшаха. (Видимо, у Тохтамыша, стоявшего на левом берегу Волги, тоже не все

обстояло благополучно, и не все его поддерживали, раз Арапшах решил сменить службу хану на службу темнику Мамаю.) Суздальские князья были застигнуты врасплох, и на реке Пьяне (любопытно, что многие суздальцы действительно были тогда пьяны) их войска оказались вырублены воинами Арапшаха. После этого был взят Нижний Новгород и там учинена резня. Думается, что епископ Дионисий просто пожертвовал вверенной ему паствой в угоду своему честолюбию.

Затем Мамай двинул войска дальше, чтобы окончательно подавить русских, но на реке Ворскле московские войска одержали полную победу над мурзой Бегичем, командовавшим войсками Мамая. В открытом бою московская рать сломила сопротивление татар и показала, что она по боеспособности не уступает татарской.

После всего происшедшего столкновение русских с Мамаем стало неизбежным. Понимая это, князь Дмитрий вынужден был использовать общерусский авторитет Сергия Радонежского. Преподобный благословил эту войну, и потому все православные сочли своим долгом восстать на защиту Русской земли от басурман и латинян. Русские войска двинулись навстречу Мамаю.

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

Общее количество русских ратников, собравшихся под знаменами Дмитрия Московского, исчислялось 150 тысячами человек. Это войско состояло из княжеских конных и пеших дружин, а также ополчения, вооруженного копьями, рогатинами и топорами. Конница (около 20 тысяч дружинников) была сформирована из крещеных татар, перебежавших литовцев и обученных бою в татарском конном строю русских. В войсках Мамая была генуэзская пехота, а также аланы (осетины), касоги (черкесы) и половцы, мобилизованные на генуэзские деньги. Общая численность войск грозного темника составляла приблизительно 200 тысяч человек.

И у Мамая, и у русских имелись союзники. На помощь темнику двигался литовский князь Ягайло. А союзником Дмитрия Ивановича, естественно, выступал поддерживаемый Москвой хан Тохтамыш. Поскольку Тохтамыш с войском из сибирских татар двигался к Сараю, Мамай задумал вначале разбить Дмитрия, предварительно соединившись с войсками Ягайлы.

В противовес этому князь Дмитрий принял решение выйти навстречу Мамаю и не дать ему соединиться с литовцами.

Встреча войск Дмитрия и Мамая произошла в месте впадения в Дон речки Непрядвы. Ночью русские форсировали Дон и тем самым отрезали себе все пути к отступлению: им оставалось либо победить, либо умереть. Вся русская пехота была расположена глубокими цепями, чтобы каждый ратник чувствовал за своей спиной товарища, а вперед был выдвинут конный отряд. Русские прибегли и к типично татарскому приему: десятитысячный засадный полк конницы был спрятан за небольшой рощей.

Наутро татары пошли в атаку. Передовой полк русских был смят и вскоре целиком уничтожен. Татары на полном скаку врезались в густые цепи москвичей, выставивших копья. Татарские кони перемахивали через копья, татары кривыми саблями рубили направо и налево, и, как пишет летописец, «москвичи, яко не привычные к бою, побежаху». Казалось, что битва уже проиграна. Правда, отдельные смельчаки становились спинами друг к другу, выставляли копья (это называлось «ежики») и отбивались, но татары, не сходясь вплотную, расстреливали их из длинных луков. Близился полный разгром русской рати. И в этот момент развернутой лавой пошел засадный полк – 10 тысяч свежих бойцов, которые с ходу ударили по уже потерявшей строй татарской коннице. Удар засадного полка вызвал панику в рядах врага; татары обратились в бегство, и на протяжении 20 верст русские преследовали их и рубили, не давая пощады никому.

Победа была одержана, но потери русских оказались очень велики: из 150 тысяч человек в строю оставалось 30 тысяч, 120 тысяч погибло или было ранено. Однако жертвы эти были не напрасны. Этническое значение происшедшего в 1380 г. на Куликовом поле оказалось колоссальным. Суздальцы, владимирцы, ростовцы, псковичи пошли сражаться на Куликово поле как представители своих княжеств, но вернулись оттуда русскими, хотя и живущими в разных городах. И потому в этнической истории нашей страны Куликовская битва считается тем событием, после которого новая этническая общность – Московская Русь – стала реальностью, фактом всемирно-исторического значения.

Никак не уменьшая героизма русских на Куликовом поле, заметим, что немаловажным для победы оказалось отсутствие в битве восьмидесятитысячного литовского войска. Ягайло опоздал к битве всего на один дневной переход. И это было не случайно. Оказывается, Олег Рязанский, которого обвиняли

в измене и предательстве, с пятитысячным отрядом сумел, искусно маневрируя, задержать литовцев. Когда же литовцы отогнали Олега, битва уже закончилась, И тогда воины Ягайлы напали на русские обозы и перерезали раненых.

Как видим, война приняла истребительный характер, что характерно для конфликтов на суперэтническом уровне. Если же учесть, что большинство в войске Ягайлы составляли русские из-под Минска, Полоцка, Гродно, то легко понять, каково в тот период было единство некогда могучей Киевской Руси. К 1380 г. Древняя Русь «растворилась» в Литве и Московской Руси. Дальнейшие события лишь подтверждают этот тезис.

Литовский князь Кейстут, возмущенный расправой с раненными, отрешил Ягайлу от престола. Он объявил себя великим князем Литвы и попытался завести дружбу с Московским княжеством и Дмитрием, получившим прозвище Донской. Таким образом, Кейстут повернул политику Литвы на 180 градусов. Но Ягайло при помощи немцев и папских агентов сумел заманить Кейстута на пир, где тот был убит. Сын Кейстута – Витовт – был схвачен и заточен в тюрьму.

На этом примере хорошо видны изменения, происшедшие в стереотипе поведения литовцев с ростом их пассионарности. Убить на пиру собственного дядю и арестовать двоюродного брата, обрекая его на смерть, – это предательство самого скверного толка. Да и сам Витовт, энергичный и смелый человек, уже не был таким принципиальным, как его отец и дядя. Жизнь Витовту, по странной прихоти судьбы, спас тот же рост пассионарности литовцев. Девушка, которая носила Витовту пищу, пожалела несчастного и, жертвуя собой, поменялась с ним одеждой – Витовт в женском платье покинул тюрьму и бежал к немцам. Этим он нарушил традиции отца – непримиримого борца с Орденом.

После устранения соперников Ягайло заключил союз с Польшей и папой римским и велел своим подданным принимать католичество. Так возникло единое литовско-польское королевство, где потомки Ягайлы – Ягеллоны – правили до тех пор, пока не сменилась эпоха и королевство не стало республикой – Речью Посполитой.

Между тем на Руси, несмотря на победу на Куликовом поле, по-прежнему далеко не все являлись сторонниками объединения страны под эгидой Москвы. Старинные соперники московского княжеского дома – суздальские князья – и не думали сдавать позиций, хотя многие суздальцы погибли в бою с Мамаем за русское единство.

Брат суздальского князя Дмитрия Константиновича – Борис и его племянники Василий и Семен всеми силами стремились избежать ненавистного им подчинения Москве. Для этого они использовали очень древние и довольно действенные приемы: клевету и провокацию. Стремясь поссорить Дмитрия Донского с ханом Тохтамышем, Борис с племянниками состряпали хитрый донос о том, что Москва и Рязань хотят перейти на сторону Литвы – главного противника татар. Тохтамыш поверил доносу: сибиряку и в голову не пришло, что его обманывают. И дело было не только в наивности человека, незнакомого с ложью. Перед нами результат изменения уровня пассионарности в самой Орде, ибо лучшая ее часть, наиболее интеллектуальная и опытная, погибла во время «Великой замятни», истребленная теми же татарами-сибиряками, и подать хану дельный совет было просто некому. А ведь Тохта, Узбек или Джанибек и их советники никогда бы не позволили обмануть себя так примитивно.

В 1382 г. Тохтамыш организовал набег на Москву. Переправившись через Волгу и Оку, татары внезапно объявились под стенами города. Большая часть московских бояр, духовенства, воинов, как и всегда летом, выехала из Москвы в близлежащие деревни. В Москве оставались лишь великая княгиня и митрополит Киприан. Киприану и было поручено защищать город, но, не будучи военным человеком, митрополит не смог организовать оборону. Поэтому татарам удалось окружить Москву, но взять ее они не смогли. Москва к тому времени уже обладала высокими каменными стенами, на которых стояло огнестрельное оружие, называемое по-русски «тюфяк» (от персидского слова «тупанг» – трубка). Тюфяк заряжался порохом и картечью и мог сделать до пяти выстрелов. Правда, дальность стрельбы была небольшой, но для охраны крепости такие орудия были очень удобны: когда нападавшие подступали, картечные залпы мешали им достичь стен.

Этот набег Тохтамыша был бы совсем не страшен, если бы не характер населения, осевшего в Москве за несколько предыдущих спокойных десятилетий. Чего хотел посадский люд? Выпить и погулять. Поэтому население Москвы, простые московские люди, сев в осаду, прежде всего направились к боярским погребам, сбили замки, вытащили оттуда бочки с медом, пивом, винами и основательно напились. Затем, показывая свою «неустрашимость», они шли на стены и ругали татар, сопровождая брань соответствующими жестами. А татары, особенно сибирские, народ очень обидчивый, и они крайне

рассердились на москвичей за их поведение. Митрополит же сделать ничего не мог: его никто не слушал, а когда владыка захотел уехать из Москвы (полной осады не было, и выйти из города мог любой), его, как и великую княгиню, посадские обобрали до нитки.

После отъезда Киприана народ продолжал гулять и пропивать свое и чужое имущество. Через некоторое время, когда был выпит весь запас спиртного, москвичи решили договориться с татарами: татарам было предложено изложить свои условия мира, для чего осажденные собрались впустить в город посольство. Но когда открывали ворота, никому из представителей «народных масс» не пришло в голову выставить надежную охрану, дабы пропустить только послов. Посадские просто открыли ворота, татары ворвались в город и устроили резню. Погибло почти все население Москвы, город был разорен.

Слух о предательском нападении Тохтамыша быстро достиг окраин московских земель. Те, кто не мог сражаться, уехали в Тверское княжество, так как Тохтамыш категорически запретил своим войскам нападать на тверские земли. Московские бояре, быстро собрав дружинников, начали нападать на татарские отряды, которые были рассеяны по волостям. Тохтамыш, увидев, что воевать приходится всерьез, немедленно снялся, бросил захваченную Москву, перебрался через Оку в Рязанское княжество, ограбил его и после ушел восвояси.

Легко понять, что выиграли от набега Тохтамыша только предатели – суздальские князья. Но все, связанное с набегом, имело далекие и глубокие последствия. Взятие Москвы испортило те тесные дружественные отношения, которые ранее существовали между Ордой и Московским княжеством. Тем не менее Москва не начала войны с Ордой, так как ближние бояре Дмитрия прекрасно поняли, в чем дело. Московские дипломаты отнюдь не заблуждались насчет истинных виновников происшедшей трагедии. И воевать с Тохтамышем, который был просто орудием зла, лжи и человекоубийства, они не считали нужным. Но симпатии к Орде необратимо исчезли.

В следующем столетии этот эмоциональный разрыв существенно повлиял и на историю России, и на историю Орды.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВОЗМУЖАНИЕ

ТОХТАМЫШ И ТИМУР

Столкновение с Тохтамышем сильно ослабило положение великого князя Дмитрия. Ведь ярлык на великое княжение, как и раньше, давал хан, поскольку Куликовская битва не изменила политических взаимоотношений Орды и Москвы: великое княжение связывалось с княжением московским «волей» ордынского царя.

«Нелюбием», возникшим между Дмитрием и Тохтамышем, решила воспользоваться Тверь. Но попытки тверского князя Михаила Александровича получить от хана великое княжение успеха не имели: Дмитрий послал в Орду своего сына, княжича Василия, и тому удалось сохранить великое княжение за Москвой. Правда, Тохтамыш оставил Василия Дмитриевича в Орде в качестве заложника, но уже в 1385 г. ему удалось бежать в Молдавию, откуда он попал в Литву, где был пленен Витовтом. Витовт поставил условием освобождения княжича женитьбу на Софье Витовтовне, и наследник московского престола вынужден был согласиться.

В Москве, как мы помним, установилось наследственное владение государей Калитиной династии. Не случайно в своем завещании Дмитрий Донской благословлял сына Василия великим владимирским княжением, говоря об изменении отношений с Ордой в более далекой политической перспективе: «А переменит Бог Орду, дети мои не имут выходу в Орду платить, и который сын мой возьмет дань на своем уделе, то тому и есть». В этих словах – эмоциональные перемены, внесенные во взаимоотношения с Ордой сожжением Москвы

Тохтамышем. Власть хана еще признается как данность, но уже представляется тягостью, от которой все русские готовы с удовольствием избавиться, тем более что к концу XIV в. союз с Ордой уже не приносил Москве прежних выгод. Такое восприятие ханской власти и отражала политика московского князя после 1382 г.

Хан Тохтамыш, объединивший Белую, Синюю и Золотую Орду и тем самым восстановивший улус Джучиев, не сумел сохранить с таким трудом завоеванную власть. Виной тому была все та же ограниченность Тохтамыша как политика. Вспомним, что возвышением в Орде Тохтамыш первоначально был обязан помощи Железного Хромца – Тимура. Сам Тимур происходил из монгольского рода Барлас и не принадлежал к числу Чингизидов. Ревностный мусульманин, одинаково хорошо знавший и тюркский, и персидский языки, Тимур был не только воином, но и писателем. Этот великий завоеватель был человеком своей эпохи – эпохи смешения нравов и традиций в Монгольском улусе конца XIV – начала XV в. Но сам он принадлежал уже к исламскому суперэтносу и развивал традиции мусульманской культуры, а не Ясы Чингисхана. Опирался Тимур на мусульманское население оазисов Средней Азии. Если войска Чингисхана представляли собой ополчение кочевников, каждый из которых умел ездить верхом и стрелять из лука, то военные силы Тимура формировались на иной основе. Мобилизовывать не умевших держать в руках саблю дехкан не имело смысла, и среднеазиатское войско Тимура составлялось из профессиональных вояк – «гулямов» (удальцов). Профессионалы рисковали своей жизнью, разумеется, не даром – их служба очень хорошо оплачивалась. Но, для того чтобы получить хорошее жалованье, воин-гулям должен был продемонстрировать свое умение: например, на всем скаку снять копьем кольцо, которое проверявший держал в двух пальцах. Легко представить, сколько уходило усилий на подобную подготовку. Вместе с тем от гулямов требовалась абсолютная дисциплина, безоговорочное послушание командующим – эмирам.

В рассматриваемый период Средняя Азия являла собой сплошной театр военных действий. Последние монгольские ханы боролись со своими эмирами, а эмиры – с джетэ (слово «джетэ» означает «разбойничья банда», «партизанский отряд»). Джетэ, составлявшиеся из всех желавших жить грабежом и не слушать никакого начальства, имели немалые успехи. Они создали отдельное от Джагатайского улуса государство Могулистан в Семиречье, где преобладало тюркское, а не монгольское

население. Власть монгольских ильханов в Иране тоже оказалась уничтоженной вследствие восстания персидских патриотов – сарбадаров. («Сар ба дар» – лозунг этого движения, гласивший: «Пусть голова на воротах висит».)

В это время окончательного распада монгольских государств, в трагичную эпоху войны всех против всех, Тимур во главе своих гулямов оказался наиболее сильным и удачливым военачальником. Столкнувшись с городским ополчением заговорщиков-сарбадаров, Тимур разбил их наголову. Крепости сарбадаров были взяты, а тех из них, кто имел неосторожность сдаться, по приказу Тимура живьем замуровали в стены. Конечно, это была сверхъестественная жестокость, но поскольку так же жестоко расправлялись сарбадары со сторонниками Тимура, то понять его можно.

Затем Тимур овладел всей Ферганой. Своей столицей завоеватель сделал город Кет, ныне Шахрисабз; подчинил себе Самарканд. В 1370 г. Железный Хромец захватил Балх. Эмир Балха Гусейн, бывший союзник Тимура в борьбе против сарбадаров, сдался на условиях сохранения ему жизни, но, не выдержав нервного напряжения, бежал. Его поймали и казнили, потому что Тимур посчитал, что Гусейн нарушил договор, совершив побег.

На юге противниками Тимура были Музаффариды – последняя персидская династия, правившая в Фарсе и Исфахане. Тимур взял Исфахан, пощадив жителей, но они, восстав, перебили его гарнизон. После этого Исфахан был уничтожен, а из голов убитых построены пирамиды. Однако Музаффариды продолжали сопротивление. Тимур подошел к Ширазу, у стен которого храбрец султан Музаффарид хотел сам сразиться с Тимуром, но был убит прежде, чем смог прорваться к своему врагу.

С пребыванием Тимура в Ширазе связан интересный эпизод. В этом городе жил Хафиз, великий поэт, славившийся на весь мусульманский мир. Среди прочих своих творений он написал и такое любовное четверостишие:

Если эта прекрасная турчанка
Понесет в руках мое сердце,
За ее индийскую родинку
Я отдам и Самарканд и Бухару.

Тимур, конечно, знал эти стихи. И вот, взяв Шираз, он сел на ковре в центре площади среди моря жестокости и насилия:

гулямы грабили дома, гнали пленных, насиловали женщин и резали последних сопротивлявшихся. Не обращая на это никакого внимания, Тимур приказал привести поэта Хафиза. Через некоторое время к нему подвели знаменитого стихотворца, одетого в простой халат. И завоеватель сказал поэту, намекая на известное четверостишие: «О несчастный! Я всю жизнь потратил для того, чтобы украсить и возвеличить два моих любимых города: Самарканд и Бухару, а ты за родинку какой-то потаскухи хочешь их отдать!» Хафиз ответил: «О повелитель правоверных! Из-за такой моей щедрости я и пребываю в такой бедности». Тимур оценил находчивость поэта – он рассмеялся, приказал дать Хафизу роскошный халат и отпустил его восвояси.

Разумеется, порядки и поступки Тимура можно осуждать, но вряд ли он мог поступать иначе. Начав войну, Тимур должен был ее продолжать: гулямам надо было платить, и война кормила войско. Остановившись, Тимур остался бы без армии, а затем и без головы.

Однако вернемся к Тохтамышу. Встав во главе Джучиева улуса, он не мог ориентироваться на порядки, установленные Тимуром в Средней Азии. Если бы он даже и хотел придерживаться подобной стратегии, его нойоны и местные сибирские вожди никогда не смирились бы с ролью простых слуг султана, а не вольных дружинников хана. Народ Тохтамыша требовал выступления против агрессии мусульман, захватывавших область за областью в Западной Сибири. Кроме того, по завещанию Чингисхана весь Хорезмский оазис принадлежал потомкам Джучи. И в 1383 г. Тохтамыш сделал первую попытку обрести самостоятельность – попытался отнять Хорезм у Тимура. На какое-то время это ему удалось, но впоследствии Тимур вернул себе Хорезмский оазис.

С этого времени и началась война между двумя культурами: степной евразийской и исламской, представителем которой был Тимур, восстановивший прежнюю мощь мусульманских армий. По существу, действия Тимура были попыткой регенерировать угасавшую идеологию и культуру ислама. Делалась эта попытка, с учетом деятельности Тимуридов, сто лет, и в течение этого времени главными врагами мусульман Средней Азии являлись населявшие евразийскую степь кочевники.

В 1385 г. Тохтамыш нанес новый удар по владениям Тимура. Войска Тохтамыша прошли через Дарьяльское ущелье и захватили Тебриз в Азербайджане, который, опять-таки по разделу

Чингиса, должен был принадлежать улусу Джучи. Тимур отогнал армию татар, захватив многих в плен. Пытаясь отсрочить решающее столкновение, он вернул пленникам свободу и отправил их под конвоем в родные степи. Но изменить ход дальнейших событий ему не удалось.

Через два года Тохтамыш, собрав довольно большие силы, перебросил их через казахскую степь и, пройдя через пустыню Бетпак-Дала, миновав Ходжент и Самарканд, дошел до Термеза. По пути хан ограбил все кишлаки, которые там были, но не взял ни одной крепости: они были надежно укреплены. Тимур, воевавший в это время в Персии, с отборными частями своей армии форсированным маршем вернулся в Среднюю Азию. Тохтамыш стал отступать, но Тимур настиг его в Фергане и разбил, после чего Тохтамыш убежал с остатками войск в Западную Сибирь.

Тимур понимал, что война с Тохтамышем может быть выиграна только в собственно татарских владениях. Но Синюю Орду и Поволжье защищали от мусульман Средней Азии не столько татарские войска, сколько огромные расстояния. Для того чтобы вести степную войну, надо было иметь достаточное количество лошадей, а для них – необходимый фураж или подножный корм. Обширные же степи, отделяющие Волгу от оазисов Средней Азии, покрыты травой не круглый год. В этой ситуации Тимур продемонстрировал незаурядный талант стратега. Он учел, что весной среднеазиатская степь порастает травой сначала на юге, потом в центральном Казахстане, а уж затем на севере. Тимур собрал войско и двинулся в поход в буквальном смысле слова «вслед за весной»; лошади питались травой, которая не успевала завянуть. Войско запасалось провизией, проводя облавные охоты в степи.

Тохтамыш не ожидал мусульманского броска через степь, но начал быстро собирать все имевшиеся в его распоряжении силы.

В это время, в 1389 г., скончался московский великий князь Дмитрий Иванович. И хотя он, как мы помним, завещал, противно всем древним обычаям, великое княжение своему сыну Василию, утвердить это решение мог лишь законный хан Русского улуса – Тохтамыш. Тохтамыш подтвердил права Василия Дмитриевича и, что вполне естественно, в преддверии столкновения с Тимуром, потребовал от него помощи. Князь Василий войско привел, но никакого желания сражаться за Тохтамыша у русского князя не было: слишком свежа оставалась память о разорении Москвы в 1382 г. Таким образом, в

решительный момент столкновения со среднеазиатскими тюрками хан Тохтамыш остался без союзника.

Тимур, совершив стремительный бросок, с ходу прижал ханские войска к Волге. Несмотря на все мужество татарской конницы, Тохтамыш потерпел поражение. Регулярная армия Тимура, его грозные гулямы одержали решительную победу в битве при реке Кондурче – одном из притоков Волги. Сам Тохтамыш успел переправиться на правый берег Волги, но дело его было проиграно. Василий, увидев, как поворачиваются события, повел свое войско в низовья Камы и тоже ушел на правый берег Волги, спасаясь от Тимура. Тимур не стал переходить реку, и московский князь удачно избежал столкновения.

После этой победы Тимур начал отступать. Он уходил, спасаясь от холода и голода, тем же путем, каким шел весной. Ему удалось вывести большую часть своей армии. Поход Тимура на Волгу был победоносным, но он не решил своей основной задачи – защиты Средней Азии. Ядро, самое сердце владений Тимура с прекрасными городами Самаркандом и Бухарой, оставалось беззащитным от ударов со стороны казахской степи. И действительно, Тохтамыш вскоре снова выступил против Тимура. Он двинулся из приволжских степей на юг по западному берегу Каспийского моря. Тимур вышел ему навстречу, и оба войска встретились на Тереке, где и произошла кровопролитная битва. Татары проявили исключительный героизм, но татарское ополчение снова не выдержало натиска регулярной армии. Тимур одержал победу, причем он сам сражался в рядах воинов. Тохтамыш вынужден был бежать. А Тимур двинулся дальше, прошел через прикаспийские степи и вторгся в центр Золотой Орды – волго-донское междуречье.

Храбрее всех сражался против Тимура талантливый военачальник Бек-Ярык-оглан. Он успел отвести свои войска к Днепру, но Тимур бросил туда одного из лучших своих полководцев – эмира Османа. Осман окружил степняка на берегах Днепра. Однако Бек-Ярык снова вырвался и с частью своего войска устремился на восток, ибо другого пути у него не было: к западу располагалась враждебная татарам Литва. Только у русского города Ельца эмир Осман настиг Бек-Ярыка. Эмир осадил Елец. Защищаемый русско-татарскими войсками, город сопротивлялся отчаянно, но в конце концов пал. И снова Бек-Ярык-оглан со своим старшим сыном прорвался через ряды осаждавших и ушел на Русь. Тимур был настолько поражен мужеством, стойкостью и верностью татарского вождя, что,

захватив в плен его семью, приказал отправить ее вслед герою под конвоем, дабы никто не обидел женщин и детей.

Теперь Тимур намеревался пройти дальше на Русь и захватить Рязань и Москву. Вероятно, это удалось бы ему, если бы не восстание в тылу среди черкесов, осетин и татар. Тимуру пришлось повернуть назад. Пройдя Перекоп, он собрал на Крымском полуострове дань и накормил свое войско. И хотя восставшие черкесы выжгли степи к северу от Кубани, войска Тимура сумели пройти через выжженную степь, нанести черкесам жестокое поражение и заставили их укрыться в горах. Миновав Дербентский проход и выйдя в Азербайджан, Тимур ликвидировал крепости восставших в Закавказье и в горах Эльбурс, а затем вернулся в Самарканд – город, «подобный раю».

Но на этом победоносные войны Тимура не кончились. Ему пришлось жестоко воевать с турками-османами, и в 1402 г. он разбил османского султана Баязида с его дотоле непобедимой пехотой – янычарами. Затем Тимур подошел к стенам Смирны, занятой крестоносным гарнизоном рыцарей-иоаннитов. Турки осаждали Смирну 20 лет и не могли взять, а Тимур взял крепость штурмом за несколько дней. Когда же к Смирне прибыли венецианские и генуэзские корабли с помощью и припасами для осажденных, то воины Тимура забросали их из катапульт головами рыцарей ордена Иоанна. После этого властелин Средней Азии снова вернулся в Самарканд и, расплатившись со своей армией, продолжал подавление вечно бунтовавшего Могулистана.

Меж тем, во время отступления Тимура из Поволжья, некоторые офицеры татарского происхождения (мурза Едигей и царевич из Белой Орды Корейчак) просили у Тимура разрешения остаться в степях и были отпущены. Тимур возложил на них задачу упорядочить татарскую Орду. Но военачальники уехали и не вернулись к мусульманскому владыке, нарушив присягу. Очевидно, фактор этнической принадлежности был сильнее. Мурза и царевич-татарин не стали помогать завоевателю, а предпочли соединиться со своим народом. Так в разбитой Тимуром Золотой Орде утвердились новые властители. Правда, сын Урус-хана из Белой Орды царевич Корейчак, молодой и достаточно энергичный человек, через некоторое время умер, и власть перешла к его двоюродному брату – Темир-Кутлугу. Новому хану, лишившемуся из-за предательства Корейчака поддержки Тимура, вскоре пришлось защищать свой престол от Тохтамыша. У последнего оставалось достаточное

количество сторонников, главным образом за Уральским хребтом. Тохтамыш захватил Сарай, но Темир-Кутлуг разгромил его и вступил в тесный союз с мурзой Едигеем, которого назначил правителем двора, фактически – главой правительства.

Поскольку союз с Москвой был для Тохтамыша уже невозможен, разбитый, он ушел на запад, в литовские пределы.

ВАСИЛИЙ, ВИТОВТ И ЕДИГЕЙ

Литва, как мы помним, в 1386 г. заключила унию с Польшей, закрепленную династическим браком литовского князя Ягайлы и польской королевы Ядвиги. И хотя Ягайло, приняв имя Владислав, начал поддерживать католическую экспансию, ввести Великое княжество Литовское в состав Польского королевства оказалось не так-то просто. Уния очень плохо воспринималась не только огромным большинством православного русского населения, но и представителями языческой литовской знати, желавшей сохранить свою независимость от поляков. Удельные литовские князья боролись с политикой Ягайлы, и бежавший из плена Витовт принял в этой борьбе живейшее участие. К 1392 г. сын Кейстута стал великим князем Литвы и фактически перестал считаться с Ягайлой.

Именно с Витовтом и договорился в 1395 г. Тохтамыш о разделе Московской Руси. Он согласился уступить все русские земли Витовту, с тем чтобы Витовт оказал ему помощь в возвращении престола в Сарае. Витовт же, давно стремясь расширить Великое княжество Литовское за счет присоединения Руси, достиг к этому времени некоторых дипломатических успехов. Так, в 1390 г. великий князь московский Василий I, выполняя данное в плену обещание, женился на дочери Витовта Софье. К моменту соглашения с Тохтамышем Витовт захватил Смоленское княжество, а чуть позднее присоединил к Литве стоявший на Оке город Любутск (около современной Калуги). Поэтому предложение Тохтамыша хорошо вписывалось в далеко идущие планы Витовта. Посадив на престол Золотой Орды «своего» хана, он получил бы реальную возможность покорить Москву.

Договоренность между Витовтом и Тохтамышем, хотя и выгодная для обеих сторон, была, однако, трудно осуществима. Темир-Кутлуг, владевший Золотой Ордой, отнюдь не собирался уступать престол Тохтамышу и потребовал у Витовта

выдачи беглеца. Витовт отказал. Законный хан, естественно, находился в союзе с враждебным Тохтамышу Московским княжеством, но Москве не пришлось даже участвовать в вооруженной борьбе коалиций.

Навстречу Витовту и Тохтамышу, которые собрали огромное войско и двинули его в Подолию, вышел сам Темир-Кутлуг с небольшим татарским отрядом. Витовт потребовал безоговорочной капитуляции. У него было около 100 тысяч человек: литовцы, белорусы, поляки и немецкие рыцари. Темир-Кутлуг постарался оттянуть начало битвы, поскольку ожидал, когда к нему на помощь подойдет из причерноморских степей мурза Едигей, и вступил с Витовтом в переговоры. Литовский князь предъявил Темир-Кутлугу требование, согласие на которое по этикету XIV столетия означало полное подчинение: чеканку ордынской монеты с его, Витовта, изображением, – обосновывая необходимость такого шага тем, что он много старше Темир-Кутлуга. «Рассматривая» требования Литвы, татары выиграли время, и подошедший с войском Едигей тоже получил возможность принять участие в «переговорах». Умный мурза ехидно заявил литовцу следующее: «Я понимаю, славный князь, ты старше нашего законного хана Темир-Кутлуга, но ты младше меня, и если уж судить по старшинству, то это ты должен чеканить деньги с моей печатью».

Взбешенный Витовт прервал переговоры и двинул свои войска на татар. Едигей выставил против огромного войска врага свой небольшой отряд и начал медленное отступление. Артиллерия мало помогла литовцам, потому что артиллерийский огонь по разбросанным целям был малоэффективен: ядра наносили лишь случайный ущерб. Тем временем Темир-Кутлуг со своим отрядом совершил глубокий обход, оказался в тылу войск Витовта и, ударив литовцам в спину, вызвал панику. Бежали все: и поляки, и немецкие крестоносцы, и белорусские ратники, и сами доблестные литовцы. Они беспорядочно отступали почти 600 верст, до самого города Луцка, где надеялись найти спасение. Татары настигали и рубили беглецов, сами почти не неся потерь. Любопытно, что Тохтамыш, знавший тактику татар и способности их полководцев, еще до битвы предпочел увести свое войско вдоль южнорусской границы в Сибирь.

Войско Витовта, по-европейски технически оснащенное, не сумело противостоять татарам, опиравшимся не на технику, а на подготовку воинов и хорошее командование, то есть на личные качества людей. Европейское войско погибло, сам

Витовт бежал. Таковы были итоги знаменитой битвы на Ворскле (1399). Но, как это ни странно, в результате больше всех пострадал не Витовт, не Тохтамыш, а победитель Темир-Кутлуг. Через короткое время он почему-то исчез с арены истории, причем источники очень туманно говорят о причинах происшедшего. И в этом нет ничего странного, если учесть, что каждый золотоордынский хан конца XIV в. должен был выбирать, кого предать: или захватчика Тимура, который дал ему власть, или свой народ, который совершенно не хотел подчиняться Тимуру и Тимуридам. Вероятно, Темир-Кутлуг сделал выбор в пользу своего народа, и это не прошло ему даром. Темир-Кутлуга на ханском престоле сменил его брат Шадибек, человек также довольно талантливый.

Самый большой выигрыш от битвы на Ворскле получила Москва. Поражение Витовта спасло ее от угрозы литовского захвата, а литовский князь даже потерял на время Смоленск (1401). Однако Витовт вскоре сумел поправить положение дел и к 1405 г. вновь прочно завладел Смоленском и Вязьмой. Сил для самостоятельной борьбы с возобновленным литовским натиском у Москвы не было. Василий Дмитриевич не смог помешать захвату Витовтом верхнеокских княжеств: Перемышльского, Одоевского, Новосильского, Воротынского. Стало ясно, что без татарской помощи не обойтись.

Вовремя почувствовав реальную литовскую угрозу, Василий Дмитриевич обратился за содействием к ордынскому хану. Шадибек хотел вернуть политику Орды предыдущего века, то есть традиционную политику союза с Москвой, и прислал москвичам войско для борьбы с Литвой. Как видим, татары, даже не имея такой цели, волею судеб служили преградой на пути католических сил, давая возможность усилиться Московскому княжеству. Но, увы, Шадибек тоже недолго просидел на престоле. Он куда-то исчез, очевидно, был убит, и его заменил Пулад-Темир, еще совсем мальчик, которого возвел на престол победитель при Ворскле – Едигей.

Фактический новый правитель Орды Едигей потребовал от Василия оплаты своей дальнейшей военной помощи в виде «выхода». Московский князь платить не захотел, и тогда Едигей для вразумления своего вассала предпринял стремительный набег на Москву (1408). Разграбив города Нижний Новгород, Ростов, Переяславль, Едигей осадил столицу великого княжества. Князь Василий Дмитриевич перед осадой покинул город и ушел на север собирать войска. И снова Москву спасла ситуация, сложившаяся в самой Орде: Едигей получил весть о том, что власть

его ставленника Пулад-Темира в опасности. Заторопившись домой, Едигей вступил с москвичами в переговоры и, замирившись на «откупе» в три тысячи рублей, снял осаду.

Вернувшись в Орду, Едигей столкнулся с открытым сопротивлением. Сыновья Тохтамыша восстали против власти Едигея; сам Тохтамыш к тому времени погиб в Тюмени. Отряды Едигея встретились с войсками сыновей Тохтамыша, предположительно в низовьях Сырдарьи. В жестоком сражении старик Едигей, который одержал столько побед и отстаивал свои принципы до конца, погиб как настоящий воин – на коне, с саблей в руке.

Смерть Едигея и очередной переворот в Орде (1411) не сулили Василию Дмитриевичу ничего хорошего. Ведь власть Едигея оказалась в руках ставленника злейшего врага Руси – литовского князя Витовта. Но Золотая Орда в это время начала постепенно раскалываться. Татары уже не воспринимали себя как единое целое. Одни из них, поддерживавшие Едигея, стали называться ногаями. Это были, видимо, потомки очень древнего народа – гузов, живших на Яике. Другие, сторонники Корейчака и Темир-Кутлуга, получили название Узбекской орды, хотя этих татар нельзя считать узбеками, ибо такое название они приняли только в 1428 г., при хане Абулхайре, восстановившем независимость своего народа. Абулхайр продолжил войну против среднеазиатских тюрок, а внук Абулхайра Шейбани-хан завоевал Среднюю Азию, которая с тех пор стала владением кочевых узбеков.

МЕЧ И КРЕСТ

В начале XV столетия у Витовта не было возможности последовательно проводить политику захвата и подчинения Руси. Ведь на северо-западных рубежах Великого княжества Литовского шла непрерывная война с немцами Ливонского ордена.

В 1409 г. Жмудь подняла восстание против господства немецких рыцарей, и орден объявил войну Ягайле. Численность войск ордена превышала 50 тысяч человек, но собственно рыцарей было по-прежнему очень немного: основную массу орденского войска составляли завербованные добровольцы – кнехты.

Исполняя решение Кревской унии 1386 г., Витовт выступил в решающей схватке с Орденом на стороне Ягайлы.

Основную силу войска Витовта составляли русские, прежде всего смоленские, полки. В войске Ягайлы было множество галичан, чехов и венгров. Соединенные силы Польши и Литвы немного превышали численность войск противника. Понимая, что решающая схватка обещает быть жестокой, Ягайло попытался вступить в переговоры с магистром Ордена Ульрихом фон Юнгингеном, но глава крестоносцев ответил высокомерным отказом.

Войска противников сошлись 15 июля 1410 г. на Грюнвальдском поле (к юго-западу от устья Вислы). Витовт, начав сражение, нанес удар несокрушимой литовской конницей по левому флангу орденского войска. Немцы ответили атакой на правом фланге и сумели заметно потеснить войска Витовта и Ягайлы. Однако окончательно сломить их оборону рыцари не смогли, в первую очередь потому, что наткнулись на ожесточенное сопротивление трех смоленских полков. Введя в бой свежие резервы, Витовт и Ягайло сумели достичь победы – рыцари были окружены и разгромлены, сам великий магистр фон Юнгинген, так опрометчиво отказавшийся от переговоров о мире, погиб в этом кровопролитном сражении. Грюнвальдская битва положила конец господству ордена в Прибалтике, ибо окончательно сломила его могущество[1]. Немцы были вынуждены на тягостных для себя условиях заключить с Витовтом Торуньский мир.

Однако гораздо более значительными оказались последствия победы 1410 г. для польско-литовских отношений. Союз Польши и Литвы заметно окреп: Городельская уния 1413 г. усилила католическое влияние на Литву, ибо Великое княжество Литовское было вынуждено признать сюзеренитет польской короны. Все бояре и служилое сословие Литовского государства по Городельской унии получали равные права с польскими магнатами и шляхтой, но лишь при условии принятия католичества. Естественно, искренние православные из числа подданных Витовта таким оборотом дела обрадованы не были. Противостояние католиков и православных вновь обострилось, однако попытка Витовта ослабить религиозные противоречия в Литве успеха не имела. Начав хлопоты об унии между православной и католической церквями, Витовт сумел добиться лишь разделения митрополии: для Литвы был поставлен

[1] Европа перестала пополнять силы Ордена, ибо после христианизации Литвы само существование Ордена, ориентированного на борьбу с язычниками, потеряло смысл.

свой митрополит – ставленник князя Григорий Цамблак. Однако успеха на переговорах с легатом папы римского во время Констанцского собора новый митрополит достичь не смог, и Витовту пришлось отказаться от идеи религиозной унии.

Поскольку Орден не представлял более опасности для Литвы, Витовт смог вновь обратить свое внимание на восток. Смерть великого князя Василия Дмитриевича (1425) сильно облегчила задачу Витовта по расширению сферы литовского влияния. Ведь, умирая, Василий Дмитриевич «поручил» свою жену и десятилетнего сына вниманию ее отца – Витовта. Сделавшись законным опекуном московского великого князя, Витовт начал энергично проводить политику подчинения себе всех остальных русских княжеств. Вскоре после смерти Василия он заключил союзные договоры с двумя главными соперниками Москвы – Тверью и Рязанью. Таким образом, к концу 20-х годов XV в. Витовт сумел устранить препятствия к расширению территории своего государства и со стороны Ордена, и со стороны Руси. Неудивительно, что следующий его шаг был связан со стремлением избежать зависимости от Польши: великий князь литовский деятельно хлопотал перед немецким императором о пожаловании ему королевской короны.

Но снова в помыслы человеческие вмешалась природа. Смерть не дала Витовту реализовать его обширные планы (1430). Со смертью великого государственного деятеля Литвы в его княжестве начались внутренние столкновения. Поскольку дело церковной унии не было доведено до логического конца, православные подданные продолжали бороться с неравенством, провозглашенным Городельским привилеем 1413 г. Однако возглавлявший православную партию сын Ольгерда – Свидригайло – оказался лидером, мало достойным своего положения. Став великим князем литовским сразу после смерти Витовта, он проявил себя как человек, не обладающий ни талантом полководца, ни способностями администратора.

Брат Витовта Сигизмунд, опиравшийся на католиков, легко отнял великое княжение у Свидригайлы. Стремясь обеспечить себе поддержку католиков, Сигизмунд первым делом заключил новый договор об унии Литвы и Польши, но поскольку большинство его подданных по-прежнему составляли православные, то князь был вынужден как-то учесть их стремления. В 1432 г. он издал указ, в соответствии с которым православные русские князья и бояре уравнивались в правах с

католиками. Такое решение в известной мере ослабило сопротивление политике Сигизмунда среди русских вельмож и сделало положение Свидригайлы крайне сложным.

Свидригайло в сложившейся ситуации утратил последние признаки благоразумия и прибег к тактике запугивания. Жертвой его неуемной подозрительности стал православный митрополит Герасим, поставленный Константинополем по просьбе самого же Свидригайлы. Заподозрив владыку в измене, князь без долгих размышлений приказал схватить и сжечь несчастного. Жестокое и бессмысленное злодеяние погубило Свидригайлу окончательно: он лишился всякой поддержки своих православных сторонников. Вскоре после казни митрополита Свидригайло сошелся с Сигизмундом в решающей битве на реке Свенте, притоке Вилии, и, наголову разбитый, вынужден был отказаться от своих претензий на трон великого князя Литвы.

С поражением Свидригайлы последние надежды на торжество православия в Литве оказались похоронены. И хотя Сигизмунд через несколько лет после своей победы на Свенте пал жертвой заговора (был убит в своем собственном замке в Тракае), дальнейшего хода событий сей факт уже не изменил. Великим князем был провозглашен другой сын Ягайлы – Казимир (1440), а после того как его брат, польский король Владислав III, погиб в битве с турками при Варне, Казимир занял еще и трон Польши, уравняв в правах своих польских и литовских подданных. Литва окончательно превратилась в католическое государство.

А вот в Москве, которая также управлялась внуком Витовта, сыном Софьи Витовтовны – великим князем Василием Васильевичем, попытка католиков достичь победы осталась безрезультатной. После гибели митрополита Герасима кафедра митрополитов всея Руси какое-то время оставалась вакантной, и Василий Васильевич решил посадить на владычное место рязанского епископа Иону. В соответствии с русской церковной традицией, Иона отправился в Константинополь для поставления, но потерпел там полную неудачу. Греки, самой актуальной проблемой для которых была в то время борьба с турками-османами, всячески стремились к заключению церковной унии с Римом, тщетно надеясь таким образом получить помощь от Запада. Естественно, что и на престоле русских митрополитов греки хотели видеть «своего» человека. Им стал греческий иерарх Исидор (1437). Вскоре события подтвердили, что выбор константинопольской патриархии оказался

правильным: ее ставленник вполне оправдал возлагавшиеся на него надежды.

В 1438–1439 гг. шла работа так называемого Ферраро-Флорентийского собора, на котором разбирался вопрос об унии западной и восточной церквей. Лишь с огромными усилиями, преодолевая сопротивление части православного греческого духовенства, прибегая к угрозам, подкупу и прямому насилию, папистам в 1439 г. удалось подписать акт об унии. Участвовал в соборе и митрополит Исидор, проявивший себя как твердый сторонник униатства.

Но то, что сходило с рук во Флоренции и вызывало аплодисменты в Константинополе, на Руси кончилось для Исидора печально. Приехав в Москву, Исидор начал служить литургию по новому образцу, вознес имя папы ранее имени патриарха и велел прочесть в церквах соборное определение о состоявшейся унии. Возмущению прихожан не было предела; резко отреагировал на случившееся и великий князь. Василий Васильевич не стерпел измены православию – объявленный «лжепастырем» Исидор был заключен в тюрьму, откуда, правда, он вскоре бежал в Рим. Из происшедшего можно понять, что и на Руси сторонников церковного слияния с Западом имелось немало, но подавляющее большинство русских из всех сословий твердо держалось православной ориентации.

За низложением Исидора последовало событие, не имевшее аналога в истории Руси со времен крещения. В 1441 г. рязанский епископ Иона был «наречен во митрополиты» не константинопольской патриархией, а собором русских епископов. Таким образом, вековая зависимость в делах церкви от Константинополя оказалась поколебленной, и не только потому, что униаты победили там окончательно. Изменилась сама схема церковно-политических представлений русских людей. Считавшие дотоле нормой в вопросах веры подчиняться авторитету греков, они теперь сочли возможным претендовать на самостоятельность своей церкви. В этническом аспекте сие означало, что пассионарность России выросла значительно выше уровня, обеспечивающего ее существование как этноса. И действительно, обратясь от церковной истории к истории политической, мы вскоре увидим, как далеко продвинулась Русь XV в. на пути превращения из этноса в суперэтнос.

Уже в самом начале княжения Василия Васильевича проявились изменения в характере борьбы за власть на Руси. Если раньше за великое княжение с Москвой на равных спорили

тверские и суздальские князья, против которых единым фронтом, сплоченно выступали родственники и бояре московского князя, то теперь великое княжение владимирское у потомков Калиты не мог оспаривать никто. Еще в 1392 г. московские бояре добились в Орде присоединения к своему «улусу» Суздальско-Нижегородского княжества. Тверь, выступавшая на стороне Литвы, после Флорентийской унии потеряла не только военно-политические, но и этнические возможности противостоять оплоту общерусского православия в лице Москвы.

Но в тот момент, когда казалось, что господство московского князя на Руси стало безраздельным, на власть начали претендовать московские родственники великого князя.

ШЕМЯКА

Противоречия в московском княжеском доме дали о себе знать сразу после смерти сына Дмитрия Донского – Василия Дмитриевича (1425). Брат умершего, Юрий Дмитриевич, отказался присягнуть своему племяннику Василию и, вместо присутствия на похоронах, отправился в свой город Галич, дабы собирать войска. Бояре великого князя оказались «не лыком шиты» и, быстро объединив свои силы, двинулись навстречу властолюбивому Юрию. Увидев, что дела принимают плохой оборот, Юрий Дмитриевич почел за благо вступить в переговоры.

В Галич к Юрию отправился фактический глава московского правительства – митрополит Фотий. Владыка проявил себя как незаурядный дипломат. Князь, желая показать митрополиту многочисленность своих сил и основательность претензий, собрал к его приезду в Галиче множество вооруженных крестьян и ремесленников. Но владыка легко разгадал уловку Юрия Дмитриевича и сказал ему: «Сын князь Юрий! Никогда я не видел столько людей в овечьей шерсти», дав тем самым понять, что не ополчению Юрия тягаться с московской дворянской конницей, состоящей из профессиональных рубак. Фотий добился от Юрия обещания не домогаться великокняжеского стола по своему произволу, а согласиться с решением ордынского хана. «Спершись о великом княжении», дядя и племянник отбыли за правосудием в Орду.

В борьбе за великий стол Юрий Дмитриевич опирался, с

одной стороны, на поддержку свояка – великого князя литовского Свидригайлы Ольгердовича, а с другой – на заступничество перед ханом своего друга – влиятельного ордынского мурзы Тегини. Но московские бояре, во главе которых стоял талантливый дипломат Иван Дмитриевич Всеволожский, прекрасно разобрались в сложившейся расстановке сил. Иван Дмитриевич сумел настроить большинство ордынских мурз против Тегини, а значит, сделать их сторонниками своего князя. Когда же на суде у хана Юрий Дмитриевич начал обосновывать свои претензии на великое княжение ссылками на древнее родовое право, московский дипломат одной фразой добился ханского решения в свою пользу, сказав: «Князь Юрий ищет великого княжения по завещанию отца своего, а князь Василий – по твоей милости».

Хан, донельзя обрадованный таким проявлением покорности со стороны московитов, приказал выдать ярлык Василию и даже велел было Юрию Дмитриевичу, в знак подчинения ханской воле, вести под уздцы коня с восседающим на нем великим князем. Но Василий, проявив свойственное ему благородство и не захотев унизить собственного дядю, от этого отказался. Тем не менее и после ханского вердикта Юрий Дмитриевич не умерил свои притязания.

Толчком к продолжению войны послужил следующий эпизод. В 1433 г. во время свадьбы Василия Васильевича его мать, Софья Витовтовна, сорвала драгоценный золотой пояс с другого Василия – сына Юрия Дмитриевича. Чуть раньше кто-то из старых бояр рассказал Софье, что этот пояс принадлежал когда-то Дмитрию Донскому, а затем был украден и оказался в семье Юрия Дмитриевича. Скандал, что и говорить, был громкий: князь на свадебный пир в ворованной вещи явился! Разумеется, Василий Юрьевич и его брат Дмитрий Шемяка тут же покинули Москву. Их отец, Юрий Дмитриевич, не замедлил воспользоваться предоставившимся хорошим поводом и двинул войско на племянника.

В сражении на Клязьме немногочисленные войска Василия Васильевича потерпели поражение от Юрия Дмитриевича, а сам великий князь был схвачен и отослан Юрием в Коломну. На Святой неделе 1434 г. Юрий Дмитриевич вступил в Москву, но оказался в ней нежеланным гостем. Бояре, ратники, посадские были настроены против князя Юрия крайне решительно, ибо все видели в нем узурпатора. Москвичи бежали в Коломну к своему законному государю, и Юрий, видя всеобщее неприятие, вынужден был покинуть Москву.

Через некоторое время вооруженная борьба возобновилась. Юрий сумел вновь победить Василия и вернулся в стольный город, захватив в плен и мать великого князя. Однако вскоре Юрий Дмитриевич умер. Василий Васильевич воссел на великом столе и «взял мир» со своими двоюродными братьями.

Но мир этот продолжался недолго. Василий Юрьевич нарушил его и, подобно своему отцу, направился в Кострому собирать войска против великого князя. Противники встретились при селе Скоретине (район современного города Ростова). Заключив с Василием Васильевичем перемирие до утра, Василий Юрьевич вновь не сдержал слова и внезапно перешел в наступление. Но великий князь успел поднять свои полки, и в битве при Скоретине войска претендента на великокняжеский стол были разбиты, он сам захвачен в плен, отвезен в Москву и там ослеплен по приказанию великого князя. Первый раунд борьбы был окончен.

Следующее пятилетие, до 1445 г., прошло относительно спокойно. Вынужденный внешне примириться с господством двоюродного брата, Шемяка выжидал удобного случая и дождался его. Помогла Шемяке ситуация, сложившаяся в Орде, где при отсутствии всякого порядка шли непрерывные междоусобицы. Каждый, кто обладал хоть какими-то военными силами, либо сражался с конкурентами внутри Орды, либо совершал на свой страх и риск набеги на русские города.

В 1438 г. хан Улуг-Мухаммед, выбитый из Орды своим родственником Киши-Махметом, «изгоном» занял русский город Белев. Великий князь Василий направил против него полки под начальством Дмитрия Шемяки. Выдвинувшись в Белеву, Шемяка, несмотря на желание Улуг-Мухаммеда заручиться поддержкой русских князей «на всей их воле», нанес татарам серьезное поражение. Улуг-Мухаммед ушел из Белева в Казань, но в 1439 г. появился под стенами Москвы. Заняв впоследствии Нижний Новгород, Улуг-Мухаммед укрепился там и в 1445 г. отправил против великого князя войско во главе со своими сыновьями Махмутеком и Якубом.

Шемяка обещал прислать полки на помощь Василию, но не выполнил обещания. И великий князь, беспечно пировавший в ночь перед сражением, оказался перед лицом врага с малочисленной дружиной. Превосходящими силами татар Василий был разбит и попал в плен. Такого поворота совершенно не ожидали и сами татарские царевичи. Они долго думали, как им поступить со столь знатным пленником, и для начала отослали в Москву матери и жене Василия его нательный крест, дабы те

не усомнились в скорбном известии. Дмитрий Шемяка через своих посланников склонял татар не отпускать Василия на свободу, однако великому князю удалось освободиться из плена ценой огромного «откупа» в 200 тысяч рублей.

Для сбора этой фантастической суммы вместе с Василием были отправлены на Русь татарские мурзы с отрядами воинов, многие из которых тут же поступали «в службу» к Василию. Разумеется, великий князь был вынужден принимать татар ласково, и по стране распространилось недовольство татарской ориентацией Василия: «Чему еси татар привел на русскую землю и города дал еси им, волости подавал еси в кормление?» Но политика великого князя оказалась дальновидной: с приемом татар на русскую службу Москва усиливалась, а Орда слабела. Тем не менее для большинства современников татарская миграция представлялась неслыханным нарушением их прав, которое к тому же оказалось сопряжено с немалыми материальными затратами.

Недовольство ширилось. Им-то и решил воспользоваться Шемяка. В один из отъездов Василия Васильевича на богомолье в Троицкий монастырь Шемяка со своими сторонниками неожиданно захватил Москву и полонил жену и мать великого князя. Затем Шемяка быстрым маршем двинулся к Троице. И хотя Василий был предупрежден, а охрана выставлена, Шемяка сумел обмануть бдительность сторожей, спрятав своих ратников в возах с сеном. Василий не успел бежать и вынужден был спрятаться в церкви, а затем вышел к своему врагу с иконой на руках, умоляя о милосердии и разрешении постричься в монахи. Милосердие было ему обещано, но Шемяка – уже в который раз – не сдержал слова. Василий услышал: «Пойман еси великим князем Дмитрием Юрьевичем»; на простых санях несчастный был отвезен в Москву, ослеплен (отсюда и прозвище князя – Темный) и затем сослан в Углич вместе с женой. Мать Василия, Софья Витовтовна, была также отправлена в ссылку – в Чухлому.

Казалось, Шемяка мог праздновать окончательную победу, но сказалась приязнь между Василием Темным и татарами. Вообще, сторонников у ослепленного князя оказалось гораздо больше, чем врагов: за Василия Темного стояли татарские царевичи Касим и Якуб – сыновья Улуг-Мухаммеда, один из которых когда-то взял великого князя в плен; его поддерживал «нареченный во митрополиты» епископ Иона; за возвращение Василию престола готовы были бороться многие бояре. Усилия сторонников законного великого князя дали свои плоды.

Василий Темный, отправившись на очередное богомолье в Кирилло-Белозерский монастырь, сумел бежать оттуда в Тверь, где заручился поддержкой тверского князя. В 1447 г. Василий победоносно возвратился в Москву и занял престол. Но ему потребовалось несколько лет борьбы, чтобы окончательно низвергнуть Шемяку. В 1450 г. Шемяка был выбит из своей вотчины – Галича – и бежал в Новгород – центр оппозиции великому князю, – где и скончался (полагали, что он был отравлен по приказу Василия).

Новгородцы твердо поддерживали Шемяку, и это не прошло им даром. Зимой 1456 г., памятуя о старых обидах, Василий Темный с войском, усиленным татарскими отрядами, двинулся к Новгороду. Захватив город Старую Русу, московские воеводы отпустили основную рать и тут, оставшись с отрядом из двухсот человек, столкнулись с новгородским войском, состоявшим из пяти тысяч всадников. Казалось бы, о сопротивлении не могло быть и речи, но пассионарные московские воеводы нашли выход. Они приказали стрелять по лошадям новгородцев и добились полной победы. Одетые в броню новгородцы валились под копыта коней, демонстрируя полное отсутствие какой-либо воли к сопротивлению.

После поражения у Русы новгородцы думали только о том, как при посредничестве новгородского архиепископа заключить с Василием мир, и получили желаемое на самых унизительных условиях. Сам Василий Темный все же был не полностью удовлетворен результатами похода 1456 г. Он постоянно жаловался митрополиту Ионе, что новгородцы чтут его не так, как следует, и только благодаря заступничеству последнего воздержался от нового похода на непокорную вечевую «республику». Смерть помешала ему до конца реализовать планы полного подчинения Новгорода Москве. Эта миссия вместе с объединением страны досталась его сыну Ивану III.

ГОСУДАРЬ ВСЕЯ РУСИ

Наследие, полученное старшим сыном Василия Темного – Иваном III Васильевичем, было завидным. Все русские князья фактически находились в полной воле московского князя, семейные междоусобицы утихли, а угроза со стороны Золотой Орды практически исчезла.

Как уже говорилось, у ордынского хана Улуг-Мухаммеда

было трое сыновей: Махмутек, Якуб и Касим. Первые двое со временем сделались врагами. Махмутек, желая обрести независимость, убил своего отца и захватил власть в Казани, создав таким образом Казанское ханство, выделившееся из Орды. Касим, взявший на себя бремя мести за убийство отца, принадлежал к числу наиболее преданных сторонников Василия Темного: именно его участию был в немалой степени обязан Василий II своим возвращением на престол в 1447 г. За верную службу Василий выделил Касиму в пожизненное владение городок на Оке, который стал с тех пор называться Касимовом. Население касимовского служилого ханства долго сохраняло все свои этнографические особенности, включая исповедание ислама.

Крымское ханство также откололось от Орды, после чего собственно Золотая Орда стала включать лишь область, непосредственно прилегающую к Сараю, и перестала представлять для Руси серьезную угрозу. Правда, в 1465 г. золотоордынский хан Ахмат собрался было пойти на Москву, дабы заставить московитов по-прежнему платить «выход», но неожиданное нападение крымских татар спутало все его планы.

В непрекращавшейся борьбе между Касимом и Махмутеком деятельное участие принимал Иван III. В 1467 г. некоторые казанские мурзы, недовольные правлением молодого Ибрагима – сына Махмутека, обратились к Касиму с предложением занять казанский трон. Усиленный русским войском, данным ему Иваном III, Касим двинулся к Казани, но не смог достичь успеха. Повторный поход был предпринят через два года, уже после смерти Касима. Когда великокняжеские московские полки и касимовцы снова подступили к Казани, Ибрагим был вынужден заключить мир на условиях, предложенных Москвой.

После замирения с Казанью Иван III смог продолжить политику своего отца в отношении Новгорода. Новгородцы к тому времени потеряли всякую способность сохранять хоть какое-то подобие самостоятельности. В городе боролись две партии: пролитовская, состоявшая из бояр во главе с Борецкими, и промосковская, состоявшая из «младшей чади», то есть простых людей. Поскольку бояре имели доступ к власти и принимали решения, то нет ничего удивительного в том, что в 1471 г. Новгород заключил союз с великим князем литовским и польским королем Казимиром Ягеллоном. Казимир поставил в Новгород своего наместника и обещал «Господину Великому Новгороду» защиту от Москвы. Третьим членом

антимосковской коалиции стал золотоордынский хан Ахмат, также находившийся в союзе с Казимиром.

Увидев, что против него создана столь серьезная коалиция, Иван III, политик умный и осторожный, решил также искать союзников. Его взоры, естественно, обратились в сторону враждебного Сараю Крымского ханства. В 1473 г. договор о союзе с крымским ханом Менгли-Гиреем стал реальностью. Крымчаки обещали воевать с литовцами, ожидая от Ивана помощи в борьбе с Ахматом.

Войну против антимосковской коалиции Иван III начал с Новгорода, и не случайно. В «низовских» землях возмущение союзом Новгорода с Казимиром и Ахматом было чрезвычайно велико. Москвичи обоснованно рассматривали поступок новгородцев как измену общерусскому делу и сравнивали поход Ивана III с походом Дмитрия Донского на Мамая.

Летописец писал, что Иван III шел на Новгород «не яко на христиан, но яко на язычник и на отступник православья». Последнее обстоятельство для этнической диагностики весьма существенно. Как видим, в конце XV в. представители нового этноса московитов перестали воспринимать реликт Древней Руси – новгородцев – как «своих», так как индикатором этнической симпатии в то время являлось вероисповедание. Новгородцев, выбравших союз с католиками, москвичи приравнивали к язычникам.

При общерусской поддержке на Новгород была двинута огромная рать под предводительством лучшего полководца Москвы – князя Даниила Холмского. С русским войском шли и отряды касимовского царевича Данияра. Встретившись с новгородскими силами на реке Шелони, москвичи одержали полную победу, поскольку противостояло им хотя и хорошо вооруженное, но необученное ополчение, а литовская помощь так и не пришла. Итоги битвы на Шелони оказались для Новгорода тяжкими. Новгородцы вынуждены были отказаться от планов союза с Литвой и заплатили великому князю большую денежную контрибуцию – свыше 15 тысяч рублей.

Но хотя на помощь Новгороду не пришли литовцы, ему попытался помочь золотоордынский хан Ахмат. Форсированным маршем он дошел до Оки. По приказанию великого князя касимовские царевичи Данияр и Муртаза выдвинулись навстречу Ахмату на рубеж Коломны и Серпухова, готовясь отрезать войско Ахмата от обоза в случае дальнейшего продвижения его к Москве. Золотоордынский хан, узнав об этом, решил не связываться с касимовцами и быстро отступил.

Иван III отчетливо понимал недостаточность достигнутых успехов. Существование сильной литовской партии в Новгороде и союзного Литве золотоордынского ханства ставило под сомнение выполнение Новгородом своих обязательств перед Москвой. Поэтому Иван III стремился к окончательному подчинению Новгорода и низвержению Золотой Орды. Воспользовавшись тем, что «младшая чадь новгородская» жаловалась ему на пролитовски настроенных бояр, просила защиты и называла его «государем», Иван III в 1478 г. предъявил новгородцам новые требования и выступил в новый поход. Программа его была лаконична: «Вечу не быти, посаднику не быти, а государство все нам держати». После непродолжительного сопротивления новгородцы подчинились воле великого князя. Символ старинной новгородской вольности – вечевой колокол – был снят и отправлен в Москву, а десятки знатнейших семейств Новгорода были переведены («испомещены») в области великого княжения как служилые люди.

Так закончилась история последнего этнического осколка Древней Руси, включенного в состав нового этноса. Пример Новгорода – это блестящий пример умирания этнической системы, при котором, как правило, исчезают не сами люди. Люди-то как раз остаются и входят в состав новых этносов, но окончательно исчезает определенная система поведения, некогда связывавшая этих людей воедино, делавшая их «своими». Вместе с независимостью Новгорода исчезли все стереотипы поведения, характерные для вечевой Руси, а сами люди сохранили лишь память о своем происхождении.

Безусловно, присоединение Новгорода к Москве явилось вершиной объединительной политики Ивана III. Однако этим дело не кончилось. В 1484 г. на Москве «известно учинилось», что тверской князь Михаил Борисович заключил договор с великим князем литовским Казимиром. Такой договор стал прямым нарушением соглашений Михаила с Иваном III, и великий князь московский объявил Твери войну. Помощь с Запада, обещанная Казимиром, как всегда, не пришла, и Михаилу ничего не оставалось, как признать главенство Ивана III и «взять мир». Меж тем тверские бояре целыми семействами покидали своего князя и били челом Ивану III, прося принять их на службу. Лишаясь поддержки своего окружения, Михаил Борисович вновь «уставил ряд» с Казимиром, и это погубило его окончательно. Объявив Михаила изменником, Иван III двинул к Твери войска и осадил город. Преданный ближними боярами, тверской князь бежал в Литву, а на княжение в Тверь был посажен сын Ивана.

Летом 1480 г. золотоордынский хан Ахмат подошел с войском к пограничной московской реке Угре, северному притоку Оки, и стал там лагерем, ибо ждал помощи от своего союзника – Казимира. Ожидания его оказались напрасны: как опытный политик, Иван III предвидел грядущие столкновения с Ахматом, и направленный против него русско-крымский союз действовал. Потому Казимир вынужден был бросить свои силы на защиту Литвы от крымского хана Менгли-Гирея. Московская рать встала на противоположном берегу Угры, но ни Иван III, ни Ахмат не рискнули начать сражение. Знаменитое стояние на Угре продолжалось до глубокой осени. Исход его решил рейд русско-татарского отряда под командованием воеводы Ноздреватого и царевича Нур-Даулет-Гирея в тыл Ахмата, в Поволжье. Узнав об угрозе своим владениям, Ахмат быстро отступил. А Иван III, почувствовав силы противостоять хану, изгнал его послов и отказался возобновить выплату дани.

Стояние на Угре *(рисунок из русской летописи)*

Легко понять, что стояние на Угре было лишь эпизодом в длительной борьбе двух коалиций: новгородско-литовско-золотоордынской и московско-касимовско-крымской. И уж тем более нет никаких оснований считать, будто стояние на Угре ознаменовало собой «свержение ордынского ига». Как мы видим, с Ордой практически перестал считаться еще отец Ивана III – Василий Темный, который включал этнические осколки Золотой Орды в состав своего великого княжества. Да и современники воспринимали войну с Ахматом не как свержение ига, а как войну за веру с нечестивым противником, врагом православия. Представляется, что применительно к событиям 1480 г. стоит говорить не о «крушении ига», которого попросту не было, а о создании системы противостоящих друг другу политических союзов между государствами, возникшими на развалинах Золотой Орды: Великим княжеством Московским, Крымским и Казанским ханствами, Ногайской ордой. При этом Ахмат и Ахматовичи вплоть до формального падения Золотой Орды ориентировались на Литву, а крымские татары – на Москву.

Именно в союзе с крымским ханом решал Иван III и казанскую проблему. Когда одна из вдов казанского царя Ибрагима вышла замуж за Менгли-Гирея, сын Ибрагима, Махмет-Ахминь предъявил свои права на Казань и обратился за помощью к Ивану III. Иван III поддержал претендента, дав ему рать во главе с победителем при Шелони князем Даниилом Холмским. Силы союзников осадили Казань и установили там власть своего ставленника.

В 1491 г. Иван III точно так же оказал поддержку Менгли-Гирею в борьбе с детьми Ахмата. Это было началом окончательного крушения Золотой Орды. В 1502 г. крымский хан достиг полной победы над последним царем Золотой Орды – Шихматом.

В тот же период произошли другие изменения в рамках антимосковской коалиции. В 1492 г. умер великий князь литовский и король польский Казимир. Его сын Александр был избран, подобно отцу, великим князем литовским, а на трон короля польского сел другой сын Казимира – Ян-Альбрехт. Таким образом, личная уния Литвы и Польши оказалась разрушенной. Иван III воспользовался моментом общей неразберихи в польско-литовском государстве и неожиданно вторгся в литовские пределы.

Литовцы и поляки оказались совершенно не готовы к войне, и увенчавший ее мир закрепил за московским государем

титул «великого князя всея Руси», ибо к Москве отошли ранее захваченные Литвой земли в верховьях Оки, которые некогда принадлежали местным удельным князьям, перешедшим на московскую службу. И хотя итоги войны были закреплены династическим браком между дочерью Ивана III Еленой и великим князем литовским Александром, вскоре война за северские земли вспыхнула с новой силой. Решающая победа в ней была одержана московскими войсками в битве при Ведроше (1500), что в значительной мере явилось следствием кавалерийских рейдов казанского царя Махмет-Ахминя, отвлекшего на себя крупные силы врага.

Итак, к началу XVI столетия у Ивана III имелись все основания называть себя великим князем всея Руси. Действительно, вся территория Древней Руси, за исключением части, захваченной Польшей, вошла в состав нового Русского государства, которому предстояло теперь шагнуть в совершенно иное историческое время.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЦАРСТВО МОСКОВСКОЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НЕИСТОВЫЕ ЛЮДИ

РУБЕЖ

Изучая историю России XVI столетия, исследователь сталкивается с обилием информации. Если для анализа истории Древней Руси у нас часто не хватало сведений и мы вынуждены были выдвигать известное количество версий, то в истории новой России нас встречает «избыток» фактического материала. Его становится невозможно включить в систему исследования целиком, так как тогда получится то, что в кибернетике называется «шумы». Представим себе следующее: в комнате сидят несколько человек, и вдруг все одновременно начинают говорить о своих семейных делах. В итоге мы ничего не услышим и ничего не узнаем. Обилие фактов требует избирательности. И точно так же, как акустики выбирают интересующий их звук, мы должны отобрать те факты, которые нужны для освещения избранной темы – этнической истории нашей страны.

В XVI в. Россией последовательно управляли три монарха из числа потомков Александра Невского, и при всех трех – Василии Ивановиче III, Иване Васильевиче IV Грозном и его сыне Федоре – шло неуклонное расширение ареала российского суперэтноса. Василию III выпало завершить объединение всей Русской земли и видеть падение Большой Орды, от власти которой освободился еще его отец Иван III: дань Орде перестали платить в 1480 г. А в 1502 г. Орда распалась, и Россия, вскоре присоединив к себе Рязань, Псков и Черниговское княжество, стала монолитной страной, граничащей на юге и востоке с татарскими государствами.

Казанское ханство, союзное России ханство Крымское и Ногайская орда, кочевавшая в Рын-Песках, были слабы и тягаться с могучей, все набиравшей силу Россией во главе с Москвой уже не могли. Польско-литовское государство, потерпевшее целый ряд поражений в войнах с турками, находилось в состоянии крайнего неблагополучия, и довольно большие, по существу, силы литовцев и поляков не представляли для Руси серьезной опасности. Войны с поляками и литовцами шли вяло, военное счастье клонилось то в одну, то в другую сторону, хотя за Польшей и стояла военно-политическая мощь всей Западной Европы. Раскол западноевропейского суперэтноса в фазе надлома привел к тому, что пассионарность европейцев погашалась внутри системы – в гражданских войнах Реформации. Казалось бы, ситуация в Восточной Европе была исключительно благоприятная для России и ее народа.

Вот тут-то и выяснилось, что цели и действия русских людей XVI в. принципиально изменились по сравнению с поведением предшествовавших поколений московитов. Пассионарных людей стало много, а задача объединения и отстаивания рубежей страны была уже выполнена. И тогда пассионарные русские люди обрели новые цели жизни, новые императивы поведения. Мир стал тесен им, они перестали выполнять свои обязанности, и каждый из них захотел стать самим собой: не просто князем, а князем *Шуйским*, не просто окольничьим, а *Годуновым*, не просто казаком, а *Ермаком Тимофеевичем*. Идеалом стал не человек, выполняющий долг, а человек, занявший первое место и получивший власть над соперниками и обстоятельствами.

В МОСКВЕ И НА ГРАНИЦАХ

С объединением страны была достигнута политическая и экономическая стабильность. В деревнях можно было тихо-спокойно заниматься сельским хозяйством, платя оброк владельцам земли. Наибольший оброк получали служилые дворяне, так как у них крестьян было мало, а содержать коня и копьеносцев полагалось за свой счет; средний – бояре и минимальный – монастыри. Но богатая земля окупала любые затраты труда и любые налоги, и поэтому население Руси за первые 50 лет XVI в. выросло в полтора раза, достигнув девяти миллионов человек.

Но пассионарным молодым людям, о которых поэт сказал:

И все, кто дерзает, кто ищет,
Кому опостылели страны отцов,
Кто дерзко хохочет, насмешливо свищет,
Внимая заветам седых мудрецов! –

в деревне делать было нечего, им было там безумно скучно. Деревню предпочитали люди гармоничные – тихие, трудолюбивые, спокойные; они ничего не искали, но землю обрабатывали умело и налоги платили исправно. Пассионарии же стремились покинуть тихую деревню, руководствуясь идеей, сформулированной еще в античности: «Случай пробегает мимо – блажен, кто схватил его за волосы». А в XVI в. в России сделать карьеру можно было только на государственной службе.

Надо сказать, что московские князья сами способствовали росту пассионарности в Москве. Так, Иван III решил, что мятежных новгородцев (а среди них пассионариев тоже было довольно много) следует перевести в Москву, дабы за ними было легко наблюдать. С теми же целями перевезли на Москву и множество мелких «княжат» из-под Путивля, Чернигова, Новгород-Северского, Курска. Аналогичным образом поступил Иван III и с наиболее активными «удельными» князьями. В самом деле, мало ли что вытворит в Шуе князь Шуйский или в городе Одоеве князь Одоевский, а в государевой столице они под присмотром, тут «люди ходят». Решение это было вполне логичное, государственное, но привело оно, как всегда, вовсе не к тем последствиям, на которые рассчитывали.

Поскольку в Москве наряду с представителями пассионарной аристократии сконцентрировалось огромное количество пассионарных «послужильцев», «отроков» и просто посадских людей, найти себе сторонников было самым простым делом. И бояре их тут же находили. В итоге жители одной части Москвы поддерживали Шуйских, другие посадские – Бельских и так далее. Москва очень быстро, уже к началу XVI в., превратилась в невероятный очаг пассионарности: все население города было разбито на враждебные партии.

К счастью, не все пассионарии шли в Москву. Ведь, обосновавшись там, надо было кому-то служить или при ком-то быть холопом. И хотя по тому времени это было очень выгодно: тебе

и деньги перепадут, и выпить найдется, и служба легкая, и кафтан на тебе с барского плеча, – обнаружилось огромное количество пассионарных людей, которым подобная перспектива казалась неприемлемой, ибо они были слишком независимы и честолюбивы. Человек говорил: «Ну и что мне с того, что ты боярин Шуйский? Почему я, Ванька, должен тебе кланяться и твои объедки есть? Нет, шалишь!» После этого Ваньке на Москве делать было нечего, и он «вострил лапти» туда, где боярин Шуйский был над ним не властен.

Таким местом были границы государства. Все они в XVI в. были неспокойны и предоставляли целеустремленным людям массу возможностей для реализации своей избыточной энергии. Хотя на южной границе с татарами был мир, но тревожили набегами ногайцы. В Поволжье шли постоянные войны с мордвой, буртасами и казанскими татарами. Но не следует думать, что это были войны религиозные: некоторые язычники поддерживали русских, другие язычники поддерживали татар.

На северной границе войны не было. Обширные территории, простиравшиеся до Белого моря, а на восток до Уральского хребта и дальше, были уже освоены, но суровая природа требовала огромного количества сил от того, кто хотел чего-то добиться в жизни. Богатство и независимость обеспечивались здесь не военной добычей, а «мягкой рухлядью» – драгоценными мехами, служившими эквивалентом золота. Добыть мех можно было двумя путями: либо охотясь самому, либо «объясачивая» инородцев, но ни тот, ни другой путь легким не был. И наконец, на западной границе было необходимо непрерывно отражать натиск литовцев и ливонских немцев.

Заметим, что и само понятие «граница» для XVI в. было иным, нежели сегодня. В современном понимании граница – это некий природный или искусственный рубеж (река, горный хребет, полоса укреплений), отделяющий «своих» от «чужих». Но в то время в условиях сибирских или южнорусских степей определить границы подобным образом часто было просто невозможно. Рубежами, пограничьем растущей России в XVI в. служили огромные пространства Дикого поля[1] и Сибири. (Подобная ситуация имела место и в XIX в., когда создавались Соединенные Штаты Америки. Янки считали своей

[1] *Дикое поле* – историческое название степей между Доном и левыми притоками Днепра и Десны.

границей на юге и западе всю огромную территорию от Миссисипи до Кордильер.)

Разумеется, Русское государство было крайне заинтересовано в решении вопроса о пограничных территориях. Жизненно необходимо было определить границы, пригодные к обороне, потому что устраивать засеки на пространствах от Чернигова до Казани и Нижнего Новгорода было слишком трудным и дорогостоящим делом. На засеках приходилось держать значительное количество служилых людей, обязанности которых заключались в том, что они все время наблюдали за степью.

Сидел на дереве парень и высматривал: не скачет ли в высокой траве чамбул – конный татарский отряд. Увидев врага, нужно было сразу же запалить факел на дереве, посылая сигнал следующей «стороже», спуститься на землю, вскочить на лошадь и нестись во весь опор к ближайшему гарнизону, потому что татары, заметив огонь, всегда пытались догнать сторожей. Сторожили обычно по двое: один наблюдал за степью, другой – за оседланными лошадьми. В гарнизонах, увидев вспышки факелов, поднимали тревогу, отряжали гонцов в другие городки, в Москву и довольно оперативно подтягивали войска. Но легкоконные татары за это время успевали наловить по окрестным деревням пленных и уже начинали отход. Русские гнались за ними на свежих конях, пользуясь определенным преимуществом: лошади татар успевали к тому времени устать. Настигнутых татар рубили, а пленных освобождали и отпускали домой.

Только через 200 лет, в XVIII в., России удалось решить важнейшую проблему обретения естественных границ. Все эти 200 лет активные индивиды пополняли ряды защитников рубежей Отечества. И потому-то в XVI в. мы видим группы пассионариев не только в столице, но и на русском пограничье. Такое разделение пассионариев составляет характерную примету новой фазы этногенеза – акматической.

Повышение пассионарности и в столице и на окраине этнического ареала приводило в принципе к одинаковым последствиям: внутри этнической системы увеличивалось количество входящих в нее подсистем – консорций и субэтносов, – так как пассионарные люди чувствовали свою «особину» и объединялись. Выше мы уже упоминали, что активное население Москвы разбилось на партии: Шуйских поддерживали люди торговых рядов, у Бельских были свои кварталы, на которые они опирались, у Глинских – свои, у Мстиславских –

свои. Сторонников каждого из этих боярских родов связывала общность исторической судьбы, и это были подлинные консорции.

Для пограничных пассионариев были характерны объединения более высокого порядка, поскольку в ходе войны с татарами или ногайцами отношения со своими боярами переставали иметь какое-либо значение. Например, на Дону образовался особый субэтнос, впоследствии ставший этносом, – казаки. Они принимали к себе всех беглых крестьян и чувствовали себя совершенно самостоятельными. Неизменно признавая московского великого князя своим государем, они недолюбливали бояр и представителей тогдашней бюрократии – дьяков. Независимость Дона была зафиксирована в двух емких формулах: «С Дону выдачи нет» и «Мы не кланяемся никому, окромя Государя». Казаки не были склонны считаться с мнением московского правительства, часто своевольничали и назывались в царских письмах когда разбойниками, когда ворами, когда убийцами, когда государевыми изменниками. Но все же московские чиновники и казаки видели друг в друге своих, и потому на Дон неизменно приходили караваны с зерном, водкой, «зельем» (порохом), свинцом и... просьбами к атаманам-молодцам навести хоть какой-нибудь порядок.

ИОСИФЛЯНЕ И НЕСТЯЖАТЕЛИ

Наряду с боярскими «послужильцами» и казаками, стремившимися к богатству, победам, успехам, были в Москве XVI в. и те, чья пассионарность предполагала стремление к идеалу знания, к борьбе за свои убеждения. Им ни в холопы, ни на границу пути не было. По условиям времени вся мысль в XVI в. была мыслью церковной. Вопросы веры имели огромное значение, ибо форма исповедания отождествлялась с определенным поведением, определенной идеологической программой и легко переходила в политику и в быт. Именно вопросы свободы совести определили третье направление приложения сил русских пассионариев.

Чтобы разобраться в последующих событиях, нам придется вернуться назад и вспомнить о явлении негативных мироощущений. Внедрение учений, имевших их в своей основе, вызвало одинаковый отрицательный результат и в католической

Франции, где начались альбигойские войны, и в православной Болгарии, где крупный болгарский этнос ослабел и был разгромлен и подчинен Византии. Точно такой же отрицательный результат пропаганда негативной идеологии имела в мусульманском мире, поскольку карматские и исмаилитские движения сопровождались массовыми убийствами, произволом и всяческими безобразиями.

В Россию негативные мироощущения проникли в конце XV в. под видом ереси «жидовствующих». Генетическая связь ее с иудаизмом весьма сомнительна, но важно другое. Церковные иерархи XV–XVI вв. были людьми достаточно тонко чувствующими и широко образованными, чтобы понять потенциальную опасность подобных ересей для будущего страны. К сожалению, во мнениях о способах устранения еретиков единства среди деятелей церкви не было. Это расхождение и стало поводом для борьбы за свои убеждения для всех, кто к этой борьбе стремился, для кого она была потребностью. Развитие событий приобрело трагическую окраску после смерти Ивана III (Иван III тяжело заболел около 1500 г., и пять последних лет его царствования фактическим правителем страны был его сын от второй жены, Софьи Палеолог, – Василий Иванович).

Представителями одного из церковных направлений были нестяжатели – сторонники заволжского старца Нила Сорского и его последователя Вассиана Патрикеева. Нестяжатели категорически отрицали возможность умерщвления еретиков, ссылаясь на то, что «Бог хочет не смерти грешника, но его раскаяния» и потому долг Церкви – увещевать заблуждающихся. По мнению нестяжателей, тех, кто упорствует в ереси, следовало изолировать и даже высылать за границу, но нельзя насиловать совесть человеческую угрозой смерти. Оппонентами нестяжателей в споре о ереси стали сторонники Иосифа Волоцкого – иосифляне. Они настаивали на крутых мерах по искоренению ереси вплоть до применения западноевропейского опыта аутодафе – сожжения на костре.

Победа в этом споре осталась за Иосифом Волоцким. В 1504 г. совместным решением Ивана III, фактического правителя страны – Василия – и собора епископов еретики были обречены на смерть. В Москве и в Новгороде запылали костры. Были сожжены многие вольнодумцы и крупные государственные чиновники, поддерживавшие ересь. Невестка великого князя Елена Волошанка и его внук Дмитрий были посажены в тюрьму, где они и умерли.

Но не только проблема борьбы с еретиками разделила иосифлян и нестяжателей. По-разному относились они и к судьбе имущества церкви. Дело в том, что у Василия III не хватало земель для раздачи за службу многочисленным дворянам, и великий князь сильно нуждался в средствах. Зная это, нестяжатели предложили князю взять все имущество церкви в казну, оплатить таким образом службу дворян и укрепить границы Руси. Причем взамен они потребовали права свободно высказывать свое мнение в соответствии с собственной совестью. Иосифляне, со своей стороны, готовы были поддерживать великого князя Василия III, но лишь при том условии, что он оставит церкви все ее имущество: богатое убранство храмов, прекрасные библиотеки, цветущие хозяйства монастырей.

И в этот поистине критический момент решающими оказались семейные обстоятельства великого князя. Первой женой Василия III была Соломония Сабурова. Брак оказался бездетным, и под этим предлогом Василий III развелся с Сабуровой. Соломония негодовала, но великий князь был непреклонен. Затем он женился на красавице Елене Глинской.

Род Глинских стоит того, чтобы рассказать о нем подробнее. Основателем рода Глинских был «казак Мамай», то есть потомок самого Мамая, которого русские разбили на Куликовом поле. Где-то на Волыни этот потомок грозного темника принял православие. Сделав по случаю хорошую карьеру, он стал князем Глинским, равным по значению Рюриковичам и Гедиминовичам, и служил в этом качестве литовским князьям. Не поладив с литовцами, его потомок Василий Львович Глинский в 1508 г. переехал в Москву, где его приняли с распростертыми объятиями. Дочерью этого литовского аристократа и была Елена Глинская. От нее Василий III имел двух сыновей. Правда, злые языки говорили, что истинным виновником отцовства был молодой и красивый воевода сторожевого полка – князь Овчина-Телепнев-Оболенский.

В вопрос о разводе с Сабуровой, естественно, вмешалась Церковь, потому что, по христианским законам, бросать женщину без ее вины нельзя. Глава нестяжателей Вассиан Патрикеев смело осудил ничем, с религиозной точки зрения, не мотивированный развод. Великий князь, понятное дело, мнением Вассиана Патрикеева доволен не был.

За первым конфликтом с нестяжателями последовал второй. Василий вызвал к себе в Москву для переговоров независимых черниговских князей Шемячичей – потомков Дмитрия

Шемяки. Они получили охранную грамоту, приехали и были вероломно посажены в тюрьму. И снова Вассиан Патрикеев осудил поступок великого князя как нарушение честного слова, недостойное христианина. На этот раз терпение Василия иссякло. Вассиан Патрикеев был отправлен в иосифлянский монастырь на строгое послушание и там через некоторое время умер. Иосифляне победили.

НА ЮГ И ВОСТОК

В 1533 г. скончался Василий III, оставив наследником трехлетнего сына – Ивана Васильевича. Как это было принято, ребенок находился при своей матери, но в 1538 г. Елена Глинская внезапно умерла. Подлинная причина ее смерти неизвестна, но среди современников находились люди, утверждавшие, будто великую княгиню отравили. Абсолютно точно известно другое: ее фаворита князя Ивана Овчину замучили до смерти. Власть перешла к «боярщине» – группе из знатных бояр, которые приняли на коллективное регентство до совершеннолетия великого князя. Во главе коалиции стояли князья Шуйские.

Иван IV Грозный

Позже Иван Васильевич с горестью вспоминал обиды, нанесенные ему Шуйскими. С точки зрения человека нашего времени, многие поступки Шуйских вполне простительны: вошел, скажем, князь Иван Шуйский в горницу, где маленький Иван играл с братом, и оперся на государеву постель. Ничего особенного! Однако стереотипы поведения меняются, и очень сильно. То, что для нашего современника – безделица, для человека XVI в. могло быть позором, «порухой чести», и к такого рода вещам пассионарные люди, в соответствии с этикетом, относились серьезно. Такой поступок Шуйского по тем временам считался жутким «гордением» (такова оценка самого Ивана Грозного) и кичливостью. В общем, с

Шуйскими Иван не поладил и, как только подрос, велел убить главу их клана – князя Андрея. Это случилось в 1543 г., уже после смерти кичливого Ивана Васильевича Шуйского.

Так началось новое правление. Перед молодым государем стояли две внешнеполитические проблемы: упрочение восточной границы и развитие экономических отношений с Западной Европой. Решение первой из этих задач началось войной с Казанским ханством, которая была, пожалуй, единственным по-настоящему кровавым эпизодом в продвижении России «встречь солнца».

В Казани было две партии: прорусская, капитулянтская, и антирусская, ориентировавшаяся на турецкого султана. Антирусскую партию правильнее было бы назвать фантазерской, потому что турецкий султан, владения которого в Восточной Европе ограничивались бассейном Черного моря, оказать военную помощь не мог никак: его войско до Казани просто не в состоянии было дойти. Тем не менее сторонники Турции одержали верх. Они спровоцировали войну с Россией и поплатились за свои амбиции собственными жизнями и самой Казанью (1552). На месте татарской Казани был построен русский город, но при этом значительная часть татарского населения уцелела.

Прочие народы, входившие в Казанское ханство и подчинявшиеся казанским ханам, были присоединены к России на условиях гораздо более легких. Конечно, не стоит идеализировать наших предков, но мусульманский гнет с его рабовладением и постоянной работорговлей по Волге был гораздо тяжелее той дани, которую наложила на чувашей и черемисов Москва. Согласимся, что отдавать дань – дело малоприятное, однако с приходом русских, по крайней мере, никого уже не хватали и не продавали в Персию или Турцию. Что же касается русских, то для них необходимость взятия Казани была очевидной. Ведь по окончании войны на землях Казанского ханства было освобождено до 100 тысяч русских пленных. Все они получили свою долю из военной добычи и были отправлены домой.

Следующим шагом в восточной политике стал захват Астрахани. Он прошел без пролития крови и даже без единого выстрела. Вниз по Волге спустились русские ладьи со стрельцами и ратными людьми. Войска высадились перед крепостью Хаджи-Тархан и предложили гарнизону сдаться. Осажденные, подумав с полчаса, приняли предложение, после чего правительство сменилось, и началось строительство

астраханского кремля на противоположном берегу Волги (1556)[1].

Завоевание всей Волги вывело русских к Каспийскому морю, к Кавказу и колоссально облегчило торговлю с Персией, поскольку границей персидской сферы влияния был Терек: продвигаться далее на север персы считали излишним. В результате большинство народов Поволжья и Северного Кавказа подчинилось Московскому государству. Исключение составили лишь малые ногаи, занимавшие территорию современного Ставропольского края, прилегающую к Азовскому морю.

Тяжелыми были для России отношения с другим обломком Большой Орды – Крымским ханством, зависевшим от Турции. С начала XVI в. Крым вошел в сферу влияния Османской империи, осуществлявшей мусульманскую экспансию. Инструментом агрессии в Юго-Восточной Европе Турция избрала своих вассалов – крымских ханов Гиреев. Борьба, в которую была втянута и Речь Посполитая, была тяжелой, кровопролитной и завершилась лишь в XVIII в. победой России.

ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА

Непростым было положение и на западной границе. Конфликты с немцами происходили постоянно. То немцы, напав на русское пограничье, расправятся с пленниками, то наши предки, напав на немцев, перережут их засапожными ножами. Ни тем, ни другим все это не нравилось. Взаимное озлобление нарастало. И вот в ходе одного из столкновений жители Ивангорода сначала просто ругались с немцами через неширокую речку Нарову, а потом внезапно с криком «Бей немцев!» начали в стихийном порыве переправляться на бревнах, плотах и бочках на противоположный берег и действительно бить немцев, захватив в итоге город Нарву. С такого незначительного эпизода, произошедшего в 1558 г., и началась тяжелая, многолетняя Ливонская война.

---

[1] Астраханский кремль представляет собой подлинное «археологическое бедствие». Он был построен из татарских кирпичей, сделанных еще при Батые и взятых из развалин столицы Золотой Орды – Сарая. Но самое любопытное то, что при постройке Сарая использовались кирпичи из развалин столицы Хазарии – Итиля. Такова оказалась культурная преемственность в Поволжье.

Самым важным для нашего предмета – этнической истории России – является то, что эмоциональный порыв жителей Ивангорода нашел поддержку московского правительства. Многие бояре высказались за завоевание Ливонии и ее присоединение к России, а войск у Москвы было достаточно. Высокий уровень пассионарности дал множество людей, с детства учившихся только одному – воевать – и не знавших никакой иной профессии, кроме военной службы своему государю. Всем этим отборным рубакам: русской дворянской коннице, северским и рязанским казакам, дворянам-однодворцам – могли противостоять только столь же пассионарные люди, как и они сами.

В Ливонии с середины XVI в. таких людей не было, и самостоятельно защищаться она не могла. Понимая это, немцы быстро приняли дипломатическое решение и прибегли к помощи иностранных войск: на территорию Эстляндии пригласили шведов; на остров Эзель (ныне Сааремаа) – датчан; нашлось место и для поляков (1560–1561). Несмотря на это, русские сумели захватить половину Ливонии, но единства по вопросу о том, что делать дальше, в московском правительстве не было. Надо сказать, что шведы первоначально довольно активно противостояли русскому натиску, но, не добившись решающих успехов, заняли более сдержанную позицию. Поляки вообще предложили отдать русским ту часть Ливонии, которую Москва уже фактически захватила. В этом случае самим полякам отходила остальная часть Ливонии, включая Ригу; а этот город, имевший большое стратегическое значение, открывал торговый путь по Западной Двине.

Еще в 1556 г. в Москве появился замечательный человек – князь Дмитрий Вишневецкий. Происходил он из турово-пинских князей и, следовательно, принадлежал к Рюриковичам. Сам князь Дмитрий был человек храбрый и энергичный. Уважая эти качества, запорожское казачество избрало его своим кошевым атаманом, и он прибыл в Москву с предложением запорожцев захватить Крымское ханство. Царь поддержал Вишневецкого, и в 1558–1559 гг. князь Дмитрий и царский воевода окольничий Данила Адашев совершили несколько набегов на Крым.

Но в 1561 г. правительству Ивана Грозного пришлось решать вопрос: сворачивать ли военные действия в Ливонии, перенося усилия на южные рубежи, или пытаться ликвидировать западноевропейский плацдарм? Взвесим сами: намерение покорить Крым, вполне объяснимое постоянной опасностью

татарских набегов, в реальных условиях XVI в. было призрачной мечтой. Еще менее Россия была способна вести войну на два фронта. А вот стремление устранить немецкую угрозу и тем продолжить политику Александра Невского было и естественно, и осуществимо. Царь избрал борьбу на западе, но война в Ливонии затянулась и оказалась для русских далеко не удачной.

Тем временем в Польше в 1572 г. пресеклась династия Ягеллонов и изменился государственный строй. Поляки перешли к почти республиканскому типу правления: сохранив «должность» короля, они сделали ее выборной. Определив процедуру избрания короля на трон, польские магнаты выбрали французского принца Генриха Валуа. Генрих приехал, посмотрел на польские порядки и... сбежал обратно в Париж. Нам такой поступок может показаться сумасбродством, но с позиций своего времени Генрих Валуа поступил абсолютно правильно.

В XVI в. королевский трон не был синекурой. Должность короля была очень ответственной, а жизнь властителя – и тяжелой, и рискованной. Соотечественники требовали от короля эффективного управления, но при этом он должен был считаться с настроениями подданных, ибо королевская корона снималась, как правило, вместе с головой. Потому-то французский принц и не захотел перечить польским вельможам. (Впрочем, его внезапный отъезд спровоцировало то, что стал вакантным французский престол, и Генрих его занял.)

Лишившись Генриха Валуа, поляки в 1575 г. выбрали королем Стефана Батория – семиградского[1] вельможу, родом не то венгра, не то румына. Но, не будучи поляком, Баторий был очень хорошим полководцем и сумел благодаря своему таланту выиграть для своих новых подданных Ливонскую войну. Русские войска оказались в итоге разбиты, а Батория удалось остановить лишь под стенами Пскова (1581).

В 1582 г. тяжелая для обеих сторон война была прекращена Ям-Запольским миром, а через полтора года было подписано перемирие и со Швецией. Итак, Ливонская война, на которую было потрачено столько сил, окончилась для России плачевно. Россия потеряла завоеванную было Ливонию, к Швеции отошли невское устье и балтийские земли. Их удалось вернуть в 1590 г., с тем чтобы снова утратить в Смутное время и снова вернуть лишь при Петре I.

---

[1] *Семиградье* – историческая область на границе современных Венгрии и Румынии.

КРОМЕШНИКИ

Победе России в Ливонской войне помешали не столько внешние обстоятельства, сколько значительные перемены внутри страны.

Мы уже упоминали, что в конце XV – начале XVI в. на Москве, наряду с двумя направлениями религиозной мысли, представленными церковными течениями нестяжателей и иосифлян, появилось третье, которое было по существу антицерковным и которое у нас так неудачно окрестили ересью «жидовствующих». В XVI в. эта система негативного мироощущения (для простоты будем называть ее антисистемой) не имела никакого отношения к евреям.

Одним из наиболее крупных известных нам проповедников антисистемных взглядов на Руси был Феодосий Косой. Проповедь его была вполне доступна: признавалась только Библия, отрицались церковные догматы, принципы и вся иерархия священнослужителей. Косого схватили, но при помощи друзей он сбежал из-под стражи и ушел в Литву, где продолжал проповедовать свое учение, а затем примкнул к радикалам Реформации – антитринитариям[1].

Проповедническая деятельность Косого была заметным явлением: современные ересиарху авторы ставили в один ряд восточного «Бахамеда», то есть Мухаммеда, западного «Мартина», то есть Лютера, и русского Феодосия Косого. Надо сказать, что это сопоставление было просто демагогической формулой: ни по содержанию своих учений, ни по своему месту в этногенезе Мухаммед, Лютер и Феодосии Косой ничуть не похожи друг на друга.

Мухаммед явился создателем новой мировой религии, которая была связана с фазой пассионарного подъема целого суперэтноса – мусульманского мира.

Лютер, напротив, был деятелем фазы спада пассионарного напряжения – фазы надлома, и его проповедь вовсе не была новым словом. Проповеди, призывавшие к Реформации – исправлению недостатков католической церкви, – звучали в Западной Европе и раньше, до Лютера: Гус в Чехии и Уиклиф в Англии говорили то же самое. Более того, обличения Лютера признавали правильными даже его противники, иерархи

[1] *Антитринитарии* – еретическая секта, отрицающая Святую Троицу.

католической церкви. Никто не спорил с тем, что предоставление индульгенций превратилось в торговлю, что назначение на церковные должности «по блату» – зло, что невежество священников – зло не меньшее. Но, соглашаясь с доводами Лютера, католические прелаты утверждали, что лечение язв церкви – это дело Святого престола. Правда, сами они для исправления ситуации ничего не предпринимали. Из-за этого, собственно, и начались разногласия. «Физической» же основой Реформации стал раскол целостности христианского мира, вызванный резким падением его пассионарности после выхода из акматической фазы. Европа разделилась на протестантскую и католическую, и произошло это разделение в финале западноевропейского этногенеза, а не в начале его.

В России XVI в. был началом акматической фазы, и потому проповеди Феодосия Косого, а также его последователя Матвея Башкина нашли отклик только среди небольшой части населения, образовавшей еретические секты. Создание антисистемных сект в акматической фазе гораздо больше напоминало эпизоды альбигойских войн во Франции, богумильского и павликианского движений в Византии, выступления карматов в мусульманском мире, но никак не события европейской Реформации. В идеях Гуса, Уиклифа, Лютера не было ничего из того, что составляло суть новгородской ереси, уничтоженной в начале XVI в., ничего, подобного тому, что проповедовал Косой. Проповедь Косого не была заимствованием с Запада или Востока. Она стала частным выражением того негативного мироощущения, которое всегда является следствием тесного контакта двух суперэтносов.

Негативное мироощущение, как и позитивное, сопряжено с созданием особых философских, религиозных или политических концепций, которые меньше всего предназначены для доказательства чьей-либо правоты или убеждения оппонентов. Ведь для выражения мироощущения логических доказательств не требуется. Например, одни люди считают, что собак можно и нужно бить, а другие полагают, что бить беззащитных животных нельзя. Доказательств ни те, ни другие вам не приведут, каждому его правота очевидна, он ее ощущает. И вот один говорит: «Ну какая свинья – взял и ударил собаку!» А другой ему возражает: «Ты что, дурак, что ли? Что ж ее не бить, она же собака!»

Отношение к собаке кажется мелочью, но именно из таких поведенческих мелочей слагаются глобальные симпатии и антипатии этнического и суперэтнического значения. И потому

невозможно логическими доводами примирить людей, взгляды которых на происхождение и сущность мира полярны, ибо они исходят из принципиально различных мироощущений. Одни ощущают материальный мир и его многообразие как благо. Другие – как безусловное зло. Именно последнее мироощущение, воплощавшееся в России то в движении новгородских стригольников, то в ереси «жидовствующих», в XVI в. получило наиболее яркое выражение в опричнине (1565–1572).

Явление опричнины, как никакое другое, издавна привлекало к себе внимание историков: и дореволюционных (Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, С. Ф. Платонов), и современных (С. Б. Веселовский, А. А. Зимин, Р. Г. Скрынников, Д. Н. Альшиц). Фактические события опричнины описаны ими очень добротно в целом ряде капитальных трудов, и мы на этих общеизвестных фактах останавливаться не будем. Отметим детали и моменты, непосредственно относящиеся к этнической истории.

Следует сказать, что историки XX в. в соответствии с духом времени пытались обнаружить в явлении опричнины некий социальный смысл, ибо считалось, что человек социально не обусловленных и экономически невыгодных какому-либо сословию или классу поступков совершать не должен. Однако попытки определить социальный состав опричнины оказались неудачны: среди опричников находились и бояре, и «духовные», и холопы. Все они, напротив, были «свободными атомами», которые отделялись и от своих социальных групп, и от своих суперэтнических систем. Полностью порывая со своей прежней жизнью, опричники не могли существовать нигде, кроме как в окружении царя Ивана IV, пользуясь его расположением. Да и какой социальный смысл могло заключать в себе их поведение?

Опричнина была создана Иваном Грозным в припадке сумасшествия в 1565 г. и официально просуществовала 7 лет. Задачей опричников было «изводить государеву измену», причем определять «измену» должны были те же самые опричники. Таким образом, они могли убить любого человека, объявив его изменником. Одного обвинения было совершенно достаточно для того, чтобы привести в исполнение любой приговор, подвергнуть любому наказанию. Самыми мягкими из наказаний были обезглавливание и повешение, но, кроме того, опричники жгли на кострах, четвертовали, сдирали с людей кожу, замораживали на снегу, травили псами, сажали на кол...

Московские воины XVI века *(немецкая гравюра)*

Особенно страшной расправе был подвергнут в 1570 г. Новгород, где было истреблено почти все население. Даже младенцев опричники бросали в ледяную воду Волхова. Они взялись также исправлять нравы: новгородцы любили по праздникам выпить, но было объявлено, что пьянствовать нельзя. Тех, кого ловили пьяными, били кнутом и кидали в те же самые волховские проруби.

При расправе с Новгородом, как и при других подобных «мероприятиях», погибло множество бояр, но самое важное (на это обратили внимание современные историки, в отличие от историков XIX в.), что так же страдали и простые люди: приказные, посадские, крестьяне. Ведь опричники, казня боярина, вырезали и его дворовых, крестьян же забирали себе и переводили их на собственные земли.

В результате опричнины создалась та совершенно невыносимая обстановка, о которой хорошо сказал граф А. К. Толстой:

Звон медный несется, гудит над Москвой;
Царь в смирной одежде трезвонит;
Зовет ли обратно он прежний покой
Иль совесть навеки хоронит?
Но часто и мерно он в колокол бьет,
И звону внимает московский народ,

И молится, полный боязни,
Чтоб день миновался без казни.
В ответ властелину гудят терема,
Звонит с ним и Вяземский лютый,
Звонит всей опрични кромешная тьма,
И Васька Грязной, и Малюта,
И тут же, гордяся своею красой,
С девичьей улыбкой, с змеиной душой,
Любимец звонит Иоаннов,
Отверженный Богом Басманов.

Итак, главным содержанием опричнины стали совершенно беспрецедентные и бессмысленные убийства ради убийств. Однако самая страшная и существенная этническая характеристика опричнины заключается в том, что и царь, и его опричники были абсолютно уверены в благости своих чудовищных злодеяний. Сначала Иван, убивая тело, стремился также «убить душу» – тела рассекали на мелкие части, а в русском простонародном православии существовало и до сих пор существует предубеждение, что «без тела» покойник не может предстать на Страшном суде. Потом царь стал заносить имена своих жертв в синодик, служил по ним панихиды и искренне считал свое покаяние совершенно достаточным для образцового православного христианина. Более того, Грозный, по меткому замечанию А. М. Панченко, создал совершенно особую концепцию царской власти. Он полагал царское величие равным Божьему и потому лишал подданных права как-либо обсуждать его поступки.

Таким образом, в опричнине мы в чистом виде сталкиваемся с тем, что характерно для каждой антисистемы: добро и зло меняются местами. Антисистемный характер мироощущения опричников выразился не только в их поведении, но даже в названии. Старинное русское слово «опричь», то есть кроме, дало современникам повод называть соратников Грозного кромешниками, а слово это имело вполне определенный натурфилософский смысл. И вот почему. В представлении христианина существует понятие ада – места мучений грешников. Ад – «тьма кромешная». Как мы бы сказали сегодня, это пустота, вакуум, в котором нет и не может быть ничего материального, «тварного». В те времена это называли «небытие», считая его самой сутью зла. Значит, кромешники – это люди, одержимые ненавистью к миру, слуги метафизического абсолютного зла. Как видим, наши предки хорошо умели осмысливать суть вещей.

От ужаса опричнины Россию спас, как ни странно, крымский хан. В разгар Ливонской войны Грозному удалось замириться с крымцами. Соглашение предусматривало, что хан не будет совершать набегов на Россию, и поэтому Иван Грозный распорядился снять с южной границы большую часть регулярных войск и направил их на запад, в Ливонию. Но крымский хан нарушил договор, отрядами конницы прорвал ослабленную границу, обошел заслоны, стоявшие вокруг Москвы, и напал на столицу (1571). Татары обстреливали Москву зажигательными стрелами, в результате чего деревянный город выгорел через три часа. Пожар был колоссальным бедствием: люди, даже уцелевшие, лишились всего имущества, многие погибли в пламени или задохнулись в дыму. Нужно было отражать нападение крымцев, и от имени царя было приказано собираться всем, кто может носить оружие, в том числе, конечно, и опричникам. И вот тут-то «особые люди» показали себя. Опричники либо просто дезертировали, либо прикидывались немощными и заболевшими, как говорили тогда, «объявляли себя в нетях». Убийцы беззащитных, они оказались неспособными сражаться с вооруженным и сильным врагом.

Головы вождей опричнины, испугавшихся татарских луков и сабель, слетели на плахах. Были казнены и князь Вяземский, и князь Михаил Черкасский, и Василий Грязной, и воевода Алексей Басманов. Сыну Алексея Басманова Федору было предложено сохранить жизнь, если он согласится перерезать горло своему отцу, и он согласился. Иван выполнил обещание: Федору жизнь сохранили – его заковали в кандалы, отправили на север, посадили в тюрьму и дали умереть там.

«ЗЯТЬ МАЛЮТЫ»

Конец опричнины (1572) не означал конца антисистемы. Казнена была только верхушка опричников, да и то не вся. Например, Малюта Скуратов, самый страшный из них, уже после разгрома опричнины погиб на Ливонской войне. И хотя опричнина как институт была уничтожена, она не могла не оставить последствий. Большинство людей, бывших опричниками, уцелели. Кто-то из них был поверстан уже без всяких привилегий в служилое дворянство, кто-то пошел в монахи, кто-то – в приказы. И при этом бывшие опричники оставались самими собой: сохранив головы, они чувствовали и думали

точно так же, как и до ликвидации опричнины. Кроме того, многие бояре, связанные так или иначе с опричниками, остались при дворе и у власти.

Одним из таких бояр и был Борис Федорович Годунов. Всем известна характеристика, данная ему А. С. Пушкиным. Пушкин устами своего литературного героя так оценивает перспективы воцарения Бориса:

Какая честь для нас, для всей Руси!
Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,
Зять палача и сам в душе палач,
Возьмет венец и бармы Мономаха...

В этой характеристике Пушкин многое опустил, хотя в дальнейшем он, как тонкий мыслитель и гениальный поэт, рисует образ Годунова, весьма близкий к историческому прототипу.

Борис Годунов происходил из татар, но его предки вышли из Орды еще при Иване Калите, то есть за 200 лет до его рождения, и, конечно, его происхождение не могло иметь решающего значения. «Вчерашний раб» принадлежал крупному боярскому роду и сам был окольничим при Иване Грозном. Окольничий – второй по старшинству чин после боярина. Так называли доверенных людей, находившихся около царя, его советников. Борис Годунов был умный человек, прекрасный волевой администратор, именно поэтому он выдвинулся при Иване Грозном, а после его смерти возглавил правительство, чему способствовал тот факт, что сестра Бориса была замужем за сыном Ивана – царем Федором.

Безвольный, добрый и благочестивый Федор, который начинал свой день с молитвы: «Дай, Господи, никому не сделать ничего плохого», находился «в полной воле» Годунова, практически самовластно управлявшего страной от его имени. Первыми мерами, принятыми Годуновым после смерти Ивана Грозного, стали: укрепление границ, заключение почетного мира с Речью Посполитой, восстановление крестьянского хозяйства. Кроме того, была успешно проведена война со шведами. С началом правления Бориса народ, по словам современников, «отдохнул».

Оппозицию политике Годунова составляли, с одной стороны, противники опричнины, а с другой – ее сторонники, но противники самого Годунова. Ведь в пассионарном субэтносе, а именно таким образованием было боярство XVI в.,

каждый пассионарий – враг всем другим пассионариям, и, поскольку они ему мешают, он без зазрения совести отталкивает их локтями. Борису Федоровичу, хотя и не без труда, удалось справиться со всеми своими противниками, и когда боярин Богдан Бельский попытался захватить власть на Москве и даже занял со своими холопами Кремль, изображая из себя регента, то Годунов нанес ему такой «толчок локтем», что Бельский оказался в ссылке на Нижней Волге.

Активная внутренняя политика и укрепление границ государства постоянно требовали денег, и потому Годунов был вынужден в 1597 г. ввести крепостное право, то есть отменить Юрьев день, в который крестьяне имели возможность переходить от одного хозяина к другому. Было определено, что каждый крестьянин должен постоянно жить и работать там, где он жил и работал в момент издания указа. Конечно, запрещение менять хозяев ударило по крестьянам очень сильно. И Борис Федорович, стремясь компенсировать ущерб, разрешил крестьянам писать любое количество доносов на своих господ и приказал принимать эти доносы к рассмотрению. Теперь, если какой-нибудь боярин говорил своему крепостному: «Иван, как ты хреново работаешь, разве это запашка; что ты делаешь, проспал, небось, половину дня?» – тот спокойно возражал: «Ничего подобного, боярин, чего ты ко мне пристал?» – и получал за это удар кулаком в зубы. Потом Иван шел к грамотному человеку, а такие были всегда, и за «малую мзду» быстро писался донос о том, что боярин хулил государя и хотел бежать в Литву.

Из всего этого видно, что Борис Годунов был настоящим реформатором и по-своему справедливым, хотя и крутым человеком: он хотел, чтобы всем было одинаково плохо. Конечно, порядок, установленный Годуновым, был лишен тех крайностей и злодеяний, которые происходили при Иване Грозном. Но режим во время его царствования, которое официально началось в 1598 г., после смерти Федора, вполне можно назвать полицейским. Этот режим оказался довольно тяжел для всего населения страны. Никто не чувствовал себя ни на одну минуту в безопасности: знакомые, слуги, родственники всегда могли донести, и последствия этого могли быть самые печальные. Правда, казни применялись мало, «воров» в основном отправляли в ссылку, но ссылку тоже счастливой долей не назовешь. Интересно, что первым (еще при Федоре) был отправлен в ссылку за Уральский хребет, в Тобольск, не человек, а колокол угличского собора. Вся «вина» колокола

состояла в том, что он зазвонил по поводу смерти царевича Дмитрия. Вслед за колоколом пошли и люди.

Таким образом, правительство Бориса Годунова, несмотря на очень разумную внешнюю политику, несмотря на то, что была налажена хозяйственная жизнь страны, сделаны большие государственные запасы, упорядочена налоговая система, было мало популярно в народе. Недовольство политикой Бориса зрело во всех сословиях и было вызвано прежде всего «пережитками прошлого», то есть сохранением при Борисе наследия царствования Ивана Грозного в виде застенков и системы тотального доносительства. Всеобщее недовольство должно было найти выход, и оно нашло его в поддержке Самозванца.

ГЛАВА ВТОРАЯ
СМУТНОЕ ВРЕМЯ

САМОЗВАНЕЦ

Правительство Бориса Годунова с самого начала проводило политику довольно серьезной изоляции России от сопредельных западных государств: Речи Посполитой и Швеции. Тем не менее события в Западной Европе весьма чувствительно отражались на истории народов нашей страны. В конце XVI – начале XVII в. набрала силу католическая реакция, называемая Контрреформацией. Католики, несмотря на то разложение, в котором погряз Святой престол, организовались для отпора протестантам и обрели храбрых вождей и искренних сторонников. Императоры и испанские короли из династии Габсбургов, баварские герцоги, лотарингские Гизы, возглавившие католическую партию во Франции, создали довольно сильную коалицию. Однако не теряли времени даром и деятели Реформации, восторжествовавшей в Нидерландах, Северной Германии, Скандинавии и Англии. Все готовились к борьбе, и первой жертвой этой борьбы, как ни странно, оказалась не имевшая ничего общего не только с Реформацией, но и с Западной Европой Россия.

Польско-литовские магнаты, составлявшие правительство Речи Посполитой, очень внимательно наблюдали за развитием ситуации в России. Они прекрасно понимали всю меру непопулярности царя Бориса, к несчастью для себя и для своих родственников пытавшегося совместить нравы опричнины с традиционным устройством Русской земли. Невозможно было

соединить несоединимое, и последствия такой попытки, как всегда, оказались плачевными.

В связи с этим, видимо, у поляков и зародился план использовать слабость позиций Годунова в своих интересах. Однако, по условиям того времени, для политической и военной борьбы требовался символ. Речи Посполитой нужен был претендент на царский престол – личность, которая в одном своем имени совместила бы, как в фокусе, весь комплекс политических, экономических, идеологических и прочих чаяний народа. Понятно, что таковой персоной мог быть только человек, предъявлявший законные права на престол, которые давались исключительно рождением.

С точки зрения наших современников, династические права никакой роли не играют, но люди XVII в. этому обстоятельству придавали решающее значение. За незаконным претендентом его сторонники идти не могли. А законное право на русский престол, естественно, имели потомки Ивана Грозного. К тому времени один его сын – царь Федор – умер тихой и спокойной смертью, а другой – малолетний Дмитрий – был зарезан в Угличе неизвестно кем и при каких обстоятельствах (1591). (Загадка смерти царевича волнует историков до сих пор, но для нашей темы обстоятельства его смерти не важны.)

И тут объявился претендент на престол, который назвал себя спасшимся царевичем Дмитрием. Он-то и стал знаменем освобождения России от власти продолжателя опричнины – Годунова. А. С. Пушкин в своей знаменитой трагедии очень хорошо сформулировал эту роль Самозванца. Лжедмитрий (будем называть его общепринятым именем) сам говорит Марине Мнишек – даме своего сердца:

Но знай,
Что ни король, ни папа, ни вельможи –
Не думают о правде слов моих.
Димитрий я иль нет – что им за дело?
Но я предлог раздоров и войны.
Им это лишь и нужно...

И действительно, всем была абсолютно безразлична степень правдивости его слов. Когда Лжедмитрий – боярский сын Григорий Отрепьев, принявший иноческий постриг, – появился в 1601 г. в Польше, первая реакция на его появление была очень сдержанной. Папа римский, получивший известие о Самозванце, наложил на письме ироническую резолюцию об

объявившемся «законном русском царе». Но, поскольку Лжедмитрий в случае занятия им русского престола обещал обратить Россию в католичество, папа после некоторых раздумий решился все же поддержать сомнительное предприятие и дал свое благословение всем желавшим принять участие в походе Лжедмитрия.

Возле Самозванца начала группироваться самая разнообразная публика, решившая освободить Россию от власти Бориса Годунова. Это были и московские политические эмигранты, стремившиеся вернуться на родину, и малороссийские, северские, донские казаки, недовольные властолюбием царя, и просто польские авантюристы, жаждавшие легкой наживы и видевшие в планах Лжедмитрия хороший для этого случай. Но в целом сил у Лжедмитрия было крайне мало, численность его войска не шла ни в какое сравнение с военными возможностями московского правительства.

Тем не менее, когда Лжедмитрий перешел со своим отрядом Днепр, служивший тогда границей, и вторгся в Северскую землю (1604), то оказалось, что крепости сдаются ему без боя. Если какой-нибудь воевода, исполняя свой долг, пытался организовать оборону, народ и стрельцы кричали: «Ты что, сукин сын, делаешь? Ты против сына нашего царя, против государя, против Дмитрия Ивановича выступаешь?!» Воевод в крепостях и всех сторонников Годунова вязали и выдавали Самозванцу «головами», принося присягу – «крестное целование», а Лжедмитрий милостиво прощал пленных врагов.

Здесь надо сказать несколько слов о личности Самозванца. Судя по его поведению, в частности обращению с пленными, Лжедмитрий был человек несколько легкомысленный, но отнюдь не злой. Великодушие и щедрость хорошо сочетались в нем с умением завоевывать людские симпатии. Но, увы, этих качеств было недостаточно для человека, желавшего играть роль московского царя.

Взятием крепостей дело, как известно, не кончилось. Против отряда Лжедмитрия были двинуты регулярные войска, многократно превосходившие силы Самозванца, и его небольшой отряд был разбит наголову. Лжедмитрий укрылся в Путивле, и от окончательного поражения его спасло восстание севрюков, которые меньше всего думали о законности претендента на престол. В их восстании выявилась этническая противопоставленность потомков северян – древних обитателей Северской земли – и великороссов. Восставшие сели в крепости Кромы и заявили, что будут продолжать войну за «законного

царя» Дмитрия, имея своей истинной целью борьбу против Москвы. Их руководитель Карела очень хорошо организовал оборону, и царским воеводам Кромы взять не удалось. А тем временем к Дмитрию подошли новые польские войска. Правда, поляки, выдержав лишь первый бой и увидев, что пахнет жареным, претендента покинули.

Между тем количество русских в войске Лжедмитрия росло. Он даже имел некоторые успехи в столкновении с московскими полками. И что самое главное, начали расти общенародные симпатии к Самозванцу. Правительство Годунова и его полицейский режим стремительно утрачивали поддержку во всех сословиях. Финал был трагичен. Зимой 1604/05 г. выдвинутое против Лжедмитрия войско частично разбежалось, не желая сражаться, а частично перешло на сторону Самозванца и двинулось во главе с ним на Москву. Столицу никто не хотел защищать – ни бояре, ни холопы, ни посадские, ни торговые люди; никому и в голову не пришло рисковать жизнью, спасая Бориса Годунова и его сторонников. В результате Годунов скончался, как мы бы сказали, от потрясения. Его сына Федора схватили и убили вместе с матерью (дочерью Малюты Скуратова). Несчастной царевне Ксении Борисовне пришлось стать наложницей Самозванца, который потом приказал постричь ее в монахини. Скончалась она в 1622 г.

Таким образом Лжедмитрий оказался на престоле. И ведь нельзя сказать, что его активно поддерживала вся страна. Скорее, своей пассивностью страна не оказала поддержки Годунову: всем слишком помнилась опричнина. Активную же помощь Самозванцу оказали только три субэтноса: севрюки; обитатели Нижнего Дона – потомки хазар, говорившие по-русски, но, как и севрюки, не считавшие себя великороссами, и рязанцы – воинственные жители степной окраины. Рязанцы постоянно отражали татарские набеги, отвечая нападениями не менее жестокими, и вообще привыкли к войне настолько, что для них все были врагами: и степные татары, и мордва, и московиты, и казанцы.

Кроме Северской земли, Дона и Рязани, отказалось поддержать Бориса Годунова все Поволжье, от Казани до Астрахани. Но поскольку население там было редкое, а поволжские города Саратов, Самара, Сызрань, Царицын представляли собой в то время небольшие остроги со слободами, то позиция Поволжья существенного влияния на ход событий не имела. Центральная часть страны проявила себя абсолютно пассивной в столкновении с Лжедмитрием, и понятно почему: вся

пассионарность центра была «смыта» кровью, пролитой опричниками. Пассионарных людей здесь осталось очень мало, и, не имея возможности стронуть с места своих гармоничных соседей, оставшиеся пассионарии не смогли участвовать в общей борьбе.

Итак, Самозванец оказался в Москве. Но, поскольку он пришел туда при польской поддержке, будучи обручен с Мариной Мнишек, с ним, естественно, прибыли и поляки (много их явилось и позже, в «поезде» невесты). Лжедмитрий считал своим долгом рассчитаться с союзниками, а значит, ему нужно было проявить к ним щедрость. Впрочем, он был связан и прямыми обязательствами. Надо сказать, что при Иване Грозном и Борисе Годунове бюджет Московского государства был хорошо сбалансирован: расходы редко превышали доходы и, как правило, дефицита в бюджете не было. С воцарением Лжедмитрия деньги из государственной казны полились рекой, подарки и пожалования делались без разбора. Казна истощалась, и народ начинал удивляться нраву нового царя.

Вот тут-то и сыграла свою роковую роль разница в стереотипах поведения русских и западноевропейцев. Поляки в XVII в. были народом очень смелым, талантливым, боевым, но весьма чванливым и задиристым. Польские паны, посадив своего царя на Москве, стали обращаться с московским населением крайне пренебрежительно. Русским было обидно, и поэтому конфликты вспыхивали постоянно. А царь, естественно, поддерживал поляков. Народное недовольство возникало и по более существенным «поведенческим» поводам. Известно, что у католиков иконы есть, но верующие просто кланяются им, а у православных к образам принято прикладываться. Жена Самозванца Марина Мнишек была польской пани, и откуда ей было знать, как именно нужно прикладываться к иконе. Марина, помолившись перед образом Божьей Матери, приложилась не к руке, как то было принято на Москве, а к губам Богородицы. У москвичей такое поведение вызвало просто шок: «Царица Богородицу в губы целует, ну виданное ли дело!»

Возмущение против Лжедмитрия возрастало, и при этом во всех сословиях. Кончилось это драматически, но вполне закономерно. Весьма деятельные русские бояре во главе с Василием Шуйским быстро организовали заговор и достигли успеха. Несмотря на своих польских защитников, Лжедмитрий был схвачен и убит. Труп его был сожжен, пеплом заряжена

царь-пушка, и произведен выстрел – единственный в истории выстрел царь-пушки. Царствование первого Самозванца завершилось.

ВОССТАНИЕ БОЛОТНИКОВА

Надо было выбирать нового царя. Им стал глава заговора – князь Василий Шуйский. Его с энтузиазмом признали на Москве, потому что у Шуйских были тесные связи с торговыми рядами. Не только купцы, но и приказчики, и работники – все они были связаны с Шуйскими и Шуйских поддерживали. Василия Шуйского признали, хотя и без особого энтузиазма, по всему северу страны, но на юге подчиниться его власти отказались категорически. В Путивле поднял восстание сосланный туда князь Григорий Шаховской, в Чернигове – опальный князь Андрей Телятевский. Но гораздо более заметный след в истории сопротивления власти Шуйского оставил холоп князя Телятевского – Иван Болотников.

В начале XVII в. холопы на Руси были двух категорий. Одни – подневольные люди, которых заставляли делать тяжелую работу, плохо кормили и нередко наказывали. Однако таких холопов было мало, потому что любому боярину казалось гораздо удобнее, легче и дешевле иметь дело с крепостными крестьянами, чем постоянно обеспечивать жизнь такого холопа и ждать от него неприятностей. Но были и другие холопы, называвшиеся «дворовые люди». Ведь боярину необходима была надежная охрана, требовались верные люди, которым он мог бы доверить передачу секретного письма или исполнение какого-нибудь интимного поручения. Доверять подобные дела вольному человеку было опасно, ибо контролировать его дальнейшее поведение становилось невозможно. Холоп же был в полной власти своего господина. Но, поскольку господа нуждались в преданных слугах, о дворовых людях заботились. Такие холопы ходили в роскошных кафтанах, ездили на прекрасных лошадях и ели досыта.

Трудно сказать, к каким именно холопам принадлежал Иван Исаевич Болотников. Но, поскольку нам достоверно известно, что он воевал и попал в плен к татарам, скорее всего, он был холопом, ездившим на коне, а не работавшим с лопатой в огороде. Судьба его сложилась печально. Татары продали Болотникова туркам, он попал в галерные рабы и несколько

лет греб на корабле тяжелым веслом. Эту галеру захватили австрийские суда, турок частью казнили, частью тоже превратили в галерных рабов, а христиан освободили. Так Болотников оказался в Европе – сначала в Венеции, а потом в Польше, у жены сандомирского воеводы Мнишка, тещи Григория Отрепьева. Там Болотников и встретился с новым самозванцем – Лжедмитрием II. От него Болотников получил письмо с рекомендациями к мятежному Григорию Шаховскому, и, прибыв в Путивль, бывший холоп довольно быстро возглавил войска восставшего пограничья.

Когда мы говорим: «восставшее пограничье», мы, разумеется, по-прежнему имеем в виду три уже упоминавшихся субэтноса: севрюков, донцов и рязанцев. Именно они, недовольные подчиненностью Москве, последовательно поддержали вслед за первым самозванцем и второго. Такова этническая основа явления, называемого в исторической литературе «крестьянской войной 1606–1607 гг.». Пожалуй, трудно придумать другое название, столь же мало отражающее суть дела. И вот почему.

Восстания более энергичных жителей окраин против центра, утратившего пассионарность, встречаются в ходе этногенеза постоянно. Точно так же во Франции Гасконь, Прованс и Бретань восставали против власти Парижа, а в Римской империи против принципов поднимались провинциалы. Пассионарный потенциал Рязани или Северской земли начала XVII в. был много выше, чем в Москве, так как большее количество пассионарных людей уцелело от геноцида конца XVI в. именно на окраинах России. Ведь в Северской земле, «подальше от начальства», можно было жить в безопасности от опричнины. Угрозу там представляли только татары, но разве это была угроза по сравнению с опричниками?!

Итак, уцелевшие на юге пассионарии, возглавляемые князьями Шаховским и Телятевским, под военным руководством Болотникова двинулись к Москве. Успех этого войска отнюдь не был вызван поддержкой крестьян, скорее, наоборот. Когда Болотников подошел к Туле, царское войско растаяло: дворяне, разъехавшись по домам, покинули своих воевод. Вслед за тульским дворянским ополчением неповиновение царю проявила сама Тула: «возмутились» против правительства городские жители. Но что было самым главным, в лагерь восставших перешли дворянские полки. Воеводами южнорусских дворян стали рязанцы: полковники Григорий Сумбулов, Прокопий Ляпунов и сотник Истома Пашков. Рязанское дворянство, охранявшее

примерно половину юго-восточной границы, представляло собой элиту правительственных войск. Именно с помощью этих военных-профессионалов, а вовсе не крестьян, Болотников дошел до Москвы, попытался ее окружить и штурмовать. Началась единственная в истории страны осада столицы восставшими, длившаяся пять недель.

Бояр и их холопов в Москве было явно недостаточно для защиты города. Понимая это, царь Василий Шуйский набрал значительное войско, состоявшее из служилых и «даточных» людей. Что очень важно, войска набирались в центре и на севере страны из числа крестьян, принадлежавших монастырям и другим землевладельцам. Следовательно, как это ни парадоксально, защищали Москву от «крестьянского» ополчения явившиеся по зову царя крестьяне, а в «крестьянском» войске ударной силой были дворянские пограничные полки.

Для объяснения этого социального противоречия и для того, чтобы разобраться в событиях Смутного времени, мы должны опуститься с высоких уровней этнической иерархии (суперэтнического и этнического) на уровень субэтнический, определяющий внутреннюю структуру этноса. Субэтносы есть в любом этносе. Например, сторонники Болотникова по отношению к полякам, татарам, немцам считали себя русскими, но, не считая себя москвичами, говорили: «Нет, мы не москвичи, мы севрюки!» То же самое утверждали рязанцы и донцы. Когда же обнаружилась слабость центрального правительства, этого естественно ощущаемого противопоставления оказалось достаточно, чтобы периферийные субэтносы начали претендовать на лидирующее положение в русском этносе и российском суперэтносе. Именно схватка за власть между представителями разных субэтносов севера и юга страны, находящейся в акматической фазе этногенеза, и вызвала первую русскую Смуту.

Великороссия победила: Болотникова отбросили от Москвы. После поражения под стенами столицы в его войске произошел раскол. Черниговское и курское дворянство осталось с Болотниковым. Рязанские же дворяне и казаки от него откололись и повели себя совершенно самостоятельно. Болотников с остатками своих сторонников был блокирован в Туле войсками из тверских, великоустюжских, костромских, ярославских крестьян и мелких помещиков. Капитулировал Иван Исаевич лишь тогда, когда осаждавшие запрудили тульскую речку Упу и залили водой полгорода. Плененный Болотников вел себя вызывающе, кричал победителям: «Погодите, придет

мое время, я вас закую в железо, зашью в медвежьи шкуры и отдам псам!» Люди XVII в. оскорбления переносили плохо и поступили сурово: Болотникова утопили.

НЕСОВМЕСТИМОСТЬ

Движение, вызванное появлением Лжедмитрия II, позже названного Тушинским вором, набирало силу. Почти одновременно с восстанием Болотникова в Польше произошел рокош (мятеж) Зебжидовского, бывшего краковского воеводы, который, кстати, присутствовал при тайном перекрещивании в католичество Гришки Отрепьева. Право на рокош было общепризнанным элементом стереотипа поведения польской шляхты XVII в. и воспринималось как нечто само собой разумеющееся: поссорился Зебжидовский с королем – ну и восстал, на то она и польская вольность! Но так как мятеж был подавлен, все участники рокоша оказались под угрозой наказания. Стремясь избежать расплаты, они перешли границу и объединились вокруг Лжедмитрия II.

Лжедмитрий II возглавил польские отряды, подобно своему предшественнику, для того чтобы идти на Москву и низложить очередного «узурпатора», на сей раз – Василия Шуйского. Обвинения в узурпации власти были, в общем, вполне справедливы. Василий Шуйский действительно был таким же главой возмущения, как и Болотников: один возглавлял заговор в Москве, другой – восстание в Путивле. Однако у них были и важные отличия: если Шуйский опирался на москвичей и жителей севера России, то в деятельности Болотникова просматривается тайная опора на Польшу. Тушинский же вор просто пришел к власти на копьях польских инсургентов, которые снова нашли себе дело, решив посадить своего ставленника на московский престол и затем получить полагающиеся «приятности». Разумеется, Лжедмитрию II трудно было бы добиться успеха, опираясь только на польских авантюристов. Но, когда он со своими приверженцами подошел к Москве и стал лагерем в Тушине, множество русских людей: и казаки, и дворяне, и крестьяне – стали перебегать в его стан, предлагать свои услуги, прося денежной награды и милости. Получив пожалование от нового самозванца, эти люди с легкостью бежали обратно в Москву и предлагали свои услуги Василию Шуйскому, прося у него то же самое. Называли этих искателей благ и выгод «перелетами».

Ни та, ни другая партия окончательно победить не могла: за Шуйского никто не хотел класть голову, а Тушинского вора поддерживали только поляки и казаки, которых не слишком занимала судьба их патрона. Пользуясь случаем, они в основном грабили население. Русские люди не любят, когда их грабят, и потому города «садились в осаду» – закладывали ворота и не впускали тушинцев. Однако противостоять профессиональным головорезам обыватели не могли. Тушинцы, особенно поляки, брали город за городом, крепость за крепостью. Маленькие деревянные крепостицы и деревни они сжигали, обирали до нитки крестьян, словом, вели себя как деморализованная солдатня в завоеванной стране.

На серьезное сопротивление тушинцы натолкнулись только единожды. В Троице-Сергиевом монастыре, основанном еще Сергием Радонежским, сохранились большие богатства, уцелевшие от всех смут конца XVI – начала XVII в. Когда сторонники Лжедмитрия II решили взять этот монастырь, осада его затянулась почти на восемь месяцев. Небольшой гарнизон из стрельцов, монахов и добровольцев сражался героически и отбил натиск тридцатитысячного польского войска. Поляки вынуждены были в конце концов снять осаду и двинуться на поиски более легкой добычи.

Боевая амбразура крепостной стены Троице-Сергиева монастыря

Орудия обороны и пушки Троице-Сергиева монастыря

Мужественные защитники Троице-Сергиева монастыря, сковав 30 тысяч человек Лжедмитрия II, дали возможность Василию Шуйскому перегруппировать силы. На север был послан замечательный, очень способный человек – племянник царя Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. Собрав в северных городах ополчение из дворян, крестьян, посадских людей и купцов, он двинулся на Тушинского вора и разгромил его. Лжедмитрий II бежал, покинутый поляками. С ним оставалась лишь часть казаков, касимовские татары да неизменная спутница самозванцев Марина. Размолвка с оставшимися союзниками привела Тушинского вора к гибели. Самозванец, получив донос на «касимовского царька» – хана Ураз-Мухаммеда, приказал его убить. Он не видел в своем поступке ничего особенного – в Европе государи так и поступали, – но просчитался, ибо татары, народ серьезный, посмотрели на поступок самозванца совершенно иначе. Терпеливо выждав некоторое время, татарский князь Урусов, друг убитого, зарезал Тушинского вора (декабрь 1610 г.).

К несчастью, национальный герой России, спаситель Москвы Скопин-Шуйский вызвал зависть некоторых московских бояр и был ими отравлен (май 1610 г.). За смертью полководца последовала другая беда. Русское войско, шедшее на выручку Смоленску, который еще осенью 1609 г. осадил польский король Сигизмунд Ваза (начав открытую агрессию против России), было встречено гетманом Жолкевским у села Клушино. Предательство немецких наемников, состоявших на московской службе, привело к поражению русской армии. Это роковое поражение и смерть «великого ратоборца» Скопина-Шуйского окончательно подорвали позиции царя Василия. В июне 1610 г. Шуйский был низложен заговорщиками и

пострижен в монахи. Власть в Москве перешла к «семибоярщине» во главе с князем Федором Мстиславским. Но семь бояр, как сообщает «Иное сказание», «точию два месяца власти насладишася». В конце сентября правительство бояр впустило в Москву поляков, которые и стали с этого момента хозяевами положения.

Поляки предприняли активные военные действия на большой территории. Сигизмунд захватил наконец Смоленск, оборона которого под руководством боярина Шеина длилась больше года. Лишь после столь длительной осады город, гарнизон которого насчитывал всего около тысячи стрельцов, был взят превосходящими силами врага.

В этот же период начал военные действия и шведский король Густав-Адольф. Предатели открыли шведским войскам ворота Новгорода – город был захвачен, новгородцы ограблены (1611). Густав-Адольф, стремясь создать независимое от Москвы Новгородское королевство, пытался захватить и Псков, но потерпел неудачу. Тем не менее шведы интенсивно готовились к войне с поляками на территории России. Так страна, которая еще в 1604 г. стояла несокрушимым утесом, уже через семь лет стала просто удобным полем битвы для соперничавших европейских государств.

К тому времени у Польши со Швецией сложились крайне напряженные отношения. В процессе Контрреформации Польша стала оплотом католичества, а Швеция приняла лютеранство. Но шведский король Сигизмунд Ваза был ревностным католиком, и шведы с удовольствием заменили его лютеранином. Тогда поляки в пику шведам выбрали Сигизмунда своим королем. В результате шведский король, оказавшийся на польском престоле, стал готовиться к войне со Швецией. В этой легкости смены властителей ярко проявил себя феномен суперэтноса. При сильной политической вражде поляки и шведы принадлежали все же к одному этническому миру – Западной Европе – и оставались «своими». Точно так же чувствовали себя французы в Германии, немцы во Франции, итальянцы в Дании, а испанцы в Италии. В России же все европейцы были чужими, равно как и русские в Европе. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть, какие последствия вызвала попытка посадить на московский престол польского короля.

Положение Москвы было совершенно безвыходным. Василий Шуйский, сведенный с престола, был увезен в Польшу, где и скончался. Тушинского вора убили – правительства в

стране не было никакого. Московские бояре решили предложить престол польскому королевичу Владиславу, и с этого момента начались сложности. Поскольку Россия представляла собой иной суперэтнос, условием поставления на царство являлось принятие претендентом православия. Но Владислав и думать не мог принять православие, ибо его отец был вождем католической партии. Во главе настаивавших на принятии королевичем православия стоял московский патриарх Гермоген, который по всей стране рассылал свои послания с призывом к восстанию и изгнанию латинян.

Патриарх Гермоген

Видя непреклонность Гермогена, поляки, стоявшие в Москве гарнизоном, арестовали его и уморили голодом. Однако перехватить инициативу они не смогли: многочисленные послания патриарха достигли цели. Они переписывались, распространялись, читались на площадях и в храмах. Гермоген успел сформировать общественное мнение в пользу восстания, однако сил для решительного выступления не находилось: север России был обескровлен, юг бунтовал, запад был захвачен Польшей, а Новгород – Швецией.

В этой ситуации снова проявили себя рязанские дворяне

во главе с уже известным нам Прокопием Ляпуновым и его братом Захаром, который заставил Шуйского отречься от престола. Понимая недостаточность своих сил, Ляпуновы попытались объединиться с казаками. Но ведь если даже в XIX в. дворяне и казаки были разными субэтносами одного великорусского этноса, то в XVII в., когда пассионарность и дворян, и казаков была значительно выше, они представляли собой два разных народа России. А поскольку это были различные этносы, у них были и разные стереотипы поведения. И когда казаки пригласили Прокопия Ляпунова для переговоров в свой казачий круг, он спокойно явился туда, считая себя лицом неприкосновенным. Однако, столкнувшись с неуступчивостью Ляпунова, казаки зарубили его саблями, так как увидели в нем потенциальную угрозу своей казачьей вольности. После смерти Ляпунова рязанское ополчение разошлось. Первая попытка объединения русских сил против захватчиков оказалась неудачной.

СПАСИТЕЛИ ОТЕЧЕСТВА

Меньше других пострадала от Смуты северо-восточная окраина Руси, тяготевшая к Нижнему Новгороду. Поскольку пассионарных людей там сохранилось больше – оттуда и пришли спасители России: князь Дмитрий Пожарский и Козьма Минин. Козьма Минин, по прозвищу Сухорук, был обыкновенным купцом из Нижнего Новгорода, а князь Дмитрий Пожарский – профессиональным военным, участвовавшим во всех войнах Смутного времени.

О том, что Минин и Пожарский спасли Россию, знают все, но что им для этого пришлось сделать – мало кому известно. Действительно, Минин и Пожарский были горячими сторонниками национального восстания против поляков и шведов. Собравшийся Земский собор единогласно принял решение, предложенное Мининым и Пожарским, суть которого состояла в том, что Отчизну надо спасать. Для спасения требовались всего две вещи: люди – в войско и деньги – на организацию похода. Людей было достаточно, и деньги у жителей богатого Нижнего Новгорода водились. Казалось бы, оставалось лишь собрать средства и сформировать полки, но не тут-то было. Когда нижегородцам было предложено сделать раскладку средств по населению, население сказало: «А у нас денег нет».

Один божился, что его товары ушли на Каспий, другой клялся, что казна его в Архангельске, у третьего приказчики уехали в Сибирь – и денег не давали.

Тогда Козьма Минин, великолепно зная сограждан, бросил свой знаменитый клич: «Заложим жен и детей наших, но спасем Русскую землю!» И снова никто не был против. А раз так, то Минин с выборными людьми взял силой и выставил на продажу в холопы жен и детей всех состоятельных граждан города. Главам семейств ничего не оставалось делать, как идти на огороды, выкапывать кубышки с запрятанными деньгами и выкупать собственные семьи. Так была спасена Мать-Россия.

Здесь мы отвлечемся и, пользуясь приведенным примером, скажем несколько слов о механизме «работы» пассионарности в общем процессе этногенеза. Не стоит думать, что пассионарный человек обязательно стоит на высоких ступенях социальной иерархии и его имя остается в истории. Те же выборные люди, которые поддерживали Козьму Минина, были пассионариями. Но имен многих из них мы не знаем, поскольку они были не «вождями масс», а частью народа; не возглавляли, а скорее, «раскачивали» людей, толкая их к действию. Именно такие безымянные пассионарии представляют собой самый важный элемент в этногенезе. Действуя не столько силой, сколько личным примером, воодушевлением, а не подчинением, они являют окружающим новые стереотипы поведения, понуждают массу людей выполнять совершенно необходимую, насущную работу.

Именно эти «безымянные» пассионарии, заставляя соотечественников забывать лень и трусость, обеспечивали жизнь им, их семьям и потомству. Действовали они часто не столько жестоко, сколько жестко, но ведь каждому не объяснишь, что ему выгодно, чтобы Россия существовала независимо и не превращалась в колонию Польши и Швеции. Дискуссии же – дело длительное, дорогое и бесперспективное: всех не переспоришь. Кроме того, всегда предпочтительнее не спорить, а действовать. Но действовать становится можно лишь тогда, когда пассионарность системы после достижения максимума начинает падать, что позволяет хоть как-то организовать людей.

Те же сторонники Минина и Пожарского имели каждый свое мнение, но говорили: «Ладно, Козьма, ты лучше нас знаешь, и, ежели князь Дмитрий нас поведет, так мы пойдем», брали рогатины и шли против поляков. Князь Дмитрий Михайлович Пожарский справился со своей миссией: привел ополчение под Москву, осадил Кремль, потому что сама Москва уже была

сожжена, взял приступом Китай-город и заставил поляков сдаться, несмотря на то что гетман Ходкевич – хороший полководец, ветеран турецкой войны – пытался послать помощь сидевшим в Кремле полякам.

После победы второго ополчения, которое пришло в Москву, уже лишенное всех традиций опричнины и всех людей, которые были так или иначе с опричниной связаны, сложилось довольно трудное положение. Представители национальной партии одолели иностранных интервентов: поляков и шведов, – опираясь на объединенные силы дворянского ополчения, руководимого Мининым и Пожарским, и казачьего войска, руководимого князем Дмитрием Тимофеевичем Трубецким. Однако среди казаков произошел раскол, ибо у части казачества сохранились традиции антисистемы, поддерживавшей когда-то Тушинского вора. Главой этих казаков стал атаман Иван Мартынович Заруцкий, который женился на Марине Мнишек после гибели ее очередного мужа – Лжедмитрия II. Связи Заруцкого с деятелями Смуты были очень крепки, именно поэтому он со своими казаками оказался в изоляции. Оставшись без всякой поддержки и хорошо понимая ситуацию, атаман отступил на Дон, но Дон его тоже не поддержал. Заруцкому ничего не оставалось, как отступить еще дальше, на самую окраину тогдашней Русской земли – в Астрахань.

Астрахань Заруцкий занял и стал вынашивать план создания особого самостоятельного государства. Но как только астраханцы увидели, с кем имеют дело, они стали бить казаков и осадили самого Заруцкого в астраханском кремле. Тем временем к Астрахани подошли московские войска, которые население встречало с восторгом и ликованием. Заруцкий вместе с Мариной и сыном от нее, прозванным «воренком», бежали на Яик, но по дороге были пойманы и привезены в Москву. Сына повесили, Марина умерла в тюрьме при неизвестных обстоятельствах, а сам Заруцкий был посажен на кол.

Казнь Заруцкого и его семьи стала последним кровавым эпизодом Смутного времени, но война с Польшей продолжалась. Польский король Сигизмунд, начавший ее, к тому времени уже умер, и поляки выбрали на престол его сына – неудавшегося «царя московского» Владислава. Большинство польских магнатов и шляхтичей считали, что война с Москвой им совершенно не нужна, и наотрез отказались давать королю людей и деньги. На скромные средства короны Владислав смог набрать небольшое количество немецких рейтар, с ними двинулся на Москву и потерпел поражение. По Деулинскому

перемирию 1618 г. поляки отступили, оставив за собой русские города Смоленск и Чернигов, а также Запорожье (ранее запорожские казаки сражались в польском войске). Шведы очистили Новгород, но сохранили за собой устье Невы и все побережье Финского залива, надежно закрыв России доступ к Балтийскому морю.

Таким образом, Смутное время завершилось, и итоги его были для России крайне неутешительны: европейская территория страны заметно сократилась.

УСТРОЕНИЕ

После изгнания иноземцев и окончания Смуты самым насущным вопросом для русских людей стало восстановление своей государственности – выборы нового царя. У пассионарных людей акматической фазы принцип личной ответственности ценился очень высоко. Люди того времени полагали (и не без основания), что для уверенности в завтрашнем дне мало безликого правительства, а нужен один государь, который был бы символом власти и к которому можно было бы обращаться как к человеку. Поэтому выборы нового царя касались всех и каждого.

Победители – казацко-дворянское ополчение – долго не могли сойтись во мнениях: все кандидатуры отметались. Дмитрия Трубецкого не хотели видеть на престоле дворяне, ибо он, хотя и был князем, командовал казаками. Князя Дмитрия Пожарского не хотели иметь государем казаки: ведь он был вождем дворянского ополчения. Но был еще один кандидат – тихий и совершенно бесцветный человек, шестнадцатилетний Михаил Федорович Романов. Отец Михаила, Федор Никитич Романов, интриговал в свое время против Бориса Годунова и был пострижен в монахи (под именем Филарета). По поручению боярской Думы, после того как 27 августа 1610 г. Москва целовала крест на верность Владиславу, Филарет отправился с посольством к Сигизмунду III Вазе, но потерпел неудачу: поляки арестовали его и довольно плохо обращались с послом в заключении. В тяжелые времена Смуты Романов-старший был связан с тушинцами, но никакой заметной роли там не играл.

Теперь же оказалось, что фамилия Романовых именно в силу того, что она никак не проявила себя в прежние времена

и, соответственно, не имела никакой поддержки, всех устраивает. Казаки были настроены в пользу Михаила, поскольку его отец, друживший с тушинцами, не был врагом казачеству. Бояре помнили о том, что отец претендента происходит из знатного боярского рода и к тому же состоит в родстве с Федором Ивановичем, последним царем из рода Ивана Калиты. Иерархи церкви высказались в поддержку Романова, так как отец его был монахом, причем в сане митрополита. Итак, все сошлись на «нейтральном» и тихом царе.

Против высказалась лишь одна мать юного Михаила Федоровича, инокиня Марфа. Зная историю, эта женщина не пускала своего сына на царство, говоря, что это дело хлопотное и что она не хочет, чтобы ее Мишеньку прикончили, как Отрепьева и Тушинского вора. Но поскольку все обещали «блюсти государя», то ей ничего не оставалось делать, как стать матерью московского царя. Будущий же «великий государь» сидел в Костроме и знать ничего не знал: судьба юноши была решена без его участия. В феврале 1613 г. народ на Красной площади назвал своим государем Михаила Федоровича Романова.

Выбор был крайне удачен, ибо, поцарствовав с 1613 по 1645 г., сам Михаил Федорович ничего не предпринимал. Первоначально работу по устроению государства выполняли земские соборы. В состав земских соборов входили выборные представители практически всех сословий. Таким образом, наши предки собирали самую уважаемую и мыслящую часть населения страны и решали с ее помощью насущные вопросы: хозяйственные, военные, дипломатические. Позже установился постоянный состав правительства, в государстве был наведен относительный порядок, и нужда в земских соборах отпала. Их функции стал успешно выполнять тогдашний государственный аппарат – приказы, в которых служили дьяки.

Внутриполитическая ситуация во время царствования Михаила Романова оставалась стабильной. За тридцать с лишним лет его правления произошло только одно серьезное выступление крестьян (1615), когда 20 тысяч человек подошли к Москве и предъявили весьма оригинальные требования. Восставшие отнюдь не хотели низвержения правительства, они всего-навсего не хотели... быть крестьянами и просили, чтобы их зачислили на военную службу. Требование имело смысл, поскольку военная служба оплачивалась. Но так как войск у правительства хватало, а лишних денег не было, то восставших разогнали, вождей их схватили и велели жить дома, не докучая

властям самовольными инициативами. Такой эпизод, довольно смешной с нашей точки зрения, весьма характерен для начала XVII в. и отражает высокий уровень пассионарности населения.

В первой четверти XVII в. генофонд русского суперэтноса начал компенсировать тот урон, который нанесли русской пассионарности все смуты конца XVI – начала XVII в. В известном смысле повторилась ситуация начала акматической фазы (первая четверть XVI в.), когда большое количество пассионариев скапливалось в столице и на границах. Точно так же, как веком раньше их прадеды, русские пассионарии в 20-х годах XVII в. не хотели ковыряться в земле, а стремились жить на границе, воевать, отстаивать веру православную или любые политические интересы – лишь бы найти применение своей избыточной энергии. Эта параллель хорошо объяснима с точки зрения общей теории этногенеза.

Период времени от смерти Ивана III в 1505 г. до начала царствования Михаила Романова в 1613 г. представляет собой первый максимум пассионарности в акматической фазе, причем в первой половине этого периода пассионарность возрастала, а затем начала убывать. Новый подъем обозначился лишь в 20-х годах XVII в. и, естественно, был похож на такой же подъем пассионарности акматической фазы начала XVI в. Потому и Смутное время, с точки зрения этногенеза, – это не случайность, и та кровь, которая пролилась, те пожары, которые жгли нашу землю, были следствиями пассионарной депрессии после перегрева середины XVI в. Естественным было и стремление народа избавиться от антисистемы, которая исподволь проникла к нам с Запада в царствование Ивана Грозного.

Спад пассионарности и ее подъем весьма по-разному отразились не только на политической расстановке сил в стране, но и на состоянии ее природных ресурсов. Своеобразный «западник» Иван Грозный, одно время даже собиравшийся бежать в Англию, еще в середине XVI в. милостиво принял английского моряка Ричарда Ченслера, открывшего путь по Белому морю до Архангельска. Позднее Грозный предоставил англичанам чрезвычайно выгодные концессии на вывоз в Западную Европу пеньки для канатов, леса, мехов, семги и других товаров. Фактически англичане использовали эти концессии с ущербом для нашей страны. Русские купцы были ужасно недовольны, но, разумеется, возможности оспаривать решения Ивана Грозного не было никакой. Кроме того, в опричнину Грозный набирал большое количество «иностранных

специалистов»: немцев, шведов, ливонцев, – которые стремились получить место, естественно, для того, чтобы вернуться домой с деньгами. И реализация концессий, и оплата «специалистов» проходили за счет расхода ресурсов страны, который никак не контролировался. Поэтому период спада пассионарности в акматической фазе на природе отразился весьма и весьма неблагоприятно. К счастью, техника в XVI в. была развита не настолько, чтобы хищническая эксплуатация природных ресурсов в течение 50 лет привела к их полному исчерпанию, а на земле стало невозможно жить. Природа тогда была еще сильнее техники и смогла довольно быстро восстановить и ландшафт, и ресурсы.

Когда же спад пассионарности сменился подъемом, русский этнос продемонстрировал совершенно иное отношение к природе родной страны. В отличие от Ивана Грозного и окружения самозванцев правительство при Михаиле Романове ввело строгие ограничения для иностранных купцов, обложило их довольно большими налогами и перезаключило все прежние кабальные договоры. Во внешней торговле Русское государство начало безоговорочно ориентироваться на интересы своих, русских, купцов. И когда иностранцы выразили желание ездить через Россию в Персию, дабы конкурировать с русскими, торгующими со Средним и Ближним Востоком, правительством такие поездки были строжайше запрещены. Отметим, что эта традиция сохранялась в России весь период подъема пассионарности в акматической фазе – вплоть до начала царствования Алексея Михайловича.

Ограничимся одним примером. В Европе бушевала Тридцатилетняя война между протестантами и католиками. Начавшись в 1618 г. чешским восстанием против австрийского правительства, война длилась до 1648 г. Англия, конечно, принимала в ней участие на стороне протестантов. Но в Англии, кроме того, произошла революция, которую начал король против парламента. Принято думать, что революции делает парламент против короля, но в Англии все произошло как раз наоборот. Английский парламент с XIII в. определял бюджет страны, а король потребовал возможности бесконтрольно распоряжаться государственной казной. Парламент не только отказал ему, но и казнил королевских сторонников, поддержавших монарха в стремлении стать полновластным самодержцем. В ответ король поднял восстание против парламента – законной власти своей собственной страны. Восстание было подавлено в 1648 г., а в 1649 г. король был казнен, и к власти пришел лорд-

протектор Оливер Кромвель. Затем Кромвель разогнал парламент и взял всю власть в свои руки.

Именно в это время, в 1650 г., кончился торговый договор между Англией и Россией – один из немногих, заключенных еще во времена Ивана Грозного. Когда английские послы явились в Москву и обратились в правительство Алексея Михайловича с просьбой возобновить договор на очередной срок, то от имени царя им было отвечено: «Поелику оные аглицкие немцы своево короля Каролуса до смерти убили, то Великий государь Московский и Всея Руси повелел – оных англицких немцев на Русскую землю не пущать». Торговый договор на жестких условиях заключили не с англичанами, а с голландцами.

Таким образом, в период подъема пассионарности в акматической фазе вывоз русских ресурсов за границу строго ограничивался, а тем самым регулировалось и давление на ландшафты страны. Природа в этот период действительно смогла отдохнуть.

Единственным территориальным приобретением первых Романовых оказалась земля донского казачества. Казаки в пору после Смуты направили свои усилия на грабеж Крыма и Северной Анатолии в Турции. Турецкое правительство, дабы избежать набегов казацких флотилий, соорудило в низовьях Дона крепость Азов. И Азов крайне стеснил действия казаков, но в 1637 г. они взяли крепость и тем самым открыли себе доступ в Черное море. В 1641 г. султан Ибрагим двинул под стены Азова огромное войско. Казаки выдержали долгую осаду, обратились за помощью к Москве и получили поддержку. В 1642 г. казакам все же пришлось оставить крепость, но значение «азовского сидения», хотя и не закончившегося присоединением Азова к Русскому государству, заключается в том, что усилился процесс этнической интеграции донских казаков в российский суперэтнос. С тех пор донцы никогда не поддерживали силы, враждебные России.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВОССОЕДИНЕНИЕ

В БОРЬБЕ ЗА СОВЕСТЬ

По Столбовскому миру (1617) и Деулинскому перемирию (1618) западные русские земли отошли к Швеции и Польше. Но если в шведских владениях было немного русского населения, то в польских – гораздо больше. Речь Посполитая включала в себя не только Белоруссию и Украину, но и часть Великороссии – Смоленск, а кроме того, Литву и часть Латвии. В начале XVII в. Польша переживала те же неприятности, которые переживали все европейские государства, а назывались эти неприятности Контрреформацией. Правда, сама Польша не участвовала в Тридцатилетней войне между католической и протестантской коалициями, но ей приходилось сдерживать Россию, которая выступала как сторонница протестантской унии. Так Польша и Россия снова оказались соперницами в политической борьбе.

Начало военных действий не заставило себя ждать. В 1632 г. русские войска сделали попытку отбить Смоленск. Брошенное под стены Смоленска русское войско состояло из четырех солдатских полков, которых западному воинскому артикулу обучали служилые немцы, дворянской конницы и казаков южнорусских окраин. Русские осадили город, но Смоленск, имевший прекрасные оборонительные укрепления, долгое время успешно защищался. Когда же полякам удалось спровоцировать очередной набег крымского хана на юг России, «дети боярские» (дворяне) из-под стен Смоленска ушли на защиту южной русской границы – туда, где они были нужнее.

Основной силой осаждавших стали теперь пехотные

полки западного строя. Но когда король Владислав подошел к Смоленску с двадцатитысячным войском, немцы просто сдались, а затем перешли к нему на службу. Оставшееся практически без командования русское войско было окружено поляками, блокировано, принуждено капитулировать, выдав артиллерию и сложив знамена перед польским королем (1634).

Командующий русским войском боярин Шеин, герой обороны Смоленска еще во времена короля Сигизмунда III и Тушинского вора, был отпущен поляками в Москву. В Москве же несчастного Шеина, нисколько не виновного в поражении, обвинили во всех смертных грехах и казнили. И хотя казнь Шеина была вопиющей несправедливостью – война есть война, и никто не застрахован от неудачи, – истины ради надо сказать и другое. Жестокость в отношении Шеина стала выражением того возмущения, которое царило в Москве после смоленской неудачи. Вскоре с поляками был заключен Поляновский мир. Король Владислав навсегда отказался от претензий на московский престол, но сохранил Смоленск и Чернигов. Таким образом, и после войны 1632–1634 гг. земли России вместе с многочисленным русским населением оставались в руках Польши.

Велико-, бело- и малороссы, которые оказались подданными Речи Посполитой, в целом были вполне лояльны по отношению к польскому правительству. Однако поляки относились к своим православным подданным свысока и даже с презрением. И ведь нельзя считать, что истинной причиной здесь явились религиозные разногласия. Православные, с точки зрения католиков, – «схизматики», раскольники, но их грех гораздо меньше, чем, скажем, у протестантов, которых католическая церковь считает еретиками. А ведь после Реформации в Польше появилось множество ариан – антитринитариев, а также евангелистов и представителей других реформаторских религиозных течений. Почтенные люди разных сословий принимали чаще всего арианство и кальвинизм. Например, князья литовского происхождения Радзивиллы – одного из самых богатых и знатных родов Польши – тоже делились на протестантов и католиков, однако вовсе не ссорились между собой и великолепно ладили друг с другом в вопросах веры. Но, как только речь заходила о православных, от польской терпимости не оставалось и следа.

Русское дворянство с занятых поляками земель было лишено всех прав на чины, а значит, и всякой возможности делать карьеру; русское купечество и городское ремесленное

население было начисто вытеснено из торговли евреями, пользовавшимися покровительством католической церкви и польских панов. Механизм их взаимоотношений был крайне прост. Польские магнаты, получив в захваченных ими русских землях большие поместья, совсем не хотели заниматься хозяйством, они предпочитали ездить по блестящим столицам Западной Европы. Да и в самой Польше – в Варшаве, Кракове – тоже было не скучно: шли представления в театрах, давались балы, собирались застолья. Поскольку такой отдых был дорог, отнимал массу сил и времени, паны нуждались в посредниках, способных обеспечивать постоянный приток денежных средств. Таких посредников они нашли в лице евреев, которых пригласил в Польшу еще в XIV в. король Казимир Великий. Евреи неплохо устроились в этой стране, арендовали корчмы и лавки, занимались ростовщичеством и меной денег. В поместьях они становились доверенными лицами польских панов – факторами – и выжимали деньги из русских крестьян-арендаторов.

Короче говоря, перед русским населением Речи Посполитой стоял выбор не столько тяжелый, сколько аморальный сам по себе: или переходить в католицизм и становиться поляками, или терпеть всевозможные унижения. Русские, украинцы и белорусы, жившие на захваченных Польшей территориях, пошли на огромные жертвы ради сохранения даже не свободы совести (этой свободы у них не было), а самой православной веры. Очень немногие переходили в католичество и униатство; в большинстве своем православное население отказалось менять веру греческую на веру латинскую. И ведь нельзя сказать, что безграмотные украинские казаки или белорусские крестьяне понимали теологические различия между православием и католичеством. Никому из них и в голову не приходило интересоваться таковыми различиями, ибо для множества людей определенное вероисповедание выступало прежде всего индикатором принадлежности к вполне определенному коллективу – «своим». Те, кому по стереотипу поведения, мироощущению были ближе католики, – примыкали к католикам; те, кому были более симпатичны православные, – пополняли их ряды.

Но, может быть, поляки, вошедшие в круг западноевропейских народов, были осознанно убеждены в правоте догматов, принятых римской церковью? Ничуть не бывало. Двумя самыми массовыми сословиями у поляков была безграмотная шляхта и крестьяне – «хлопы». Сословную границу между

ними проще всего определить так: «хлопы» – это люди, освобожденные от военной службы и обложенные налогами; шляхта, напротив, – подданные, освобожденные от налогов и обязанные короне военной службой. Разница между «хлопами» и шляхтой была, по сути, невелика: подавляющее большинство шляхты составляла так называемая застенковая шляхта, аналог русских однодворцев. Ее представители обитали в крошечных хуторах («застенках»), сами пахали землю вместе с крестьянами, поскольку все их дворянское достояние зачастую заключалось в дедовской сабле да «польском гоноре». Мелкая польская шляхта составляла то же военное сословие, что и казачество польской Украины, то есть окраины, ничем от него не отличаясь по существу. И потому у нас нет никаких причин думать, будто польские шляхтичи разбирались в теологических тонкостях лучше украинских казаков. Следовательно, причины кровавой борьбы, вспыхнувшей на Украине в XVII в., лежат за пределами конфессиональных разногласий.

К середине XVII в., когда Москва отбилась и оправилась от польско-шведской интервенции и надежда на объединение двух государств под скипетром польского короля рухнула, в Польше появились представители католического ордена иезуитов.

Орден иезуитов был основан испанским офицером Игнатием Лойолой в 1534 г. Официально объявленной целью деятельности нового братства стало противодействие Реформации – борьба с ересью и расширение сферы влияния католицизма. Но стереотипы поведения, закрепленные в уставе этого ордена, свидетельствовали о том, что иезуиты являются реформаторами католицизма ничуть не в меньшей степени, чем последователи Лютера или Кальвина. Ограничимся одним красноречивым примером. По христианским догматам, высшим судьей каждого человеческого поступка является сам Христос, и его оценка обнаруживается в нашей совести. Иначе говоря, каждый, кто искренне считает себя христианином, обязан ради спасения души соотносить свои деяния со своей совестью, а не оправдывать их доводами разума. Иезуиты же приняли тезис об абсолютном послушании младших старшим и считали обучение методом формирования веры. Именно поэтому в деятельности иезуитов «к вящей славе Божией» такое большое место занимала педагогика. Братья трудились по всему миру, открывая коллегии и академии, подготавливая войны, занимаясь шпионажем и подкупом

с единственной целью – вернуть как можно больше еретиков в лоно католической церкви.

С теми же целями развернули ученики Лойолы свою деятельность и в Польше. На территории Белоруссии была открыта иезуитская коллегия, которая активно вела католическую пропаганду. Прежде всего было объявлено, что соглашение восточной и западной церквей уже достигнуто и закреплено Флорентийской унией 1439 г., хотя к тому времени об этой унии успели забыть и сами католики. На этом весьма зыбком фактологическом основании всем православным предлагалось принять католическую веру как более совершенную. Разумеется, в доказательство «превосходства» католической веры ее проповедники приводили свои доводы. Так, католик Петр Скарга – автор книги о преимуществе католической веры – говорил об универсальности латинского языка в богослужении и общении католиков, о превосходстве латыни над славянскими языками. В некотором отношении он был прав: латинский язык наряду с греческим давно стал одним из основных богослужебных языков, и действительно именно на латыни существовала огромная богословская литература.

У Петра Скарги нашлись весьма толковые оппоненты из числа православных белорусов. Правда, имена многих из них неизвестны, поскольку возражения католикам в то время могли обойтись человеку дорого, но смысл аргументации вполне ясен. Они указывали прежде всего на наличие своей, святоотеческой традиции славянского богослужения, на наличие практически всех необходимых переводов религиозной литературы на церковнославянский язык. На этом основании они отрицали необходимость изучения чужого языка, практически им не нужного. И нельзя не признать, что правда здесь была целиком на стороне православных.

Владение любым языком в полной мере подразумевает прежде всего возможность довести до своих собеседников сложные мысли с соответствующими деталями и нюансами. А такое знание языка возможно лишь при знакомстве с поведением того этноса, который на этом языке говорит и думает, при жизни в соответствующей этнической среде. В противном случае собеседники вынуждены ограничиваться примитивными штампами. Следовательно, навязываемая католиками замена церковнославянского языка на латинский могла привести только к упрощению форм духовной практики. Таким образом, католики, по существу, боролись за снижение интеллектуального уровня населения Восточной Европы, в чем

их и упрекали, кстати сказать, не только православные, но и протестанты.

Второй предмет споров католиков с православными породила проблема церковных авторитетов. Латиняне утверждали, и, на первый взгляд, весьма убедительно, что мнение церковных иерархов, как людей грамотных и знающих, предпочтительнее общего мнения простых прихожан. (Логическим завершением вышеприведенного утверждения, естественно, стал тезис о безусловном авторитете папы римского.) Оппоненты Петра Скарги, возражая католикам, ссылались на целый ряд примеров из истории церкви, когда крупные иерархи – Несторий, Евтихий, Македоний – оказывались основоположниками ересей, осужденных церковными соборами. Православные отвергали латинское понимание церковного авторитета и, руководствуясь принципом соборности, требовали оставить за ними право на определение истины, исходя из чувства совести всех и каждого.

Анализируя эти противоречия православных и католиков, можно сделать вывод, что в данном случае под религиозными идеологическими оболочками скрывались два разных мироощущения. Понятно, что при возникших коллизиях жизнь русского населения в Польше стала тяжела[1]. Конечно, существовавшие проблемы могли быть решены, но только при наличии доброй воли обеих сторон, а ее-то как раз и не хватало.

Заметим попутно, что крепостного права как такового в Польше не было: каждый крестьянин мог уйти от пана, если хотел. Но уйти означало бросить все имущество, а часто и потерять личную свободу, потому что личная свобода крестьян ограничивалась жесткой системой налогов. Налоги платились помещику, и, если у крестьянина денег не находилось, он становился дворовым человеком. Как видим, отсутствие крепостного права создавало для крестьян условия жизни гораздо худшие, нежели при крепостном праве, имевшем место на Московской Руси. Парадоксально, но отсутствие крепостной зависимости крестьян обрекало их на полное бесправие. Налогами были обложены земли, водоемы, охотничьи угодья,

[1] В то время все православное население Польши называло себя именно русским, тогда как слово «украинец» обозначало просто жителя окраины. При этом русские, жившие в Русском государстве, четко отделялись от русских Польши и назывались «российские». Такое различие представляет типичную фиксацию общей суперэтнической принадлежности.

сенокосы и даже православные церкви. Последнее особенно возмущало православных: еврей-фактор пользовался ключами от церкви так же, как ключами от амбара, открывая храм для службы по своему желанию в зависимости от уплаты прихожанами соответствующей суммы.

Конечно, от произвола польских панов и еврейских факторов страдали и польские, и литовские крестьяне, но крестьяне-католики могли договориться со шляхтичами и помещиками – они оставались «своими», несмотря на социальную рознь. У православных же не было такой возможности: польские паны их слушать не хотели, ибо они были «чужие», «схизматики». Именно в силу этого различия ни польские, ни литовские крестьяне никаких крупных бунтов или восстаний против панов, несмотря на всю тяжесть эксплуатации, не устраивали. А православным, напротив, ничего другого делать не оставалось, и с конца XVI в. восстания русских шли одно за другим. Первым поднял мятеж Наливайко (1594–1596), но был схвачен и казнен в Варшаве. За восстанием Наливайко произошли и другие: Павлюка, Остраницы, Гуни. Апофеозом долгой борьбы православия и католицизма по праву считается восстание Богдана Хмельницкого, положившее начало освободительной войне на польской Украине.

ГЕТМАН И НАРОД

Богдан Хмельницкий был православный шляхтич русского происхождения, служивший в пограничных польских войсках. Как и всякий шляхтич, Хмельницкий имел собственный хутор и нескольких работников. Местный староста (помощник губернатора) католик Чаплицкий невзлюбил Хмельницкого до такой степени, что даже устраивал покушения на его жизнь. Так, один раз только шлем спас будущего гетмана Украины от смертельного удара. Затем Чаплицкий устроил набег на хутор Хмельницкого, захватил его вместе с семьей и отобрал все имущество, включая лошадей и хлеб с гумна. Когда же Хмельницкий пригрозил обращением в суд, разъяренный Чаплицкий, желая показать свою безнаказанность, велел пороть на базаре десятилетнего сына Хмельницкого. Ретивые исполнители запороли несчастного мальчика, и на третий день он умер. Понимая бесполезность своего обращения в суд, где

заседали те же католики, что и Чаплицкий, Хмельницкий отправился прямо в Варшаву к королю Владиславу. Дела Владислава шли трудно: сейм, контролируемый польскими панами, постоянно отказывал ему в средствах для войны с турками и операций против Московии. Владислав принял Хмельницкого, но, выслушав шляхтича, король только пожаловался на свое бессилие перед панами. Не добившись правосудия у короля, Хмельницкий поехал в Запорожье.

Гетман Богдан Хмельницкий

В XVII в. Запорожье, располагавшееся на границе Польши и Дикого поля, представляло собой явление исключительное: туда бежали от шляхетского ига православные русские пассионарии. Само Запорожье представляло собой густую сеть населенных пунктов, в которых развивались кузнечное, столярное, слесарное, сапожное и другие ремесла, население производило для себя все необходимое. Отдельные поселения (курени) составляли своеобразный «рыцарский орден», живший вполне независимо. Высокая пассионарность обитателей Запорожья и неприятие ими польских порядков уже к XVI в. сформировали особый стереотип поведения, давший жизнь новому этносу – запорожскому казачеству. Естественно, что поляки относились к запорожским казакам крайне настороженно и недоброжелательно.

Столько же подозрительным и неприязненным было отношение шляхты и магнатов к «реестровому» казачеству. Реестровыми назывались казаки, служившие польской короне. Для отражения татарских набегов под знамена гетмана обыкновенно собиралось множество казаков. Но по окончании войны войско распускалось, и вчерашнему воину предстояло возвращаться «до плуга» к пану. Понятно, что одним из главных требований казаков Речи Посполитой было увеличение численности реестра.

Степень неприятия друг друга представителями двух различных суперэтносов: православными и католиками – в Речи Посполитой была очень высока. Ненависть к казакам

существовала вопреки тому, что они вовсе не покушались на устои польского государства. Более того, казаки служили Речи Посполитой надежной защитой от татарских набегов, ведь татарские чамбулы грабили страну, доходя до Кракова. И тем не менее поляки ограничили численность «реестрового» казачьего войска шестью тысячами сабель (1625). Такое половинчатое решение никого не могло удовлетворить – в XVII в. на польской Украине имелось уже около 200 тысяч человек, желавших быть казаками и бывших ими де-факто.

В декабре 1647 г. Запорожская Сечь приветствовала Богдана Хмельницкого, который, благополучно обманув ловившую его на дороге стражу, явился к запорожцам и заявил: «Хватит нам терпеть этих поляков, давайте соберем раду и будем защищать церковь православную и Землю Русскую!» Призыв Хмельницкого был желанен и вполне понятен. Он стал доминантой всех последующих действий казаков. Причем первоначально Хмельницкий и его соратники отнюдь не ставили своей целью политическое отделение от Польши. Они хотели лишь добиться права жить в согласии с собственной совестью, при этом подчиняясь законам Польского королевства. Требования казаков были кратки: во-первых, зачислить в казаки всех желающих и предоставить казакам, как военному сословию, шляхетские привилегии; во-вторых, запретить на Украине пропаганду католической унии, убрать всех униатских священников и вернуть захваченные католиками церкви православным, позволив каждому свободно исповедовать его веру; в-третьих, изгнать с Украины евреев. Эта политическая программа отражала чаяния всего угнетенного православного населения Украины.

Запорожье немедленно выбрало Хмельницкого гетманом, и он получил огромную власть, так как у казаков, при полной анархии в мирное время, в походе соблюдалась жесткая дисциплина на основе беспрекословного подчинения гетману. Из Запорожья Хмельницкий отправился в Крым, где заручился обещанием помощи от крымского хана. Вскоре он выступил в поход с отрядом из четырех тысяч запорожцев, к которым примкнуло еще три тысячи казаков. Силы повстанцев были совершенно ничтожны в сравнении с мощью противника: поляки могли выставить до 150 тысяч человек. Но мобилизовать эти войска для Польши оказалось невозможным. В стране царила абсолютная неразбериха, и паны, как всегда, отказались давать деньги королю на «посполитое рушение» (шляхетское ополчение). Поэтому, столкнувшись с

поляками в 1648 г., Хмельницкий, несмотря на ограниченность своих сил, одержал три крупные победы. Первая из них – в битве при Желтых Водах, где погиб сын польского гетмана Потоцкого – Стефан Потоцкий; затем последовала победа при Корсуни, где были захвачены в плен два польских гетмана – Потоцкий и Калиновский, и, наконец, под Пилявцами, где посполитое рушение в панике бросилось бежать от казаков.

Ожесточение борьбы нарастало. Характерен следующий эпизод. При Корсуни у поляков была хорошая немецкая артиллерия – пушки могли с легкостью остановить натиск казачьей конницы. И вот, дабы «нейтрализовать» артиллерию, Хмельницкий послал одного из своих верных казаков сдаться в плен полякам и дать показания, будто нападение казаков готовится с правого фланга. Казак сдался и умер под пыткой, повторяя ложную версию и зная правду о плане Хмельницкого. Казачья конница ударила по левому флангу польского войска, и, пока обманутые поляки разворачивали орудия, победа была одержана. Представьте себе, каков был накал страстей, если этот герой-казак не только пожертвовал жизнью, но и в жестоких мучениях в течение нескольких часов сохранял силу воли, предпочитая купить победу соратников ценою собственных страданий.

Оборонительный бой казаков

Победы Хмельницкого не подтолкнули поляков к соглашению. В том же 1648 г. скончался король Владислав, и панство на время забыло о казаках: на сеймах и сеймиках обсуждались кандидатуры нового короля. Воспользовавшись передышкой, Хмельницкий укрепился; заняв Киев и украинские земли по обоим берегам Днепра, он фактически стал вполне самостоятельным правителем – «гетманом» Украины, или Малой Руси.

Но как только шляхта выбрала нового короля – Яна-Казимира, – началась подготовка к военным действиям против казаков. В XVII в. среди поляков сохранилось достаточное количество пассионариев: талантливых полководцев, волевых политиков, умных дипломатов, – и они вовсе не собирались мириться с поражениями. Снова было собрано посполитое рушение, на средства короны были наняты немецкие артиллеристы и пехотинцы, посланы тайные агенты к крымскому хану, дабы побудить татар порвать союз с Хмельницким. И когда поляки перестали соблюдать условия достигнутого с Хмельницким перемирия, война возобновилась.

В сражении 1651 г. под Берестечком союзники казаков – татары – внезапно покинули Хмельницкого, а когда он попытался их вернуть, схватили его и увезли с собой в Крым. Казачье войско, оставшееся без полководца, было прижато к болоту. Принявший командование талантливый казацкий полковник Иван Богун попытался вывести своих через болото и велел было мостить гать. Но поляки успели подвезти артиллерию – гать была быстро разрушена пушечными ядрами, и большинство казаков погибло.

Вскоре освободившийся из плена Хмельницкий вернулся, как говорится, к разбитому корыту. Поляки к тому времени соглашались определить число «реестровых» казаков лишь двадцатью тысячами, и Хмельницкий прекрасно понимал, что его согласие на такие условия равнозначно гибели начатого им дела. Ведь, как мы помним, казаков на Украине было около 200 тысяч. Следовательно, 180 тысяч человек должны были опять идти работать на панов, опять платить евреям за аренду церквей, кабаков, охотничьих угодий, за само право жить. Никто из них не хотел возврата к прошлому, и поэтому восстание возобновилось. Но в сложившейся ситуации поляки имели явный перевес. Союза с татарами больше не существовало, и Украина – пограничная полоса земли – оказалась зажатой между Крымским ханством и Польшей. Тыла у Хмельницкого не стало, и защищаться было невозможно. Оценив ситуацию,

умный гетман начал искать нового союзника. Естественно, что он обратился к православной Москве.

Переговоры с Москвой начались в 1651 г., но Москва по обыкновению отвечала медленно, и только в октябре 1653 г. было принято решение о присоединении Украины к Московскому государству. Соединение с Россией спасало подавляющее большинство православного населения Украины, и потому 8 января 1654 г. в Переяславе (ныне Переяслав-Хмельницкий) собравшаяся рада поддержала политику присоединения к Москве словами: «Волим под царя московского, православного».

Однако казаки и здесь остались верны себе, то есть своему стереотипу поведения. Выражая полную готовность дать царю Алексею Михайловичу присягу на верность, они потребовали, чтобы царь, со своей стороны, дал им присягу в сохранении казачьих вольностей. Шокированный боярин Бутурлин, представлявший московского государя, отказал категорически, заявив, что «у нас не повелось, чтоб цари давали подданным присягу, а вольности ваши Государем соблюдены будут». Поскольку ситуация была безвыходная, казаки, тряхнув длинными чубами, согласились и тем покончили дело.

Еще до решений московского правительства и Переяславской рады Хмельницкий перенес военные действия на правобережье Днепра и дважды разбил польские войска: при Батоге (1652) и при Жванце (1653). Последняя победа совпала с радостным известием из Москвы. Если, взвешивая свое решение, правительство Алексея Михайловича не торопилось, то, приняв его, оно действовало энергично. В 1654 г. русские войска взяли Смоленск, а 1655-м – Вильно, Ковно, Гродно и дошли до Бреста. Польша терпела поражения по всему фронту. Слабеющая держава, как это обычно бывает, привлекла «внимание»: шведский король Карл X вторгся в Польшу (1655), изгнал Яна-Казимира и частью шляхты и магнатов был признан польским королем.

Теперь в Литве столкнулись интересы России и Швеции. За время последовавшей русско-шведской войны (1655–1659) ни одна из сторон не одержала решающей победы, но зато успела оправиться Польша, казалось уже находившаяся накануне своего первого раздела. Ресурсов пассионарности у поляков хватило на то, чтобы, организовавшись, выгнать шведов и вторгшихся с юга трансильванцев (румын), а в дальнейшем и отбить у России занятую было ею Литву.

НАРОД И ГЕТМАНЫ

Летом 1657 г. умер Богдан Хмельницкий. Поскольку его сын Юрий был еще ребенком, гетманом Украины избрали «генерального писаря» (министра иностранных дел) шляхтича Выговского. Тот, хотя и принадлежал к числу православных, терпеть не мог Москву и московитов, мечтая отдаться под покровительство польского короля. В 1658 г. война между Россией и Польшей за обладание Литвой и Украиной вспыхнула с новой силой. В решительный момент Выговский принял польскую сторону и заключил с Польшей политический союз – Гадячскую унию, возвращая Украину Речи Посполитой. Направленное на Украину русское войско под командованием князя Трубецкого было наголову разбито Выговским с помощью татар в битве при Конотопе (1659). Казалось, что Украина потеряна для России навсегда.

Но ни Выговский, ни его польские хозяева не учли накала пассионарности русского населения Украины, то есть недооценили возможности противника. Наиболее инициативные казацкие старшины выдвинули в гетманы Юрия Хмельницкого, и прославленное имя привлекло людей, как знамя. Ополченцы Хмельницкого сделали то, что не удалось регулярному войску. В сентябре 1659 г. войска двух гетманов встретились под Белой Церковью, и казаки Выговского стали переходить к Хмельницкому. Покинутый войском Выговский бежал в Польшу и навсегда сошел с политической арены.

В следующем, 1660 г. на помощь Юрию Хмельницкому двинулось московское войско под началом боярина Шереметева. Польско-татарские войска встретили московскую рать на Волыни и под Чудновом окружили русских. Тут, к сожалению, проявилось ничтожество Юрия, нимало не похожего на своего великого отца. Он испугался вступить в сражение и, предав русских, подчинился полякам. Шереметев был вынужден капитулировать и после этого двадцать лет провел в крымском плену.

Казачество снова взволновалось. Полковники Сомко, Золотаренко и запорожский атаман Брюховецкий собрали «Черную раду», на которой низложили сына Богдана Хмельницкого. Но если у Сомко и Золотаренко была программа воссоединения с Москвой, то Брюховецкий действовал как беспринципный авантюрист, и именно его поддержали запорожцы. Став

гетманом, Брюховецкий демагогически выставлял себя защитником «голутвы» (голытьбы) и врагом старшины. Много заслуженных казаков и старших лишились имущества и голов. В 1663 г. были казнены и соперники Брюховецкого в борьбе за гетманскую булаву – полковники Сомко и Золотаренко.

А тем временем Ян-Казимир заключил мир со шведами и перенес основные военные действия на Украину. Он хотел, пройдя Левобережной Украиной, выйти в тыл русским армиям и оказаться перед беззащитной Москвой. Но русские пограничные войска дважды нанесли ему поражение: под Глуховом и Новгород-Северским – и отбросили поляков за Днепр (1664). Обессиленная Польша вынуждена была искать передышки, и в 1667 г. было заключено Андрусовское перемирие, в соответствии с которым к Русскому государству отходили старинный русский город Смоленск, Киев и вся Левобережная Украина.

Однако победа над Польшей не привела к единству казаков. Еще в 1665 г. казацкие старшины Правобережья собрали свою раду и «выкликнули» гетманом Петра Дорошенко, отстаивавшего идею «вольной Украины», то есть создания украинского государства, независимого ни от России, ни от Польши. Твердо придерживавшийся своей программы Дорошенко одновременно вступил в борьбу и с Польшей, и со своим противником – гетманом Брюховецким. Брюховецкий к тому времени тоже изменил союзу с Россией и снесся с турками. Он даже получил татарскую помощь, но не успел ею воспользоваться: возмущенные казаки растерзали предателя (1668).

После смерти Брюховецкого гетманом на некоторое время (1668–1672) стал Демьян Многогрешный, признавший верховную власть Москвы. Но и он не сумел долго держать в руках гетманскую булаву, его карьера закончилась печально – ссылкой в Сибирь. Новым гетманом «всея Украины» стал в 1672 г. Самойлович, оказавшийся в очень затруднительном положении. В Подолию вторглись турки, и поборник независимой Украины Дорошенко присоединился к войску турецкого султана Магомета IV. Польша капитулировала перед османами и уступила туркам значительную часть Правобережья. Два года (1672–1674) гетман Дорошенко сидел в Чигирине как вассал турецкого султана.

Конец этому положила русская армия, выступившая на освобождение единоверцев. За Днепр московские рати перешли вместе с полками левобережных казаков. В 1676 г. Дорошенко сдался и был прощен, а гетманом обеих сторон Днепра стал

Самойлович. Пытавшиеся удержаться в Подолии турки поставили гетманом Юрия Хмельницкого. Но этот негодяй окончательно скомпрометировал возглавляемую им партию. Изыскивая денежные средства, Юрий ввел налог даже на свадьбы. Не получив с одного бракосочетания установленную им мзду, гетман напал на дом родителей новобрачной и предал мать мучительной смерти. Муж погибшей – богатый купец – пребывал в то время в Стамбуле. Узнав о случившемся, купец обратился с жалобой к визирю, и дело было расследовано. Изверг был схвачен, судим и по приговору утоплен (1681).

Туркам не суждено было надолго закрепиться в Правобережной Украине. Украина была слишком пассионарна, и то, что османам удалось в Болгарии и Сербии, оказалось невозможным на Волыни и в Подолии. Успехи русских регулярных войск и казачьих полков, а также поражения турок в Центральной Европе уже в начале 80-х годов избавили Украину от османской угрозы.

Самойлович гетманствовал довольно долго, до полного окончания русско-польской войны, когда наконец был подписан «Трактат о вечном мире» между Россией и Польшей (1686). Причиной крушения Самойловича в 1687 г. стали интриги Мазепы. Мазепа, вошедший в доверие к всесильному фавориту царевны Софьи – князю Голицыну, обвинил гетмана в измене. Несчастный Самойлович был арестован и сослан, но Голицын дорого заплатил за потворство предательству. Избранный гетманом Мазепа точно так же предал Голицына, а после – и Петра, избрав сторону Карла XII и решив, что при поддержке шведов он сможет стать самостоятельным государем. Однако и в устах Мазепы призыв к созданию самостоятельной Украины не получил народной поддержки. За Мазепой пошли только его сердюки (охрана) и запорожцы, которые в это время уже были настроены против союза с Россией. Вся остальная слободская Украина выступила в поддержку «царя московского, православного» и удержала Полтаву – ключевую крепость, под которой и был разбит союзник Мазепы Карл XII (1709).

Полтавская битва, собственно, ставит точку в истории воссоединения Украины с Россией. Заканчивая этот рассказ, уместно попытаться объяснить следующее: почему поляки проиграли войну с Россией за Украину, а многочисленные попытки украинских гетманов, от Выговского до Мазепы, присоединиться к Польше или обрести самостоятельность неизменно были обречены на неудачу? Историки дали множество

объяснений этому, но если учитывать этнические причины происшедшего, то ответ на поставленный вопрос будет не похож на все предыдущие.

Подобно большинству наших современников, польские паны и украинские старшины были убеждены, что их воля преобразует жизнь, и потому они игнорировали объективные природные зависимости, формирующие человеческое поведение. Так, поляки считали, что достаточно привлечь к себе казацких старшин, дав им шляхетские привилегии, и все казаки будут верно служить; что можно убедить русских православных людей, будто католическая вера лучше, и они станут ревностными католиками. Точно так же многие гетманы полагали, что в зависимости от политической обстановки и их выбора можно подчиняться то России, то Польше, и что удача в борьбе за независимость определяется их умением обмануть московских бояр или вовремя договориться о союзе с турецким султаном.

На самом же деле, как мы могли убедиться, первостепенное значение имела единая суперэтническая принадлежность России и Украины, массовая поддержка «своих», которыми были единоверцы. Об это всеобщее ощущение единства, как волны о скалу, разбивались рациональные планы волевых, умных искателей власти. Два близких этноса – русский и украинский – соединились не благодаря, а вопреки политической ситуации, поскольку народное «волим» или «не волим» неизменно ломало те инициативы, которые не соответствовали логике этногенеза.

ПОСЛЕДСТВИЯ ВЫБОРА

Выбор, сделанный на основе естественного мироощущения народа, оказался правильным. Дабы убедиться в этом, достаточно сказать несколько слов о дальнейшей судьбе и роли украинского народа в российской истории XVII–XVIII вв.

В отличие от поляков, ограничивавших, как мы помним, число «реестровых» казаков, московское правительство увеличило реестр на 60 тысяч человек по сравнению с требованиями Богдана Хмельницкого. Фактически реестр охватывал все население слободской Украины. Кроме того, сохранилось пять–семь тысяч запорожских казаков. При польском господстве Украина могла только мечтать о подобном положении. Ни

о какой дискриминации украинцев в составе России не было и речи. Более того, в XVII в. очень сильно возросло интеллектуальное влияние украинцев на население России. Украинские монахи и священники – люди образованные, поднаторевшие в диспутах с католиками, знавшие языки, – высоко ценились московской патриархией. Позже, говоря об истории русского церковного раскола, мы будем иметь возможность убедиться, что раскол был конфликтом великорусской (московской) и украинской православных традиций. Украинские монахи сумели победить в этом конфликте и оказали тем самым решающее воздействие на изменение русских церковных обычаев. Имена Епифания Славинецкого, Симеона Полоцкого, Феофана Прокоповича стали неотъемлемой частью истории русской культуры.

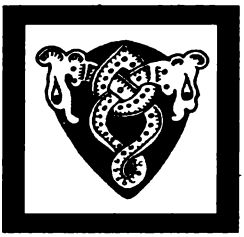
Впоследствии, когда на смену национальной политике России пришла политика имперская, украинцы тоже оказались не в проигрыше. Решающую роль здесь сыграли как раз этнические отличия украинцев от великороссов. Эти отличия определялись и этническим субстратом (в состав будущего украинского народа вошли торки, когда-то жившие на границе степи) и проявлялись в некоторых чертах стереотипа поведения (например, украинцы и тогда были более усердными служаками, нежели русские), а также в характере связи этноса с ландшафтом. Об этом имеет смысл рассказать подробнее.

Великороссы, как и донские казаки, расширяя свой этнический ареал, селились, как правило, по берегам рек. Река, ее пойма, служила базой хозяйства русского человека, его основной связью с кормящим ландшафтом. Украинцы, напротив, сумели освоить просторы водоразделов. Они выкапывали колодцы-криницы, делали запруды на ручейках и имели достаточное количество воды. Так на водоразделах возникали хутора с садиками, и поскольку земля была плодородной, особых забот о хлебе насущном украинцы не знали. Когда же при Екатерине II (1762–1796) в результате двух военных кампаний были завоеваны сначала северный берег Черного моря, а потом Крым, исчезла и существовавшая ранее угроза со стороны татар. При этом для заселения стали доступны новые степные пространства – Дикое поле.

В XVIII в. украинское население быстро росло, и в его составе имелось множество пассионариев, ибо их пассионарные предки, сложившие головы в междоусобицах конца XVII в., успели оставить законное и незаконное потомство. Подавляющее большинство украинских казаков были записаны в реестр,

поэтому возможность сделать карьеру была практически у каждого. Весь XVIII век украинцы этим и занимались. В итоге дочь царя Петра I Елизавета Петровна вышла замуж за Алексея Разумовского (брак был морганатическим, без оглашения); его брат, Кирилл Разумовский, стал последним гетманом Украины. И хотя при Екатерине II Украина потеряла свое самоуправление, позиции украинцев при дворе поколеблены не были: обязанности великого канцлера империи исполнял граф Безбородко, который сформулировал свое политическое кредо в следующих словах: «Як матушка-царица захоче, так хай и буде». Ни акцент, ни происхождение Безбородко никого не смущали и не помешали ему стать первым чиновником государства.

Может быть, эта взаимная терпимость украинцев и великороссов и была важнейшим свидетельством правильности выбора, сделанного на Переяславской раде в 1654 г.



ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

НА ПРОСТОРАХ ЕВРАЗИИ

В ГЛУБЬ УЛУСА ДЖУЧИЕВА

В отношениях России и Украины ярко проявилось такое качество русского человека, как терпимость к нравам и обычаям других народов. Прав был наш великий соотечественник Ф. М. Достоевский, отметивший, что если у французов есть гордость, любовь к изяществу, у испанцев – ревность, у англичан – честность и дотошность, у немцев – аккуратность, то у русских есть умение понимать и принимать все другие народы. И действительно, русские понимают, к примеру, европейцев гораздо лучше, чем те понимают россиян. Наши предки великолепно осознавали уникальность образа жизни тех народов, с которыми сталкивались, и потому этническое многообразие России продолжало увеличиваться.

Одновременно с борьбой на Украине полным ходом шел начавшийся еще в XVI столетии процесс продвижения русского суперэтноса на восток. С взятием волжского рубежа (Казанского и Астраханского ханств) Россия вышла к сибирским лесостепным пространствам Джучиева улуса. Граница Московского царства терялась в Предуралье, разделенном рекой Камой на северную (лесную) и южную (степную) зоны. В южных степях кочевали два народа: башкиры и ногаи. На севере же, в безопасном удалении от степняков, во второй половине XVI в. начали вырастать торгово-промышленные поселения – фактории. Здесь проявил свою энергию род Строгановых.

Как мы помним, Джучиев улус еще в XIII в. разделился на три части: Золотую (на Волге), Белую (на Иртыше) и Синюю Орды. На огромных просторах Синей Орды, простиравшейся

от Тюмени до Мангышлака, Шейбани-хан и его потомки пытались сохранить гибнущие традиции устроения Монгольского улуса. Но в XVI в. им пришлось столкнуться с оппозицией местных князьков. Так, во времена Ивана Грозного один из таких племенных вождей – Едигер – боролся с Шейбанидом Кучумом за право возглавить сибирские улусы. Попытка Едигера опереться в этой борьбе на силы Москвы оказалась неудачной. Связанный Ливонской войной, Грозный не имел лишних сил для сибирской экспедиции в поддержку Едигера. В 1563 г. Кучум победил и стал «царем» Сибири, а нападения его воинов превратились в постоянную угрозу для «городков» Строгановых. Но, начав эту борьбу, Кучум переоценил собственные силы. Еще в конце XV в. Синяя Орда испытала колоссальный отток пассионарности. Правитель ее, Шейбани-хан, вторгся в Среднюю Азию, покоряя владения Тимуридов. Ему удалось, дойдя до Амударьи, захватить огромную территорию с богатым и культурным населением. Вместе с Шейбани в Среднюю Азию ушла наиболее активная и боеспособная часть населения Синей Орды, что десятки лет спустя негативно сказалось на судьбе Кучумова царства.

К 70-м годам XVI в. столкновения Строгановых с татарами вылились в открытую войну. Для защиты своих владений промышленники вербовали отряды из казаков и иных «охочих» людей. В 1581 г. нанятый Строгановыми и возглавленный атаманом Ермаком отряд отправился в Сибирь для войны с ханом Кучумом. Состав отряда был пестрым: наряду с великороссами и казаками имелись в нем и другие «ратные люди»: татары, литовцы и даже добровольцы из числа пленных немцев. Что же касается численности отряда, то силы Ермака выглядели скромно: казаков насчитывалось чуть больше 500 человек, а «ратных людей» – 300.

Как видим, с самого начала освоения Сибири казаки шли на восток не одни. В конце XVI – начале XVII в. активно шло в Сибирь и население русского Севера, прежде всего жители Великого Устюга, желавшие попытать счастья за Каменным поясом. Обычно каждый отряд (ватага), отправлявшийся в Сибирь, состоял из основного ядра – казаков – и примкнувших к ним устюжан. Все они назывались «землепроходцами». Казаки и великороссы вместе продвигались через дикие места, перетаскивали лодки через пороги, сражались плечом к плечу и при этом всегда помнили, кто из них казак, а кто русский – устюжанин. Судя по материалам такого авторитетного исследователя северо-востока Сибири, каким был В. Г. Богораз (Тан), разница

между потомками казаков и великороссов сохранялась там до начала XX в.

Экспедиция Ермака 1581 г. прошла, несмотря на малочисленность его отряда, весьма успешно. Землепроходцы овладели столицей Кучума – городом Искер. В Москву от Строгановых ушла грамота, извещавшая о «приращении» Русского государства обширными сибирскими землями. Для устроения новых территорий немедленно направились царские воеводы: князь Болховский и Глухов, – которые соединились с казаками в 1583 г. Война с Кучумом велась долго и шла с переменным успехом. В 1584 г. Кучум сумел нанести казакам чувствительное поражение (тогда погиб сам Ермак) и вновь занять свою столицу. Однако в дальнейшем русское продвижение на восток стало необратимым: Кучум отступил в Барабинскую степь и оттуда лишь набегами тревожил русские владения. В 1591 г. князь Кольцов-Мосальский окончательно разгромил последнего сибирского хана, и Кучум был вынужден обратиться к царю со слезной просьбой вернуть ему отнятый улус, обещая полную покорность. История Синей Орды завершилась.

Может возникнуть вопрос: почему столь пассивно вели себя могучие степные народы – ойраты (западные монголы) и казахи? Ни те, ни другие не приняли активного участия в борьбе Кучума с русскими землепроходцами и воеводами. Это, видимо, объясняется тем, что силы ойратов, которые были буддистами, и казахов-мусульман были скованы их собственной междоусобной борьбой, и тем, что русские, продвигавшиеся лесными массивами Сибири, не представляли для степняков никакой угрозы. Народы северной Сибири – остяки (ханты), вогулы (манси), тунгусы (эвенки), самоеды (ненцы) – также не вступали в борьбу с русскими. Очевидно, ни одна из сторон не давала повода для конфликта.

В конце XVI в. в Сибири начинают возникать русские города. Уже в 1585 г. воевода Мансуров заложил городок в устье Иртыша. Вскоре появились Тюмень, Тобольск, Пелым, Березов, Сургут, Тара, Нарым.

«ВСТРЕЧЬ СОЛНЦА»

Когда прекратилась Смута, продвижение русских на восток возобновилось с новой силой, и уже к 1621 г. потребовалось создание Тобольской православной епархии.

Из Западной Сибири на Дальний Восток вели два пути. Устюжане в основном двигались через Мангазею на северо-восток, а казаки направлялись большей частью в Забайкалье. После 1625 г. казаки встретились с «братскими людьми» – бурятами, а в 30-е годы XVII в. русские варяги освоили бассейн Лены. Именно землепроходцы в первой половине XVII в. заложили Томск, Енисейск, Якутск, Красноярск, Иркутск. А ведь известно, что лучший показатель интенсивности освоения новых территорий – возникновение городов и острожков. Следующее десятилетие привело россиян на границы Евразии. В результате трехлетней экспедиции В. Д. Поярков, спустившись по Амуру, достиг Охотского моря (1645). В 1648–1649 гг. экспедиция Ерофея Хабарова прошла средним течением Амура.

На всем гигантском пути «встречь солнца» землепроходцы практически не встречали серьезно организованного сопротивления. Единственным исключением стали столкновения казаков с маньчжурами (чжурчженями) на границе Китая в 80-х годах XVII в. Маньчжуры, о которых мы рассказывали в связи с историей Монгольского улуса, с XVII до начала XX в. господствовали над Китаем, сохраняя еще достаточно пассионарности.

Маньчжуры – народ мужественный и благородный – остановили казаков. Те, пытаясь укрепиться, возвели на Амуре крепость Албазин (1686), но маньчжуры потребовали очистить острог. Воевода Толбузин отказался, и война с маньчжурами возобновилась. В гарнизоне Албазина было несколько сотен человек, против которых маньчжуры выставили не одну тысячу. Осажденные вынуждены были сдаться и покинуть крепость. Албазин был разрушен, но упрямые казаки и «государевы люди» уже в следующем, 1688 г. срубили на том же месте новый острог. Вторично взять крепость маньчжурам не удалось, но Албазин был оставлен русскими по Нерчинскому миру (1689).

Практически за один век, от похода Ермака Тимофеевича (1581–1583) до войн с маньчжурами на Амуре (1687–1689), землепроходцами было преодолено расстояние от Урала до Тихого океана, и Россия легко и быстро закрепилась на этом огромном пространстве. Попробуем ответить на вопрос: почему так произошло? Во-первых, русские землепроходцы были людьми очень пассионарными – жестокими, инициативными, настойчивыми, и потому часто нарывались на неприятности с тогдашним начальством – воеводами. Сибирь манила «буйные головушки» волей, а сибирских аборигенов, морозов и

просторов они не боялись. Но, как мы видели на примере Ермака, воеводы двигались за землепроходцами по пятам, пытаясь прекратить их самовольные жестокости, и поневоле вынуждали тех идти все дальше и дальше. Действия администраторов были вполне логичны и объяснимы: они всеми силами защищали инородцев, плативших в казну ясак мехами. Попытки воевод навести порядок оправданны и в моральном смысле. Ведь народы Сибири в XVII в. находились в фазе этнического гомеостаза – равновесия с природной средой. У них просто не хватало сил, чтобы защищаться от притеснений русских пассионариев.

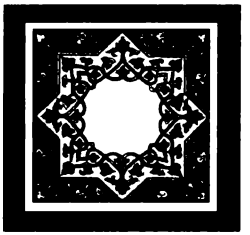
Во-вторых, продвинувшись в Сибирь, наши предки не вышли за пределы привычного им кормящего ландшафта – речных долин. Точно так же, как русские люди жили по берегам Днепра, Оки, Волги, они стали жить по берегам Оби, Енисея, Ангары и множества других сибирских рек.

Но самым важным с точки зрения этногенеза является третье обстоятельство. Русские переселенцы и администрация в основной своей массе легко устанавливали плодотворные контакты с народами Сибири и Дальнего Востока. Недаром противодействие миграции русских было столь ничтожно. Конфликты с русскими, если они и возникали на первых порах, например у бурят или якутов, быстро улаживались и не имели тяжелых последствий в виде национальной розни. Единственным практическим следствием русского присутствия для аборигенов стал ясак (уплата одного-двух соболей в год), который инородцы понимали как подарок, дань вежливости «белому царю». При огромных пушных ресурсах Сибири дань была ничтожна, в то же время, попав в списки «ясашных» инородцев, местный житель получал от центрального правительства твердые гарантии защиты жизни и имущества. Никакой воевода не имел права казнить «ясашного» инородца: при любых преступлениях дело посылалось на рассмотрение в Москву, а Москва смертных приговоров аборигенам никогда не утверждала. Известен характерный случай: некий бурятский лама, попытавшийся поднять восстание с целью изгнать всех русских и передать Забайкалье маньчжурам, был отправлен как «ясашный» инородец в Москву, где его просто помиловали.

В целом с установлением власти московского царя образ жизни местного населения Сибири никак не изменился, потому что никто не пытался его сломать и сделать из аборигенов русских. Скорее, наоборот. Так, в якутах русские встретили народ, оседлый быт которого был им близок. Россияне, выучив

якутский язык и усвоив местные обычаи и навыки, в большей степени приближались к якутам, чем якуты к ним. Если местные жители хотели соблюдать языческие обряды – к тому не было никаких препятствий. Конечно, христианство им проповедовали, иногда успешно, чаще нет, но результаты этой проповеди интересовали только священников. Остяки, вогулы, тунгусы служили проводниками русских отрядов, охотились, гоняли оленей, шаманили и были вполне уверены в своей судьбе. Поскольку русские не стали переучивать непохожих на них людей, а предпочли найти с местными жителями общий язык, они прочно закрепились в Сибири, где живут по сей день. Так в очередной раз были подтверждены преимущества уважения к праву других людей жить по-своему.

Обобщим сказанное. За считанные десятилетия русский народ освоил колоссальные, хотя и малонаселенные пространства на востоке Евразии, сдерживая при этом агрессию Запада. Включение в Московское царство огромных территорий осуществлялось не за счет истребления присоединяемых народов или насилия над традициями и верой туземцев, а за счет комплиментарных контактов русских с аборигенами или добровольного перехода народов под руку московского царя. Таким образом, колонизация Сибири русскими не была похожа ни на истребление североамериканских индейцев англосаксами, ни на работорговлю, осуществлявшуюся французскими и португальскими авантюристами, ни на эксплуатацию яванцев голландскими купцами. А ведь в пору этих «деяний» и англосаксы, и французы, и португальцы, и голландцы уже пережили век Просвещения и гордились своей «цивилизованностью».



ГЛАВА ПЯТАЯ

ЦЕРКОВЬ И ВЛАСТЬ

ИСТОКИ РАСКОЛА

В XVII столетии Россию ждали события, потрясшие духовную основу государства – Церковь. Мы уже упоминали о конфликтах XV–XVI вв., связанных с борьбой между иосифлянами и нестяжателями. В XVII в. интеллектуальные споры получили свое продолжение в крайней форме церковного раскола. Как и всегда в акматической фазе, при всеобщем увлечении борьбой за власть дела более прозаические: хозяйственные нужды, забота о просвещении, культуре и тому подобное – не то чтобы игнорировались, но поневоле уходили на второй план. Жизнь же – прежде всего проза, то есть обычай, обиход, традиция, а Смута ввергла страну в большой беспорядок, даже в хаос.

Беспорядок обнаружился и в Церкви, которая не смогла выполнить роль «духовного врача», хранителя нравственного здоровья народа. Естественно, что после Смуты реформа Церкви стала самой насущной проблемой. Реформу проводили не архиереи, а священники: протопоп Иван Неронов, духовник юного царя Алексея Михайловича Стефан Вонифатьев, знаменитый Аввакум. Эти «ревнители благочестия» действовали по двум направлениям. Во-первых, в области «социального христианства», под которым подразумевались устные проповеди и непосредственная работа среди паствы: закрытие кабаков, устройство богаделен, приютов для сирот. Во-вторых, они занимались исправлением обряда и собственно богослужебных книг.

Остро стоял вопрос о так называемом многогласии. В храмах

Великороссии для экономии времени практиковались одновременные службы разным святым и разным праздникам, ибо службы были очень длинные и выстаивать их целиком московитам было недосуг: то в Орду надо ехать, то в Тверь, а то с татарами сшибка. В предшествующие времена многогласие никого не волновало. Иначе взглянули на него в эпоху бунтов и самозванцев: теперь казалось, и в этом был резон, что прихожане выходят из-под влияния Слова Божьего. Это надлежало исправить и было исправлено. Единогласие восторжествовало.

Однако конфликтная ситуация этим не была исчерпана, напротив, конфликт только разрастался. Его обусловили различия в московском и греческом обряде, прежде всего в перстосложении: великороссы крестились двумя перстами, греки – тремя. Эти различия привели к спору об исторической правоте. Фактически спор свелся к выяснению вопроса о том, появился ли русский церковный обряд – двуперстие, осьмиконечный крест, богослужение на семи просфорах, сугубая «аллилуйя», хождение посолонь, то есть по солнцу, при совершении обрядов и так далее – в результате искажения невежественными переписчиками богослужебных книг или нет.

Доказано (в частности, Е. Е. Голубинским – самым авторитетным историком Церкви), что русские вовсе не исказили обряд и что в Киеве при князе Владимире крестились двумя перстами – точно так же, как крестились в Москве до середины XVII в. Дело в том, что в эпоху христианизации Руси в Византии пользовались двумя уставами: Иерусалимским и Студийским, которые в обрядовом отношении разноречили. Восточные славяне приняли и соблюдали первый; у греков, а вслед за ними и у других православных народов, в том числе у малороссов, возобладал второй.

Вообще следует сказать, что обряды – это не догматы. Догматы должны быть святы и нерушимы, обряды же могут меняться, что на Руси происходило не раз, и притом без особых потрясений. Например, при митрополите Киприане: в 1551 г. Стоглавый собор понудил псковичей, употреблявших троеперстие, вернуться к двуперстию. Но к середине XVII в. обстоятельства радикально изменились. Уходила в прошлое «светлая Русь» с ее относительным единством в мировоззрении и поведении людей. Стране предстоял трояких выбор: изоляционизм (путь Аввакума); создание теократической вселенско-православной империи (путь Никона); вхождение в «концерт» европейских держав (выбор Петра), с неизбежным подчинением

Церкви государству. Присоединение Украины сделало проблему выбора еще актуальнее, ибо приходилось думать о единообразии церковного обряда. Появившиеся на Москве еще до присоединения Украины киевские монахи, самым замечательным из которых был Епифаний Славинецкий, стали настаивать на исправлении церковной службы и книг в соответствии со своими представлениями.

В этот острый момент умер патриарх Иосиф (1652). Нужно было избрать нового патриарха; без патриаршего благословения в ту пору на Москве никакого государственного, а уж тем паче церковного мероприятия провести было невозможно. Сам царь Алексей Михайлович, человек благочестивый и набожный, был сильно заинтересован в скорейшем избрании патриарха и хотел видеть на патриаршем престоле своего «собинного друга» – новгородского митрополита Никона, которого очень ценил и с которым всегда считался.

ЦАРЬ И ПАТРИАРХ

Типичный человек акматической фазы, будущий патриарх московский Никон был человеком крайне тщеславным и властолюбивым. Происходил он из мордовских крестьян и в миру носил имя Никиты Минича. Сделав головокружительную карьеру, Никон прославился твердым нравом и суровостью, характерной не столько для церковного иерарха, сколько для светского властителя. Не удовлетворяясь своим огромным влиянием на царя и властью над боярами и руководствуясь принципом «Божее выше царева», Никон задумал узаконить свои права, получив власть в государстве, равную царской.

Вопрос об избрании Никона на патриарший престол был решен заранее, так как многие бояре поддержали желание царя и в пользу кандидатуры Никона высказались в своих посланиях православные патриархи Востока: константинопольский, иерусалимский, антиохийский и александрийский. Никон, конечно, знал об этом, но, желая иметь абсолютную власть, прибег к давлению. Во время процедуры поставления в патриархи он в присутствии царя демонстративно отказался принять знаки патриаршего достоинства. Все были потрясены, сам Алексей Михайлович опустился на колени и со слезами на глазах умолял Никона не отказываться от сана. И тогда Никон сурово спросил, будут ли его в случае избрания чтить как отца и

архипастыря и дадут ли ему устроить Церковь в соответствии с его желаниями. Лишь получив царское слово и согласие на это всех присутствовавших, Никон согласился взять символ патриаршей власти – посох первого жившего в Москве русского митрополита Петра.

Царь исполнил свое обещание. Никон получил огромную власть и аналогичный царскому титул «Великого Государя» (1652). Но, будучи человеком пассионарным, Никон в соответствии с духом времени не всегда был сдержан, распоряжаясь своей властью, не только по отношению к людям Церкви, но и по отношению к князьям и боярам. Поэтому Алексею Михайловичу иногда приходилось браться за перо и в письмах просить Никона быть помягче к тому или иному вельможе, который имел несчастье прогневать патриарха.

«Ревнители благочестия» поначалу совсем не опасались вновь избранного патриарха, ибо были с ним коротко знакомы и принадлежали к числу его единомышленников. Так же как и они, Никон был сторонником введения единогласия и сам в начале своего патриаршества крестился двумя перстами. Но Епифаний Славинецкий не терял времени даром: через некоторое время он сумел убедить Никона, что его друзья не правы и исправлять церковные книги все-таки необходимо. В Великий пост 1653 г. Никон в особой «памяти» (меморандуме) предписал своей пастве принять троеперстие. Сторонники Вонифатьева и Неронова воспротивились этому – и были Никоном сосланы. Тогда же в Москву прибыл горячий поклонник (а после столь же горячий противник) Никона – антиохийский патриарх Макарий, и в стране было официально объявлено о введении троеперстия, а те, кто продолжал употреблять при молитве двоеперстие, были преданы церковному проклятию. Позднее (1656) церковный собор подтвердил такой порядок, и пути Никона и его бывших друзей разошлись окончательно.

Интересно, что именно отношение к своим бывшим друзьям ярко характеризует императивы поведения Никона. Когда Иван Неронов, сосланный Никоном, решил примириться с нововведениями, он был немедленно прощен – Никон отнесся к нему великодушно. Его, как видим, интересовало лишь беспрекословное подчинение своей патриаршей власти. Но те, кто, как протопоп Аввакум, не пожелали поступиться своей совестью и склониться перед властью Никона, продолжали оставаться в ссылках. Вот поведение, характерное для человека акматической фазы, стремящегося к идеалу победы: ему не

важны доводы или поиски истины в интеллектуальных спорах. Для него важно, чтобы все признали его власть и никто не смел с ним спорить.

Так совершился раскол русского православия: сторонники «древлего благочестия» оказались в оппозиции к официальной политике, а дело церковной реформы было поручено украинцу Епифанию Славинецкому и греку Арсению.

Интересен вопрос: почему Никон оперся не на своих друзей, а на приезжих монахов-украинцев? А главное, почему эту политику Никона поддержали и большинство прихожан, и собор, и царь Алексей? С этнологической точки зрения ответ очень прост. Сторонники Аввакума отстаивали превосходство местного варианта православия, сложившегося в Северо-Восточной Руси в XIV в., над традицией вселенского (греческого) православия. «Древлее благочестие» могло быть платформой для узкого московского национализма и соответствовало идеалу «Третьего Рима», «Святой Руси». С точки зрения Аввакума, православие украинцев, сербов, греков было неполноценным. Иначе за что же Бог покарал их, отдав под власть иноверцев? Православие Аввакума, таким образом, не могло быть связующей основой суперэтноса как скопления близких, но разных народов. Представители этих народов рассматривались старообрядцами лишь как жертвы заблуждения, нуждавшиеся в переучивании. Разумеется, такая перспектива ни у кого не вызвала бы искренней симпатии и желания объединиться с Москвой. И царь, и патриарх прекрасно понимали сию тонкость. Поэтому, стремясь к росту и расширению своей власти, они ориентировались на вселенское (греческое) православие, по отношению к которому и православие русских, и православие украинцев, и православие сербов были не более чем допустимыми вариациями.

Именно в установлении вселенского характера русского православия состоит историческая заслуга патриарха Никона. Но, к сожалению, крутой нрав Никона продолжал сказываться, постепенно создавая ему много противников среди бояр. Последние всячески стремились испортить отношения патриарха и царя и преуспели в этом. Началось все вроде бы с мелочей. В 1658 г. во время очередного праздника царский окольничий, прокладывая, по обычаю, дорогу для государя, ударил палкой патриаршего человека. Тот начал возмущаться, называя себя «патриаршим боярским сыном», и тут же получил еще один удар палкой – по лбу. Никон, узнав об этом случае, пришел в крайнее негодование и потребовал у Алексея Михайловича расследования и наказания виновного боярина. Но

расследование не было начато, а виновный остался безнаказанным. Видя изменившееся отношение царя к себе, Никон решил еще раз прибегнуть к приему, уже испытанному им при восшествии на патриарший престол. После обедни в Успенском соборе он снял с себя патриаршие ризы и объявил, что оставляет место патриарха и уходит жить в свой любимый Воскресенский монастырь под Москвой, называемый Новым Иерусалимом. Попытки народа остановить патриарха были безуспешны. Несмотря на то что народ выпряг лошадей из его кареты, Никон не изменил своего решения и ушел в Новый Иерусалим пешком.

Патриарший престол остался пустым. Никон рассчитывал на испуг Алексея Михайловича, но просчитался. Царь не приехал к нему. Начались долгие годы борьбы Никона за патриарший престол. Перипетии этой борьбы очень интересны, но малосущественны для нашей темы. Царь старался добиться от Никона окончательного отказа от патриаршего звания и возвращения патриарших регалий, чтобы можно было избрать нового патриарха. Никон же стремился доказать, что он волен вернуться на патриарший престол в любой момент. Такое положение было, конечно, абсолютно нетерпимым.

Тогда Алексей Михайлович прибег к посредничеству вселенских патриархов. Однако дождаться их приезда оказалось нелегко: только в 1666 г. в Москву прибыли двое из четырех патриархов – антиохийский и александрийский, имевшие, правда, полномочия от двух других православных патриархов – константинопольского и иерусалимского. Несмотря на все уловки и сопротивление Никона, он все же предстал перед судом патриархов и был лишен своего сана. Однако тот же собор 1666–1667 гг. подтвердил правильность всех церковных реформ, предпринятых Никоном. Нововведения патриарха получили официальное утверждение, но самому Никону суждено было наблюдать торжество своей политики простым монахом, сосланным в отдаленный северный монастырь. Совершенно иной была судьба Аввакума.

КОСТРЫ

Сосланный в Пустозерск (1667), опальный протопоп не прекратил своей проповеднической деятельности. Приходившие к нему богомольцы уносили в своих посохах многочисленные

послания, обличавшие никониан, звавшие к защите традиций «древлего благочестия». Вместе с тем раскольники не ограничились только проповедью старого обряда. Множество проповедников выступило с призывами к самосожжению как единственному пути спасения души. Хотя принято считать, будто проповедь самосожжения принадлежит Аввакуму, на самом деле это не совсем так. Аввакум не проповедовал самосожжения, рассматривая его лишь как одно из средств в борьбе с никонианами, допустимое для всех желающих. Прекрасный знаток «бунташного века», А. М. Панченко показал, что проповедь самосожжения возникла не на пустом месте. Она была предварена теорией «самоуморения» старца Капитона, деятельность которого развернулась еще в 30-х годах XVII в. Учение Капитона было одной из многочисленных жизнеотрицающих ересей, исходивших из признания благости самоубийства. Конечно, подобные воззрения никак нельзя назвать христианскими.

Аввакум, вне сомнения, был наиболее значительным оппонентом никонианства, а его авторитет как праведного, гонимого мученика оставался весьма высок даже в глазах противников. Не случайно царь, желая преодолеть церковные конфликты, предлагал в 1664 г. Аввакуму занять место своего духовника. Но Аввакум не пошел на компромисс. Он продолжал выступать с призывами и обличениями, написал талантливую и яркую автобиографическую книгу «Житие протопопа Аввакума» и вообще всячески досаждал «начальству» поучениями. Кончилось это для него плохо.

Когда в 1676 г. умер царь Алексей Михайлович, на московском престоле оказался его сын – тихий и впечатлительный Федор Алексеевич. Царь Федор уделял много внимания вопросам благочестия, в решении которых он был весьма щепетилен. Зная характер нового царя, Аввавум решил воспользоваться мнительностью набожного Федора и попытаться отвратить его от никонианства. Он написал царю письмо, в котором сообщил, что видел во сне Алексея Михайловича горящим в аду за грех отпадения от истинной веры, и призвал Федора Алексеевича отринуть «никонианскую прелесть», дабы самому избежать подобной участи. Но Аввакум просчитался. Федор и мысли не допускал, что его отец может быть грешником. Аввакум и его союзники «за великие на царский дом хулы» были сожжены (1682).

Мученическая смерть Аввакума окончательно разделила никониан и старообрядцев. Иной стереотип поведения

старообрядцев выделил их из основной массы русских и создал еще один оригинальный субэтнос. Но при этом общеэтнические связи разрушены не были. Так, старообрядцы своими партизанскими действиями весьма помогли Меншикову одержать победу при Лесной (1708). Но в дальнейшем, в XVIII–XIX вв., распавшись на множество «толков» и «согласий», старообрядцы постепенно потеряли пассионарность и превратились из активного субэтноса в конвиксию. К XX в. у них оставались лишь некоторые элементы своего стереотипа поведения, напоминающие о бурных событиях русской истории XVII в.

ПРАВИТЕЛЬСТВО И СТРЕЛЬЦЫ

Война с Польшей за Украину, возвращение Смоленска, освоение Сибири – все это потребовало от России огромных усилий, которые частично были компенсированы достигнутыми результатами: страна при Алексее Михайловиче в ряде западных районов вышла на те границы, которые она имела до Смутного времени. И тем не менее затраты пассионарности оказались столь велики, что уже к началу 70-х годов XVII в. явственно обозначился пассионарный спад. Очень скоро он привел к тем же последствиям, что и пассионарный спад второй половины XVI в.: возникла опасность для политического режима страны и даже для ее существования.

Со времен Смуты низовья Волги служили России своего рода сточной канавой. Туда убегали люди субпассионарные, склонные к «воровству», недостаточно энергичные для того, чтобы нести государеву службу или вести крестьянское хозяйство. Волга кормила рыбой, а богатые прибрежные пастбища в изобилии давали мясо. Однако субпассионарии не могли упорядочить собственное существование, да они и не стремились к этому. Их основной деятельностью стали набеги на соседние народы и их грабежи. Отток пассионариев из числа казаков и московских служилых людей на западные границы и в Сибирь сделал низовья Волги практически беззащитными. Результаты этого не замедлили сказаться. Когда среди аморфной «голутвы» (голытьбы) появился талантливый и энергичный вождь – казак с Дона Степан Разин, – последовал взрыв.

Перипетии разинской борьбы хорошо известны и не требуют изложения. Важен следующий пункт его «политической программы»: превращение всего населения России в казаков. С этнологической точки зрения это привело бы к упрощению системы и вряд ли пошло бы на пользу России. Ведь благодаря сословному разнообразию российский суперэтнос мог противостоять врагам и развивать собственную культуру.

В 1671 г. небольшой регулярный отряд князя Барятинского разбил под Симбирском разинское войско. Атаман бежал на Дон и был выдан казаками московскому правительству, так как они меньше всего хотели смешиваться со всем населением и превращаться в безликую аморфную массу, хотя бы и под тем же названием.

В столице падение пассионарности вызвало постепенное ослабление правительства страны. Со времен Алексея Михайловича в России стало заметно влияние культуры католического Запада с его роскошным бытом, привлекательным для высших сословий Московского государства. Среди членов царствующего дома, царедворцев, бояр стало модным подражать польским магнатам в их роскоши и забавах. Конечно, для подражания нужно было иметь немалые деньги, и те, у кого такие деньги были, начинали устраивать домашние театры, создавать библиотеки из латинских книг, собирать гравюры, коллекционировать переводы греческих авторов и даже одеваться в «немецкое» платье. Не Петром были привезены из Голландии немецкие кафтаны. Первым одел в них царское семейство, а также своих детей ближний боярин Алексея Михайловича – Афанасий Ордин-Нащокин. И хотя немецкие кафтаны мало подходили для игр в лапту и чижика, коими увлекались русские царевичи в XVII в., соображения целесообразности были принесены в жертву моде.

К тому времени и у старообрядцев пассионарный генофонд оказался подрастрачен: наиболее энергичные из них либо оказались в ссылках, либо бежали на окраины и за рубеж государства, либо погибли в «гарях». В среде старообрядцев начала проявляться тенденция к изоляции от мира.

За пять лет до смерти овдовевший царь Алексей Михайлович женился вторично – на Наталье Нарышкиной. От его первой жены, Марии Милославской, в живых остались два сына, Федор и Иван, и пять дочерей. Все они, кроме царевны Софьи, были совершенно заурядными, ничем не примечательными людьми. От Нарышкиной у Алексея Михайловича родился сын Петр – мальчик весьма живой и энергичный.

В 1676 г. началось правление Федора Алексеевича. Для него и других детей Милославской, многие из которых были ровесниками Нарышкиной, молодая вдова царя Алексея являлась мачехой. А мачеха для русской жизни – явление страшное: и мачеху не жалуют, и мачеха детей от первой жены не любит. Не всегда, конечно, случается именно так, но факт остается фактом: между Нарышкиными и Милославскими разгорелась упорная и долгая вражда.

Недалекая Наталья Кирилловна Нарышкина имела при дворе очень слабые позиции, а царевна Софья была особой весьма энергичной, напоминавшей по характеру своего отца, а еще больше – своего прадеда, патриарха Филарета. Наталью Кирилловну и она, и ее родственники во главе с боярином Иваном Милославским страшно ненавидели. Но что могла сделать одна богатая боярская семья против другой богатой боярской семьи? Очень немногое: можно было поинтриговать, можно было лишить чужого ставленника должности или послать его на воеводство в далекую Тотьму или Тобольск, но расправиться с враждебной семьей физически было нельзя. Милославские сделали все, что могли. Ближайшего советника Алексея Михайловича, боярина Артамона Матвеева, устроившего брак Нарышкиной с царем, они сначала назначили воеводой в далекое Верхотурье, а затем, лишив чина, сослали в Пустозерск; навлекли опалу на братьев царицы и удалили от дел ее немногочисленных сторонников. Но торжество Милославских оказалось преждевременным.

В 1682 г., совсем молодым, скончался государь Федор Алексеевич. На трон можно было посадить одного из двух царевичей – Ивана или Петра, причем формально Иван Алексеевич имел все преимущества, ибо был старше. Однако ни боярская Дума, ни народ на могли прийти к единому мнению. Вопрос решила позиция патриарха Иоакима, официально являвшегося первым лицом в государстве. Иоаким высказался за избрание Петра Алексеевича по чисто государственным соображениям: царевич Иван был больным ребенком. Участь Милославских стала незавидной: теперь их ожидали опала и ссылки. Не желая покорно дожидаться уготованного им судьбой, Милославские были полны решимости действовать. В этот критический момент определяющим фактором стали настроения московского стрелецкого войска.

Поскольку в то время большая часть мужского населения страны была в той или иной степени связана с военной

службой: одни служили, другие обеспечивали их всем необходимым, – то в каждом мало-мальски значительном населенном пункте главную роль играл его гарнизон. Естественно, самый большой гарнизон был в столице. Специальное городовое войско насчитывало 40 тысяч человек и состояло из стрельцов. Стрельцы появились на Руси после того, как 500 сдавшихся литовцев поступили на русскую службу и обучили москвичей пищальному бою. Пищалью называли несовершенное ружье, стрелявшее на небольшое расстояние. Из-за малой дальности стрельбы стрельцы-пищальщики не были эффективны в полевых сражениях, но для обороны городов стрелецкие полки подходили как нельзя лучше, выполняя и чисто военные, и полицейские функции. Пополнялись ряды стрельцов из русских «охочих людей». Правда, жалованье у стрельцов было маленькое и выплачивали его нерегулярно, но зато им разрешалось беспошлинно заниматься торговлей, ремеслами, огородничеством, а также иметь собственные дома в охраняемых ими городах. Все это делало стрельцов дешевым и мощным войском.

В Смутное время стрельцы показали чудеса мужества, выносливости, храбрости и боеспособности, защищая Троице-Сергиев монастырь от поляков, а Москву от Тушинского вора и участвуя в нижегородском земском ополчении. Однако в последующие семьдесят лет (1610–1680) московские стрельцы зажили совершенно другой жизнью. В поисках легкой, необременительной службы стать стрельцами стремились теперь субпассионарии – многочисленные любители хорошо поесть, сладко поспать и выпить за казенный счет. В итоге уровень пассионарности стрелецкого войска снизился чрезвычайно сильно. Стрелецкие полковники вели себя под стать своим подчиненным. Пользуясь бесконтрольностью со стороны правительства, они задерживали стрелецкое жалованье, брали взятки за послабления по службе, заставляли стрельцов и их жен работать на себя. Стрельцам, конечно, не нравилось копать репу и собирать огурцы на полковничьих огородах: зачем им было работать на полковников, когда они могли работать на себя.

И вот, воспользовавшись избранием нового царя, стрельцы через своих выборных обратились к правительству с жалобой на полковников. Стрельцы требовали выдачи всего причитающегося им жалованья, оплаты подневольных работ на полковников по устраивающим их расценкам, смещения и наказания всех неугодных им стрелецких «голов». Короче

говоря, стрельцы потребовали все то, что может потребовать солдатня, когда чувствует себя хозяином положения[1]. Испугавшись стрелецкого бунта, правительство Нарышкиных, состоявшее из людей недалеких, удовлетворило все стрелецкие требования. Обвиненные командиры полков были не только отстранены от должностей, но и наказаны батогами. С них взыскивались совершенно фантастические суммы якобы нанесенного стрельцам ущерба, а имения конфисковывались.

Вероятно, именно увидев слабость Нарышкиных, и решили Милославские использовать стрельцов для борьбы со своими противниками. До этого времени ни Нарышкины, ни Милославские не выдвигали серьезной политической программы. Все они были придворными царя Алексея Михайловича, то есть людьми, которых в равной мере коснулось начавшееся изменение обычаев по западному образцу. Для стрельцов и простого народа и те и другие оставались боярами. Вопрос о том, кто из них победит, большинству московского населения был, в общем, безразличен. Теперь же ситуация резко изменилась.

ХОВАНЩИНА

Милославские через провокаторов распространили в стрелецких полках слух, будто Нарышкины хотят «извести» царевича Ивана. Поскольку стрельцы стремились иметь возможность диктовать властям свои условия, то их абсолютно не интересовало – правду говорят Милославские или нет. 15 мая 1682 г. по зову набата стрельцы ворвались в Кремль с требованиями показать им царевича Ивана. Оба царевича были выведены на крыльцо и предъявлены толпе. Но и убедившись в здравии Ивана, стрельцы не успокоились. Они стали требовать выдачи им «изменников-бояр» по списку, заготовленному Милославскими. И началась резня.

Глава стрелецкого приказа Юрий Долгорукий принял стрелецких выборных и, угощая их пивом, пытался утихомирить бунт. Когда же выборные ушли, старый боярин сказал: «Висеть им

---

[1] Отметим, что в XVII в. субпассионарность не была характерна ни для пограничных войск, ни для иррегулярной дворянской конницы, ни для казаков, ни для дворян-однодворцев. Спад пассионарности коснулся именно центра, а не окраин страны.

на китайгородских стенах!» Холоп Долгорукого передал эти слова стрельцам, и они, вернувшись, изрубили старика саблями. Сын Долгорукого, угрожавший мятежникам карами, был сброшен с кремлевского крыльца на стрелецкие копья. Были убиты только что вернувшийся из ссылки боярин Артамон Матвеев, боярин Иван Языков, брат царицы Афанасий Нарышкин и многие другие. Самые низменные инстинкты субпассионарной черни вырвались на свободу. Озверевшие от крови стрельцы волочили трупы бояр по земле и кричали: «А вот боярин Артамон Сергеевич с Долгоруким едут, дайте дорогу!» Угрожая вырезать всю царскую семью, стрельцы потребовали на расправу еще одного брата царицы – спрятавшегося Ивана Кирилловича. Струсившие бояре выдали Нарышкина. Он причастился и вышел навстречу стрельцам с иконой. Несчастного долго пытали, добиваясь признания в измене, а затем изрубили саблями. Все оставшиеся в живых Нарышкины были отправлены в ссылку. Софья была провозглашена правительницей при «великих государях» Иване и Петре.

Однако реальной власти ни она, ни Милославские не получили. Власть взяли стрельцы, громившие усадьбы и погреба бояр. Софья поняла, что нужно хотя бы на время удовлетворить растущие аппетиты воинства, иначе вслед за Нарышкиными придет черед Милославских. Правительница велела изымать по градам и весям серебряные вещи у населения и чеканить из них деньги, чтобы срочно расплатиться со стрельцами.

Этой ситуацией воспользовались старообрядцы. Последователи Аввакума потребовали проведения свободного диспута с соответствующими гарантиями безопасности со стороны стрельцов для окончательного выяснения животрепещущего вопроса: чья вера правильнее? Правительство вынуждено было согласиться, и диспут между патриархом и суздальским священником Никитой Добрыниным по прозвищу Пустосвят (человеком очень ученым) состоялся. Но поскольку ни в одном диспуте со времен Адама и Евы ни одна сторона никогда не побеждала, каждый из участников объявил победителем себя. Патриарх сообщил о своей победе царевне Софье, а старообрядцы, выйдя на площадь, объявили о своей победе стрельцам. Но когда Софья приказала тут же схватить старообрядцев как не доказавших своей правоты, стрельцы легко отреклись от «старцев», сказав: «Черт ли нам в старой вере, пусть попы спорят!» После этого они вновь потребовали «наградных денег». Как только эти деньги (фактически – плата за жизнь доверившихся им старообрядцев)

были им выплачены, стрельцы успокоились. Никиту Добрынина казнили, отрубив ему голову, а остальных старообрядцев отправили в ссылку.

Как видим, никаких целей, характерных для движения пассионарных людей, у стрельцов не было. Как и всякие субпассионарии, они стремились лишь к получению благ с минимальными затратами сил, чего и добивались, постоянно шантажируя правительство. Будучи субпассионарным шлаком, стрельцы представляли собой крайне удобное орудие в руках любого авантюриста. И такой авантюрист нашелся. Им стал князь Иван Хованский, по прозвищу Тараруй. Прозвище свое новый глава Стрелецкого приказа получил за склонность к разговорам и пустым обещаниям. Происходя из знатного рода Гедиминовичей, князь Иван Андреевич показал себя во время войны с Польшей как крайне неспособный полководец, почему и был переведен в тыл – в Москву. Назначенный начальником Стрелецкого приказа после гибели Долгорукого, он сделал для себя нужные выводы и все время заигрывал со стрельцами, побуждая их выдвигать все новые требования.

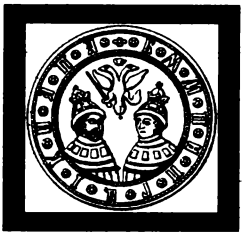
Хованский умело лавировал между Софьей и войском, одновременно возбуждая в стрельцах недовольство правительством. Так, Хованский жаловался стрельцам на недостаток денег в своем приказе, что якобы не позволяет ему наградить стрельцов как следует за их службу. Стрельцы, со своей стороны, всячески хотели укрепить собственные позиции и ослабить позиции бояр. Ослабить бояр можно было, лишив их верных слуг – дворовых людей. Поэтому стрельцы объявили свободными тех из них, кто «заложился» в кабалу в течение двух последних лет, хотя сами холопы всячески противились такому насильному освобождению. Ведь порвать «кабальную запись» означало лишиться сытного куска, снять шикарный кафтан и идти в батраки, сменив саблю и ездового коня на лопату и вилы.

Поскольку Хованский не мешал стрельцам проводить реформы согласно их вкусам и наклонностям, популярность его в стрелецком войске росла. Летом 1682 г. ситуация накалилась до предела. Правительница Софья прекрасно понимала, что опасность, угрожающая ей со стороны Хованского и стрельцов, растет не по дням, а по часам. И тогда она сделала решительный шаг – с царевичами Иваном и Петром в сопровождении свиты она покинула Москву и выехала в подмосковное село Коломенское. Из Коломенского Софья направилась к

знаменитому Троице-Сергиеву монастырю, приказав собираться там же дворянскому ополчению.

Отъезд царевны поверг стрелецкое войско в смятение. «Надворная пехота» хорошо представляла себе меру непопулярности своих действий среди пограничных воинских частей. Столкновение с дворянским ополчением также не сулило стрельцам ничего хорошего. Единственным спасением для них было сохранение существующего порядка, при котором они могли шантажировать правительство. Поэтому в Коломенское направилась стрелецкая депутация с целью убедить Софью в отсутствии у стрельцов злых умыслов и вернуть ее в Москву. Софья благоразумно отказалась возвращаться. Но, стремясь выиграть время, успокоила стрелецких выборных, притворившись ничего не подозревающей, глупой женщиной. Меж тем всем боярам под предлогом встречи сына украинского гетмана Самойловича было предложено явиться в село Воздвиженское, где Софья сделала остановку по пути к монастырю. Направился туда и не ожидавший подвоха Хованский. А в это время боярин Михаил Лыков, отчаянный пограничный рубака, получил приказ Софьи схватить Хованского и с небольшим отрядом дворян напал на его лагерь. Смяв шатер Хованского конем, воевода схватил спавшего князя Ивана за шиворот и, перекинув через седло, привез его к царевне Софье. Без лишних проволочек, тут же в пыли у дороги, Хованскому отрубили голову.

Испуганные перспективой войны с дворянским ополчением, стрельцы и не подумали подняться на защиту своего начальника. Почувствовав силу и решимость Софьи, они согласились на все условия правительства, выдали зачинщиков и приняли в качестве начальника Стрелецкого приказа преданного Софье и крутого на расправу думного дьяка Федора Шакловитого. Хованщина кончилась.



ГЛАВА ШЕСТАЯ
НА ПОРОГЕ ИМПЕРИИ

В СВЯЩЕННОЙ ЛИГЕ

С усмирением стрелецкого бунта началось открытое правление Софьи, опиравшейся на клан Милославских. Главой правительства стал фаворит правительницы – князь Василий Васильевич Голицын. Образованный человек, прекрасный дипломат и политик, князь Голицын был ярым сторонником участия России в европейских делах на стороне католических стран: Австрии, Речи Посполитой и Венеции. Но эта политика была не просто непопулярна в стране. Для большинства русских людей она была непонятна и непривычна. Еще совсем недавно, при патриархе Филарете и царе Михаиле Федоровиче, при Никоне и царе Алексее Михайловиче, русские внешнеполитические установки были противоположны. Россия выступала против Польши, а в ее лице – против всего католического Запада, стремясь к «торжеству православия». Кроме того, что такая политика России находила поддержку у украинцев и белорусов, она являлась и вполне ортодоксальной с христианских позиций. Ведь жестокое обращение с православными, принятое у католиков, не шло ни в какое сравнение с тем, как относились к балканским христианам в Османской империи.

Турки, которые владели большей частью православных стран: Сербией, Болгарией, Грецией, Молдавией, Валахией, – а также Сирией и Египтом, где была велика доля христианского населения, обращались с христианами довольно мягко. Конечно, христиане не могли служить в армии и носили оружие только в исключительных случаях, сделать большую карьеру они могли, лишь приняв ислам. Но тот, кто не желал делать

карьеру и не хотел принимать ислам, мог спокойно жить и работать, свободно посещать христианские храмы, читать и даже издавать православные богослужебные книги. Свобода совести рассматривалась как один из принципов государственного устройства империи, ибо турки XVII в. здраво полагали, что лучше собирать с христиан дополнительный налог, чем разжигать в своей стране гражданскую войну. А деньги были очень нужны туркам для содержания войск: внешних войн Османской империи хватало.

Вооруженная борьба католических стран с Турцией в XVI–XVII вв. шла практически непрерывно. Во второй половине XVII столетия турки-османы, несмотря на ряд серьезных поражений от европейских держав, удерживали в своих руках Подолию и часть Венгрии, а в 1683 г. перешли в наступление против Австрийской империи и осадили Вену. Польский король Ян Собесский, решив, что оставлять Австрию в таком положении слишком опасно, принял активное участие в обороне города. По европейским источникам, турецкие войска под Веной насчитывали около 200 тысяч человек, включая «обслуживающий персонал». Без сомнения, численность боевых частей была существенно меньше. Против турок выступили сорокатысячная австрийская армия и двадцать шесть тысяч польских гусар Собесского. Этими силами турки были разбиты наголову. Поражение было так сокрушительно, что султан казнил своего великого визиря. Но успех Австрии и Речи Посполитой был достигнут исключительно благодаря героизму польского рыцарства, и обошелся он Польше дорого.

Продолжение борьбы с турками потребовало объединения европейских государств, и в 1684 г. была создана Священная лига, в которую вошли Австрийская империя, Речь Посполитая, Венецианская республика и Мальтийский рыцарский орден. Участники этой коалиции стремились вовлечь в борьбу с Турцией и Россию, чтобы переложить на нее тяготы ведения войны на Диком поле. Несомненно, что идея о союзе христианских государств для борьбы с магометанами была лишь вывеской: еще в 1676 г. Речь Посполитая в канун очередного турецкого вторжения на Украину благополучно предала Россию и поспешила заключить с султаном мир. Россия, незадолго до того заступавшаяся за Речь Посполитую и требовавшая от османов прекращения нападений на Польшу, столкнулась с высвободившимся стотысячным турецко-татарским войском. Лишь ценой героических усилий стрелецкого ополчения и

казацких отрядов русским удалось отстоять Киев и Левобережную Украину.

Все это умные люди в России прекрасно понимали. Когда дьяк Посольского приказа Емельян Украинцев сообщил гетману Самойловичу о решении Голицына примкнуть к коалиции европейских католиков против Турции, гетман справедливо заметил, что воевать за интересы своих врагов глупо, нарушать мир с турками и татарами нет причин, а надежды захватить Крым совершенно иллюзорны. Об этом, без сомнения, знали и Софья, и Василий Голицын. И тем не менее они поддались на увещевания поляков-иезуитов, вопреки мнению такого опытного военачальника, как Самойлович. В 1686 г. Россия примкнула к Священной лиге, получив в обмен на обещанное ею участие в войне «вечный мир» с Польшей и Киев в бессрочное владение (он, по Андрусовскому перемирию 1667 г., перешел к России на два года, да так и не был возвращен полякам).

Западноевропейские страны всячески стремились привлечь русских к войне не столько с Турцией, сколько с ее союзником – Крымским ханством, так как австрийцы и поляки больше опасались не регулярной турецкой армии, а стремительных набегов татарской конницы. Крымцев-то и должны были отвлечь на себя русские войска.

Таким образом, России приходилось вступать в войну, не имея никаких гарантий на приобретение земель на Балканском полуострове в случае победы. Однако свои обязательства нужно было выполнять. И в 1687 г. стотысячное русское войско, руководимое князем Голицыным, выступило в поход на Крым. Ветераны степных войн, дворяне и казаки, хорошо представляли себе авантюрный характер затеи Софьиного фаворита. Голицын не обладал никакими полководческими талантами, а огромному войску предстояло летом пройти по сухим, безводным степям от Полтавы до Перекопа и, не имея надежного тыла, взять сильно укрепленный перешеек. Неудивительно, что этот крымский поход, так же как и следующий (1688), кончился позорной неудачей. Сам Василий Голицын отделался легким испугом: его интимные отношения с Софьей спасли князя от опалы. Виновным в провале Голицын при помощи интриг Ивана Мазепы объявил Самойловича, менее всех повинного в неудаче и изначально возражавшего против голицынской авантюры. Гетмана лишили должности и сослали в Сибирь по надуманному обвинению, а гетманскую булаву, как мы уже упоминали, получил ставленник Голицына – Мазепа.

НАКАНУНЕ РЕФОРМ

Неудачи крымских походов вызвали брожение и рост недовольства в стране. И раньше большинство простого народа удивлялось нравам и обычаям царского двора. Видя правительницу в польских нарядах, ее фаворита – в польском кунтуше или слыша польский язык и латынь вельмож, люди недоумевали. (Польский язык к тому времени прочно вошел в моду и употреблялся в Кремле очень широко.) А после подчинения внешней политики России интересам Австрии, Польши и даже Венеции, введения тяжелых налогов и принесения бесполезных жертв правительство лишилось всякой популярности. Неприязнь к нему усилилась также из-за крайне жестокой политики по отношению к старообрядцам. В 1685 г. против раскольников были изданы пресловутые «Двенадцать статей» – одно из самых безжалостных узаконении в русской карательной практике. (Кстати, в том же году Людовик XIV отменил Нантский эдикт о веротерпимости. В обоих случаях роль подстрекателей выполнили иезуиты.)

Развязка наступила в 1689 г., по возвращении Голицына из Крыма. Началось со слухов. Пошли разговоры, что стрельцы, по наущению Софьи и начальника Стрелецкого приказа Федора Шакловитого, снова замышляют убить Петра и вдовствующую царицу Наталью Кирилловну. Напуганный этим известием, семнадцатилетний Петр ночью бежал из своей резиденции в селе Преображенском под защиту стен Троице-Сергиева монастыря. Противостояние Нарышкиных и Милославских, Петра и Софьи приняло ничем не замаскированный характер. Однако стрельцы на сей раз повели себя очень пассивно, набат не зазвучал, сторонников у правительства не оказалось. Патриарх, выехавший для переговоров с Петром, больше не вернулся в Москву. Вслед за патриархом потянулись бояре, уходили строем с развернутыми знаменами

Молодой Петр

пешие и конные полки. Софью и Голицына просто никто не хотел поддерживать, а стрельцы с готовностью выдали Петру Шакловитого. В итоге Шакловитому отрубили голову. Голицын был сослан, а Софья заточена в монастырь.

Так партия Нарышкиных пришла к власти, поднявшись на гребне национального недовольства западным влиянием. Можно без всякого преувеличения сказать, что вся страна своим сочувствием возвела на престол будущего Петра Великого вместе с его партией, с его окружением. Провозглашенная ими политика национального возрождения, если ее так можно назвать, сохранялась довольно долго – с 1689 по 1701 г. Это было время, когда к власти пришли патриарх Иоаким, вдовствующая царица, ее брат Лев Нарышкин, родственник Петра по бабушке Тихон Стрешнев, дядька царя князь Борис Голицын и, позже, князь-кесарь Федор Ромодановский, который стал ведать Преображенским приказом.

Новое правительство, будучи втянутым в войну, должно было продолжать ее, и Петр, оставив «марсовы потехи», предпринял вместе с донскими казаками в 1695 и 1696 гг. два похода для захвата турецкой крепости Азов, запиравшей выход из Дона в Азовское море. Азов был хорошо укрепленным форпостом турок. Петру, не располагавшему флотом, не стоило и мечтать о взятии крепости, гарнизон которой получал достойное подкрепление. Но молодой царь и его друзья пребывали в уверенности, что осада Азова будет ничуть не сложнее «морских походов» на Переславском озере или штурма игрушечной крепости у подмосковной деревни Кожухово. Естественно, первый поход 1695 г. закончился неудачей. Сняв осаду, русские отошли.

Всю зиму Петр провел в Воронеже за строительством флота и подготовкой второго похода. На новые воронежские верфи было согнано несколько десятков тысяч человек, и ценой неимоверных лишений для людей и затрат для казны к весне было построено несколько крупных кораблей. Вместе с русскими в поход на Азов выступили украинские и донские казаки, а также калмыцкая конница. И надо сказать, что успех второго штурма Азова был обеспечен не вновь построенными крупными кораблями, а небольшими маневренными лодками донских казаков. Мобильные казацкие суденышки внезапным нападением на турецкие корабли рассеяли их и позволили русскому флоту беспрепятственно выйти из Дона в Азовское море. Судьба крепости была решена, и после двух месяцев осады турки на условиях почетной капитуляции покинули Азов.

Однако сама необходимость взятия Азова была более чем

сомнительна. Азовское море сообщается с Черным через Керченский пролив, а Керчь и Тамань находились в руках у турок и татар. Таким образом, взяв Азов, логично было бы начать отвоевывать выход из Азовского моря в Черное, то есть, подобно Голицыну, пытаться захватить Крым. Но ведь, даже завоевав Крым и получив выход в Черное море, Россия не стала бы средиземноморской державой. Для настоящей конкуренции в Средиземном море с венецианцами и англичанами русским необходимо было получить проливы Босфор и Дарданеллы, то есть ни много ни мало – захватить Стамбул. А об этом и речи не могло идти в конце XVII в.

Итоги русско-турецкой войны были для нашей страны не блестящи. Австрия заключила с Турцией мир, предоставив России одной рассчитываться за все неудачи, поскольку сама она уже приобрела богатую Венгрию. Речь Посполитая получила необходимую ей Подолию, ставшую барьером на пути турок во внутренние области Польши. Россия же присоединила к себе Дикое поле от Дона до Запорожья. Как мы уже упоминали, эта земля действительно являлась полем постоянного сражения между ногайскими татарами, совершавшими набеги на русскую и польскую Украину, и казачьими отрядами, шедшими с севера для нападений на турецкие и татарские владения. И казаки, и татары были жуткими головорезами, и, конечно, возможности заселять и обрабатывать эти плодородные земли Россия не имела. Европейцы прекрасно представляли всю условность этого приобретения и без колебаний согласились считать Дикое поле русским.

Таким образом, всем здравомыслящим людям были видны негативные результаты голицынского союза с католиками. Вероятно, не без влияния своих ближайших советников Петр решил изменить приоритеты во внешней политике и попытался наладить контакты с другими европейскими государствами. В 1697 г. в Европу направилось «Великое посольство», в составе которого инкогнито под именем «урядника Петра Михайлова» ехал и сам молодой российский самодержец. Путь посольства пролегал в основном по протестантским странам Северной Европы: Курляндии, Бранденбургу, Голландии, Англии.

Из этого путешествия, в ходе которого прошли переговоры (хотя и неофициальные) с европейскими монархами, Петр привез на Русь новую идею русской внешней политики – союз не с католическими, а с протестантскими государствами. Следует сказать, что для любимой Петром Голландии и торговой Англии самой насущной задачей являлась тогда борьба с католической

Францией и ее политическим союзником – Швецией. Вот и попытались европейские политики использовать Петра в борьбе против Швеции, точно так же, как ранее они использовали Голицына и Софью в борьбе с Турцией.

Как видим, с заменой Софьи на Петра русская внешняя политика не получила самостоятельного характера, утерянного в правление Софьи. Она лишь была переориентирована на иную группу западноевропейских стран.

Молодой Петр, на которого упорядоченная, комфортная жизнь в Голландии произвела глубокое впечатление, был захвачен великими планами: сделать из России такую же «цивилизованную» державу, построить такой же морской флот и развить коммерцию. Правда, для воплощения царской мечты приходилось начинать воевать со Швецией за выход к Балтийскому морю, но это считалось задачей своевременной и благородной.

С этнологической точки зрения возникновение петровской мечты вполне естественно. Петр, как и его соратники, принадлежал своему этносу, переживавшему в XVII в. максимум пассионарности – акматическую фазу, малоблагоприятную для жизни простых людей, до предела насыщенную конфликтами и всяческими безобразиями. Человеку, видевшему ребенком кровавые стрелецкие расправы, слышавшему ожесточенные споры о вере, вынужденному постоянно бороться за свою жизнь в дворцовых интригах, тихая, спокойная жизнь Голландии, находившейся в инерционной фазе, действительно должна была показаться сказкой. Стремление Петра в России конца XVII – начала XVIII в. подражать голландцам напоминает поступок пятилетней девочки, надевающей мамину шляпку и красящей губы, чтобы быть похожей на свою любимую маму. Но как шляпка и помада не делают ребенка взрослой женщиной, так и заимствование европейских нравов не могло сменить фазы русского этногенеза. Подтверждение тому есть и в истории «Великого посольства»: Петр не смог, как планировал, посетить Венецию. Он был вынужден, бросив все, срочно вернуться в Россию, где вспыхнул очередной, и на сей раз последний, стрелецкий бунт.

Правительством князя Ромодановского московские стрельцы были удалены из столицы и высланы на пограничье. Военная служба, полная опасностей и лишений, стрельцам не нравилась, приятнее было жить в Москве, занимаясь собственным хозяйством. В 1698 г. сорок тысяч стрельцов самовольно оставили границу и направились в столицу. Московский гарнизон под командованием генерала Патрика Гордона состоял всего

из пяти тысяч человек. Генерал Гордон, направив на стрельцов пушки, вышел к ним навстречу и предложил прекратить безобразие. Но стрельцы, вместо того чтобы развернуться в боевой порядок, отступить или, наконец, сдаться, начали через речку переругиваться с Гордоном. Перебранка разозлила генерала, и он приказал дать залп. После первого же залпа стрельцы дружно побежали и капитулировали – сорок тысяч стрельцов перед пятью тысячами регулярных войск!

Вернувшийся из-за границы разъяренный Петр приказал провести новый розыск и подверг мучительным пыткам и казням огромное количество стрельцов. Стрельцы отнеслись к экзекуции с полной покорностью, ни о каком сопротивлении и речи не было, ведь пассионарность стрелецкого войска оказалась исчерпанной. И это неудивительно. Наиболее энергичные стрельцы гибли во время любого возмущения: зачинщиков последовательно уничтожали сначала Софья с Шакловитым, а потом Петр со страшным князем-кесарем Ромодановским. Не случайно во время бунта 1698 г., столкнувшись с войсками Гордона, стрелецкое войско повело себя точно так же, как сорок тысяч потерявших пассионарность новгородцев в 1478 г. в битве при Шелони, когда им противостоял всего пятитысячный московский конный отряд. Одинаковые причины ведут к одинаковым следствиям.

Медаль на уничтожение стрельцов

После возмущения 1698 г. стрелецкое войско сошло с исторической сцены, хотя формально его упразднили позднее. Так окончилась жизнь консорции московских стрельцов: из группы людей, объединенных общей судьбой, она сначала превратилась

в конвиксию – группу, связанную общим бытом, – а затем была уничтожена, не успев вырасти в субэтнос, как это случилось с раскольниками, или стать этносом, как казаки.

ПЕТРОВСКАЯ ЛЕГЕНДА

Разгром восстания стрельцов 1698 г. принято считать последней датой в истории Московской Руси, которая затем начала стремительное превращение в Российскую империю. А при Екатерине II родилась петровская легенда – легенда о мудром царе-преобразователе, прорубившем окно в Европу и открывшем Россию влиянию единственно ценной западной культуры и цивилизации. К сожалению, ставшая официальной в конце XVIII в. легендарная версия не была опровергнута ни в XIX, ни в XX столетиях. Пропагандистский вымысел русской царицы немецкого происхождения, узурпировавшей трон, подавляющее большинство людей и по сию пору принимает за историческую действительность.

На самом же деле все обстояло не совсем так, а вернее, совсем не так. Несмотря на все декоративные новшества, которые ввел Петр, вернувшись из Голландии: бритье, курение табака, ношение немецкого платья, – никто из современников не воспринимал его как нарушителя традиций. Как мы уже убедились, традиции у нас на Руси любили нарушать и нарушали все время – и Иван III, и Иван Грозный, и Алексей Михайлович с Никоном привносили значительные новшества. Контакты с Западной Европой у России никогда не прерывались, начиная по крайней мере с Ивана III. Привлечение Петром на службу иностранных специалистов русскими людьми вообще воспринималось как нечто вполне привычное. Знающих иностранцев заманивали на русскую службу еще в XIV в. – тогда ими были татары. А в XV столетии нанимали уже и немцев, и притом немало. Но как в XV–XVII вв., так и при Петре все ключевые должности в государстве занимали русские люди. Немцы получали хорошее жалованье, успешно работали, пользовались покровительством царя, но к власти их никто не думал допускать. Русские люди XVIII в., даже одетые в кафтаны и парики, оставались самими собой. Да и отношение царя Петра к Европе, при всей его восторженности, в известной мере оставалось, если можно так выразиться, потребительским. Известна фраза царя: «Европа нам нужна лет на сто, а потом мы повернемся к ней задом». Однако

Петр здесь ошибся. Европа оказалась нужна России лет на 25–30, так как все европейские достижения русские переняли с потрясающей легкостью. Уже к середине XVIII в. стало возможным «повернуться задом», что и проделала родная дочь Петра Елизавета в 1741 г.

Все петровские реформы были, по существу, логическим продолжением реформаторской деятельности его предшественников: Алексея Михайловича и Ордин-Нащокина, Софьи и Василия Голицына, – да и проблемы он решал те же самые. Основной трудностью Петра во внутренней политике, как и у его отца и единокровной сестры, оставались пассионарные окраины.

Восстала Украина: украинский гетман Мазепа, обманув Петра, предался Карлу XII. Восстал Дон, возмущенный самоуправством петровских чиновников, которые захотели брать оттуда беглых крестьян. «С Дона выдачи нет», – заявил атаман Кондратий Булавин и два года сопротивлялся, пока в осажденном Черкасске не был вынужден пустить себе пулю в лоб. Восстали башкиры, и понадобилось четыре года, чтобы справиться с ними. В общем, буйное население юго-востока страны доставляло Москве массу хлопот, как это было и в Смуту.

В этой ситуации снова оказался эффективным союз русских со степняками. Петр договорился о взаимодействии с калмыцким ханом Аюкой, который стоял в тылу у башкир и донских казаков, и с его помощью восстания были подавлены. Кроме того, к началу XVIII в. калмыки практически остановили ногайские набеги на Русь: будучи мастерами степной войны, они быстро стеснили ногаев и заставили их перейти от нападения к обороне.

И все же петровские реформы, являясь по сути продолжением политики западничества в России, конечно, оказались глубже, чем все предыдущие, по своему влиянию на русские стереотипы поведения, ибо в начале XVIII столетия уровень пассионарности российского суперэтноса был уже гораздо ниже, чем в XVI–XVII вв. Но и при Петре в известном смысле была продолжена русская традиция XVII в. Придя к власти в 1689 г., боярская клика Нарышкиных во главе с Петром могла управлять страной только так, как она умела это делать. А способ управления в России существовал только один, известный еще со времен Шуйских и Глинских: царь проводил свою политику, опираясь на верные войска и правительственных чиновников, и потому все Русское государство представляло собой совокупность сословий, так или иначе связанных с «государевой службой».

После стрелецких восстаний привилегированные войска стрельцов были уничтожены, поскольку падение пассионарности и деградация стрельцов сделали их оппозиционерами существующей власти. Значит, Петру для сохранения трона и жизни требовалась своя армия. А кого он мог привлечь на свою сторону? Мобилизовать башкир после разгрома восстания нечего было и думать. На Украине лишних сил тоже не имелось. Дон после восстания Булавина перестал быть опорой трона. В итоге у начавшего войну со Швецией Петра боеспособных войск оказалось мало. Поэтому молодой король Карл XII смог легко нанести русским под Нарвой сокрушительное поражение и решил, что о России можно и не думать, ведь вся ее армия уничтожена.

У Петра оставался единственный выход: увеличить количество войск иноземного строя, а именно пеших солдатских и конных драгунских полков. Следовательно, основная реформа Петра – военная – носила вынужденный характер. Численность регулярных войск была увеличена с 60 до 200 тысяч человек, но для этого пришлось начать «рекрутские наборы». У дворян забирали крестьян и холопов в солдаты на 25 лет, то есть практически навечно. Обучали рекрутов жестко, скорее даже жестоко, руководствуясь принципом «семерых забей, одного выучи». Конечно, профессиональные солдаты были весьма боеспособны, крепки в бою, но снижавшаяся пассионарность этноса не позволяла перевести это войско на самообеспечение, как было в случае с дворянской конницей или стрельцами. Если только солдатам разрешали добывать себе пищу – начиналось мародерство и грабеж, так как солдат, домом которому была казарма, не склонен был жалеть чужих ему людей – обывателей. Полки иноземного строя, в отличие от стрельцов, уже никак не были связаны с кормящим ландшафтом и потому нуждались в полном обеспечении. Понятно, что обходились эти полки казне очень дорого: им требовались военные городки, провиантские склады, громоздкие обозы. Военные расходы легли тяжелым грузом на население, и русские люди бросились в бега.

Когда для армии потребовались пушки, технологию их изготовления русские освоили быстро, тем более что залежи необходимой для литья пушек железной руды имелись и около Тулы, и на Урале, где строительство заводов вел купец Демидов. Демидовские заводы производили пушки не хуже шведских, а шведское железо и оружие считались тогда лучшими в мире. Но сказалась нехватка рабочих рук. Поэтому к демидовским заводам были приписаны целые деревни. Их обитателям

предписывалось отдавать трудом свой взнос на общее дело – войну. Решение вышло неудачным: крестьяне не столько работали, сколько шли к месту работы и обратно, ибо деревни располагались далеко от заводов, а время пути учитывалось в общем сроке повинности.

Сказалось снижение общего уровня пассионарности и на «птенцах гнезда Петрова». Новые люди, пришедшие с Петром к управлению страной, были карьеристами и казнокрадами. Взятки, коррупция достигли при «преобразователе» такого распространения, какого в XVII в. бояре и представить себе не могли. Достаточно упомянуть о любимце Петра, талантливом полководце Александре Меншикове. При строительстве новой столицы – Санкт-Петербурга – роскошное здание Двенадцати коллегий, которое должно было украшать набережную Невы, оказалось повернутым к реке торцом только потому, что петербургский генерал-губернатор Меншиков решил на месте правительственного здания выстроить себе дворец. Деньги на строительство, конечно, изымались из казны.

Вполне естественно, что расходы на армию и флот и коррупция вызывали постоянный дефицит государственного бюджета. (Впрочем, наследникам своим Петр оставил финансовые дела в очень приличном состоянии – без копейки государственного долга.) И в 1714 г. реформаторы ввели страшный закон о подушной подати: обложили всех людей, живших в России, налогом за то, что они существуют. Но собрать этот налог не представлялось никакой возможности. Люди отказывались платить под самыми различными предлогами. Тогда Петр не остановился и перед введением круговой поруки. Все население городов и волостей было переписано, определены суммы подати каждого города и каждой волости, и за их своевременное поступление в казну объявлялись ответственными отцы города или губные старосты – наиболее богатые люди. Их обязывали самих изыскивать средства, получать с бедного населения нужное количество денег, а при недоимках они отвечали собственным имуществом. Деваться было некуда: в городах стояли гарнизоны царских войск.

Казалось бы, уж с кого-кого, а с помещичьих крестьян брать подушную подать не стоило. Ведь крестьяне обслуживали помещиков-дворян, а дворяне в эпоху Петра служили в армии ни много ни мало – 40 лет. (Правда, при преемниках Петра этот срок был уменьшен.) Но и помещиков объявили ответственными за поступление налога с крестьян. В ответ на многочисленные жалобы помещиков о невозможности

собирать налоги одновременно с несением службы «передовое» петровское правительство посоветовало им привлечь к делу родственников и не особенно стесняться в выборе средств при выколачивании денег из несчастных мужиков. Из указа о подушной подати и родилась та гнусная, омерзительная форма крепостного права, которая была упразднена только в 1861 г. Как видим, «окно в Европу» имело две стороны.

Однако не все последствия петровских реформ сказались сразу: некоторые результаты их испытали на себе не столько современники Петра, сколько их потомки. Весь XVIII в. соседние народы по инерции воспринимали Россию как страну национальной терпимости – именно так зарекомендовало себя Московское государство в XV–XVII вв. И поэтому все хотели попасть «под руку» московского царя, жить спокойно, в соответствии с собственными обычаями и с законами страны. То, что приобрела в XVII в. Украина, не пожалевшая крови ради присоединения к России, безо всяких усилий получили и казахи, и буряты, и грузины, страдавшие от набегов соседей. Так старая московская традиция привлекла целый ряд этносов, органично вошедших в единый российский суперэтнос, раскинувшийся от Карпат до Охотского моря.

* * *

Восемнадцатый век стал последним столетием акматической фазы российского этногенеза. В следующем веке страна вступила в совершенно иное этническое время – фазу надлома. Сегодня, на пороге XXI в., мы находимся близко к ее финалу. Было бы самонадеянностью рассуждать об эпохе, частью которой являемся мы сами. Но если сделанное нами допущение верно, а мы пока не знаем фактов, ему противоречащих, то это означает, что России еще предстоит пережить инерционную фазу – 300 лет золотой осени, эпохи собирания плодов, когда этнос создает неповторимую культуру, остающуюся грядущим поколениям! Если же на обширной территории нашей страны проявят себя новые пассионарные толчки, то наши потомки, хотя и немного непохожие на нас, продолжат славные наши традиции и традиции наших достойных предков. Жизнь не кончается...

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Мы проследили логику основных событий этнической истории Руси и России. Легко увидеть, что изложение этой логики вовсе не похоже на повествование об истории социальной. Этническую историю любой страны, то есть историю населяющих ее народов, нельзя рассматривать так, как мы рассматриваем экономические отношения, политические коллизии, историю культуры и мысли. Не составляет исключения и история России, изложенная в этническом аспекте: ее невозможно представить в виде линейного процесса, идущего от Рюрика до Горбачева. События этногенезов народов нашего Отечества составляют историческую канву жизни, по крайней мере, двух разных суперэтносов. Поэтому необходимо различать историю Древней Киевской Руси (с IX до XIII в., включая и историю Новгорода до его падения в XV в.) и историю Московской Руси (с XIII столетия до наших дней). При этом ключевым периодом для понимания отечественной исторической судьбы являются три века: XIII, XIV и XV, когда русская действительность формировалась как результат интерференции (наложения) двух разных процессов этногенеза. Финальная фаза этногенеза Киевской Руси сочеталась с начальным, инкубационным периодом истории будущей России, и это сочетание придало столь трагическую окраску времени Александра Невского, Дмитрия Донского и Василия Темного.

Знали ли современники этих великих государей, что они живут в эпоху смены традиций? Конечно, нет! Распад древнерусской государственности, распри князей, литовские и татарские набеги, необходимость платить ханский «выход» и княжеские пошлины... Казалось, будто тяжелее времени и быть не может. Именно такое бытовое мироощущение эпохи осталось зафиксированным в литературных источниках XIII в. и перекочевало в последующие исторические сочинения. С точки зрения традиционной историографии, это было правильно, но в том-то и дело, что, используя методы гуманитарных наук, иного вывода получить было невозможно. Когда историк исходит из написанного в изучаемом им тексте, он делает выводы, обобщающие взгляды автора этого текста. Для того чтобы

достигнуть обобщения фактов исторической действительности, необходимо учитывать их «в чистом виде», отслоенные от литературных источников и подвергнутые сравнительной исторической критике. Такой метод принадлежит уже не гуманитарным, а естественным наукам. Именно его и применяет историко-географическая наука об этносах – этнология, в основе которой лежит пассионарная теория этногенеза.

При использовании естественнонаучной методики можно видеть недоступное взгляду современников – истинный характер той или иной эпохи. Он открывается исследователю при взгляде на длинный событийный ряд с известного временного расстояния. Оценивая таким образом отрезок русской истории XII–XV вв., можно убедиться, что именно в этой эпохе лежат подлинно начальные пласты нашей истории. По отношению к ним все предшествующее есть законченная историческая традиция славянского этногенеза, а все последующее – трансформация некогда возникших поведенческих стереотипов и культурных доминант.

Анализируя этническую историю Руси-России, необходимо принимать во внимание этногенезы всех народов нашей Родины. Каждый из этих этносов, обладая своим этническим возрастом и соответствующим ему пассионарным потенциалом, оказывал мощное влияние на ход этногенеза всего суперэтноса. И, только учтя весь спектр этнических контактов и их социальных последствий, можно приблизиться к истинному представлению о прошлом Отечества.

Используя основную характеристику этнической истории – уровень пассионарного напряжения, – легко обобщить различия между Киевской и Московской Русью, указать на два разных потока русской истории. Попытаемся представить это в виде таблицы, на которой более наглядно видно, что этногенез Московской Руси – России только в XX в. подходит к тем финальным фазам, в которых прошла вся история Киевской Руси. Москва не продолжала традиций Киева, как это делал Новгород. Напротив, она уничтожила традиции вечевой вольности и княжеских междоусобиц, заменив их другими нормами поведения, во многом заимствованными у монголов, – системой строгой дисциплины, этнической терпимости и глубокой религиозности.

Неподготовленному читателю изложение концепции этнической истории наверняка кажется экстравагантным до неприличия, и для такого мнения действительно есть некоторые основания.

Сравнительная диахроническая таблица по этнической истории Руси и России

Фаза этногенеза или фазовый переход	Возраст этноса, лет	Славяне – Древняя Русь		Московская Русь – Россия	
		Периоды и даты	Основные события	Периоды и даты	Основные события
Пассионарный толчок	—	Около 1 г. н. э.	Взрыв этногенеза от Южной Швеции до Абиссинии (Аксум) – Великое переселение народов	Около 1200 г.	Взрыв этногенеза в Литве, на Руси, в Малой Азии и Эфиопии
Инкубационный период фазы пассионарного подъема, образование нового этноса	180–200	1–200 гг.	Неизвестно	1200–1380 гг.	Возникновение нового этноса – русских – на основе слияния славян, татар, литовцев, финно-угорских народов. Великое княжество Московское, Куликовская битва
Явный период фазы пассионарного подъема, начало перехода к акматической фазе	200–300	200–300 гг.	Неизвестно	1380–1500 гг.	Объединение Великороссии. Начало формирования суперэтноса. Разрушение последнего этнического осколка Киевской Руси – Новгорода
Акматическая фаза этногенеза – образование суперэтноса и распространение его в пределах своего ландшафтного ареала	300–600	300–600 гг.	Миграция славянских племен. Расселение славян на территориях Южной и Восточной Европы	1500–1800 гг.	Объединение под властью Москвы народов Евразии от Прибалтики до Тихого океана, создание суперэтноса

Фаза надлома, резкое снижение пассионарности суперэтноса	600–800	600–800 гг.	Распад славянского единства. Освоение славянскими народами занятых территорий. Образование отдельных раннеславянских государств	1800–2000 гг.	Нарастание внутренних конфликтов: гражданские войны, революции. Атеизм. (Раскол этнического поля)
Инерционная фаза, плавное снижение пассионарности суперэтноса	800–1100	800–1100 гг.	Создание славянского государства в Восточной Европе – Киевской Руси, его христианизация с последующим расцветом культуры и ростом благосостояния	После 2000 г.	?
Фаза обскурации, резкое снижение пассионарности, разрушение системных связей	1100–1300	1100–1300 гг.	Распад единого славянского государства на отдельные княжества, рост междоусобных конфликтов. Раздел страны между Ордой (северо-восток) и Литвой (юго-запад)	–	–
Мемориальная фаза – утрата единства этнической принадлежности и трансформация культурной традиции. Полное уничтожение этнических реликтов	1300–1500	1300–1480 гг.	Утрата политической самостоятельности Новгородом Великим	–	–

Все явления окружающего мира проходят через призму сознания и отражаются в творениях ума и рук человека: философских трактатах, живописных полотнах, научных открытиях и технических достижениях. В том, что создано человеком, и живет культурная традиция, то есть сумма знаний и представлений, передаваемая во времени от этноса к этносу. Именно как культурная традиция дошли до нас произведения древнерусских книжников и прекрасные храмы, сохранившиеся в Чернигове, Киеве, Боголюбове. Поскольку культурная традиция, базирующаяся на православии, в основном была заимствована Москвой у Древней Руси и видоизменялась лишь формально, то для людей XVIII–XX вв. историческая преемственность полностью сохранялась. Для нас наследие Киевской Руси и достижения Руси Московской слиты воедино, что и дает повод говорить о поступательном ходе русской истории с IX по XX в.

Действительно, если мы имеем в виду культуру, то есть все созданное людьми, то с тезисом о преемственности с грехом пополам можно согласиться. Но коль скоро речь идет об этногенезе, то к нему этот тезис вообще неприменим. В отличие от культурной традиции, традиция этническая – это не преемственность мертвых форм, созданных человеком, а единство поведения живых людей, поддерживаемое их пассионарностью. Что же касается стереотипов поведения людей в Киевской Руси и в Московском государстве, то они, как мы убедились, отличались весьма существенно.

Конечно, и в формировании культуры пассионарность играет свою роль, но это роль не руля, а двигателя. Людские чувства, относящиеся к проявлениям природы, также отображаются в делах и творениях человеческих, будь то политические институты или произведения изящной словесности. Как известно, хорошо рисовать или сочинять очень трудно. При некоторых способностях ремеслу поэта или художника научиться, конечно, можно, но ремесло так и останется ремеслом: без творческого озарения невозможно перешагнуть границы подражания или копирования. Однако и творческого эмоционального порыва недостаточно, ибо без упорного стремления к цели создать законченное произведение нельзя. Искусство требует жертв от своих творцов, а способность жертвовать собою ради идеала – это и есть проявление пассионарности.

Следовательно, в каждом создании человека содержится комбинация трех элементов: ремесленной работы, пассионарности создателя и культурной традиции. Таким образом, любое

творение рук человека – это, в известной мере, кристаллизованная пассионарность его создателей.

Историки, естественно, имеют дело с явлениями культуры в широком смысле слова – памятниками самого разного свойства. Вот тут-то и скрывается возможность подмены понятий: создания человека непосредственно отождествляются с теми, кто их породил, и неразрывность культурной традиции прямо переносится на традицию этническую. Но если задуматься, становится очевидным, что памятники культуры сообщают нам далеко не все о создавших их людях. Например, когда мы любуемся действительно достойными восхищения статуями и картинами эпохи Возрождения, то упускаем из виду многие моменты. В частности, то, что все культурное наполнение Ренессанса создано трудами нескольких десятков талантливых художников и очарованных античностью гуманистов именно в то время, когда человекоубийство стало для западноевропейцев повседневным занятием и приняло массовые масштабы. Однако ни «Сикстинская мадонна» Рафаэля, ни «Давид» Микеланджело ничего не скажут историкам о злодействах папского семейства Борджиа или насилиях, творимых герцогами Сфорца. Поэтому для человека, интересующегося тем, что было на самом деле, предпочтительнее не путать произведения культуры и систему поведения этноса, эту культуру создавшего.

Именно новая система поведения, созданная на старой идеологической основе – православии, – позволила России сказать свое слово в истории Евразии[1]. Этот континент за исторически обозримый период объединялся три раза. Сначала его объединили тюрки, создавшие каганат, который охватывал земли от Желтого моря до Черного. На смену тюркам пришли из Сибири монголы. Затем, после периода полного распада и дезинтеграции, инициативу взяла на себя Россия: с XV в. русские двигались на восток и вышли к Тихому океану. Новая держава выступила, таким образом, «наследницей» Тюркского каганата и Монгольского улуса.

Объединенной Евразии во главе с Россией традиционно противостояли: на западе – католическая Европа, на Дальнем Востоке – Китай, на юге – мусульманский мир. В отличие от ландшафтов Западной Европы, ландшафты Евразии очень разнообразны. А ведь для любого народа крайне важны связи с

---

[1] Здесь под Евразией понимается не только огромный континент, но и сформировавшийся в центре его суперэтнос с тем же названием.

родным ландшафтом, который определяет систему хозяйства. Этнос приспособлен к своему ландшафту, ему удобно в нем. Если же ландшафт изменяется радикально, то радикально меняется и этнос. При изменениях ландшафта, превышающих определенный критический порог, на месте старого этноса появляется новый.

Разнообразие ландшафтов Евразии благотворно влияло на этногенез ее народов. Каждому находилось приемлемое и милое ему место: русские осваивали речные долины, финно-угорские народы и украинцы – водораздельные пространства, тюрки и монголы – степную полосу, а палеоазиаты – тундру. И при большом разнообразии географических условий для народов Евразии объединение всегда оказывалось гораздо выгоднее разъединения. Дезинтеграция лишала силы, сопротивляемости; разъединиться в условиях Евразии значило поставить себя в зависимость от соседей, далеко не всегда бескорыстных и милостивых. Поэтому в Евразии политическая культура выработала свое, оригинальное видение путей и целей развития.

Евразийские народы строили общую государственность, исходя из принципа первичности **прав каждого народа** на определенный образ жизни. На Руси этот принцип воплотился в концепции соборности и соблюдался совершенно неукоснительно. Таким образом обеспечивались и **права отдельного человека**. Вспомним, например, что после присоединения Поволжья, Урала и Западной Сибири в армии московских царей, наряду с полками иноземного строя, стрельцами, дворянской конницей, появилась «низовая сила». На кочевников, служивших в армии, почти не расходовали денег, они жили за счет своей добычи и в маневренных войнах были довольно удачливы. С их помощью Алексей Михайлович освободил от Польши Украину и тем самым спас ее от уничтожения.

Исторический опыт показал, что, пока за каждым народом сохранялось право быть самим собой, объединенная Евразия успешно сдерживала натиск и Западной Европы, и Китая, и мусульман. К сожалению, в XX в. мы отказались от этой здравой и традиционной для нашей страны политики и начали руководствоваться европейскими принципами – пытались всех сделать одинаковыми. А кому хочется быть похожим на другого? Механический перенос в условия России западноевропейских традиций поведения дал мало хорошего, и это неудивительно. Ведь российский суперэтнос возник на 500 лет

позже. И мы, и западноевропейцы всегда это различие ощущали, осознавали и за «своих» друг друга не считали. Поскольку мы на 500 лет моложе, то, как бы мы ни изучали европейский опыт, мы не сможем сейчас добиться благосостояния и нравов, характерных для Европы. Наш возраст, наш уровень пассионарности предполагают совсем иные императивы поведения.

Это вовсе не значит, что нужно с порога отвергать чужое. Изучать иной опыт можно и должно, но стоит помнить, что это именно чужой опыт. Так называемые цивилизованные страны относятся к иному суперэтносу – западноевропейскому миру, который ранее назывался «Христианским миром». Возник он в IX в. и за тысячелетие пришел к естественному финалу своей этнической истории. Именно поэтому мы видим у западноевропейцев высокоразвитую технику, налаженный быт, господство порядка, опирающегося на право. Все это – итог длительного исторического развития.

Конечно, можно попытаться «войти в круг цивилизованных народов», то есть в чужой суперэтнос. Но, к сожалению, ничто не дается даром. Надо осознавать, что ценой интеграции России с Западной Европой в любом случае будет полный отказ от отечественных традиций и последующая ассимиляция.

Этот простой, казалось бы, вывод можно сделать, лишь руководствуясь верными исходными посылками. А мы почему-то никак не хотим признать очевидного: основа этнических отношений лежит за пределами сферы сознания – она в эмоциях: симпатиях–антипатиях, любви–ненависти. И направление этих симпатий–антипатий вполне обусловлено для каждого этноса. Оценивать данное явление можно как угодно, но от этого оно не станет менее реальным.

Отсюда следует, что история и география человеческого поведения должны изучаться нами так же, как изучаются, к примеру, история дипломатии и география транспорта. Именно исходя из этого убеждения предпринял автор попытку написать эту книгу об этнической истории России в краткой и доступной форме. Насколько удалась эта попытка – судить читателям.

ЗАВЕЩАНИЕ ВЕЛИКОГО ЕВРАЗИЙЦА

Начиная читать последнюю книгу Л. Н. Гумилева «От Руси до России: очерки этнической истории» – ту, которая сейчас перед вами, – я испытывал чувство неуверенности. Ведь сюжеты, о которых в ней идет речь, неоднократно излагались автором, не говоря уже о других ученых и писателях. Как в этом случае можно избежать повторов, и прежде всего повторов самого себя? Ну, например, фигура Чингисхана, ведь она уже выписана, и блестяще, высокохудожественно выписана, Гумилевым в книге «В поисках вымышленного царства». Но страх увидеть повторы рассеялся при прочтении – я с удовлетворением отметил, что практически везде найдены редкие возможности рассказать об известном совершенно по-новому.

Гумилевский способ изложения вообще какой-то неповторимый. Вот и в книге «От Руси до России» идет разговор об очень далеких по времени событиях и вдруг вставляется вполне современное словечко. Кажется – дикий диссонанс, популярщина? Но у Гумилева это всегда к месту, всегда естественно и органично. Книга написана так, что создает эффект живого, эмоционального рассказа, разговора с автором. Она воскрешает в памяти его беседы по телевидению, какие-то неспешные, домашние и вместе с тем необычайно глубокие и информативные.

В то же время книга «От Руси до России» – не учебник по истории. Это скорее «начертание» истории России, в чем-то похожее на давнюю работу Г. В. Вернадского «Начертание русской истории», вышедшую в Праге в 1927 г. «От Руси до России» – это книга анализа и раздумий, результат очень личностного, а значит – нового осмысления русской истории.

Основная ценность этой работы Л. Н. Гумилева, на мой взгляд, в ее цельности, что является выражением верности автора главной идее его творчества. Такой генеральной идеей для Л. Н. Гумилева было евразийство – значительное направление русской исторической мысли, возникшее в первой половине нашего века. «Вообще меня называют евразийцем – и я не отказываюсь, – говорил сам Лев Николаевич в одном из интервью, –

...это была мощная историческая школа. Я внимательно изучал труды этих людей. И не только изучал. Скажем, когда я был в Праге, я встретился и беседовал с Савицким, переписывался с Г. Вернадским. С основными историко-методологическими выводами евразийцев я согласен»[1].

Евразия, по Гумилеву, – это «не только огромный континент, но и сформировавшийся в центре его суперэтнос с тем же названием». Обобщая результаты своих исследований по евразийской истории, Л. Н. Гумилев пишет: «Этот континент за исторически обозримый период объединялся три раза. Сначала его объединили тюрки, создавшие каганат, который охватывал земли от Желтого моря до Черного. На смену тюркам пришли из Сибири монголы. Затем, после периода полного распада и дезинтеграции, инициативу взяла на себя Россия: с XV в. русские двигались на восток и вышли к Тихому океану. Новая держава выступила, таким образом, «наследницей» Тюркского каганата и Монгольского улуса.

Объединенной Евразии во главе с Россией традиционно противостояли: на западе – католическая Европа, на Дальнем Востоке – Китай, на юге – мусульманский мир».

Ядро концепции евразийства – в объективном характере единства суперэтноса, единства страны, возникшей на огромной территории от Балтийского моря и Карпат до Тихого океана. Именно поэтому идея евразийства одновременно является для Л. Н. Гумилева критерием оценки тех или иных фигур российского прошлого. И поэтому он – «антипетровец». Это ощущается уже по заголовку раздела, посвященного реформатору Руси, – «Петровская легенда» – и еще более четко из самого текста: «При Екатерине II родилась петровская легенда – легенда о мудром царе-преобразователе, прорубившем окно в Европу и открывшем Россию влиянию единственно ценной западной культуры и цивилизации». Но, критикуя многие шаги Петра I, Л. Н. Гумилев в то же время смягчает оценки, отмечая, что отношение русского самодержца к Европе, «при всей его восторженности, в известной мере оставалось, если можно так выразиться, «потребительским». А о реформах Петра Л. Н. Гумилев замечает, что все они «были, по существу, логическим продолжением реформаторской деятельности его предшественников».

Более того, Л. Н. Гумилев почти «амнистирует» Петра I. Почему? Ответ на этот вопрос, мне кажется, можно найти в

---

[1] «Наш современник», 1991, № 1, с. 132.

следующих словах: «Весь XVIII в. соседние народы по инерции воспринимали Россию как страну национальной терпимости – именно так зарекомендовало себя Московское государство в XV – XVII вв. И поэтому все хотели попасть «под руку» московского царя, жить спокойно, в соответствии с собственными обычаями и с законами страны». Это означает, что и в петровский период продолжался процесс становления империи, а поскольку в империю влился еще «целый ряд этносов, органично вошедших в единый российский суперэтнос», расширив территорию его расселения от Карпат до Охотского моря, значит, можно «амнистировать» даже «западника» Петра...

Читая Л. Н. Гумилева, на фактах убеждаешься в том, что вопрос: «Запад или Восток?» – вечный вопрос нашей истории. Вот Русь эпохи Александра Невского. Александр и Батый – союзники. «Русские княжества, принявшие союз с Ордой, полностью сохранили свою идеологическую независимость и политическую самостоятельность... Русь была не провинцией Монгольского улуса, а страной, союзной великому хану». Но в то же время существовала и «программа западников» – объединить силы всех русских князей и изгнать монголов». При этом «рыцари Ордена, купцы Ганзы, папа и император вовсе не собирались тратить свои силы на объединение чужого им государства». Так, анализируя прошедшее, Л. Н. Гумилев показывает, что для России, евразийское единство всегда предпочтительнее союза с Западом.

Но Гумилев не был бы Гумилевым, если бы ограничился лишь популяризацией концепции евразийства. Он отнюдь не стал эпигоном своих великих предшественников. В 1989 г. – не так уж давно – было опубликовано серьезнейшее произведение Льва Николаевича «Этногенез и биосфера Земли». В нем, а также в книгах, вышедших в последние годы[1], изложена целостная теория этногенеза с ее ключевым звеном – учением о пассионарности и ее носителях – пассионариях.

Пассионарии – это конкистадоры, устремлявшиеся вслед за Колумбом за океан и погибавшие там. Пассионарии – это Жанна д'Арк, Кутузов и Суворов. А субпассионарии, у которых перевешивает «импульс инстинкта», – это почти все чеховские персонажи. «У них как будто все хорошо, а чего-то все-таки не хватает; порядочный, образованный человек,

---

[1] «Древняя Русь и Великая степь». – М., Мысль, 1989; «География этноса в исторический период». – Л., Наука, 1990.

учитель, но... «в футляре»; хороший врач, много работает, но «Ионыч»[1] .

Пассионарность проявляется у человека как непреоборимое стремление к деятельности ради отвлеченного идеала, далекой цели, для достижения которой приходится жертвовать и жизнью окружающих, и своей собственной. Именно сила пассионарности создает такие специфические человеческие коллективы, как этносы (народы), а изменение во времени числа пассионариев определяет и возраст этноса, то есть фазу этногенеза.

Мне нет нужды пересказывать здесь теорию этногенеза своими словами, тем самым упрощая, примитивизируя ее, ибо вкратце она изложена самим Л. Н. Гумилевым в разделе «Вместо предисловия». Здесь я хотел бы коснуться лишь одного аспекта этой теории. Гумилевская концепция неподготовленным читателем чаще всего воспринимается как чисто историческая, а это не совсем верно. На мой взгляд, создавая теорию этногенеза, Л. Н. Гумилев выступал прежде всего как географ. Ведь эта теория неразрывно связана с понятием «кормящий ландшафт». «Новые этносы, – писал он, – возникают не в монотонных ландшафтах, а на границах ландшафтных регионов и в зонах этнических контактов, где неизбежна интенсивная метисация»[2]. Поэтому первым параметром всей этнической истории он называет «соотношение каждого этноса с его вмещающим и кормящим ландшафтом, причем утрата этого соотношения непоправима: упрощаются, а вернее, искажаются, и ландшафт, и культура этноса»[3].

В последней своей книге Л. Н. Гумилев остается верен этим положениям. Рассматривая успешное продвижение русских «встречь солнца» – в Сибирь, – он замечает, что предпосылкой успеха похода Ермака, экспедиций С. Дежнева и Е. Хабарова была не только пассионарность русских того времени, но и то, что, «продвинувшись в Сибирь, наши предки не вышли за пределы привычного им кормящего ландшафта – речных долин. Точно так же, как русские люди жили по берегам Днепра, Оки, Волги, они стали жить по берегам Оби, Енисея, Ангары и множества других сибирских рек». Кстати, современная картина расселения, цепочек городов, транспортных магистралей подтверждает большую инерционность этой

---

[1] «География этноса в исторический период», с. 36 – 41.

[2] Там же, с. 35.

[3] Там же, с. 124.

приверженности к «кормящему ландшафту», несмотря на всю грандиозность перемен века научно-технического прогресса.

Идею о Евразии как о едином целом Л. Н. Гумилев также подкрепляет соображениями о «кормящем ландшафте» – разном, но всегда родном для данного этноса. «Разнообразие ландшафтов Евразии благотворно влияло на этногенез ее народов. Каждому находилось приемлемое и милое ему место: русские осваивали речные долины, финно-угорские народы и украинцы – водораздельные пространства, тюрки и монголы – степную полосу, а палеоазиаты – тундру. И при большом разнообразии географических условий для народов Евразии объединение всегда оказывалось гораздо выгоднее разъединения».

В еще недавнее «время догматов» за подобные высказывания модно было упрекать Л. Н. Гумилева в географическом детерминизме. Замечу, однако, что географический детерминизм не представляет собой какой-то единой концепции. Он менялся со временем, вбирая в себя новый естественнонаучный материал. Можно предложить читателю, предвзято относящемуся к этой проблематике, проделать необычный эксперимент, который позволит ему по-другому взглянуть на стереотипы: взять наугад отрывок из предлагаемой книги и отрывок из первой части «Курса русской истории» В. Ключевского, сравнить их, отвлекаясь от имен авторов, а потом ответить на вопрос: кто больший географический детерминист?

Конечно, воззрения Л. Н. Гумилева – это далеко не традиционный географический детерминизм, а очень сложная система, в которой взаимодействуют не локальные объекты, а Космос и биосфера Земли в целом. В этой системе представлен весь комплекс взаимоотношений этноса и «его» ландшафта. Достигнутый автором уровень обобщений и выводов просто поражает.

Но истинный масштаб сделанного Львом Николаевичем невозможно верно оценить, не принимая во внимание обстоятельств его личной жизни. А были эти обстоятельства непомерно тяжелыми. О лагерях и четырнадцати годах, проведенных там, Лев Николаевич рассказывал неохотно, никогда не вспоминая о своих страданиях, все больше – о людях, с которыми там сталкивался. И не было у него ни озлобленности, ни неприятия всей той страшной для него эпохи. А могла бы быть – ведь первую свою диссертацию, как и первую книгу, он «писал» в лагерях, то есть обдумывал

концепцию, строил повествование, держа в голове даты, имена, события... Между двумя лагерными сроками Гумилева пролегли война, фронт, и дошел Лев Николаевич до Берлина. Но вместо ожесточения у него была большая доброта к людям, желание поделиться всем, что знает сам, воспитать достойных учеников.

И после освобождения трудностей хватало с избытком. Когда Лев Николаевич блестяще защитил вторую докторскую диссертацию, уже по географии (первая была по истории), последовал вызов в Высшую аттестационную комиссию. И там «черным рецензентом» был задан нелепый вопрос: «А Вы кто – историк или географ?» И второй докторской степени он не был удостоен. Бюрократы от науки не поняли, что уже тогда началась эпоха интеграции наук, а Л. Н. Гумилев был интегратором в лучшем смысле этого слова. И не только истории и географии, но и этнографии, востоковедения, психологии. Он был, в отличие от ревнителей «чистых» наук, энциклопедистом и высоко ценил В. И. Вернадского, который еще в 30-е годы сказал знаменитую фразу: «Мы все более специализируемся не по наукам, а по проблемам».

Романовский Ленинград также не жаловал Л. Н. Гумилева. Жил он до последних лет в комнатке неподалеку от станции метро «Владимирская», в коммунальной квартире. В эпоху догматов и разносной критики ни одно «светило» официальной науки не снисходило до прямых попыток опровергнуть концепцию этого ученого, а научные работники рангом ниже ограничивались «ловлей блох» – поиском ошибок в датах или именах. И это замалчивание научной концепции, носившее тотальный характер, было формой самых злых и беспощадных нападок на ее автора. Представляется, что господствовавший тогда в официальной науке рефрен «Читать Гумилева не надо» – был рожден в том числе и завистью.

Основной труд его жизни – «Этногенез и биосфера Земли» – был опубликован как бы полулегально – депонирован в ВИНИТИ. Там эту книгу можно было заказать, но для этого надо было знать, что она существует. Купить же ее было почти невозможно. Помнится, сам Лев Николаевич очень гордился тем, что на небогатом «черном» книжном рынке той поры ее можно было приобрести лишь по очень высокой цене.

Л. Н. Гумилеву часто шли приглашения из-за границы от университетов и академий – приехать, прочитать лекции. Но он никуда не ехал, по-моему, он просто не хотел получать отказов «в соответствующих органах». В одном-единственном

письме в ЦК КПСС, написанном Гумилевым уже в 80-е годы, он просил о самом простом: разрешении «быть как все» – читать лекции, печататься, пропагандировать свои научные идеи.

В середине 80-х годов опала с Л. Н. Гумилева была снята, но с победой «демократии»... все вернулось на круги своя. Только на последнем году жизни стал Лев Николаевич академиком, но Академии естественных наук, а не Российской академии наук – туда прошла новая номенклатура, а его опять «не сочли». Впрочем, внешние знаки признания волновали Л. Н. Гумилева мало. Для него важно было другое. И уже в больнице, за месяц до смерти, он сказал мне об этом: «А все-таки я счастливый человек, я всегда писал то, что думал, то, что хотел, а они (случайные в науке люди. – *С. Л.*) – то, что им велели».

Еще в юности, в начале 30-х годов, когда он работал в Таджикистане малярийным разведчиком, произошло знакомство Л. Н. Гумилева с Востоком. Потом лагерная эпопея прервала востоковедческие исследования почти на три десятка лет, и только в 60-х годах родилась его знаменитая «Степная трилогия»[1].

Л. Н. Гумилев первым возвысил свой голос в защиту самобытности тюркско-монгольской истории. Первым выступил против европоцентристской легенды о татаро-монгольском иге, об извечной вражде кочевников Степи с оседлыми земледельцами. И выявил, что не было некоей непрерывной войны не на жизнь, а на смерть, а была система динамичных и сложных политических отношений при неизменности симпатий и уважении этнического своеобразия друг друга. «Плоды пылкой фантазии, воспринимаемые буквально, – заключал автор, – породили злую, «черную» легенду о монгольских зверствах».

В своей последней книге Гумилев-историк, продолжая борьбу со «злой легендой», дает много нового, нестандартного. Таково, например, разоблачение устоявшейся версии о событиях начала XIII в. в Средней Азии. Версия эта, гласящая: «дикие кочевники разрушили культурные оазисы земледельческих народов в бассейнах Сырдарьи и Амударьи», – создавалась, как отмечает Л. Н. Гумилев, придворными мусульманскими историографами. А действительность была совсем иной. В древнем

---

[1] Это масштабное произведение Л. Н. Гумилева по издательским соображениям вышло в виде четырех книг: «Хунну». – М., Изд-во восточной литературы, 1960; «Древние тюрки». – М., Наука, 1967; «Поиски вымышленного царства». – М., Наука, 1970; «Хунны в Китае». – М., Наука, 1974.

Хорезме солдаты-тюрки составляли главную военную силу. От них страдало и против них восставало население Самарканда, Бухары, Мерва. При этом хорезмшах Мухаммед сам был инициатором войны с монголами «только из-за того, что степняки не верили в Аллаха». Легендой являются и сведения о Мерве, который восстанавливал численность своих вооруженных отрядов и восставал через год после очередного «тотального разорения».

Лев Николаевич всегда писал правду о евразийских народах, испытывая к ним огромную любовь и симпатию. «Лично мне, – говорил Л. Н. Гумилев, – тесные контакты с казахами, татарами, узбеками показали, что дружить с этими народами просто. Надо лишь быть с ними искренне доброжелательными и уважать своеобразие их обычаев. Ведь сами они свой стиль поведения никому не навязывают»[1]. В 1967 г. на титуле одной из своих книг он напишет: «Посвящаю эту книгу нашим братьям – тюркским и монгольским народам Советского Союза».

Что же касается политических убеждений Л. Н. Гумилева, то они лучше всего проявились в том, что он всегда оставался самим собой. Никогда не менял он своего отношения к миру из конъюнктурных соображений. Он не трансформировал ни свое восприятие советской власти, ни свое отношение к нашей интеллигенции. Он не был фрондером или диссидентом в эпохи культа и застоя, не участвовал в «самиздате». Более того, он никогда не отрицал целиком Маркса и даже в своих последних книгах неоднократно ссылался на него. И поэтому самого Л. Н. Гумилева стоит или не принимать, или – лучше – принимать, но целиком.

В книге «От Руси до России» Л. Н. Гумилев приоткрывает, на мой взгляд, тайны многих современных противостояний (например, суннитов и шиитов), корни которых – в далеком прошлом. В евразийском контексте, по-своему трактует Л. Н. Гумилев и причины воссоединения Украины с Россией: «Первостепенное значение имела единая суперэтническая принадлежность России и Украины, массовая поддержка «своих», которыми были единоверцы». Как подчеркивает автор, «в отношениях России и Украины ярко проявилось такое качество русского человека, как терпимость к нравам и обычаям других народов». Л. Н. Гумилев наглядными историческими примерами подтверждает здесь высказывание Достоевского о

[1] «Известия», 13 апреля 1988 г.

том, что у русских есть умение понимать и принимать все другие народы. Думается, что в нашу эпоху это звучит более чем актуально.

Читая Гумилева, легко убедиться, насколько глубже его анализ истории, чем некоторые современные злобно-безграмотные ее интерпретации. Л. Н. Гумилев не оставляет камня на камне от попыток изобразить русскую историю как «серию покорений», как историю исключительно силового создания «империи», которая закономерно должна была разрушиться... Давайте вспомним еще один яркий пример из интервью Л. Н. Гумилева, озаглавленного «Меня называют евразийцем...». Пример касается Грузии: «Долгое время первые Романовы – Михаил, Алексей, даже Петр – не хотели принимать Грузию, брать на себя такую обузу. Только сумасшедший Павел дал себя уговорить Георгию XIII и включил Грузию в состав Российской империи. Результат был таков: в 1800-м году насчитывалось 800 тысяч грузин, в 1900-м их было 4 миллиона... И когда русские войска защитили Грузию от горцев, она много выиграла от этого»[1].

К сожалению, «наверху» так и не осознали, насколько Л. Н. Гумилев современен, даже, если можно так сказать, политичен, когда говорит о далеком прошлом. И невольно возникает гнетущая мысль: а если бы евразийские взгляды этого ученого были поняты теми, кто делает национальную политику страны, если бы был воспринят хотя бы дух гумилевской концепции – дух высокого уважения ко всем народам, если бы советниками по национальным вопросам были люди типа и масштаба Л. Н. Гумилева? Может быть, меньше было бы тогда межнациональных конфликтов и пожаров братоубийственных войн, полыхающих сейчас на рубежах России?

Более чем современно звучит и вот эта характеристика внутренних сил, выступавших некогда против единства страны: «Требовали от своих князей проведения политики сепаратизма и жители Минска, Гродно и других городов северо-запада Русской земли. Стремление к самостоятельности стало всеобщим, распад был неминуем». Будь она своевременно услышана, может быть, не началась «война суверенитетов» и предотвратился распад великой державы? Ведь недаром Лев Николаевич любил такой афоризм: «Кто владеет прошлым – тот владеет настоящим, кто владеет настоящим – владеет будущим».

Мне вообще представляется, что в новых исторических

---

[1] «Наш современник», 1991, №1, с. 140.

условиях идеи евразийства, развитые Л. Н. Гумилевым, могут оказаться актуальнее, чем когда бы то ни было. На крутых поворотах истории (а мы сейчас, безусловно, переживаем такой) всегда встает вопрос: какой должна быть стратегическая линия, какие выбрать ориентиры, с кем быть? Давайте же прислушаемся, пусть и с опозданием, к голосу теперь уже покинувшего нас великого евразийца.

Раздел «Вместо послесловия» последней книги Л. Н. Гумилева можно считать завещанием выдающегося ученого, который, уходя из жизни в смутное, тяжелое время, делится своими мыслями, стремится помочь нам выйти из этой безнадежности и «тупиковости». Далее, как мне кажется, нельзя обойтись без длинной цитаты: «Исторический опыт показал, что, пока за каждым народом сохранялось право быть самим собой, объединенная Евразия успешно сдерживала натиск и Западной Европы, и Китая, и мусульман. К сожалению, в XX в. мы отказались от этой здравой и традиционной для нашей страны политики и начали руководствоваться европейскими принципами – пытались всех сделать одинаковыми. А кому хочется быть похожим на другого? Механический перенос в условиях России западноевропейских традиций поведения дал мало хорошего, и это неудивительно. Ведь российский суперэтнос возник на 500 лет позже. И мы, и западноевропейцы всегда это различие ощущали, осознавали и за «своих» друг друга не считали. Поскольку мы на 500 лет моложе, то, как бы мы ни изучали европейский опыт, мы не сможем сейчас добиться благосостояния и нравов, характерных для Европы. Наш возраст, наш уровень пассионарности предполагают совсем иные императивы поведения.

Это вовсе не значит, что нужно с порога отвергать чужое. Изучать иной опыт можно и должно, но стоит помнить, что это именно **чужой** опыт». И далее: «Конечно, можно попытаться «войти в круг цивилизованных народов», то есть в чужой суперэтнос. Но, к сожалению, ничто не дается даром. Надо осознавать, что ценой интеграции России с Западной Европой в любом случае будет полный отказ от отечественных традиций и последующая ассимиляция».

Думается, что, проведя нас через десять веков русской истории, Л. Н. Гумилев имел право сделать такое заключение.

С. Б. ЛАВРОВ, профессор,
президент Русского Географического общества

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН[1]

Абулхайр, узб. хан из рода Джучи *173*
Аввакум Петрович, протопоп *258–264, 270*
Адальберт, католич. епископ *57, 58*
Адашев Д. Ф., окольничий *202*
Александр Ягеллон, вел. кн. лит. *187*
Александр Михайлович, тверской кн. *138, 142*
Александр Ярославич Невский *122–126, 128–136, 149, 191, 203, 286*
Алексей, митрополит *149, 150, 152, 153–157*
Алексей I Комнин, визант. имп. *74, 75, 80*
Алексей Михайлович, царь *232, 233, 245, 258, 260–269, 273, 281, 282, 292*
Алтан, нойон *99*
Альшиц Д. Н. 206
Аммий, вождь готов *21*
Андрей Александрович, кн. влад. *134, 135*
Андрей Данилович, кн. галицкий *139*
Андрей Юрьевич Боголюбский, кн. влад.-суздальский *83, 84*
Андрей Ярославич, вел. кн. влад. *125, 126*
Арапшах, монг. царевич *157, 158*
Арий, ересиарх *26*
Аскольд, кн. киевский *29, 39*
Аспарух, булгарский хан *31*
Аттила, вождь гуннов *27*
Ахмат, хан Зол. Орды *183–187*
Аюка, калмыцкий хан *282*

Банзаров Д. 98
Бартольд В. В. 105
Барятинский, воевода *267*
Басманов А. Д., воевода, опричник *208, 209*
Басманов Ф. А., опричник *209*
Баторий Стефан, пол. король *203*
Батый, хан Зол. Орды *110, 117–121, 124–129, 132, 149, 154, 201*
Башкин М. С., дьяк, еретик *205*
Баязид I, турецкий султан *169*
Бегич, полк. Мамая *158*
Безбородко А. А., канцлер *251*
Бектер, сводный брат Чингиса *94–97*
Бек-Ярык-оглан, татар. полк. *168*
Бельгутей, сводный брат Чингиса *94, 97, 99*
Бельские, бояре *193, 195*
Бельский Б. Я., воевода, опричник *211*
Бердибек, сын хана Джанибека *152, 153*
Берке, монг. хан *129–132, 137*
Блуд, воевода *52*
Богораз В. Г. (Н. А. Тан) *253*
Богумил, глава секты *54*
Богун Иван, казац. полковник *244*
Болеслав I Храбрый, пол. король *63*
Болотников И. И., предв. восст. *218–221*
Болховский С., воевода *254*
Бонифаций VIII, папа римский *145*
Боняк, половецкий хан *69, 80*
Борджигины, монг. род *93–96, 97, 102, 109*
Борецкие, новг. бояре *183*
Борис Владимирович, кн. ростов. *60, 61, 64*
Борис Вячеславич, кн. тмутаракан. *73*

[1] Курсивом выделены фамилии упоминаемых в тексте исследователей и писателей.

Борис Константинович, кн. суздальск. *161*
Бортэ, жена Чингисхана *94, 96, 97, 108, 109*
Брайчевский М. Ю. 27
Брюховецкий И. М., гетман Украины *246, 247*
Брячислав, кн. полоцкий *65*
Булавин К. А., казач. сотник *282, 283*
Булан (Сабриэль), вождь евреев *34*
Бури, внук Джагатая *124*
Бури-Боко, богатырь *99*
Бурундай, монг. нойон *118, 129*
Бутурлин В. В., воевода, дипломат *245*

Вадим Храбрый, вождь новгородцев *28*
Валент, имп. Рима *26*
Ван-хан, предводитель кераитов *97, 98, 100, 101, 110*
Василий Александрович, кн. новг. *134*
Василий I Дмитриевич, вел. кн. моск. *163, 167, 170, 172–175, 178*
Василий II Васильевич Темный, вел. кн. моск. *176–183, 187, 286*
Василий III Иванович, вел. кн. моск. *191, 197–199*
Василий Юрьевич Косой, кн. моск. и галиц. *179, 180*
Василько Теребовльский, кн. *80*
Вернадский В. И. 13, 294, 295
Веселовский Н. И. 116
Веселовский С. Б. 206
Вильгельм, сын Леопольда Австрийского *141, 142*
Вильгельм I Завоеватель, англ. король *74*
Витовт, вел. кн. лит. *142, 147, 160, 163, 170–176*
Вишневецкий Д. И., воевода *202*
Владимир Всеволодович Мономах, вел. кн. киев. *73, 74, 78–83, 132*
Владимир I Святославич, кн. *51–61, 70*
Владимир Ярославич, кн. новг. *67*
Владислав, пол. кор. *176, 225, 228, 229, 235, 241, 244*
Владислав I Локетек, пол. король *141*
Володарь, кн. перемышл. *74*
Вонифатьев Стефан, протопоп *258*
Всеволод Ольгович, вел. кн. киев. *77, 82*
Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, вел. кн. влад. *128*
Всеволод Ярославич, вел. кн. киев. *69, 71*
Всеволожский И. Д., боярин, дипломат *179*
Всеслав Брячиславич, кн. полоцкий *70*
Выговский И. Е., гетман Украины *246*
Вышата, воевода *67, 71*
Вяземский А. И., опричник *208, 209*
Вячеслав Владимирович, кн. туровский *82*
Вячеслав Ярославич, кн. смол. *73*

Гаврила Олексич, новгородец *123*
Гедимин, вел. кн. лит. *139, 142*
Генрих III Валуа, кор. Польши, кор. Франции *203*
Генрих IV, имп. «Свящ. Римской имп.» *76, 77*
Георгий Лаша, груз. царь *113*
Герасим, митрополит *176*
Германарих, кор. остготов *21*
Германик, рим. полководец *6*
Гермоген, патриарх *225*
Глеб Владимирович, кн. муромский *60, 61, 64*
Глеб Святославич, кн. новг. *72*
Глинская Елена, царица *198–199*
Глинский В. Л., отец Е. Глинской *198*
Глухов Иван, воевода *254*
Годунов Борис Федорович, царь *192, 210–217*
Годунов Федор Борисович, царь *216, 229*
Годунова Ксения Борисовна, дочь Б. Годунова *216*
Голицын Б. А., кн., воспитатель Петра I *277*
Голицын В. В., кн. *248, 273, 275, 277, 282*
Голубинский Е. Е. 259
Гордон Патрик, ген.-лейтенант *279, 280*

Гостомысл, старейшина *28*
Григорий VII, папа римский *76*
Григорий Цамблак, митрополит *175*
Грязной Василий, опричник *208, 209*
Гуня Дмитро, предв. восст. *240*
Гус Ян, вождь реформации в Чехии *204,205*
Гусейн, эмир Балха *165*
Густав-Адольф, швед. король *224*
Гуюк, монг. хан *111, 124, 125, 127*

Давыд Игоревич, кн. влад.-волынский, изгой *73, 74, 79, 80*
Давыд Святославич *79*
Даниил Александрович, кн. моск. *135,142*
Даниил Романович, кн. галицкий *114,126–129,139*
Данияр, касимовский царевич *184*
Данте Алигьери, ит. поэт *146*
Дарвин Ч. 12
Демидов Никита, горнозаводчик *283*
Демьян Многогрешный, гетман *247*
Деций, имп. Рима *21*
Джамуха, назв. брат Чингиса *97, 98*
Джанибек, хан Зол. Орды *132, 147, 151–153,161*
Джеляль-ад-Дин, хан Зол. Орды *104, 106,107*
Джучи, сын Чингисхана *102, 108–110,166,167*
Джэбэ, монг. полк. *103, 113, 116*
Дионисий, епископ *157*
Дир, славянский вождь *29*
Дмитр, тысяцкий *120*
Дмитрий, царевич *212, 214*
Дмитрий Александрович, вел. кн. владим. *134, 135*
Дмитрий Михайлович Грозные Очи, кн. тверской *138*
Дмитрий Иванович Донской *132, 150,156–163,167,184,286*
Дмитрий Константинович, кн. влад. и нижегород. *150*
Дмитрий Константинович, кн. суздальский *161*
Дмитрий Юрьевич Шемяка, кн. галицкий, вел. кн. моск. *179–182,199*
Добрынин Никита (Пустосвят), свящ. *270,271*
Добрыня, дядя Владимира I *51, 53*
Долгорукий Юрий, глава стрелецкого приказа *269–271*
Дорошенко П. Д., гетман Правобер. Украины *247*
Достоевский Ф. М. 252

Евпатий Коловрат, богатырь *117*
Евпраксия Всеволодовна (Адельгейда), жена имп. Генриха IV *77*
Евстратий, инок *80*
Евтихий, еретик *239*
Едигей, мурза *169–173*
Едигер, сиб. хан *253*
Екатерина II, императрица *250, 251, 281*
Елена, дочь Ивана III *188*
Елена Волошанка, невестка Ивана III *197*
Елизавета Петровна, царица *251, 282*
Ермак Тимофеевич, каз. атаман *192, 253–255*
Есугей-багатур, отец Чингиса *93–95,97,98*

Жидьберн, варяг *55*
Жолкевский С., гетман Польши *223*

Заруцкий И. М., донской атаман *228*
Зебжидовский М., воевода сандомирский *221*
Зимин А. А. 206
Золотаренко И. Н., половник *246, 247*

Ибрагим, казанский царь *183, 187*
Ибрагим, турецкий султан *233*
Иван I Данилович Калита, вел. кн. влад. и моск. *137, 142, 143, 147–149,153,210,230*
Иван II Иванович Красный, вел. кн. влад. и моск. *149*
Иван III Васильевич, вел. кн. моск. *182–188,191,193,197,281*
Иван IV Васильевич Грозный, царь *191, 199, 200, 202, 206, 208–212, 231–233,253,281*

Иван V Алексеевич, царь *266, 267, 269, 271*
Игорь (Ингвар), кн. киев. *28, 29, 38, 41*
Игорь Ольгович, кн. киев. *83*
Игорь Святославич, кн. (герой «Слова о полку Игореве») *112*
Изяслав Владимирович, кн. северский *70*
Изяслав Мстиславич, вел. кн. киев. *82, 83*
Изяслав Ярославич, вел. кн. киев. *68–73, 78*
Иннокентий IV, папа римский *125, 127*
Иоаким, патриарх *267*
Иоанн XII, папа римский *58*
Иоанн I Цимисхий, визант. имп. *46, 48, 49*
Иоанн VI Кантакузин, визант. имп. *154, 155*
Иоанн Мних, книжник *53*
Иоанн Радин, наварх *40*
Иона, митрополит *176, 177, 181, 182*
Иосиф, патриарх *260*
Иосиф Волоцкий, игумен *197*
Исидор, митрополит *176, 177*

Кавад, перс. шах *33*
Кавгадый, золоторд. полк. *138*
Казимир Великий, кор. Польши *236*
Казимир IV Ягеллончик, вел. кн. лит., кор. Польши *176, 183, 184, 186, 187*
Калиновский М., польский гетман *243*
Калокир, визант. дипломат *45, 46, 47*
Кальвин Ж., реформатор церкви *237*
Капитон, старец *264*
Карамзин Н. М. 206
Карела *216*
Карл I Великий, король франков *53*
Карл II Лысый, король франков *28, 54*
Карл I, англ. кор. *233*
Карл X Густав, король Швеции *245*
Карл XII, король Швеции *248, 282, 283*
Касим, татар. царевич *181, 183*
Кейстут, соправитель вел. кн. лит. Ольгерда *140, 160*
Киприан, митроп. *259*
Киши-Махмет, хан Зол. Орды *180*
Кольцов-Мосальский, князь, воевода *254*
Комарович В.Л. 150
Константин VII Багрянородный, визант. имп. *41*
Кончака (Агафья), жена Юрия Даниловича Моск. *138*
Корейчак, царевич Белой Орды *169, 173*
Котян, половецкий хан *117, 120*
Кромвель Оливер, англ. диктатор *233*
Кульпа, хан Зол. Орды *153*
Куремса, татар. баскак *129*
Куря, печенежский хан *48*
Кучлук, найманский царевич *102, 104*
Кучум, сиб. хан *253, 254*
Кюлькан, сын Чингисхана *125*

Лев Данилович, кн. галицкий *139*
Лев Триполитанский, корсар *40*
Леопольд Австрийский, герцог *141*
Лжедмитрий I (Григорий Отрепьев) *212–218, 230*
Лжедмитрий II (Тушинский вор) *221–224, 228, 230, 235, 268*
Лойола Игнатий, иезуит *237, 238*
Лыков М. И., боярин *272*
Лю Бан, кит. имп. *23*
Людовик Анжуйский, кор. Венгрии, Польши *141*
Людовик Немецкий, герм. король *54*
Людовик XIV, кор. Франции *276*
Лютер Мартин, реформатор *204, 205, 237*
Ляпунов Захар, брат П. Ляпунова *226*
Ляпунов Прокопий, полковник *219, 226*

Магомет IV, турецкий султан *247*
Маздак, визирь *33, 34*
Мазепа И. С., гетман Левобереж. Украины *248, 275, 282*
Макарий, патриарх антиох. *261*
Македоний, ересиарх. *239*

Малуша, мать Владимира Святого, *51*
Мамай, темник *154–160, 184, 198*
Мамай, казак *198*
Мансуров Иван, воевода *254*
Марфа, мать Михаила Романова *230*
Матвеев Артамон Сергеевич, боярин *267, 270*
Махмет-Ахминь, казанский царь *187, 188*
Махмутек, казанский хан *180, 183*
Менгли-Гирей, крымский хан *184, 186, 187*
Меншиков А. Д., сподвиж. Петра I *265, 284*
Мешко I, пол. кн. из дин. Пястов *57*
Милославская Мария, жена царя Алексея Михайловича *266*
Милославский Иван, кн. *267*
Миндовг (Миндаугас), вел. кн. лит. *130, 131, 139*
Минин Козьма (Сухорук) *226–228*
Митяй (Михаил), духовник кн. Дмитрия Донского *157*
Михаил Александрович, кн. тверской *163*
Михаил Борисович, кн. тверской *185*
Михаил Ярославич, вел. кн. тверской *125, 135–138*
Михаил Кируларий, патр. Константинопольский *66*
Михаил Федорович, царь *229–232, 273*
Мицкевич Адам 141
Мнишек Ежи, пол. магнат *219*
Мнишек Марина, авантюристка *214, 217, 223, 228*
Модэ, царевич хуннов *22, 23*
Мстислав Владимирович, кн. тмутар. *60, 61, 64–66, 69, 70*
Мстислав Владимирович Великий, вел. кн. киев. *53, 82*
Мстислав Волынский, кн. *83*
Мстислав Изяславич, кн. *69, 70*
Мстислав Романович (Старый), кн. киев. *114, 115*
Мстислав Удалой, кн. галицкий *114*
Мстислав Святославич, кн. черниговский *114, 118*
Мстиславский Ф. И., глава семибоярщины *224*
Мункэ-хан, монг. хан *117, 129*
Муртаза, касимовский царевич *184*
Мухаммед II Гази, хорезмшах *104, 105, 107*
Мэнгу-Тимур, хан Зол. Орды *130*

Навруз, хан Зол. Орды *153*
Наливайко Северин, руководитель народного восстания на Украине *240*
Нарышкин А. К. *270*
Нарышкин И. К. *270*
Нарышкин Л. К. *277*
Нарышкина Наталья Кирилловна, царица, вторая жена Алексея Михайловича *266, 267*
Насонов А. Н. 129, 149
Неврюй, нойон Сартака *126*
Неронов Иван, протопоп *258, 261*
Нестор, летописец *39, 41, 58, 80*
Несторий, патриарх Константинопольский, ересиарх *239*
Никифор II Фока, визант. имп. *45, 46*
Николай III Орсини, папа римский *145*
Никон (Никита Минич), патриарх моск. *259–263, 273, 281*
Нил Сорский, глава нестяжателей *197*
Нилха, кераитский царевич *101*
Ногай, темник *134, 135*
Ноздреватый В., воевода *186*
Нур-Даулет-Гирей, царевич *186*

Обадия, хазарский гос. деятель *34*
Овчина-Телепнев-Оболенский, боярин *198, 199*
Олег (Хельги), воевода *28, 29, 39, 53*
Олег Иванович, кн. рязанский *148, 159*
Олег Святославич, кн. древлянский *51*
Олег Святославич (Гориславич), кн. черниговский *73, 74, 78, 79*
Ольга, кн., жена Игоря *29, 41, 46, 50, 57–59*
Ольгерд, вел. кн. лит. *140, 154–156, 175*
Орда-Ичэн, хан Белой Орды *110*

Ордин-Нащокин А. Л., дипломат *266, 282*
Осман, эмир *168*
Остраница Яков, каз. полковник *240*
Оттон II, имп. «Свящ. Римской имп.» *56, 57*
Оэлун, мать Чингиса *94, 95, 102, 108*

Павлюк, предв. восст. *240*
Палеологи, дин. *144, 154, 155*
Панченко А. М. 208, 264
Патрикеев Вассиан, глава нестяжателей *197–199*
Пашков Ф. И. (Истома), сотник *219*
Песах, хазар. полк. *38, 55, 65*
Петр I Великий, имп. *46, 203, 248, 251, 259, 266, 267, 271, 278–285*
Петр, митрополит *137, 142, 261*
Петр, болгарский царь *45*
Петрона Каматир, виз. архитектор *44*
Пимен, архимандрит *157*
Плано Карпини, папский агент *125*
Платонов С. Ф. 206
Плоскиня, атаман *114*
Пожарский Д. М., воевода *226–229*
Полоцкий Симеон *250*
Потоцкий Миколай, пол. гетман *243*
Потоцкий Стефан, сын М. Потоцкого *243*
Поярков В. Д., землепроходец *255*
Претич, воевода *46*
Прокопович Феофан, церк. деят. *250*
Пулад-Темир, хан Зол. Орды *172, 173*
Путята, тысяцкий *81*
Пушкин А. С. 141, 210, 214

Разин Степан, казак *265*
Разумовский А. Г., ген.-фельдмаршал *251*
Разумовский К. Г., гетман *251*
Ратмир, слуга А. Невского *123*
Редедя, вождь касогов *65*
Рейнберн Колобережский, епископ *61*
Рогволд, кн. полоцкий *52, 55, 70*
Рогнеда, жена Владимира I *55, 60, 70*
Роман Диоген, визант имп. *75*
Роман Мстиславич Великий, кн. галицкий *83, 112, 127*
Роман Святославич, кн. тмутаракан. *73*
Ромодановский Ф. Ю., князь-кесарь *277, 279, 280*
Рыбаков Б. А. 51
Рюрик, легендарный правитель Новгорода *28*
Рюрик Ростиславич, кн. киев. *112*

Сабурова Соломония, жена Василия III *198*
Самойлович И. С., гетман Украины *247, 248, 272, 275*
Санчес Гонсало, герцог Галисии *50*
Сар, росомон *21*
Сартак, сын хана Батыя *125, 129*
Свенельд, воевода *48*
Свидригайло, вел. кн. лит. *175, 176, 179*
Святополк I Владимирович Окаянный, вел. кн. киев. *60–64*
Святополк II Изяславич, вел. кн. киев. *78–81*
Святослав Всеволодович, вел. кн. владим. *125*
Святослав Древлянский, кн. *61*
Святослав Игоревич, кн. киев. *41, 43, 46–49, 51*
Святослав Ольгович, кн. черниг. *83*
Святослав Ярославич, вел. кн. киев. *68, 69, 71, 72*
Сергий Радонежский, игумен *146, 156, 158, 222*
Сигизмунд, вел. кн. лит. *175, 176*
Сигизмунд III Ваза, кор. Польши и вел. кн. лит. *223, 224, 228, 235*
Симеон Иванович Гордый, вел. кн. моск. *149, 151, 152*
Синеус *28*
Скарга Петр, иезуит *238*
Скопин-Шуйский М. В., военачальник *223*
Скрынников Р. Г. 206
Скуратов Малюта, опричник *208, 209*
Славинецкий Епифаний, монах *250, 261, 262*
Собесский Ян, король Речи Посполитой *274*
Соловьев С. М. 206
Сомко Я., полковник *246*

Сорган-Шира *96*
Софья, царевна *248, 266, 271–277, 279*
Софья Витовтовна, жена Василия I *163, 170, 176, 179, 181, 197*
Софья Палеолог, жена Ивана III *197*
Сочихэл, жена Есугея *94, 95, 97*
Станислав, кн. киев. *140*
Стрешнев Т. Н., боярин *277*
Строгановы, род купцов и промышл. *253*
Субэдэй, монг. полководец *113, 116*
Сумбулов Г. Ф., полк. *219*
Сэчэ-бики, монг. нойон *99*

Тайдула, жена хана Джанибека *152*
Тайчар, брат Джамухи *98*
Таргутай-Кирилтух, предводитель тайчиутов *95*
Тегиня, мурза *179*
Телятевский А., воевода *218, 219*
Темир-Кутлуг, хан Зол. Орды *169–173*
Тиберий, имп. Рима *6*
Тимур, эмир *155, 164–169, 172*
Тимур-Мелик, комендант Ходжента *106*
Тогрул, хан кераитов *93*
Толбузин А. Л., воевода *255*
Толстой А. К. 207
Толстой Л. Н. 44
Тохта, хан Зол. Орды *135, 137, 161*
Тохтамыш, хан Зол. Орды *154–158, 161–164, 166–173*
Траян, имп. Рима *7*
Трубецкой Алексей Никитич, кн. *246*
Трубецкой Дмитрий Тимофеевич, кн. *228, 229*
Трувор *28*
Тулуй, мл. сын Чингисхана *109–111, 117*
Туракина, ханша *125*
Туркан-хатун, мать хорезмшаха Мухаммеда II *105*
Тьерри О, фр. историк *53*
Тэмугэ, брат Чингиса *94, 95*
Тэмулун, сестра Чингиса *94*

Угэдэй, хан, сын Чингисхана *103, 109–111, 124*
Узбек, хан Зол. Орды *132, 137, 138, 143, 147, 151, 161*
Уиклиф, вождь реформации в Англии *204, 205*
Украинцев Е. И., дьяк Посольского приказа *275*
Улеб, дружинник Святослава *48*
Улуг-Мухаммед, хан Зол. Орды *180–182*
Ураз-Мухаммед, касимовский хан *223*
Урус-хан, хан Белой Орды *155, 169*
Урусов Петр, кн. *223*
Урхан, османский султан *154*

Федор Алексеевич, царь *264, 266, 267*
Федор Иоаннович, царь *191, 210, 211, 214, 230*
Федор Ярунович, боярин *125*
Феогност, митрополит *142, 149*
Феодосий I Великий, рим. имп. *26*
Феодосий Косой, еретик *204, 205*
Феофания Музалон, жена Олега Гориславича *74*
Феофано, виз. императрица *46*
Филарет (Федор Никитич Романов) *229, 267, 273*
Филофей Коккин, патр. Константинопольский *155*
Фотий, митрополит *178*
Фридрих II Штауфен, герм. король и имп. «Свящ. Римской имп.» *121, 127, 144*

Хабаров Ерофей, землепроходец *255*
Хабул, монг. хан *92, 93, 98*
Харальд, кор. Англии *74*
Хасар, брат Чингиса *94, 95, 99*
Хафиз, перс. поэт *165, 166*
Хачиун-Беки, брат Чингиса *94, 95*
Хмельницкий Богдан, гетман Украины *240–246, 249*
Хмельницкий Юрий, сын Б. Хмельницкого *248*
Хованский И. А., боярин *271, 272*
Ходкевич Я. К., пол. гетман *228*
Холмский Даниил, полководец *184, 187*
Хосров, перс. шах *33*
Хуан Чао, предв. восст. *35, 36*

Хулан, жена Чингисхана *125*
Хучар, нойон *99*
Хызр, хан Зол. Орды *153*

Чагатай, сын Чингисхана *102, 108–111, 124*
Чаплицкий Ч., подстароста *240, 241*
Ченслер Ричард, англ. мореплаватель *231*
Черкасский М. Т., опричник *209*
Чингизиды, род *138, 154, 164*
Чингисхан (Чингис, Тэмуджин) *93–110, 113, 115, 125, 138, 164, 166*

Шадибек, хан Зол. Орды *172*
Шакловитый Ф. Л., глава стрелецкого приказа *276, 280*
Шарукан, половецкий хан *69*
Шахматов А. А. 20
Шаховской Г. П., боярин *218, 219*
Шеин М. Б., боярин, воевода *224, 235*
Шейбани, хан Синей Орды *110, 173, 253*
Шереметев Б. Б., боярин, полк. *246*
Шихи-Хутуху, прием. сын Чингисхана *102*
Шихмат, хан Большой Орды *187*
Шуйский А. М., кн. *200*
Шуйский В. И., правитель России *217, 218, 220–224, 226*
Шуйский И. В., кн. *199*

Эллак, вождь гуннов *27*

Юнгинген Ульрих, вел. магистр Ливонского ордена *174*
Юрий Владимирович Долгорукий, кн. сузд. и киев. *83*
Юрий Всеволодович, кн. влад. *117, 118*
Юрий Данилович, кн. моск. *137, 138, 142*
Юрий Дмитриевич, кн. звенигородский и Галича-Костромского *178–180*

Ягайло (Владислав), вел. кн. лит., кор. Польши *142, 156, 158, 160, 170, 173, 174*
Ягеллоны, пол.-лит. дин. *160, 203*
Ядвига, королева Польши *142, 170*
Языков И. М., боярин *270*
Якуб, сын Улу-Махмета *180, 181, 183*
Ян, воевода, сын воеводы Вышаты *71, 72*
Ян-Альбрехт, пол. король *187*
Ян Казимир, кор. Польши *244, 245, 247*
Ярополк Владимирович, вел. кн. киев. *81, 82*
Ярополк Святославич, кн. киев. *49–53, 58*
Ярослав Всеволодович, вел. кн. влад. *125*
Ярослав Владимирович Мудрый, вел. кн. киев. *60, 61–69, 71–73, 122*

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ И РЕДКО УПОТРЕБЛЯЕМЫХ СЛОВ

Адаптация – приспособление этноса к ландшафту, происходящее путем выработки новых стереотипов поведения.

Антисистема этническая – сообщество людей, объединенных негативным мироощущением.

Архиерей – высший священнослужитель Православной церкви.

Багатур (*монг.*) – буквально «тот, в ком живет бог»; неофициальное наименование степных богатырей.

Барма / бармы – на Руси: украшение государей и высших духовных лиц в виде широкого ожерелья.

Варяг – в Византии: любой наемный воин; на Руси в IX–X вв.: воин – выходец из Скандинавии.

Василевс / базилевс (*греч.*) – император в Византии.

Вежа – шатер, юрта, разборное переносное жилище степняков.

Гармоничные люди – люди, пассионарный импульс у которых равен по величине импульсу инстинкта самосохранения.

Гомеостаз этнический – устойчивое состояние этнической системы, при котором колебания количества биохимической энергии – пассионарности – незначительны, что определяет этноландшафтное равновесие и отсутствие смены фаз этногенеза.

Гридень – на Руси: воин из личной охраны князя или боярина.

Гулям (*тюрк.*) – профессиональный воин.

Губные старосты – главы небольших административно-территориальных единиц – губ, существовавших на Руси до реформ Петра I.

Джетэ – разбойничья банда.

Джуд – гололед в степи, приводящий к массовой гибели скота.

Дискретность этнической энергии – прерывистость причинно-следственных связей, отмечающая начало и конец любого этногенеза.

Евхаристия (*греч.*) – буквально «благодать»; главный обряд христианской церкви – причащение, одно из семи христианских таинств, при котором происходит превращение хлеба и вина в тело и кровь Господни.

Ересиарх (*греч.*) – создатель учения, отклоняющегося от догматов Церкви и соборно осужденного ею.

Иерарх (*греч.*) – высший священнослужитель; в православии – архиерей.

Ильхан (*монг.*) – хан страны, завоеванной монголами и находящейся в составе Монгольского улуса.

Императив поведения – принципы отношения коллектива к индивиду; господство тех или иных принципов определяет стереотип поведения этноса, связанный с конкретной фазой этногенеза.

Инкубационный (скрытый) период – часть фазы подъема от момента пассионарного толчка до появления этноса как новой этносоциальной системы.

Инсургент – участник восстания, повстанец.

Исихия (*греч.*) – особый род внутренней молитвы, с помощью которой монахи-молчальники (исихасты) наблюдали так называемый фаворский свет. Фаворский свет считался непосредственной эманацией Святого Духа.

Капище – место языческих поклонений.

Киновия (*греч.*) – монастырь с общежительным уставом.

Клирик – священнослужитель, член клира – сообщества служителей Церкви.

Комплиментарность – подсознательное ощущение взаимной симпатии и общности людей, определяющее деление на «своих» и «чужих».

Конвиксия – группа людей с однохарактерным бытом и семейными связями; низший элемент в этнической иерархии.

Консорция – группа людей, объединенных общей исторической судьбой.

Конунг (*сканд.*) – князь.

Кунтуш – польская мужская верхняя одежда.

Курултай (*монг.*) – собрание представителей всего народа-войска для выборов хана или принятия других важнейших решений.

Легат – посланник папы рим., выполняющий особые поручения.

Логика событий – причинно-следственные связи между событиями, детерминирующие дальнейший ход самих событий.

Магнат – в Польше и Венгрии: богатый вельможа, способный на проведение политики, достаточно независимой от королевской власти.

Мироощущение – фиксированное сознанием отношение человека к идеальным ценностям и материальному миру. **М. негативное** – отношение к идеальным ценностям и материальному миру, проявляющееся в стремлении к упрощению этнических систем. **М. позитивное** – отношение к идеальным ценностям и материальному миру, проявляющееся в стремлении к усложнению этнических систем.

Мурза (*тат.*) – вельможа.

Наварх (*греч.*) – мореплаватель, командующий эскадрой, флотом.

Нойон (*монг.*) – правитель рода, обычно приравниваемый по своему достоинству к князю.

Нухур / нукер (*монг.*) – дружинник-телохранитель.

Окольничий – в Русском государстве в XIII–XVII вв.: один из высших боярских чинов, придворная должность.

Пассионарии – люди, пассионарный импульс у которых превышает импульс инстинкта самосохранения.

Пассионарность (как характеристика поведения) – избыток биохимической энергии живого вещества, проявляющийся в способности людей к сверхнапряжению.

Пассионарный импульс – поведенческий импульс, имеющий направленность, противоположную инстинкту личного и видового сохранения.

Пассионарный толчок – «микромутация», вызывающая в популяции повышенную абсорбцию биохимической энергии из внешней среды и приводящая к появлению новых этнических систем.

Патерик – сборник рассказов о жизни христианских подвижников.

Популяция – совокупность свободно скрещивающихся особей, в том числе людей, населяющая в течение ряда поколений определенную территорию.

Посполитое рушение – в Польше: шляхетское ополчение, собираемое королем.

Принцепс – в Древнем Риме с I в. н. э.: первый из сенаторов, сосредоточивавший в своих руках всю полноту государственной власти.

Рада (*укр.*) – народное собрание, совет.

Рахдонит (*перс.*) – буквально «знающий путь»; еврей или согдиец, занимавшийся торговлей на Великом караванном пути.

Реликт – этническая система, находящаяся в состоянии гомеостаза.

Рокош – в Польше: восстание шляхтичей против власти короля.

Сардар (*перс.*) – офицер.

Сердюк (*укр.*) – казак из личной охраны гетмана.

Синодик – список имен покойных, составляемый для церковного поминовения.

Смещение – нарушение хода этногенеза вследствие внешнего воздействия.

Старшина – общее название руководителей в казачьих войсках.

Стереотип поведения – специфические правила, стандарты поведения членов этнической системы, передаваемые потомству путем научения.

Стол – на Руси: престол, княжение.

Сторóжи – на Руси в XV–XVI вв.: пограничные наблюдательные пункты.

Стратиг (*греч.*) – военачальник, полководец.

Субпассионарии – люди, пассионарный импульс у которых меньше импульса инстинкта самосохранения.

Субэтнос – этническая система, состоящая из нескольких этносов, возникших в одном ландшафтном регионе, и проявляющаяся в истории как мозаичная целостность.

Схизматик – в Западной Европе в IX–XIV вв.: приверженец Православной церкви.

Темник – военачальник, стоящий во главе 10 тысяч воинов в монг. войсках.

Тумен (*монг.*) – подразделение численностью в 10 тысяч человек в монг. войсках (по-русски – тьма).

Тысячник – военачальник, стоящий во главе тысячи воинов в монг. войсках.

Улем – в мусульманском мире: ученый, богослов и правовед.

Улус (*монг.*) – стойбище; в широком смысле слова – страна или область, находящаяся под единым управлением.

Ушкуйник – на Руси в XIV в.: участник грабительских походов.

Фаза этногенеза – четко фиксируемый этап развития этноса, характеризуемый определенным уровнем пассионарного напряжения и соответствующим ему стереотипом поведения людей; выделяется шесть фаз.

Ф. подъема характеризуется стабильным повышением уровня пассионарного напряжения системы вследствие пассионарного толчка.

Ф. акматическая наступает после фазы подъема и характеризуется предельным для данной системы уровнем пассионарного напряжения.

Ф. надлома характеризуется резким снижением уровня пассионарного напряжения после акматической фазы.

Ф. инерционная характеризуется плавным снижением уровня пассионарного напряжения после фазы надлома.

Ф. обскурации – снижение уровня пассионарного напряжения ниже уровня, свойственного гомеостазу; при этом происходит либо исчезновение этноса как системы, либо превращение его в реликт.

Ф. мемориальная наступает после фазы обскурации, когда отдельные представители этноса еще сохраняют культурную традицию.

Чамбул (*тат.*) – конный отряд.

Шаньюй – титул хуннского военного вождя.

Этническая история – зафиксированные источниками последствия этногенеза и этнических контактов.

Этническая система – сообщество людей, объединенных мироощущением и стереотипом поведения.

Этническая традиция – совокупность стандартов поведения, передаваемых через механизм условного рефлекса.

Этнический субстрат – исходные этнические компоненты, интегрирующиеся вследствие пассионарного толчка в новый этнос.

Этногенез – процесс возникновения, развития и исчезновения этносов.

Этнология – географическая наука, изучающая этногенез в историческую эпоху.

Этнос – естественно сложившийся на основе оригинального стереотипа поведения коллектив людей, существующий как система, которая противопоставляет себя другим подобным системам, исходя из ощущения комплиментарности.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия 5

Часть первая
Киевская держава

Глава первая. Славяне и их соседи
Две Европы 19
Готы 20
Хунны и гунны 22
Рождение Киевской державы 27

Глава вторая. Славяне и их враги
В низовьях Волги 30
Пришельцы с юга 32
Власть и деньги 35
Славяно-русы и Византия 39
Триумф Святослава 41

Глава третья. Крещение Руси
Святослав и Калокир 45
Святослав и Цимисхий 47
Прощание с русами 49
Брат на брата 50
Последствия лжи 52
Новый путь 55

Глава четвертая. Прихоти судьбы
Сыновья Владимира 60
Мудрость компромисса 64
Перемены 66
Всеслав Полоцкий и Ярославичи 70
Олег Святославич 72

Глава пятая. Миг единства
В поисках союзников 75
Беспринципность 78
Отец и сын 81
Начало конца 82

Часть вторая

В союзе с Ордой

Глава первая. Рождение Монгольской империи

Великая степь ... 87
Юность Чингиса ... 93
За право на жизнь ... 101
Наследники Чингисхана ... 108

Глава вторая. Лицом на восток

Калка ... 112
Великий западный поход ... 115
Князь Александр и хан Батый ... 121
За други своя ... 126
Конец и вновь начало ... 130

Глава третья. Появление России

Сыновья и сыновцы ... 134
Дела литовские ... 139
Церковь и Москва ... 142
Дела ордынские ... 151
Синяя Орда ... 154
На поле Куликовом ... 158

Глава четвертая. Возмужание

Тохтамыш и Тимур ... 163
Василий, Витовт и Едигей ... 170
Меч и крест ... 173
Шемяка ... 178
Государь всея Руси ... 182

Часть третья

Царство Московское

Глава первая. Неистовые люди

Рубеж ... 191
В Москве и на границах ... 192
Иосифляне и нестяжатели ... 196
На юг и восток ... 199
Ливонская война ... 201
Кромешники ... 204
«Зять Малюты» ... 209

Глава вторая. Смутное время

Самозванец ... 213
Восстание Болотникова ... 218
Несовместимость ... 221

Спасители отечества ... 226
Устроение ... 229

Глава третья. Воссоединение
В борьбе за совесть ... 234
Гетман и народ ... 240
Народ и гетманы ... 246
Последствия выбора ... 249

Глава четвертая. На просторах Евразии
В глубь улуса Джучиева ... 252
«Встречь солнца» ... 254

Глава пятая. Церковь и власть
Истоки раскола ... 258
Царь и патриарх ... 260
Костры ... 263
Правительство и стрельцы ... 265
Хованщина ... 269

Глава шестая. На пороге империи
В священной лиге ... 273
Накануне реформ ... 276
Петровская легенда ... 281

Вместо послесловия ... 286
Завещание великого евразийца ... 294
Указатель имен ... 304
Словарь терминов и редко употребляемых слов ... 312

По вопросам оптовых закупок обращаться:
тел./факс: (495) 785-15-30, e-mail: trade@airis.ru
Адрес: Москва, пр. Мира, 104

Наш сайт: www.airis.ru

Вы можете приобрести наши книги
с 11^{00} до 17^{30}, кроме субботы, воскресенья,
в киоске по адресу: пр. Мира, д. 106

Адрес редакции: 129626, Москва, а/я 66

Научное издание

Гумилев Лев Николаевич

ОТ РУСИ ДО РОССИИ
Очерки этнической истории

Ведущий редактор *Е. М. Гончарова*
Оформление *А. М. Драговой*
Подготовка иллюстраций *Ю. Б. Курганова*
Технический редактор *С. С. Коломеец*
Компьютерная верстка *Г. В. Доронина*
Корректоры *А. В. Максименко, З. А. Тихонова*

Подписано в печать 28.11.07. Бумага офсетная.
Формат 84×108/32. Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная.
Печ. л. 10. Усл.-печ. л. 16,8. Тираж 7000 экз. Заказ № 2357.

ООО «Издательство «АЙРИС-пресс»
113184, Москва, ул. Б. Полянка, д. 50, стр. 3.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

БИБЛИОТЕКА ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Полное собрание сочинений Л. Н. Гумилева

Лев Гумилев работал на грани нескольких наук – истории, философии, географии, этнографии, психологии – и обладал необычайной интуицией и способностью к интеграции наук. Это позволило ученому создать оригинальную пассионарную теорию этногенеза, актуальность которой год от года возрастает.

При этом Гумилев не был кабинетным ученым – он был великолепным лектором. Владея широким спектром нюансов русского языка и прекрасным знанием человеческой природы, он мог не только научно, но кратко, понятно и ярко изложить свою теорию для представителей любого социального слоя и возраста. Его научные лекции и семинары были чрезвычайно популярны в 1980-е годы и проходили всегда при переполненных залах.

Уникальный курс лекций Льва Гумилева, издаваемый на основе аудиоархива ученого, впервые стал доступным широкому кругу читателей в полном объеме.

Переплет, 608 с.

издательство Айрис

Нтакоестоупишлемшьеснлеедниснабо
небыбранныкрѣпкиснѣчалаѕѣлкѡ . нлыа
шесмиропьлѣснпоодѣ . нпадошамертвы
кезчнеденомнштетшошбоненлашштата
рѣсѣа прѹесѣа . нпадѣтатарѣсоетѣлш
лаертьмнѣсо . лертьмнѣсоетѣлшна
татарѣсо . немеснемиропьтатарѣсам
сокрестьмньесокю . всподоубѣшмншже
стшомертвыхлежащиа .

Нашидошлисоборноующрисѧ. имолѣ
бноесоперши шагоубгоуипричтенѣго
мтри. нетоуюдиторгиповсюужнгера
сиѧ ѣпа. сицеженпошемоуградꙋ
сцѣнницы молѣбны идиторгиесотво
ришлѡ здрапинпедисагокнѧзѧ нашѣ
кнѧзѣй. нашегопонѣ
стпдхрстолю
бнпаго

Книга выдающегося историка и географа Л.Н.Гумилева излагает события русской истории сквозь призму оригинальной авторской концепции этногенеза.
Из книги вы узнаете, что создание России на бескрайних просторах Евразии было закономерным с точки зрения Природы и Истории;
что наш суперэтнос на 500 лет моложе западноевропейского, а потому нам присущи иные стереотипы поведения;
что впереди нас ждет период расцвета, если мы излечимся от болезни подражательства и найдем в себе силы и волю быть самими собою.

9785811230167

АЙРИС ПРЕСС